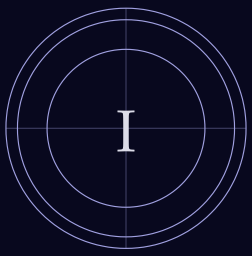
ГЕНРИХ КОРНЕЛИЙ
АГРИППА

О СОКРОВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

КНИГА I
ЕСТЕСТВЕННАЯ МАГИЯ

РУССКИЙ ПЕРЕВОД · ФАКСИМИЛЕ
O.V.K — X.T.R

Генрих Корнелий Агриппа
из Неттесгейма

О СОКРОВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

КНИГА I

Естественная магия

✧

Русский перевод с латинского
С факсимиле рисунков и страниц
издания 1533 года

2026

Об этой книге

Генрих Корнелий Агриппа из Неттесгейма. «О сокровенной философии». Книга 1. Естественная магия.

Русский перевод с латинского текста издания 1533 года. В конце тома — факсимиле страниц издания со всеми рисунками, таблицами и печатями.

Содержание

Титульный лист издания 1533 года 7

Императорская привилегия 7

К читателю 9

Агриппа — Иоанну Тритемию 12

Иоанн Тритемий — Агриппе 16

Посвящение Герману фон Виду 17

Три книги о сокровенной философии, или о магии, благородного мужа Генриха Корнелия Агриппы, рыцаря золотой шпоры, доктора обоих прав, советника и архивного историографа священного императорского величества 19

Глава I. В этих трёх книгах будет показано, каким образом маги собирают силы из тройственного мира 20

Глава II. Что такое магия, каковы её части и каким должен быть занимающийся магией 22

Глава III. О четырёх стихиях, их качествах и взаимных смешениях 26

Глава IV. О рассмотрении троякого порядка стихий 28

Глава V. Об удивительной природе огня и земли 30

Глава VI. Об удивительной природе воды, воздуха и ветров 33

Глава VII. О родах сложных тел, об их отношении к стихиям и о том, что связывает сами стихии с душой, чувствами и нравами 40

Глава VIII. Каким образом стихии существуют в небесах, звёздах, демонах, ангелах и, наконец, в самом Боге 43

Глава IX. О силах природных вещей, непосредственно зависящих от стихий 46

Глава X. О сокровенных силах вещей 48

Глава XI. Каким образом сокровенные силы вливаются в виды вещей от идей через основания мировой души и лучи звёзд и какие вещи более изобилуют этой силой 51

Глава XII. Каким образом в различные отдельные вещи, даже одного вида, вливаются различные силы 53

Глава XIII. Откуда происходят сокровенные силы вещей 55

Глава XIV. Что такое мировой дух и почему он является связью сокровенных сил 59

Глава XV. Каким образом надлежит исследовать и испытывать силы вещей путём, исходящим из подобия 61

Глава XVI. Каким образом действия различных сил переливаются из одной вещи в другую и сообщаются взаимно 64

Глава XVII. Каким образом надлежит исследовать и испытывать силы вещей через вражду и дружбу 66

Глава XVIII. О враждебных склонностях 70

Глава XIX. Каким образом следует исследовать и испытывать силы вещей, присущие им по всему виду или врождённые какой-либо вещи как особый дар отдельного существа 73

Глава XX. О том, что природные силы одним вещам присущи во всей их сущности, другим — в определённых частях или членах 74

Глава XXI. О силах вещей, присущих им только при жизни, и о том, что остаётся в них также после гибели 76

Глава XXII. Каким образом низшие вещи подчинены небесным телам и как человеческое тело, занятия и нравы людей распределяются между звёздами и знаками 79

Глава XXIII. Как узнать, каким звёздам подчинены природные вещи, и какие вещи солнечные 83

Глава XXIV. Какие вещи подчинены Луне 87

Глава XXV. Что подчинено Сатурну 90

Глава XXVI. Какие вещи юпитерианские 92

Глава XXVII. Что относится к Марсу 93

Глава XXVIII. Какие вещи венерины 94

Глава XXIX. Что следует Меркурию 96

Глава XXX. О том, что весь подлунный мир и всё находящееся в нём распределяется между планетами 97

Глава XXXI. Каким образом области и царства распределяются между планетами 99

Глава XXXII. Что подчинено знакам и неподвижным звёздам и их изображениям 101

Глава XXXIII. О знаках и характерах природных вещей 104

Глава XXXIV. Каким образом посредством природных вещей и их сил мы можем привлекать и притягивать влияния и силы небесных тел 107

Глава XXXV. О взаимных смешениях природных вещей и об их пользе 109

Глава XXXVI. О соединении смешанных вещей и введении более благородной формы и чувствующей жизни 111

Глава XXXVII. Каким образом посредством определённых природных и искусственных приготовлений мы привлекаем свыше некоторые небесные и жизненные дары 113

Глава XXXVIII. Каким образом мы можем воспринимать свыше не только небесные и жизненные, но также некоторые умопостигаемые и божественные дары 116

Глава XXXIX. О том, что определёнными веществами мира мы можем привлекать мировые божества и демонов — служителей этих божеств 118

Глава XL. О связываниях: каковы они и какими способами обычно совершаются 120

Глава XLI. О колдовских снадобьях и их могуществе 122

Глава XLII. Об удивительных силах некоторых колдовских снадобий 125

Глава XLIII. Об окуриваниях, их основании и могуществе 130

Глава XLIV. Состав некоторых курений, соответствующих планетам 133

Глава XLV. О глазных мазях, умащениях, приворотных средствах и их силах 135

Глава XLVI. О природных привязываниях и подвешиваниях 138

Глава XLVII. О кольцах и их изготовлении 141

Глава XLVIII. О силах мест и о том, какие места соответствуют каждой из звёзд 143

О свете и цветах, о светильниках и лампадах, 145

Глава XLIX. их распределении между звёздами, домами и стихиями 146

Глава L. О завораживании и его искусстве 150

Глава LI. Об определённых соблюдениях, производящих удивительные силы 152

Глава LII. О выражении лица, жестах, положении и облике тела, об их соответствии звёздам и об основаниях физиогномики, метопоскопии и хиромантии как искусств предсказания 156

Глава LIII. О предсказании посредством ауспиций и авгурий 160

Глава LIV. О значении некоторых животных и других вещей в авгуриях 163

Глава LV. Как подтверждаются ауспиции светом природного чувства, и о некоторых правилах его испытания 171

Глава LVI. О гадании по зарницам и молниям и о том, как толковать знамения и чудеса 178

Глава LVII. О геомантии, гидромантии, аэромантии и пиромантии — гаданиях четырёх стихий 180

Глава LVIII. Об оживлении мёртвых, долгом сне и воздержании от пищи 183

Глава LIX. О предсказании посредством сновидений 188

Глава LX. О неистовстве и предсказаниях во время бодрствования, о силе меланхолического сока, которым иногда привлекаются демоны в человеческие тела 190

Глава LXI. Об устроении человека, внешних и внутренних чувствах и уме; о тройственном стремлении души и страстях воли 195

Глава LXII. О страстях души, их происхождении, различиях и видах 200

Глава LXIII. Как страсти души изменяют собственное тело, меняя его состояния и двигая дух 202

Глава LXIV. Как страсти души изменяют тело путём подражания по подобию; также о превращении и перемещении людей и о силах воображения не только над телом, но и над душой 204

Глава LXV. Как страсти души действуют также вне её, на чужое тело 207

Глава LXVI. О том, как сильно страстям души помогает небесное благоприятствование и насколько во всяком действии необходимо постоянство души 210

Глава LXVII. Как человеческая душа может соединяться с душами небесных тел и интеллигенциями и вместе с ними запечатлевать удивительные силы в нижних вещах 212

Глава LXVIII. Как наша душа может изменять и связывать нижние вещи согласно своему желанию 214

Глава LXIX. О речи и силах слов 216

Глава LXX. О силе собственных имён 218

Глава LXXI. О связных речах, песнопениях, силах и связываниях заклинаний 220

Глава LXXII. Об удивительном могуществе заклинаний 223

Глава LXXIII. О силе письма и о составлении призываний и надписей 226

Глава LXXIV. О соотношении, соответствии и приведении букв к небесным знакам и планетам согласно различным языкам, с таблицей, это показывающей 228

Титульный лист издания 1533 года

Генриха Корнелия Агриппы из Неттесгейма, советника и судебного архивария Священного Императорского Величества, «О сокровенной философии». Три книги.

Генрих Корнелий Агриппа.

Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не стало бы известно. Матфея, 10.

С милостью и привилегией Императорского Величества на три года.

Императорская привилегия

Карл, Божией милостью избранный император римлян, всегда август, король Германии, Кастилии, Леона, Арагона, Наварры, Неаполя, Сицилии, Майорки, Сардинии, островов Индий и Океанского моря; эрцгерцог Австрийский; герцог Бургундский, Лотарингский, Брабантский, Лимбургский, Люксембургский и прочее; граф Фландрский, Артуа, Бургундский пфальцграф, граф Геннегау, Голландии, Зеландии, Ферреты, Гагенау, Намюра и прочее; князь Швабский, маркграф Священной империи, господин Фрисландии, Салена, Мехелена и земель Утрехта, властитель в Азии и Африке.

Всем, кто увидит настоящую грамоту, приветствие. Наш возлюбленный и верный судебный советник и историограф, господин Генрих Корнелий Агриппа, доктор обоих прав и рыцарь, представил нам следующее. Недавно он написал и составил четыре книги, сочинения и тома, озаглавленные

по-латыни: «О сокровенной философии»; «Рассуждение о тщете наук»; «Комментарии к краткому искусству Раймунда Луллия» и «Сокращённая таблица»; «Речи и письма». Он охотно напечатал бы эти книги и тома в наших землях и владениях, но опасается, что некоторые здешние печатники, получив по экземпляру каждого тома, перепечатают их, что причинит ему великое огорчение и ущерб, если мы не окажем ему милости.

Посему он смиренно просит, чтобы, приняв во внимание сказанное, мы пожаловали и разрешили ему напечатать эти четыре книги и тома у любого печатника в наших землях по своему выбору, запретив другим печатать их в течение ближайших шести лет, и повелели выдать соответствующую открытую грамоту.

Рассмотрев это дело, и после того как наши возлюбленные и верные магистры Георг де Темсеке, прево Касселя, и Герман Сундерхёйзен, советники и ординарные докладчики прошений нашего двора, по нашему распоряжению тщательно просмотрели, проверили и подписали названные книги, мы благосклонно вняли его просьбе. По добром совете и зрелом обсуждении в Совете мы пожаловали, согласились и разрешили, а настоящим жалуем, соглашаемся и разрешаем, даруя ему особой милостью позволение и право печатать эти четыре книги и тома в таком числе и количестве и у такого печатника в наших землях, какого он изберёт.

Чтобы выбранный печатник не утратил плодов труда, затрат и расходов, которые ему придётся понести ради нового издания и всего с ним связанного, мы запретили и настоящим запрещаем всем прочим печатникам и иным лицам в течение ближайших шести лет печатать или заказывать печатание этих книг либо

какой-нибудь из них без согласия названного печатника, под страхом конфискации напечатанных таким образом книг и томов и, сверх того, наказания по усмотрению властей.

Посему повелеваем нашим возлюбленным и верным главам, председателям и членам наших Тайного и Большого советов, канцлеру и членам нашего Совета в Брабанте, председателю и членам нашей Совещательной палаты во Фландрии, всем прочим нашим судьям, должностным лицам и подданным, которых это касается или может касаться, и каждому из них в пределах его ведения: обеспечить просителю и названному печатнику полное и спокойное пользование нашей милостью, пожалованием, позволением и правом в течение указанного срока и указанным способом; не чинить, не причинять и не допускать никаких противных этому помех и препятствий. Такова наша воля.

В удостоверение сего мы повелели приложить к настоящей грамоте нашу печать. Дано в нашем городе Мехелене двенадцатого января года благодати тысяча пятьсот двадцать девятого, в одиннадцатый год нашего римского царствования и четырнадцатый год царствования в Кастилии и прочих владениях. Подписано на сгибе: «Императором в его Совете».

Л. де Суте.

К читателю

Не сомневаюсь, что необычное заглавие нашей книги «О сокровенной философии, или О магии» привлечёт многих читателей. Среди них окажутся люди, чей ум ослаблен превратными мнениями, а также немало злонамеренных и неблагодарных к нашему труду. По своей опрометчивой

невежественности истолковав имя магии в худшую сторону, едва увидев заглавие, они закричат, будто мы учим запрещённым искусствам, сеем семена ересей, оскорбляем благочестивый слух и соблазняем выдающиеся умы; будто я колдун, суеверный человек и одержимый демонами, потому что я маг.

Если я отвечу им, что для учёных людей маг означает не колдуна, не суеверного и не одержимого демонами, но мудреца, жреца и пророка; что сивиллы были магами и потому столь ясно пророчествовали о Христе; что маги по дивным тайнам мира узнали о рождении Христа, Творца этого мира, и первыми из всех пришли поклониться Ему; что само имя магии принято философами, восхваляется богословами и не чуждо даже Евангелию, — полагаю, эти непреклонные судьи скорее запретят себе сивилл, святых магов и даже самое Евангелие, нежели вновь благосклонно примут имя магии. Они так пекутся о своей совести, что ни Аполлон, ни все музы, ни ангел с неба не смогут избавить меня от их проклятия.

Им я теперь советую не читать наших сочинений, не понимать их и не вспоминать о них: они вредны, они ядовиты; в этой книге — врата Ахеронта; она говорит камнями, пусть берегутся, как бы она не вышибла им мозги.

Вы же, приступающие к чтению с беспристрастным умом, читайте без опасения, если проявите столько же разумной разборчивости, сколько пчёлы при собирании мёда. Думаю, вы получите немалую пользу и великое удовольствие. Если встретите нечто вам неугодное, оставьте это и не пользуйтесь им: ведь я не одобряю это для вас, а рассказываю. Но из-за этого не отвергайте остального: и в медицинских книгах наряду с противоядиями и лекарствами случается читать о ядах.

Признаю также, что сама магия учит многим излишним чудесам, возбуждающим любопытство ради показного блеска. Оставьте их как пустое, но причин их не оставайтесь в неведении. А то, что можно совершить для пользы людей, для отвращения бедствий, уничтожения колдовства, исцеления болезней, изгнания призраков, сохранения благополучия жизни, чести и состояния, не оскорбляя Бога и не нанося ущерба религии, — кто не сочтёт это не только полезным, но и необходимым?

Я уже предупредил вас, что многое написал скорее повествуя, чем утверждая: так казалось нужным, чтобы меньшее оставить без рассмотрения. Кроме того, мы следовали многим положениям платоников и других языческих философов, когда они давали материал для нашего замысла. Поэтому, если где-нибудь допущена ошибка или что-нибудь сказано слишком свободно, простите нашей юности: я составил этот труд едва ли не в детском возрасте и могу оправдаться словами:

> *Когда я был младенцем, то говорил как младенец и разумел как младенец; став мужем, оставил младенческое.*

И в нашей книге «О тщете и недостоверности наук» я во многом отрёкся от этой книги. Но здесь вы, быть может, снова возразите: «Вот, в юности написал, а в старости отрёкся; зачем же издал?» Признаю: я принялся писать эти книги очень молодым, однако надеялся однажды выпустить их исправленными и обогащёнными. Поэтому прежде всего передал их на исправление Иоанну Тритемию, аббату Пеаполитанскому, прежде Шпонгеймскому, человеку весьма сведущему в сокровенных предметах.

Но затем случилось, что сочинение было перехвачено прежде, чем я придал ему окончательный вид; в испорченных списках оно стало ходить неполным и неотделанным, переходя из рук в руки в Италии, Франции и Германии. Некоторые уже собирались, не знаю, скорее нетерпеливо или бесстыдно, отдать этот бесформенный труд в печать. Поражённый одним этим несчастьем, я решил издать его сам, полагая, что будет менее опасно, если книги выйдут несколько исправленными моей рукой, чем если другие распространят их разорванными, в нестройных отрывках. Кроме того, я не счёл преступлением не дать погибнуть образцу своей юности.

Мы прибавили несколько глав и вставили многое, что было бы небрежностью пропустить. Внимательный читатель легко заметит это по неравномерности самого слога: мы не захотели переделывать всё сочинение и, как говорят, заново ткать всё полотно, но лишь немного исправить его и придать ему некоторый блеск. Поэтому вновь прошу тебя, благосклонный читатель: суди об этих вещах не по нынешнему времени их издания, но прости любознательной юности, если встретишь здесь что-либо не по своему вкусу.

Агриппа — Иоанну Тритемию

Почтенному отцу и господину Иоанну Тритемию, аббату святого Иакова в предместье Вюрцбурга, Генрих Корнелий Агриппа из Неттесгейма шлёт приветствие.

Когда недавно, почтенный отец, я некоторое время провёл с тобой в твоём монастыре близ Вюрцбурга, мы вместе обсуждали многое из химии, магии, каббалы и прочих тайных наук и искусств, до сих пор сокрытых от глаз. Среди прочих вопросов

особенно важен был следующий: почему сама магия, некогда единодушным суждением всех древних философов поставленная на высшую ступень и всегда глубоко почитаемая древними мудрецами и жрецами, впоследствии с самого возникновения католической Церкви стала ненавистна и подозрительна святым отцам, затем отвергнута богословами, осуждена священными канонами и, наконец, запрещена постановлениями всех законов?

Размышляя о причине этого, я полагаю, что она не иная, как роковая порча времён и людей. Появилось множество лжефилософов и людей, присвоивших себе имя магов; через различные секты заблуждений и партии ложных религий они собрали множество отвратительных суеверий и гибельных обрядов, а также преступных святотатств, заимствованных из истинной религии, — против природы, на погибель людям и в оскорбление Богу. Они издали множество книг, чтение которых справедливо порицается и которые, как мы видим, распространяются поныне; к этим книгам они воровски присвоили честнейшее имя и заглавие магии.

Надеясь придать своим проклятым пустякам доверие под священным именем магии, они добились того, что некогда достославное её имя стало ненавистнейшим всем добрым и честным людям. Теперь считается преступлением, караемым смертью, если кто осмеливается в учении или делах назвать себя магом, — разве что какая-нибудь безумная деревенская старуха пожелает прослыть чрезвычайно искусной и божественно могущественной. Она будто бы может, как говорит Апулей, низвести небо, подвесить землю, сковать источники, размыть горы, поднять мёртвых, низвергнуть богов, погасить звёзды и осветить сам Тартар; или, как поёт Вергилий:

Она обещает заклятьями души освобождать,
Какие захочет, а прочим — тяжкие слать заботы;
В реках останавливать воду, звёзды назад обращать,
Вызывать ночные тени; увидишь, как под ногами
Ревёт земля и с гор нисходят ясени.

Таковы же рассказы Лукана о фессалийской колдунье и Гомера о всемогуществе Цирцеи. Признаю, многое из этого — труд ложного мнения, суеверной старательности и пагубного усердия: оно не может принадлежать искусству, которое не было бы нечестивым, однако дерзает прикрываться почтенным именем магии.

При таком положении вещей я весьма удивлялся и не менее негодовал, что до сих пор не нашлось никого, кто оправдал бы столь возвышенное и священное учение, сняв с него обвинение в нечестии, или передал бы его нам в чистом и неподдельном виде. Ибо из новейших авторов, которых я читал, Роджер Бэкон, Роберт Английский, Пётр Апонский, Альберт Немецкий, Арнольд из Виллановы, Ансельм Пармский, Пикатрикс Испанский, Чекко Асколанский Флорентийский и многие другие, менее известные писатели, обещая изложить магию, предложили лишь бредни, не опирающиеся ни на какое основание, или суеверия, недостойные всех честных людей.

Это возбудило мой дух, и под влиянием удивления и негодования я сам захотел философствовать. С раннего возраста я всегда был любознательным и бесстрашным исследователем чудесных действий и исполненных тайн операций; я полагал, что совершу дело, достойное похвалы, если восстановлю саму магию — древнее учение всех мудрецов, — освободив и очистив её от нечестивых заблуждений, украсив собственными основаниями и

защитив от несправедливости клеветников.

Хотя я давно обдумывал это, прежде не решался выйти на такое поприще. Но после нашей беседы об этих предметах в Вюрцбурге твоя выдающаяся опытность и учёность и твоё горячее ободрение придали мне смелости и духа.

Итак, отобрав положения философов испытанной надёжности и устранив привнесённое злыми людьми, которые, притворяясь знающими и ложно передавая предания магов, учили искать способы чудесных действий в отверженных книгах тьмы, словно в самих святилищах, я рассеял этот мрак и в последние дни составил три книги о магии, изложенные сжато и кратко. Я назвал их менее вызывающим заглавием «О сокровенной философии».

Теперь я представляю их на твоё рассмотрение, ибо ты обладаешь полнейшим знанием этих вещей, — для исправления, оценки и суждения. Если в них мной написано нечто, способное оскорбить природу, небожителей или религию, осуди ошибку. Если же соблазны нечестия устранены и очищены, защити изложение истины. Прошу тебя так поступить и с нашими книгами, и с самой магией, чтобы не скрывалось ничто полезное и не одобрялось то, что может принести лишь вред. Пусть эти книги, одобренные твоей проверкой, наконец окажутся достойны однажды выйти в свет под счастливыми предзнаменованиями и не побоятся суда потомства. Будь здоров и прости это дерзновенное начинание.

Иоанн Тритемий — Агриппе

Иоанн Тритемий, аббат святого Иакова в Вюрцбурге, прежде Шпонгеймский, своему Генриху Корнелию Агриппе из Неттесгейма — приветствие и любовь.

Ни человеческий язык, ни перо пишущего не способны выразить, с каким удовольствием, достойнейший Агриппа, мы приняли твой труд, озаглавленный «О сокровенной философии», который ты передал нам на рассмотрение через подателя этого письма. Нас приводит в величайшее восхищение твоя необыкновенная учёность: будучи молод, ты проник в столь сокровенные тайны, скрытые даже от многих учёнейших мужей, и смог представить их свету не только прекрасно и истинно, но также точно и изящно.

Прежде всего мы благодарим тебя за благосклонность к нам и, если когда-нибудь сможем, непременно ответим благодарностью по мере сил. Твой труд, который даже учёнейшие люди не сумеют достаточно восхвалить, мы одобряем. Затем со всей возможной настойчивостью увещеваем, просим и умоляем тебя продолжать начатое восхождение в учении, не давая столь превосходным силам твоего ума остыть в праздности. Собственным трудом упражняйся во всё лучшем и показывай незнающим свет истинной мудрости, которым ты столь обильно и божественно озарён.

Пусть никакие соображения о каких бы то ни было бездельниках не отклонят тебя от замысла. О них справедливо сказано: «Усталый бык крепко упирается ногой». По суждению мудрых, никто не может быть истинно учёным, если присягнул

одним только начаткам какой-либо одной науки. Божество даровало тебе ум обширный и возвышенный: потому подражай птицам, а не быкам; не думай, что тебе следует задерживаться на частностях, но смело направляй ум к всеобщему. Ведь тем учёнее считают человека, чем меньше он не знает. Твой ум, вполне способный ко всему, разумно занимать не немногими и низшими, но многими и возвышенными предметами.

Только одно правило советуем тебе хранить: обыкновенное сообщай обыкновенным людям, возвышенное же и тайное — лишь возвышенным и доверенным друзьям. Быку давай сено, сахар — только попугаю. Пойми смысл, чтобы не попасть под удары бычьих копыт, как случалось со многими.

Будь счастлив, друг. Если у нас есть что-либо, что может тебе пригодиться, прикажи — и узнаешь, что это исполнено без промедления. Настоятельно просим: чтобы наша дружба крепла день ото дня, чаще пиши нам и присылай что-нибудь из своих учёных трудов. Ещё раз будь здоров. Из нашего Неаполитанского монастыря, восьмого апреля 1510 года.

Посвящение Герману фон Виду

Преосвященнейшему во Христе отцу и светлейшему князю Герману из графов Вида, Божией милостью архиепископу святой Кёльнской церкви, князю-курфюрсту Священной Римской империи и архиканцлеру Италии, герцогу Вестфалии и Энгерна и прочее, легату Святой Римской церкви по должности и генеральному викарию в епископских делах, Генрих Корнелий Агриппа из Неттесгейма шлёт приветствие.

Такова, преосвященнейший и светлейший князь, известность твоей славы; таковы величие твоих добродетелей, блеск учёности, постоянное упражнение в лучших науках, вескость речи, соединённая с основательной рассудительностью, изящная готовность слова, знание многих предметов, твёрдость веры и достохвальные нравы, которыми ты наделён сверх обычной меры других людей. Умолчу о древних образах твоего знатного рода, сокровищах старых и новых богатств, обширности владений и митрах священных достоинств, в которых ты также превосходишь других, обладая вместе с тем благородной красотой и крепостью тела.

Хотя всё это весьма велико, я считаю тебя несравненно более великим благодаря твоим героическим и пресветлым добродетелям. Они привели к тому, что чем человек учёнее и чем более любит добродетель, тем сильнее желает снискать твою благосклонность. Поэтому и я решил добиваться этой чести, но по обычаю парфян, то есть не без дара. Мы видим, что этот обычай приветствовать князя дошёл от древних веков до нашего времени и соблюдается поныне.

Видя, как другие выдающиеся учёные украшают тебя прекрасными и великими дарами своих знаний, я не дерзнул один явиться к твоему величию с пустыми руками, словно уклоняясь от почитания и уважения к тебе. Задумавшись и оглядываясь в своей библиотеке, каким даром почтить столь выдающегося князя, я вдруг нашёл среди убранных сочинений книги «О сокровенной философии, или О магии». Я начал писать их совсем молодым и затем на многие годы оставил, словно забыв о них. Из почтения к твоему величию я тотчас поспешил завершить их, словно исполняя обет.

Я убедил себя, что не могу предложить тебе ничего более приятного, чем новый труд о древнейшем и сокровеннейшем учении: труд, говорю, нашей любознательной юности, но учение древности, которое, осмелюсь сказать, до сих пор никто не пытался восстановить. Однако мы посвящаем тебе эти сочинения не потому, что они достойны тебя, но чтобы они открыли мне доступ к твоей благосклонности. Прошу, если это не чрезмерно, пусть они найдут у тебя некоторое снисхождение.

Все благопожелания я обращу к тебе, если эти занятия моей юности станут известны под покровительством твоего величия и, по изгнании зависти, память о них сохранится по праву вечности, принося нам удовлетворение доброй совести. Ведь многое в них показалось мне и в старшем возрасте весьма полезным и необходимым для познания.

Итак, ты получаешь труд не только моей юности, но и нынешнего моего возраста: многие ошибки юношеского сочинения я исправил, во многих местах сделал вставки, прибавил немало глав. Это легко заметить по неравномерности самой речи. Так ты узнаешь, что вся моя жизнь будет посвящена служению тебе. Будь здоров, счастливейший князь счастливого Кёльна. Из Мехелена, в январе 1531 года.

Три книги о сокровенной философии, или о магии, благородного мужа Генриха Корнелия Агриппы, рыцаря золотой шпоры, доктора обоих прав, советника и архивного историографа священного императорского величества

Глава I. В этих трёх книгах будет показано, каким образом маги собирают силы из тройственного мира

Поскольку мир троякий — стихийный, небесный и умопостигаемый, — и каждый низший управляется высшим и принимает влияние его сил, так что сам первообраз и высочайший Создатель через ангелов, небеса, звёзды, стихии, животных, растения, металлы и камни изливает на нас силы своего всемогущества, сотворив и создав всё это нам на службу, маги полагают небезосновательным, что мы можем по тем же ступеням, через каждый из миров, восходить к самому первообразному миру, Создателю всего и первой причине, от которой всё существует и всё происходит; и можем не только пользоваться силами, изначально пребывающими в более благородных вещах, но и привлекать свыше иные, новые. Поэтому силы стихийного мира извлекаются посредством разнообразных смешений природных вещей из медицины и естественной философии; затем, согласно правилам астрологов и математическим наукам, к ним присоединяют небесные силы посредством лучей и влияний небесного мира; далее всё это укрепляют и утверждают могуществом различных интеллигенций посредством священных обрядов религий. Порядок и ход всего этого я попытаюсь теперь изложить в трёх книгах: первая будет содержать естественную магию, вторая — небесную, третья — церемониальную. Однако не знаю, вполне ли заслуживает снисхождения то, что я, человек скромного дарования и учёности, ещё в самой юности столь смело принялся за дело настолько трудное, высокое и запутанное. Поэтому всему,

что сказано мною здесь и будет сказано ниже, я не желаю, чтобы кто-либо верил, да и сам верю лишь постольку, поскольку оно не отвергнуто католической церковью и сообществом верных.

Глава II. Что такое магия, каковы её части и каким должен быть занимающийся магией

Магическое искусство, обладающее величайшим могуществом и исполненное высочайших тайн, заключает в себе глубочайшее созерцание самых сокровенных вещей, их природы, могущества, качества, сущности и силы, а также познание всей природы; оно наставляет нас, каким образом вещи различаются между собой и каким образом согласуются; отсюда оно производит свои удивительные действия, соединяя силы вещей посредством взаимного их приложения и повсюду сочетая и сопрягая подходящие низшие предметы, воспринимающие воздействие, с дарами и силами высших. Это совершеннейшая и высшая наука, это более возвышенная и священная философия, это, наконец, полное завершение всей благороднейшей философии. Ведь вся упорядочивающая философия разделяется на физику, математику и теологию. Физика учит природе того, что существует в мире, исследует и изучает причины, действия, времена, места, способы, исходы, целое и части вещей:

Сколько вещей и какие их виды зовутся стихиями,
Что производит тепло, что земля, что влажный воздух,
Что порождают они; откуда начало великого неба,
Откуда прилив морской и многоцветная радуга;
Что заставляет тучу гремящие громы издавать,
Откуда мечется молния из эфирных чертогов;
Какая тайна рождает ночные огни, какая причина — кометы,
Какая незримая сила вздыбленную землю
Сотрясает; каковы семена золота и железа
И вся искусная сила сокрытой природы.

Всё это объемлет физика, созерцающая природу, а также то, о чём поёт Вергилий:

Откуда род людей и скота, откуда дождь и огонь,
Откуда дрожь земли, какою силой глубокие моря вздымаются,
Прорвав преграды, и снова в самих себя опадают;
Силы трав, нравы и ярость зверей,
Всякий род кустарников, камней и пресмыкающихся.

Математика же учит нас познавать природу плоскости и того, что простирается в трёх измерениях, наблюдать движение и ход небесных тел:

Каким стремительным движением несутся золотые светила,
Что заставляет помрачённую луну тускнеть
И солнце, утратив свет, терпеть затмение.

И то, о чём поёт Вергилий:

Как золотое солнце правит кругом, на доли размеренным,
Проходя через двенадцать созвездий мира;
Она открывает пути небес и показывает звёзды,
Различные солнечные затмения и страдания луны,
Арктур, Плеяды, Гиады и обе Медведицы;
Почему зимние солнца так спешат погрузиться
В океан и какая задержка мешает медленным ночам.

Всё это познаётся посредством самой математики:

Отсюда можем мы при неясном небе погоду
Заранее знать, день жатвы и время посева,
И когда по неверной мраморной глади ударять вёслами

Уместно, когда спускать на воду вооружённые флоты
Или в лесах своевременно валить сосну.

Теология же учит, что есть Бог, что — ум, что — интеллигенция, что — ангел, что, наконец, демон, душа, религия; каковы священные установления, обряды, храмы, правила соблюдения и священные таинства. Она наставляет также в вере, в чудесах, в силе слов и фигур, в тайных действиях и таинствах печатей; и, как говорит Апулей, учит нас правильно знать и понимать законы церемоний, священные предписания и права религий. Но вернусь к предмету. Эти три могущественнейшие отрасли знания сама магия объемлет, соединяет и приводит в действие; поэтому древние справедливо считали её высшей и священнейшей наукой. Её разъясняли самые почтенные авторы и знаменитейшие писатели, среди которых особенно блистали Замолксис и Зороастр, так что многие считали их изобретателями этой науки. По их следам шли Абарис Гиперборейский, Хармонд, Дамигерон, Евдокс, Гермипп; были и другие ещё более знаменитые её служители: Меркурий Трисмегист, Порфирий, Ямвлих, Плотин, Прокл, Дардан, Орфей Фракийский, Гог Греческий, Герма Вавилонский, Аполлоний Тианский. Выдающиеся сочинения об этом искусстве оставил также Остан; его книги, извлечённые из гробницы, Демокрит Абдерский разъяснил своими комментариями. Кроме того, Пифагор, Эмпедокл, Демокрит, Платон и многие благороднейшие философы совершали морские путешествия, чтобы научиться этому искусству; возвратившись, они возвещали его с величайшим благоговением и хранили в тайне. Нам известно также, что Пифагор и Платон ради его изучения посещали мемфисских жрецов и объехали почти всю Сирию, Египет, Иудею и школы халдеев, чтобы священнейшие памятники магии не остались от них скрыты и чтобы приобщиться к божественным предметам. Поэтому всякий, кто

ныне стремится изучать это искусство, если он не сведущ в физике, где объясняются качества вещей и раскрываются сокровенные свойства каждого сущего, если не искусен в математике и в аспектах и расположениях звёзд, от которых зависят высшая сила и свойство каждой вещи, и если не обучен теологии, где открываются нематериальные сущности, распределяющие и управляющие всем, не сможет постичь разумное основание магии: ведь нет совершенного действия магии и никакого истинно магического действия, которое не заключало бы в себе этих трёх отраслей знания.

Глава III. О четырёх стихиях, их качествах и взаимных смешениях

Стихий и первичных оснований всех телесных вещей четыре: огонь, земля, вода и воздух. Из них составляются все стихийные вещи в этом нижнем мире — не простым накоплением, но превращением и соединением; и вновь при разрушении они разлагаются на стихии. Однако ни одна из чувственно воспринимаемых стихий не бывает чистой: они смешаны в большей или меньшей степени и способны превращаться друг в друга. Так земля, размокая и растворяясь, становится водой, а та, сгущаясь и уплотняясь, становится землёй; посредством тепла вода, испаряясь, переходит в воздух, а он, сильно нагревшись, — в огонь; огонь же, угаснув, возвращается в воздух, а после сильного горения, охладившись, становится землёй, камнем или серой, как это видно на примере молнии. Платон же считает землю совершенно неспособной к превращению, тогда как прочие стихии превращаются и в неё, и друг в друга. Поэтому земля отделяется от более тонких стихий, не превращаясь, но растворяясь или смешиваясь с теми, которые её растворяют, и вновь возвращается в себя. Каждая стихия имеет два особых качества: первое сохраняет как собственное, а во втором, как в посредствующем, сходится со следующей. Огонь горяч и сух; земля суха и холодна; вода холодна и влажна; воздух влажен и горяч. Таким образом, по двум противоположным качествам стихии противоположны друг другу: огонь — воде, земля — воздуху. Стихии противополагаются и другим образом: одни тяжелы, как земля и вода, другие легки, как воздух и огонь; поэтому стоики назвали первые страдательными, а вторые — деятельными. Далее Платон, различая их ещё иным способом,

приписывает каждой три качества: огню — остроту, разреженность и движение; земле — тупость, плотность и покой. По этим качествам противоположны огонь и земля. Остальные стихии заимствуют у них качества: воздух получает два качества огня — разреженность и движение — и одно земли, а именно тупость; вода же, напротив, два качества земли — непрозрачность и плотность — и одно огня, а именно движение. Но огонь вдвое разреженнее воздуха, втрое подвижнее и вчетверо острее; воздух вдвое острее воды, втрое разреженнее и вчетверо подвижнее; далее вода вдвое острее земли, втрое разреженнее и вчетверо подвижнее. Итак, как огонь относится к воздуху, так воздух к воде, а вода к земле; и обратно: как земля к воде, так вода к воздуху, а воздух к огню. Это корень и основание всех тел, природ, сил и удивительных действий; знающий эти качества стихий и их смешения легко совершит дивные и поразительные дела и будет совершенен в естественной магии.

Глава IV. О рассмотрении троякого порядка стихий

Итак, есть четыре названные нами стихии, без совершенного знания которых мы не можем произвести никакого действия в магии. Каждая из них трояка, так что четверица восполняет двенадцатерицу; и, переходя через семерицу к десятирице, достигают высшего единства, от которого зависит всякая сила и чудесное действие. В первом порядке стихии чисты: они не составляются, не изменяются и не допускают смешения, но нетленны; не из них, а через них силы всех природных вещей приводятся в действие. Их силы никто не может объяснить, ибо во всём они могут всё. Не знающий их не может достичь никакого действия, производящего удивительные результаты. Стихии второго порядка сложны, многообразны, различны и нечисты, однако искусством могут быть приведены к чистой простоте; тогда их сила, по возвращении к собственной простоте, превыше всего и придаёт завершение всем сокровенным действиям и действиям природы; эти стихии — основание всей естественной магии. Стихии третьего порядка первоначально и сами по себе не стихии, но сложные образования, различные, многообразные и способные взаимно превращаться. Они — безошибочное посредство, и потому называются посредниками природы, или душами средней природы; весьма немногие понимают их глубокие таинства. В них через определённые числа, степени и порядки заключается завершение всякого действия в любой природной, небесной и сверхнебесной вещи. Удивительно и полно таинств то, что они способны совершать в магии как естественной, так и божественной: через них происходят умилостивительные жертвоприношения, также растворения и

превращения всех вещей, познание и предсказание будущего, изгнание злых демонов и привлечение добрых духов. Поэтому без этих трояких стихий и знания их никто пусть не надеется совершить что-либо в сокровенных науках магии и природы. Кто же умеет приводить одни к другим, нечистые к чистым, множественные к простым и различать их природу, силу и могущество в числе, степенях и порядке без разделения сущности, тот легко достигнет знания всех природных вещей и небесных тайн и совершенного действия.

Глава V. Об удивительной природе огня и земли

Для совершения всех чудес, говорит Гермес, достаточно двух вещей: огня и земли; последняя претерпевает, первый действует. Огонь, как говорит Дионисий, во всём и через всё ясно проходит и удаляется; он всему светит и вместе с тем сокрыт и неведом. Когда он существует сам по себе, без привхождения вещества, в котором мог бы проявить собственное действие, он неизмерим и невидим; сам по себе способен к собственному действию, подвижен, передаёт себя всему, что каким-либо образом приближается; обновляет, охраняет природу, освещает; непостижим в окутывающих его сияниях, светел, раздельно различим, отскакивает, устремляется вверх, проникает остро, возвышен, не терпит унижения от уменьшения; вечно движется и движет, объемлет другое, сам не объемлемый; не нуждается в другом, тайно возрастает от себя и в воспринятом веществе обнаруживает своё величие; деятелен, могуч, невидимо присутствует во всём одновременно; не позволяет пренебрегать собой, но внезапно, словно возмездие, приводит всё в целом и каждую вещь в отдельности к определённому порядку; непостижим, неосязаем, не убывает, во всех своих передачах себя остаётся богатейшим. Огонь, как говорит Плиний, — неизмеримая и необузданная часть природы вещей; сомнительно, больше ли он уничтожает или порождает. Сам огонь един и проникает во всё, как утверждают пифагорейцы; но на небе он расширен и озаряет, в преисподней же сжат, тёмен и мучителен, а в средней области причастен обоим. Итак, огонь един в себе, множествен в воспринимающем и распределён в различных вещах под различными признаками, как

свидетельствует Клеанф у Цицерона. Существует, таким образом, этот привходящий огонь, которым мы пользуемся; есть он в камнях, откуда высекается ударом стали; есть в земле, которая дымится при раскопке; есть в водах, где согревает источники и колодцы; есть в глубоком море, которое теплеет, взволнованное ветрами; есть в воздухе, который мы нередко видим раскалённым. Всякие животные, всё живое и растущее питается теплом; и всё, что живёт, живёт благодаря заключённому в нём огню. Свойства высшего огня — тепло, всё оплодотворяющее, и свет, всему сообщающий жизнь. Свойства нижнего огня — жар, всё пожирающий, и мрак, всё наполняющий бесплодием. Поэтому небесный и светлый огонь прогоняет тёмных демонов; прогоняет их и наш древесный огонь, поскольку заключает в себе подобие и носитель того высшего света. Более того — света Того, Кто сказал: «Я — свет мира», Кто есть истинный огонь, Отец светов, от Которого приходит всякое доброе даяние; Он испускает сияние своего огня, сообщая его прежде всего солнцу и прочим небесным телам, и через них, словно через посредствующие орудия, изливает его в наш огонь. Итак, как демоны тьмы сильнее в самой тьме, так добрые демоны, ангелы света, получают приращение от света не только божественного, солнечного и небесного, но также от находящегося у нас огня. Поэтому первые мудрейшие учредители религий и церемоний постановили совершать молитвы, псалмопения и все священнодействия только при зажжённых светильниках. Отсюда пифагорейское изречение: «Не говори о Боге без света». Для изгнания злых демонов они велели зажигать при телах умерших светильники и огни и не убирать их, пока тела после священных очистительных обрядов не будут преданы земле. И сам Всемогущий в Ветхом законе требовал, чтобы все жертвы Ему приносились посредством огня и

чтобы на алтаре всегда горел огонь; так и у римлян жрицы Весты непрерывно сохраняли и оберегали его.

Основание и опора всех стихий — земля: она есть предмет, подлежащее и вместилище всех небесных лучей и влияний. Она содержит в себе семена и семенные силы всех вещей; поэтому её называют животной, растительной и минеральной. Оплодотворённая всеми остальными стихиями и небесами, она сама из себя рождает всё. Она принимает всякую плодотворность и, словно первая родительница, даёт всему произрасти; она — средоточие, основание и мать всего. Возьми сколько угодно земли, отделённой, промытой, очищенной и утончённой: если оставишь её на некоторое время под открытым небом, она вскоре, оплодотворённая небесными силами и зачавшая, сама из себя произведёт растения, червячков и животных, камешки и блестящие искры металлов. В ней величайшие тайны, если искусством огня очистить её и надлежащим промыванием привести к собственной простоте. Она — первоматерия нашего создания и вернейшее лекарство для нашего восстановления и сохранения.

Глава VI. Об удивительной природе воды, воздуха и ветров

Не меньшим могуществом обладают остальные две стихии — вода и воздух; и в них природа не перестаёт творить чудеса. Вода столь необходима, что без неё ни одно животное не может жить; ни одна трава и никакое растение без увлажнения водой не могут произрасти. В ней заключена семенная сила всех вещей: прежде всего животных, чьё семя, очевидно, водянистое; но и семена кустарников и трав, хотя и землисты, должны размокнуть в воде, чтобы стать плодовитыми, будь то от впитанной влаги земли, росы, дождя или воды, намеренно добавленной. Моисей описывает только землю и воду как производящие живую душу; однако воде он приписывает двойное порождение: плавающих в воде и летающих в воздухе над землёй. То же Писание свидетельствует, что и земные порождения отчасти обязаны воде, говоря, что после сотворения кустарники и растения ещё не проросли, ибо Бог не посылал дождя на землю. Таково могущество этой стихии, что и духовное возрождение не совершается без воды, как сам Христос засвидетельствовал Никодиму. Величайшая её сила и в религии: при искупительных очищениях и омовениях она необходима не менее огня. Её пользы бесконечны, применение многообразно; все вещи держатся её могуществом, ибо она обладает силой рождать, питать и взращивать. Поэтому Фалес Милетский и Гесиод положили воду началом всех вещей и назвали древнейшей и могущественнейшей из всех стихий, поскольку она властвует над всеми остальными. Ведь, как говорит Плиний, воды поглощают земли, убивают пламя, поднимаются ввысь и под покровом облаков присваивают себе небо; падая, они становятся причиной

всего, что рождается из земли. Бесчисленны чудеса вод, описанные Плинием, Солином и многими историками; об их удивительной силе упоминает и Овидий в следующих стихах:

Посреди дня твой источник, рогатый Аммон,
Холоден, а на восходе и на закате теплеет.
Говорят, у вод Афаманта дерево загорается,
Когда луна убывает до самого малого круга.
У киконов есть река: выпитая, она превращает в камень
Внутренности и мрамором покрывает всё, чего коснётся.
Кратис, а рядом Сибарис, соседствующие с вашими краями,
Делают волосы подобными янтарю и золоту.
И что ещё удивительнее: есть воды, способные изменять
Не только тела, но даже души.
Кто не слыхал о водах непристойной Салмакиды
И об эфиопских озёрах? Кто их глотнёт,
Тот либо безумствует, либо впадает в чудесно тяжёлый сон.
Кто утолил жажду из Клиторского источника,
Тот избегает вина и, трезвый, радуется чистой воде.
Иное действие у текущего Линкестийского потока:
Кто выпьет из него без должной меры,
Шатается так, словно пил неразбавленное вино.
Есть в Аркадии озеро — древние звали его Фенеем, —
Подозрительное двоякостью вод: ночью их бойся;
Выпитые ночью, они вредят, а днём пьются без вреда.

Кроме того, Иосиф рассказывает об удивительной природе реки между сирийскими городами Аркеей и Рафанеей: протекая полным руслом на протяжении всей субботы, она затем иссякает, словно истоки её заперты, и в течение шести полных дней по её сухому руслу можно переходить; на седьмой же день по неведомым причинам природы она возвращается к прежнему

обилию вод. Поэтому жители назвали её Субботней — по седьмому дню, священному у иудеев. И Евангелие свидетельствует нам об Овечьей купели: кто первым спускался в неё после возмущения воды ангелом, избавлялся от любой болезни. Как читаем, такая же сила и могущество были у источника нимф Ионид в области элейцев, близ селения Гераклеи, у реки Кифера: кто входил в него больным, выходил здоровым и невредимым, избавившись от всякого телесного недуга. Павсаний рассказывает, что на горе Ликей в Аркадии есть источник, называемый Агрией; всякий раз, когда засуха угрожала области гибелью урожая, жрец Зевса Ликейского приходил туда, приносил жертвы и почитал священные воды священными молитвами, затем, держа в руке дубовую ветвь, опускал её до самой поверхности освящённого источника. От возмущённой воды пар поднимался в воздух и сгущался в облака; туманы сходились, и всё небо покрывалось облаками, которые вскоре разрешались дождём и благотворно орошали всю область. О чудесах вод, помимо многих других авторов, врач Руф Эфесский написал удивительные вещи, которые, насколько мне известно, не встречаются ни у какого другого автора.

Остаётся сказать о воздухе. Это жизненный дух, проникающий во всё сущее, дающий всему жизнь и устойчивость, связывающий, движущий и наполняющий всё. Поэтому еврейские учители не причисляют его к стихиям, но считают посредником и связующим началом, соединяющим различное, и как бы звучащим дыханием мирового инструмента. Он непосредственно принимает в себя все небесные влияния и сообщает их прочим стихиям и каждому смешанному телу; также образы всех вещей, как природных, так и искусственных, и всяческих речей он, словно некое божественное зеркало, принимает и сохраняет в себе. Унося

их с собой, проникая через поры в тела людей и животных и запечатлевая их как во сне, так и наяву, он доставляет материал для различных удивительных сновидений, предчувствий и знамений. Этим, говорят, объясняется и то, почему проходящий мимо места, где убит человек или спрятан свежий труп, приходит в страх и ужас: находящийся там воздух, наполненный страшными образами убийства, будучи вдыхаем вместе с дыханием, поражает и тревожит человеческий дух подобными образами, отчего возникает страх. Ведь всё, что внезапно оставляет впечатление, приводит природу в оцепенение. Поэтому многие философы считали воздух причиной сновидений и многих иных впечатлений души — посредством перенесения образов, подобий или видов, исходящих от вещей и речей и умножающихся в самом воздухе, пока они не достигнут чувств, а затем воображения и души воспринимающего, которая, освободившись от забот и не встречая препятствий, подобные образы ожидает и принимает, обретая от них форму. Ведь сами образы вещей, хотя по собственной природе и достигают чувств людей и животных, всё же, находясь в воздухе, могут получить некоторое небесное впечатление; благодаря ему вместе с восприимчивостью, зависящей от состояния воспринимающего, они достигают чувств одного скорее, чем другого. Поэтому естественным путём, без всякого суеверия и без посредства иного духа, возможно, чтобы человек сообщил другому замысел своего ума за кратчайшее время на какое угодно, даже самое далёкое или неизвестное расстояние и в неизвестное местопребывание. Хотя время, за которое это совершается, нельзя точно измерить, оно непременно совершается в пределах двадцати четырёх часов. Я умею это делать и делал неоднократно; знал это и некогда делал также аббат Тритемий. Плотин доказывает и учит, каким

образом некоторые образы, не только духовные, но и природные, истекают от вещей, словно посредством некоего воздействия тел на тела, укрепляются в самом воздухе, а затем посредством света и движения представляются нам и обнаруживаются как зрению, так и другим чувствам и порой производят в нас удивительные действия. Мы видим, как при южном ветре воздух сгущается в тонкие облака, в которых, словно в зеркале, отражаются весьма далёкие изображения крепостей, гор, коней, людей и других вещей; с уходом облаков они тотчас исчезают. Аристотель в «Метеорологике» сообщает, что радуга образуется в воздушном облаке по некоторому подобию зеркала. Альберт говорит: «Изображения тел силою природы легко могут запечатлеваться во влажном воздухе тем же способом, каким изображения вещей пребывают в вещах». Аристотель рассказывает, что с одним человеком из-за слабости зрения случилось следующее: ближний воздух стал для него зеркалом, зрительный луч отражался к нему самому и не мог проникнуть дальше; поэтому, куда бы он ни шёл, ему казалось, что его собственный образ идёт перед ним, обратившись к нему лицом. Подобным образом искусством определённых зеркал желаемые изображения производятся в воздухе даже на расстоянии, вне зеркал; неопытные люди, увидев их, думают, будто видят тени демонов или душ, тогда как это лишь некие сродные им изображения, совершенно лишённые жизни. Известно также, что если в тёмном помещении, лишённом всякого света, кроме солнечного луча, проникающего через крошечное отверстие, подставить под него белую бумагу или плоское зеркало, на них видно всё происходящее снаружи, что освещено солнцем. Есть и другой, ещё более удивительный оптический приём: изображения, нарисованные особым искусством, или написанные буквы выставляют ясной ночью

навстречу лучам полной луны; их подобия, умноженные в воздухе, унесённые ввысь и отражённые вместе с лунными лучами, другой посвящённый в дело человек видит, читает и узнаёт с большого расстояния на самом диске, или круге, луны. Это весьма полезное искусство для передачи тайных сообщений в осаждённые селения и города; некогда его применял Пифагор, а ныне оно ещё известно некоторым, равно как и мне. Всё это и многое другое, ещё более значительное, основано на самой природе воздуха и получает своё объяснение из математики и оптики. И как такие образы отражаются к зрению, так иногда и к слуху, что ясно видно в эхе. Но есть и более сокровенные приёмы, посредством которых можно даже на далёком расстоянии услышать и понять, что другой говорит или тайно шепчет. Из воздушной стихии происходят также ветры: они не что иное, как воздух движущийся и возбуждённый. Главных ветров четыре, они дуют от четырёх сторон неба: Нот с юга, Борей с севера, Зефир с запада, а Апелиот, или Эвр, с востока. Понтан заключил их в двух стихах:

С верхнего Олимпа Борей, с нижнего Нот веет;
Зефир занял закат, Эвр приходит с восхода.

Нот — южный ветер, туманный, влажный, горячий и болезнетворный; Иероним называет его виночерпием дождей. Овидий описывает его так:

Нот вылетает на влажных крыльях,
Смоляным мраком укрыв устрашающее лицо;
Борода от дождей тяжела, с седых волос льётся вода,
На лбу сидят туманы, росой истекают перья и грудь.

Борей, противоположный Ноту, — северный ветер, свирепый и звучный: он разгоняет облака, делает воздух ясным, сковывает воду морозом. Овидий выводит его так говорящим о себе:

Мне подобает сила: ею я мрачные тучи гоню,
И моря сотрясаю, и узловатые дубы выворачиваю;
Я уплотняю облака и градом землю бью.
Я же, когда встречаю братьев в открытом небе —
Ведь оно моё поле, — с таким напором борюсь,
Что весь эфир грохочет от наших столкновений
И из полых туч выскакивают выбитые огни.
Я же, когда вступаю в сводчатые отверстия земли
И свирепо подставляю спину под глубинные пещеры,
Тревожу мёртвых и весь круг земной толчками
Сотрясаю.

Зефир, называемый также Фавонием, — легчайший ветер, дующий с запада, веющий мягко; он холоден и влажен, прекращает зиму, производит почки и цветы. Противоположен ему Эвр, называемый также Подсолнечным и Апелиотом: он дует с востока, приносит воду и облака и отличается стремительной прожорливостью. Об этих ветрах так поёт Овидий:

Эвр отступил к заре, к Набатейскому царству,
К Персии и вершинам, открытым утренним лучам.
Вечер и берега, согретые заходящим солнцем,
Близки Зефиру; Скифию и семь северных звёзд
Занял леденящий Борей; противоположная земля
Мокнет от постоянных туч и дождливого Австра.

Глава VII. О родах сложных тел, об их отношении к стихиям и о том, что связывает сами стихии с душой, чувствами и нравами

За четырьмя простыми стихиями непосредственно следуют четыре рода совершенных тел, составленных из них: камни, металлы, растения и животные. Хотя в состав при порождении каждого из них входят все стихии, всё же каждый следует преимущественно одной стихии и подражает ей. Все камни землисты: они по природе тяжелы, стремятся вниз и настолько уплотнены сухостью, что не могут плавиться. Металлы же водянисты и плавки; как признают естествоиспытатели и испытывают алхимики, они порождены вязкой водой, или водянистой ртутью. Растения так согласуются с воздухом, что лишь под открытым небом дают побеги и разрастаются. Так и у всех животных:

Огненна их сила и небесно происхождение.

Огонь настолько им сроден, что с его угасанием тотчас прекращается вся жизнь. В свою очередь, каждый из этих родов внутри себя различается по степеням стихий. Среди камней преимущественно землистыми называют непрозрачные и более тяжёлые; водяными — прозрачные и сгустившиеся из воды, как хрусталь, берилл и жемчуг в раковинах; воздушны те, что плавают на воде и имеют губчатую структуру, как губчатый камень, пемза и туф; огненны те, из которых извлекается огонь, которые иногда в него разрешаются или из него родились, как громовой камень, пирит и асбест. Подобным образом среди металлов землисты свинец и серебро; водяниста ртуть; воздушны

медь и олово; огненны золото и железо. У растений корни подражают земле своей плотностью; листья — воде своим соком; цветы — воздуху своей тонкостью; семена — огню порождающим духом. Кроме того, одни растения называют горячими, другие холодными, третьи влажными, четвёртые сухими: они заимствуют названия стихий от их качеств. Среди животных также одни более других землисты и обитают в недрах земли, как черви, дождевые черви, кроты и многие пресмыкающиеся; другие водяные, как рыбы; третьи воздушные, не способные жить вне воздуха; есть и огненные, обитающие в огне, как саламандры и некоторые цикады, называемые пираустами, а также пылающие неким огненным жаром, как голуби, страусы, львы и те, кого Премудрый называет зверями, дышащими огненным паром. Кроме того, у животных земле соответствуют кости, воздуху — плоть, огню — жизненный дух, воде — телесные жидкости. И эти жидкости распределяются по стихиям: красная желчь принадлежит огню, кровь — воздуху, слизь — воде, чёрная желчь — земле. Наконец, в самой душе, по свидетельству Августина, огню соответствует интеллект, воздуху — рассудок, воде — воображение, земле — чувство. И чувства также распределяются между стихиями: зрение огненно, ибо не воспринимает без огня и света; слух воздушен, ибо звук возникает от удара по воздуху; обоняние и вкус относятся к воде, без влаги которой не бывает ни вкуса, ни запаха; наконец, осязание всецело землисто и присваивает себе более грубые тела. Поступки и деятельность людей также управляются стихиями: медленное и твёрдое движение отмечено землёй; страх, бездействие и вялую работу обозначает вода; бодрость и дружелюбные нравы — воздух; стремительный и гневный порыв — огонь. Итак, стихии первичны по отношению ко всему; всё существует из них и

согласно им, а они распространяют свои силы во всём и через всё.

Глава VIII. Каким образом стихии существуют в небесах, звёздах, демонах, ангелах и, наконец, в самом Боге

Все платоники единодушно полагают: как в первообразном мире всё находится во всём, так и в этом телесном мире всё находится во всём, однако различными способами, сообразно природе воспринимающего. Так и стихии существуют не только в этих низших вещах, но и в небесах, звёздах, демонах, ангелах и, наконец, в самом Создателе и первообразе всего. Однако в низших вещах стихии представляют собой некие грубые формы, погружённые в материю, — материальные стихии; в небесах же они существуют через свои природы и силы, то есть небесным способом, гораздо более превосходным, чем под луной. Ибо там твёрдость небесной земли лишена грубости, подвижность воды и воздуха чужда истечению; жар огня там не жжёт, но светит и всё оживотворяет своим теплом. Из светил огненны Марс и Солнце, воздушны Юпитер и Венера, водянисты Сатурн и Меркурий, землисты обитатели восьмой сферы и Луна, которую, однако, многие считают водянистой: подобно земле, она притягивает небесные воды и, напитавшись ими, благодаря своей близости изливает и сообщает их нам. Среди знаков также есть огненные, земные, воздушные и водяные; они управляют стихиями в небесах, распределяя четыре триплицитета и приписывая каждому из них начало, середину и конец соответствующей стихии. Так, начало огня принадлежит Овну, развитие и возрастание — Льву, конец — Стрельцу; начало земли — Тельцу, развитие — Деве, завершение — Козерогу; начало воздуха — Близнецам, продвижение — Весам, предел — Водолею; начало

воды — Раку, середина — Скорпиону, конец — Рыбам. Из смешений этих планет и знаков вместе со стихиями образуются все тела. Далее и демоны различаются таким же образом: одни называются огненными, другие земными, третьи воздушными, четвёртые водяными. Отсюда четыре реки в преисподней: огненный Флегетон, воздушный Коцит, водяной Стикс, земляной Ахеронт. И в Евангелиях читаем об огне геенны и вечном огне, в который велят идти проклятым; в Апокалипсисе — об озере огненном; Исаия говорит об осуждённых: «Поразит их Господь испорченным воздухом»; у Иова: «От снежных вод перейдут они к чрезмерному зною»; у него же читаем о земле тёмной, покрытой мраком смерти, земле несчастья и тьмы. Далее эти стихии полагаются и в надмирных ангелах и блаженных интеллигенциях: в них устойчивость сущности — земная сила, благодаря которой они служат твёрдыми престолами Бога; в них также милосердие и благочестие — очищающая водная сила. Поэтому псалмопевец называет их водами, говоря о небе: «Ты покрываешь водами горние его пределы». Есть в них также воздух — тонкий дух, и любовь — сияющий огонь; поэтому Священное Писание называет их крыльями ветров, и в другом месте псалмопевец говорит о них: «Ты творишь ангелов Твоих духами и служителей Твоих огнём пылающим».

Из ангельских чинов огненны серафимы, силы и власти; землисты херувимы; водяны престолы и архангелы; воздушны господства и начала. Разве и о самом первообразном Создателе всех вещей не читаем: «Да раскроется земля и произрастит Спасителя»? Разве не называется Он источником живой воды, очищающим и возрождающим? Разве не Он — дух, вдыхающий дыхание жизни? И разве, по свидетельству Моисея и Павла, не Он — огонь пожирающий? Итак, никто не может отрицать, что

стихии своим способом находятся везде и во всём: прежде всего в этих низших вещах, но загрязнённые и грубые; в небесных — более чистые и светлые; в сверхнебесных — живые и во всех отношениях блаженные. Следовательно, стихии в первообразе — идеи того, что должно быть произведено; в интеллигенциях — распределённые могущества; в небесах — силы; в низших вещах — более грубые формы.

Глава IX. О силах природных вещей, непосредственно зависящих от стихий

Некоторые природные силы вещей стихийны: нагревать, охлаждать, увлажнять, высушивать. Они называются первыми действиями, или качествами, и качествами в действии; только они преобразуют всю сущность целиком, чего не делает ни одно другое качество. Некоторые же свойства вещей происходят от составляющих их стихий сверх первых качеств: созревающие, переваривающие, растворяющие, размягчающие, отверждающие, вяжущие, очищающие, разъедающие, прижигающие, раскрывающие, испаряющие, укрепляющие, смягчающие, склеивающие, закупоривающие, изгоняющие, удерживающие, притягивающие, отталкивающие, притупляющие чувствительность, расширяющие, делающие скользким и многие другие. Ведь стихийное качество в смешанном теле может совершать многое, чего само по себе не производит. Эти действия называются вторичными качествами, потому что следуют природе и мере смешения первых сил, как подробно разбирается в книгах врачей. Так, созревание — действие естественного тепла в определённой мере в сущности вещества; отверждение — действие холода, равно как и замерзание, и так далее. Иногда эти действия направлены на определённый орган, например вызывающие выделение мочи, молока или месячных; они называются третьими качествами и следуют вторым, как вторые — первым. Согласно этим первым, вторым и третьим качествам многие болезни и излечиваются, и вызываются. Посредством искусства также совершается многое, чему люди весьма удивляются: например, огонь, горящий в воде, называемый греческим; несколько его составов Аристотель

приводит в особом сочинении об этом. Подобным способом изготовляется огонь, который гасится маслом и зажигается холодной водой, когда ею кропят сверху; также огонь, который зажигается дождём, ветром или солнцем. Изготовляется и огонь, называемый горящей водой, приготовление которого общеизвестно: он не пожирает ничего, кроме себя самого. Изготовляются неугасимые огни, несгораемые масла и вечные светильники, которые нельзя погасить ни ветром, ни водой, ни каким-либо иным способом. Это казалось бы совершенно невероятным, если бы не знаменитейший светильник, некогда светивший в храме Венеры: в нём горел камень асбест, который, будучи однажды зажжён, действительно никогда не гаснет.

Напротив, дерево или иное горючее вещество приготовляют так, чтобы огонь не мог его повредить. Делают и составы, которыми смазывают руки и после этого могут держать раскалённое железо, опускать руку в расплавленный металл или всем телом входить в огонь без всякого вреда, и тому подобное. Есть род льна, который Плиний называет асбестом, а греки — асбестоном: он не уничтожается огнём. Анаксилай говорит, что дерево, обёрнутое им, рубят глухими, неслышными ударами.

Глава X. О сокровенных силах вещей

Кроме того, вещам присущи иные силы, не принадлежащие какой-либо стихии: например, устранять яд, изгонять карбункулы, притягивать железо или что-нибудь другое. Такая сила следует виду и форме той или иной вещи; поэтому даже в малом количестве она производит немалое действие, что недоступно стихийному качеству. Ибо эти силы в высокой степени принадлежат форме и потому при минимальном количестве материи могут весьма многое; стихийная же сила материальна и для большого действия требует большого количества материи.

Почему свойства называются сокровенными. Их называют сокровенными свойствами, потому что их причины скрыты, так что человеческий интеллект не способен исследовать их до конца; поэтому философы постигли большую их часть скорее длительным опытом, нежели исследованием разума. Ведь как пища переваривается в желудке посредством известного нам тепла, так преобразуется она посредством некой сокровенной силы, которой мы не знаем; не посредством тепла, ибо в таком случае она скорее преобразовывалась бы в очаге, у огня, чем в желудке. Так вещам сверх известных нам стихийных качеств врождены иные силы, созданные вместе с ними природой: мы дивимся им и часто поражаемся, поскольку они нам неизвестны, видены редко или никогда. Так у Овидия читаем о фениксе, единственной птице, обновляющей саму себя:

> *Есть одна птица, что сама себя восстанавливает и вновь порождает;*
> *Ассирийцы называют её фениксом.*

И в другом месте:

Египет сходится на чудо столь великого зрелища,
И ликующая толпа приветствует редкую птицу.

Зверь Матрея. Некогда Матрей вызвал великое удивление и у греков, и у римлян: он говорил, что кормит зверя, который пожирает сам себя. Поэтому и поныне многие напряжённо исследуют, что это за зверь Матрея. Кто не удивится рыбам, выкапываемым из земли, о которых сообщили Аристотель, Теофраст и историк Полибий? И всё, что Павсаний рассказал о поющих камнях, — действие сокровенных сил. Так птица страус переваривает холодное и твёрдое железо и обращает его в питание своего тела; говорят, что его желудок не повреждается даже раскалённым железом. Так маленькая рыбка эхенеис сдерживает натиск ветров и укрощает ярость моря: как бы ни господствовали и ни свирепствовали бури, даже при бесчисленных парусах, натянутых ветром, она одним прикосновением настолько удерживает суда и заставляет их стоять, что они никак не могут двигаться. Так саламандры и зверьки пираусты живут в огне и, хотя порой кажутся горящими, всё же не страдают. Подобное рассказывают и о некоем битуме, которым, как говорят, было обмазано оружие амазонок и который не разрушается ни железом, ни огнём; рассказывают, что им Александр Великий обмазал также Каспийские ворота, сделанные из меди. Читаем, что подобным битумом был скреплён и Ноев ковчег, который спустя столько тысяч лет до сих пор сохраняется на горах Армении. Есть и множество иных подобных чудес, едва заслуживающих веры, но познанных самим опытом. Так древность сообщает о сатирах — животных, имеющих получеловеческий и полузвериный облик, но

способных к речи и разуму. Сам святой Иероним рассказывает, что один из них некогда говорил с блаженным отшельником Антонием, осудил языческое заблуждение, состоящее в почитании таких животных, как он, и просил молиться за него общему Богу; он утверждает также, что один из них некогда был выставлен живым на всеобщее обозрение, а затем отправлен императору Константину.

Глава XI. Каким образом сокровенные силы вливаются в виды вещей от идей через основания мировой души и лучи звёзд и какие вещи более изобилуют этой силой

Платоники утверждают, что всё низшее получает свои образы от высших идей. Идею они определяют как форму, стоящую выше тел, душ и умов, единую, простую, чистую, неизменную, неделимую, бестелесную и вечную; природа всех идей одинакова. Они полагают идеи прежде всего в самом благе, то есть в Боге, по способу причины, различающимися между собой лишь некоторыми относительными отношениями, чтобы всё существующее в мире не оказалось чем-то одним без всякого разнообразия; однако сходящимися по сущности, чтобы Бог не был множественной субстанцией. Во-вторых, они полагают их в самом умопостигаемом, то есть в мировой душе, собственно как формы, и притом различающимися друг от друга абсолютными формами, так что в Боге все идеи составляют одну форму, а в мировой душе — многие. В следующих за ней умах, соединённых с телом или отделённых от тела, идеи полагаются уже по некоторой причастности и постепенно всё более различаются. В природе они полагаются как некие низшие семена форм, влитые идеями; наконец, в материи — как тени. К этому прибавляется, что в мировой душе столько же семенных оснований вещей, сколько идей в божественном уме. Посредством этих оснований она устроила себе в небесах, помимо звёзд, также фигуры и запечатлела во всём этом свойства. От этих звёзд, фигур и свойств зависят все силы и свойства низших видов: каждый вид имеет соответствующую ему небесную фигуру, от которой получает

удивительную способность к действию как собственный дар своей идеи через семенные основания мировой души. Ведь идеи — причины не только бытия некоторого вида, но и каждой силы, присущей этому виду. Именно это имеют в виду многие философы, говоря, что силы, существующие в природе вещей, приводятся в движение определёнными силами, имеющими определённое и устойчивое основание, не случайными и не непредвиденными, но действенными, могущественными и неиссякаемыми, ничего не совершающими напрасно и впустую. Эти силы суть действия идей; они не ошибаются, разве что по привходящей причине, то есть вследствие нечистоты и неоднородности материи. Именно так вещи даже одного вида оказываются более или менее сильными соответственно чистоте или смешанности материи: все небесные влияния могут встречать препятствие из-за смешанности и непригодности материи. Поэтому у самих платоников вошло в пословицу, что небесные силы вливаются сообразно достоинству материи; об этом вспоминает и Вергилий, когда поёт:

Огненна сила и небесно происхождение
Этих семян, насколько вредные тела их не замедляют.

Поэтому вещи, в которых идея менее погружена в материю, то есть принимающие большее подобие отделённых сущностей, обладают более могущественными силами действия, подобными действию отделённой идеи. Итак, мы знаем, что положение и фигура небесных тел являются причиной всякой благородной силы, существующей в низших видах.

Глава XII. Каким образом в различные отдельные вещи, даже одного вида, вливаются различные силы

Многим отдельным вещам присущи особые дары, столь же удивительные, как видовые; они также происходят от небесной фигуры и расположения звёзд. Ведь каждая отдельная вещь, начиная существовать при определённом гороскопе и небесном расположении, вместе с бытием приобретает некую удивительную силу производить и претерпевать удивительное, даже сверх той, которую имеет от своего вида: как благодаря небесному влиянию, так и благодаря подчинению материи возникающих вещей мировой душе. Это подчинение подобно подчинению нашего тела нашим душам. Мы чувствуем в себе, что, какой бы образ ни задумали, наше тело приходит в движение с удовольствием, ужасом или стремлением бежать; так и небесные души, когда представляют себе различное, вызывают соответствующее движение послушной им материи. Так в природе многие чудеса возникают от воображения высших движущих начал; так и различные силы приобретают не только природные вещи, но иногда также искусственные, особенно если душа действующего устремлена к тому же. Поэтому Авиценна говорит, что всё происходящее здесь должно прежде существовать в движениях и представлениях звёзд и сфер. Так в вещах возникают разные действия, склонности и нравы не только из-за различного расположения материи, как многие считают, но вследствие различного влияния и различной формы; различие это не видовое, но частное и собственное. Степени их по-разному распределяются самой первой причиной всего — Богом,

Который, оставаясь тем же, раздаёт каждому, как хочет; Ему содействуют вторые причины, ангельские и небесные, располагающие телесную материю и прочее, вверенное им. Поэтому все силы вливаются Богом через мировую душу, однако при особой силе образов и председательствующих интеллигенций, при стечении лучей и аспектов звёзд в некотором своеобразном гармоническом согласии.

Глава XIII. Откуда происходят сокровенные силы вещей

Всем известно, что магниту присуща некая сила, посредством которой он притягивает железо, а алмаз своим присутствием устраняет силу магнита. Так янтарь и балас, потёртые и согретые, притягивают солому; зажжённый камень асбест никогда не гаснет или гаснет с трудом; карбункул светится в темноте; аэтит, помещённый сверху, укрепляет плод женщин и растений, а помещённый снизу — вытягивает; яшма останавливает кровь; эхенеис останавливает корабль; ревень изгоняет желчь. Печень хамелеона, сожжённая на верхних черепицах крыши, возбуждает дожди и гром. Камень гелиотроп ослепляет зрение и делает носящего его невидимым; линкурий устраняет обманы зрения; окуривание липпарисом созывает всех зверей; синохит выводит тени преисподней; анахит заставляет являться образы божеств; эннект, подложенный под спящих, даёт прорицания. Есть эфиопская трава, которой, как передают, осушаются пруды и открывается всё запертое; читаем также, что персидские цари дают послам траву латаце, чтобы те, куда бы ни пришли, изобиловали всем необходимым. Есть также спартанская, или скифская, трава: отведав её или хотя бы держа во рту, скифы, как говорят, двенадцать дней переносят голод и жажду. Апулей говорит, что был научен божеством: существует множество родов трав и камней, посредством которых люди могут обеспечить себе даже вечную жизнь; но людям не дозволено знать их, ибо, живя короткое время, они жадно стремятся ко злу и отваживаются на любое преступление, а получив долгий срок, не пощадят и самих богов. Однако откуда происходят эти силы, не сообщил никто из издавших огромные книги о свойствах вещей: ни Гермес, ни Бох,

ни Аарон, ни Орфей, ни Теофраст, ни Тебит, ни Зенотемис, ни Зороастр, ни Эвакс, ни Диоскорид, ни Исаак Иудей, ни Захария Вавилонский, ни Альберт, ни Арнольд. И всё же все они признавали то, что Захария пишет Митридату: в силах камней и трав заключены великое могущество и человеческие судьбы. Следовательно, чтобы узнать, откуда это происходит, требуется более высокое созерцание. Александр Перипатетик, не отступая от своих чувств и качеств, считает, что это происходит от стихий и их качеств. Это, пожалуй, можно было бы счесть верным, если бы качества эти не принадлежали к одному виду, тогда как действия камней многочисленны и не совпадают ни по виду, ни по роду. Поэтому академики вместе со своим Платоном приписывают эти силы идеям, образующим вещи; Авиценна относит подобные действия к интеллигенциям, Гермес — к звёздам, Альберт — к видовым формам вещей. Хотя эти авторы кажутся противоречащими друг другу, никто из них, если понимать правильно, не отступает от истины, поскольку все их высказывания во многом сходятся относительно одного и того же действия. Ибо прежде всего Бог, конец и начало всех сил, вручает печать идей своим служителям — интеллигенциям; они, как верные исполнители, запечатлевают силой идеи каждую вверенную им вещь, тогда как небеса и звёзды, словно орудия, располагают материю к восприятию форм, которые пребывают в божественном величии, как говорит Платон в «Тимее», и должны быть низведены через звёзды. Эти формы Податель форм распределяет через служение интеллигенций, которых поставил правителями и хранителями своих творений и которым вверена такая способность относительно подчинённых им вещей, что вся сила камней, трав, металлов и всего остального происходит от самих председательствующих интеллигенций. Итак, форма и

сила происходят прежде от идей, затем от председательствующих и управляющих интеллигенций, после — от располагающих аспектов небес, далее — от расположенных сочетаний стихий, соответствующих небесным влияниям, которыми сами стихии располагаются. Поэтому подобные действия существуют в низших вещах посредством выраженных форм, в небесах — посредством располагающих сил, в интеллигенциях — посредством посредствующих оснований, в первообразе — посредством идей и образцовых форм; всё это необходимо должно сходиться при осуществлении действия и силы каждой вещи. Следовательно, сила и удивительное действие есть в каждой траве и камне, но ещё больше — в звезде; сверх того каждая вещь многое приобретает от председательствующих интеллигенций, а более всего — от высшей причины, которой всё отвечает взаимно и совершенно, созвучно в своей гармонии, словно некими гимнами непрестанно восхваляя высшего Создателя, как к этому призывают святые отроки, поющие в халдейской печи:

> *Благословите Господа, всё произрастающее на земле, всё движущееся в водах, все птицы небесные, звери и скот вместе с сынами человеческими.*

Итак, нет иной причины необходимости действий, кроме связи всех вещей с первой причиной и соответствия тем божественным образцам и вечным идеям, благодаря чему каждая вещь имеет в первообразе определённое, особое место, откуда получает жизнь и происхождение. Всякая сила трав, камней, металлов, животных, слов, речей и всего существующего вложена Богом. Хотя Он действует в низшем мире через интеллигенции и небеса, иногда, минуя эти посредства или приостановив их

служение, Бог совершает это непосредственно сам; такие действия тогда называются чудесами. Ведь вторичные причины, которые Платон и другие называют служебными, по повелению и порядку первой причины действуют необходимо и необходимо производят свои результаты; однако иногда Бог по своей воле так освобождает или приостанавливает их, что они совершенно перестают подчиняться необходимости этого повеления и порядка. Это и есть величайшие Божьи чудеса. Так огонь в халдейской печи не сжёг отроков; так солнце по повелению Иисуса Навина отступило от своего хода на один день; так по просьбе Езекии оно отступило на десять черт, или часов; так во время страданий Христа солнце претерпело затмение при полной луне. Основания этих действий нельзя исследовать или постичь никаким рассуждением, никакой магией, никакой, сколь угодно сокровенной и глубокой, наукой; их следует познавать и исследовать лишь по божественным откровениям.

Глава XIV. Что такое мировой дух и почему он является связью сокровенных сил

Демокрит, Орфей и многие пифагорейцы, тщательнейшим образом исследовав небесные силы и природу нижнего мира, говорили, что всё исполнено богов; и не без основания, поскольку ни одна вещь не обладает столь превосходными силами, чтобы, лишённая божественной помощи, довольствоваться собственной природой. Богами они называли божественные силы, разлитые в вещах; Зороастр именовал их божественными приманками, Синесий — символическими влечениями, другие — жизнями, иные — душами. От них, говорили они, зависят силы вещей, ибо только душе свойственно простираться от одной материи к иным вещам, на которые она действует: так человек простирает интеллект к умопостигаемому, а воображение — к воображаемому. Именно это они подразумевали, говоря, что душа одного существа выходит и входит в другое, зачаровывает его и препятствует его действиям, как алмаз препятствует магниту притягивать железо. Но поскольку душа — первое движущееся и, как говорят, движется самопроизвольно и сама по себе, тогда как тело, или материя, само по себе неспособно к движению и далеко уступает душе, они утверждают необходимость превосходнейшего посредника, который был бы как бы уже не телом, но словно душой, или как бы ещё не душой, но словно телом, чтобы через него душа соединялась с телом. Таким посредником они полагают мировой дух, который мы называем пятой сущностью, ибо он не из четырёх стихий, но нечто пятое, само по себе существующее через них или помимо них. Поэтому такой дух необходим как посредник, посредством которого небесные души присутствуют в более грубом теле и

даруют удивительные свойства. Этот дух в теле мира почти таков же, как наш в человеческом теле: как силы нашей души посредством духа прилагаются к членам, так сила мировой души посредством пятой сущности распространяется через всё; во всём мире нет ничего, что было бы лишено искры её силы. Однако больше всего она вливается в то, что наиболее обильно почерпнуло такого духа; он почерпается через лучи звёзд, насколько вещи уподобляются им. Итак, посредством этого духа всякое сокровенное свойство распространяется в травах, камнях, металлах и живых существах через солнце, луну, планеты и звёзды, стоящие выше планет. Этот дух может быть нам ещё полезнее, если кто умеет как можно полнее отделять его от прочих стихий или хотя бы преимущественно пользоваться вещами, наиболее изобилующими этим духом. Ведь вещи, в которых этот дух менее погружён в тело и менее стеснён материей, действуют сильнее и совершеннее, а также легче порождают подобное себе: в нём заключена вся порождающая и семенная сила. Поэтому алхимики стремятся выделить этот дух из золота и серебра; если, надлежащим образом отделив и извлекши его, они затем приложат его к любой материи того же рода, то есть к любому металлу, тотчас получат золото или серебро. Мы умеем это делать и иногда видели это; однако нам не удавалось изготовить золота больше, чем весило то золото, из которого мы извлекли дух. Ибо этот дух — форма протяжённая, а не усиленная и не может сверх своей меры превратить несовершенное тело в совершенное; однако я не отрицаю, что это возможно посредством иного искусства.

Глава XV. Каким образом надлежит исследовать и испытывать силы вещей путём, исходящим из подобия

Итак, ясно, что сокровенные свойства вложены в вещи не стихийной природой, но небесами: они скрыты от наших чувств и едва доступны разуму; они исходят от жизни и духа мира через сами звёздные лучи и могут быть исследованы нами лишь опытом и предположениями. Поэтому ты, стремящийся действовать в этом искусстве, должен учитывать, что каждая вещь по всей своей способности движет и обращает к подобному себе и склоняет к себе самой — как по свойству, то есть сокровенной силе, так и по качеству, то есть силе стихийной. Иногда это происходит даже в самой субстанции, как видим на примере соли: всё, что долго находилось с солью, становится солью. Ведь всё действующее, начав действовать, движет не к низшему по отношению к себе, но некоторым образом, насколько возможно, к равному и согласному себе. Это явно видно и у чувствующих животных: питательная сила превращает пищу не в траву или растение, но в чувствующую плоть. Итак, вещи, которым присущ избыток какого-либо качества или свойства — тепла, холода, смелости, страха, печали, гневливости, любви, ненависти или иного переживания либо силы, — будь он присущ им по природе, искусству или случаю, как дерзость блуднице, особенно сильно возбуждают и вызывают такое качество, переживание или силу. Так огонь побуждает к огню, вода — к воде, смелое — к смелости. У врачей известно, что мозг помогает мозгу, а лёгкое — лёгкому. Так, говорят, правый глаз лягушки исцеляет воспаление правого глаза, левый — левого, если подвесить их на шею в ткани

естественного цвета; подобное говорят и о глазах рака. Так ноги черепахи помогают страдающим подагрой, если привязать их так, чтобы нога была подвешена к ноге, передняя конечность — к руке, правая к правой, левая к левой. Таким же образом, говорят, всякое бесплодное животное вызывает бесплодие, особенно его яички, матка или моча. Так, говорят, не зачинает женщина, которая ежемесячно принимает мочу мулицы или что-нибудь настоянное на ней. Поэтому, если мы хотим действовать ради какого-либо свойства или силы, будем искать животных или другие вещи, в которых это свойство присутствует преимущественно, и возьмём из них ту часть, где оно особенно сильно. Например, желая возбуждать любовь, отыщем животное, особенно склонное к любви, как голубь, горлица, воробей, ласточка, трясогузка, и возьмём те члены или части, в которых особенно сильно венерино влечение: сердце, яички, матку, половой член, семя, месячную кровь. Делать это следует в то время, когда эти животные особенно охвачены таким чувством и устремлены к нему: тогда эти части сильно возбуждают и внушают любовь. Подобным образом для усиления смелости отыщем льва или петуха и возьмём у них сердце, глаза или лоб. Так следует понимать слова платоника Пселла о том, что собаки, вороны и петухи способствуют бодрствованию; также соловей, летучая мышь и сова, а из их частей особенно голова, сердце и глаза. Поэтому говорят: кто носит на себе сердце ворона или летучей мыши, не будет дремать, пока его не снимет. То же производит высушенная голова летучей мыши, привязанная к правой руке бодрствующего; если же положить её на спящего, он, говорят, не проснётся, пока её не уберут. Таким же образом лягушка и филин делают разговорчивым, особенно их язык и сердце: язык водяной лягушки, подложенный под голову,

заставляет говорить во сне, а сердце филина, положенное на левую грудь спящей женщины, как говорят, заставляет её высказать все тайны. То же, говорят, производят сердце совы и заячье сало, положенные на грудь спящего. Таким же образом все долговечные животные способствуют долгой жизни, а всё, обладающее обновляющей силой, способствует обновлению нашего тела и восстановлению юности, знание чего врачи не раз показывали, как это очевидно в случае гадюки и змей. Известно, что олени обновляют свою старость, поедая змей; подобным образом феникс обновляется посредством костра, который сам себе устраивает. Подобная сила есть в пеликане: если его правую лапу положить под тёплый навоз, через три месяца из неё вновь рождается пеликан. Поэтому некоторые врачи обещают восстановить юность определёнными составами из гадюки, чемерицы и мяса некоторых подобных животных; иногда восстанавливают — порою, впрочем, такую юность, какую Медея, пообещав, возвратила старику Пелию. Верили также, что медвежья кровь, выпитая прямо из свежей раны приложенным ртом, таким питьём приращивает телесную мощь, поскольку это животное весьма сильно.

Глава XVI. Каким образом действия различных сил переливаются из одной вещи в другую и сообщаются взаимно

Надлежит знать, что могущество природных вещей столь велико, что они не только воздействуют своей силой на всё приближающееся, но сверх того вливают в него подобное могущество, посредством которого и оно той же силой воздействует на другое. Так видим на примере магнита: этот камень не только притягивает железные кольца, но и вливает в сами кольца силу, благодаря которой они могут делать то же самое; Августин и Альберт сообщают, что видели это. Подобным образом, говорят, публичная блудница, в которой дерзость и бесстыдство беспредельны, этим свойством воздействует на всё близкое к ней, а оно затем передаёт его другим. Поэтому говорят, что если кто наденет платье или рубашку блудницы либо будет иметь при себе зеркало, в которое она ежедневно смотрелась, он станет дерзким, бесстрашным, бесстыдным и похотливым. Подобно этому говорят, что ткань, бывшая при погребении, приобретает некоторое печальное и сатурническое свойство; также и верёвка повешенного обладает удивительными свойствами. Сходно с этим то, что рассказывает Плиний: если под ослеплённую зелёную ящерицу подстелить землю и вместе с нею заключить в стеклянном сосуде кольца из цельного железа или золота, а когда станет видно, что ящерица вновь обрела зрение, выпустить её из сосуда, то кольца против воспаления глаз окажутся действенными. То же действительно для ласки и колец: известно, что к ней возвращается зрение даже после выкалывания глаз. Подобным образом кольца на определённое время

помещают в гнездо воробьёв или ласточек, после чего пользуются ими для любви или благосклонности.

Глава XVII. Каким образом надлежит исследовать и испытывать силы вещей через вражду и дружбу

Теперь следует рассмотреть, что все вещи имеют между собой дружбу и вражду; у каждой вещи есть нечто страшное, ужасающее, враждебное и губительное, а с другой стороны — нечто вызывающее ликование, радующее и укрепляющее. Так среди стихий огонь противится воде, воздух — земле; в остальном они согласуются между собой. Среди небесных тел друзья Сатурна — Меркурий, Юпитер, Солнце и Луна, а враги — Марс и Венера. Друзья Юпитера — все планеты, кроме Марса; Марса же все ненавидят, кроме Венеры. Солнце любят Юпитер и Венера, враждуют с ним Марс, Меркурий и Луна. Венеру любят все, кроме Сатурна. Друзья Меркурия — Юпитер, Венера и Сатурн; враги — Солнце, Луна и Марс. Друзья Луны — Юпитер, Венера и Сатурн; враги — Марс и Меркурий. Есть и другая вражда светил: когда они имеют противоположные дома, как Сатурн и светила, Юпитер и Меркурий, Марс и Венера. Сильнее вражда тех, чьи возвышения противоположны: Сатурна и Солнца, Юпитера и Марса, Венеры и Меркурия. Сильнейшая же дружба у тех, кто согласуется по природе, качеству, сущности и могуществу, как Марс с Солнцем, Венера с Луной, а также Юпитер с Венерой. Есть дружба и у тех, чьё возвышение находится в доме другого, как у Сатурна с Венерой, Юпитера с Луной, Марса с Сатурном, Солнца с Марсом, Венеры с Юпитером, Луны с Венерой. Каковы дружбы и вражды высших, таковы склонности подчинённых им вещей в нижнем мире. Следовательно, отношения дружбы и вражды — не что иное, как некоторые взаимные склонности вещей:

стремиться к той или иной вещи, когда её нет; двигаться к ней, если нет препятствия; успокаиваться, достигнув её; избегать противоположного, страшиться его приближения и не находить в нём покоя. Руководствуясь этой мыслью, Гераклит провозгласил, что всё совершается через вражду и дружбу. Дружественные склонности у растений и минералов таковы: у магнита — притяжение к железу; у изумруда — к богатству и благосклонности; у яшмы — к родам; у агата — к красноречию. Подобным образом нефть привлекает огонь, и он устремляется в неё, откуда бы ни увидел её; так и корень травы апроксис издалека притягивает огонь, словно нефть. Подобная склонность существует между мужской и женской пальмами: когда ветвь одной коснётся ветви другой, они сплетаются во взаимном объятии, и женская не приносит плода без мужской; также одинокий миндаль менее плодовит. Виноград любит вяз и полевой клён; маслина и мирт любят друг друга, равно как маслина и смоковница. Среди животных дружба существует между чёрным и певчим дроздом, вороной и цаплей, павлинами и голубями, горлицами и попугаями. Поэтому Сапфо пишет Фаону:

И белые голубки часто соединяются с пёстрыми,
И чёрную горлицу любит зелёная птица.

Дружат также мускул и кит.

Дружба животных с другими вещами. Животные дружат не только между собой, но и с другими вещами — металлами, камнями и растениями. Так кошка радуется траве непете: говорят, что, потираясь о неё, она зачинает и тем восполняет отсутствие самца. Кобылицы в Каппадокии выставляют себя дуновению ветра и зачинают от его веяния и вдыхания. Так

лягушки, жабы, змеи и все ядовитые пресмыкающиеся радуются растению, называемому «сельдереем смеха», о котором врачи говорят, что отведавший его умирает со смехом. Черепаха, когда её преследует змея, ест душицу и укрепляется ею; аист, питаясь змеями, ищет спасения в душице; ласка, собираясь сражаться с василиском, ест руту. Отсюда мы узнаём, что душица и рута обладают силой против ядов. Так некоторые животные обладают природным знанием и врождённым врачебным искусством: жаба, раненная чужим укусом и ядом, обычно подходит к руте или шалфею, трёт о них место раны и таким образом избавляется от опасности яда.

Чему люди научились у бессловесных животных. Так люди узнали от животных весьма многие средства против болезней и силы вещей. Ласточки указали на чистотел — траву, полезную зрению, которой они лечат глаза своих птенцов; сорока, заболевая, кладёт в гнездо лавровый лист и так выздоравливает. Подобным образом лесные голуби, галки, куропатки и чёрные дрозды лавровыми листьями очищаются от ежегодного отвращения к пище; ими же вороны обезвреживают яд хамелеона. Лев при лихорадке выздоравливает, проглотив обезьяну; удод, пострадав от съеденного винограда, лечится адиантом. Олени показали, что трава диктамн полезна для извлечения стрел: поражённые снарядом, они, поев этой травы, выбрасывают его; то же делают критские козы. Оленихи незадолго до родов очищаются травой, называемой сесели; также, поражённые фалангием, они ищут исцеления, поедая раков. Свиньи, пострадавшие от змей, лечатся той же пищей. Вороны, почувствовав отравление галльским ядом, ищут дуб или, по словам других, корвацию как лекарство. Слоны, проглотив хамелеона, помогают себе дикой маслиной. Медведи, пострадавшие от мандрагоры, спасаются, проглотив муравьёв.

Гуси, утки и прочие водяные птицы лечатся травой сидеритис; голуби, горлицы и куры — травой гельксиной; журавли — ситником; пантеры против аконита лечатся человеческими испражнениями; кабаны — плющом; оленихи — травой киннарой.

Глава XVIII. О враждебных склонностях

Противоположным образом устроены враждебные склонности: это словно ненависть природы, некий гнев, негодование и властная противоположность, заставляющие вещь избегать своего противника или отгонять то, что бежит от её лица. Такие склонности имеет ревень к желчи, териак к яду, сапфир к карбункулу, лихорадочному жару и болезням глаз; аметист к опьянению; яшма к кровотечению и вредоносным призракам; изумруд и авраамово дерево к похоти; агат к ядам; пион к падучей болезни; коралл к иллюзиям чёрной желчи и желудочным болям; топаз к душевным страстям — алчности, похоти и всякой чрезмерности любви. Подобна склонность муравьёв к душице, крылу летучей мыши и сердцу удода: от их присутствия они бегут. Душица противна также сольпугам и противостоит саламандрам; с капустой она находится в столь упорной вражде, что они попеременно уничтожают друг друга. Огурцы так ненавидят масло, что изгибаются крючком, лишь бы его не коснуться. Говорят, воронья желчь прогоняет и отпугивает людей от места, где спрятана вместе с некоторыми другими вещами. Так алмаз враждует с магнитом, что, положенный рядом, не позволяет притянуть железо. Овцы избегают лягушачьего сельдерея как смертоносного; и, что удивительнее, природа изобразила знак этой смерти на овечьей печени, где естественным образом виден рисунок лягушачьего сельдерея. Козы так ненавидят базилик, что ничто не считают более губительным для себя. Среди животных враждуют мыши и ласки: поэтому утверждают, что сыра, если к закваске добавлен мозг ласки, мыши не трогают и что он также не портится от старости. Пятнистая ящерица столь противна скорпионам, что уже своим

видом вызывает у них страх и оцепенение холодного пота; поэтому её разлагают в масле и, смазывая им места скорпионьих укусов, обезвреживают их. Есть вражда и между скорпионами и мышами; поэтому мышь, приложенная к укусу скорпиона, как говорят, исцеляет его. Враждуют также скорпион и сталаборы, аспиды и ихневмоны. Говорят, ничто так не противится змеям, как раки, и свиньи после укуса лечатся этой пищей; когда солнце находится в Раке, змеи также мучаются. Скорпион и крокодил взаимно убивают друг друга; если коснуться крокодила пером ибиса, он станет неподвижным. Птица дрофа улетает при виде лошади; раб бежит при виде барана, также при виде гадюки. Слон боится, услышав свиной хрюк, львы — увидев петуха. Пантеры не трогают смазанных куриным отваром, особенно если в нём сварен чеснок. Есть вражда между лисицами и лебедями, быками и воронами. Среди птиц непрестанно воюют вороны и совы, коршун и ворон, пинталы и горлицы, бикут и пагр, хлорий и горлица, эгипии и орлы, олени и драконы. Среди водяных животных враги — дельфины и киты, кефаль и морской волк, мурена и морской угорь. Лангуст так боится осьминога, что, увидев его рядом, совсем умирает. Морские угри терзают лангуста, а также осьминога. Говорят, пантеры так боятся гиены, что не пытаются сопротивляться ей или коснуться чего-либо от её шкуры; если шкуры обоих животных подвесить друг против друга, у пантеры, говорят, выпадают волосы. Гор Аполлон в «Иероглификах» говорит: если кто, опоясавшись шкурой гиены, пройдёт посреди врагов, никто его не ранит и он бесстрашно минует их. Подобным образом ягнёнок испытывает вражду и вред волка по отношению к себе, ужасается, бежит от него и боится. Говорят, если над кормушкой подвесить хвост, шкуру или голову волка, овцы печалятся и от чрезмерного страха ничего не

едят. Плиний сообщает, что эсалон — маленькая птица, разбивающая вороньи яйца; лисицы нападают на её птенцов, а она в ответ щиплет их детёнышей и саму лисицу; вороны, увидев это, напротив, помогают ей, словно против общего врага. Птичка акантис живёт в терновнике и потому ненавидит ослов, пожирающих его цветы. Егит, совсем маленькая птица, как говорят, настолько враждует с ослом, что кровь их, как установлено, не смешивается; когда осёл ревёт, яйца и птенцы егита гибнут. Говорят также, что маслина настолько враждует с блудницей, что посаженная ею навсегда остаётся бесплодной или совсем засыхает. Лев ничего не боится больше горящих факелов, и считается, что только ими его можно укротить. Волк не боится ни железа, ни копья, но боится камня: в ране от брошенного камня у него заводятся черви. Лошадь так страшится верблюда, что не выносит ни его вида, ни его присутствия. Разъярённый слон, увидев барана, успокаивается. Змея боится нагого человека, которого преследует одетым. Если свирепого быка привязать к смоковнице, его напор ослабевает. Янтарь притягивает всё, кроме базилика и вещей, смазанных маслом, с которыми он враждует по некой природной антипатии.

Глава XIX. Каким образом следует исследовать и испытывать силы вещей, присущие им по всему виду или врождённые какой-либо вещи как особый дар отдельного существа

Силы присущи вещам двояким образом. Кроме того, следует учитывать, что некоторые силы присущи вещам по виду: например, смелость и отвага — льву и петуху, робость — зайцу и ягнёнку, хищность и прожорливость — волку, коварство и лживость — лисице, лесть — собаке, алчность — ворону и вороне, гордость — лошади, гнев — тигру и кабану, печаль и меланхолия — коту, похоть — воробью, и так далее. Ведь большая часть природных сил сопровождает вид. Другие же присущи вещам индивидуально: так некоторые люди столь сильно не выносят вида кошки, что не могут смотреть на неё без величайшего ужаса; очевидно, что этот ужас присущ им не по человеческому виду. Авиценна рассказывает, что в его время жил человек, от которого убегали все ядовитые существа; все, которым случалось укусить его, умирали, а сам он оставался совершенно невредим. Альберт сообщает, что видел в Кёльне Агриппины девушку, охотившуюся на пауков ради еды и, наслаждаясь такой пищей, отлично ею питавшуюся. Таковы дерзость блудницы и робость вора. В этом смысле философы говорят, что отдельное существо, никогда не болевшее, помогает против всякой болезни. Поэтому, говорят, кость умершего человека, никогда не страдавшего лихорадкой, подвешенная над больным, избавляет от четырёхдневной лихорадки. Отдельным существам присущи также многие особые силы, влитые небесными телами, как мы показали выше.

Глава XX. О том, что природные силы одним вещам присущи во всей их сущности, другим — в определённых частях или членах

Далее следует учитывать, что некоторым вещам силы присущи в целом, то есть во всей их сущности или во всех частях. Так маленькая рыбка эхенеис, которая, как говорят, одним прикосновением останавливает корабль, делает это не какой-либо особой частью, но всей своей сущностью. Так гиена всей своей сущностью обладает тем свойством, что от прикосновения её тени собаки немеют. Так чистотел полезен зрению не какой-либо одной, но всеми своими частями — корнем не меньше, чем листьями и семенами; и так далее. Другие силы присущи вещам лишь в некоторых частях: только в языке, глазах или иных членах либо частях. Так в глазах василиска и катоблепа заключена жесточайшая сила убивать людей, когда они их увидят; подобная сила есть в глазах гиены: какое бы животное она ни оглядела, оно тотчас застывает, цепенеет и не может двигаться. Подобная сила есть в глазах некоторых волков: если они первыми увидят человека, он цепенеет и настолько хрипнет, что, желая крикнуть, не может воспользоваться голосом. Вергилий упоминает об этом:

И голос теперь
Сам Мериса покинул: волки первыми Мериса увидели.

Почему зачаровывающие пользуются преимущественно глазами, а не иными частями. Так в Скифии, у иллирийцев и трибаллов были некоторые женщины, которые, как говорят, всякий раз убивали тех, на кого смотрели в гневе. Также читаем, что существовали тельхины, народ Родоса, своим взглядом

обращавшие всё к худшему, за что Юпитер потопил их. Поэтому зачаровывающие используют глаза подобных животных в глазных мазях, намереваясь посредством зачарования вызвать подобные воздействия. Так муравьи бегут от сердца удода, а не от головы, ноги или глаз; желчь пятнистых ящериц, растёртая в воде, как говорят, собирает ласок, но не хвост или голова. Козья желчь, заключённая в медном сосуде в земле, собирает лягушек; козья печень противна всем бабочкам и молям. Собаки бегут от того, кто имеет собачье сердце; лисицы не трогают петухов, поевших лисьей печени. Так весьма многие вещи обладают различными силами, по-разному распределёнными по их частям, согласно тому, как они вливаются с небес в зависимости от различия воспринимающего. Так в человеческом теле кости принимают лишь жизнь, глаза — зрение, уши — слух. Есть в человеческом теле крошечная кость, которую евреи называют луз, величиной с очищенную горошину нута; она не подвержена никакому разрушению, не побеждается даже огнём, но всегда сохраняется невредимой. Из неё, как говорят, словно растение из семени, вновь произрастёт наше одушевлённое тело при воскресении мёртвых. Эти силы открываются не рассуждением, но опытом.

Глава XXI. О силах вещей, присущих им только при жизни, и о том, что остаётся в них также после гибели

Кроме того, следует знать, что некоторые свойства присущи вещам только при жизни, а некоторые сохраняются и после смерти. Так эхенеис останавливает суда, а василиск и катоблеп убивают взглядом, пока живы; после смерти ничего подобного они не делают. Так передают, что при коликах, если приложить к животу живую утку, болезнь переходит на неё и утка умирает. Подобно этому Архит говорит: если сердце, только что извлечённое из животного, ещё тёплое и живое, подвесить над страдающим четырёхдневной лихорадкой, оно устранит её. Так, если кто проглотит сердце удода, ласточки, ласки или крота ещё живым и бьющимся, оно способствует его памяти, припоминанию, пониманию и прорицанию.

То, что собирают у животных, должно отнимать у них живыми. Отсюда возникло общее правило: всё, что следует собирать от животных — камни, члены или выделения, как волосы, испражнения, копыта, — нужно брать, пока животные ещё живы и, если возможно, так, чтобы и после они оставались живыми. Поэтому предписывают: взяв язык лягушки, отпусти её живой в воду; взяв зуб или глаз волка, не убивай волка; и так далее. Демокрит передаёт: если извлечь язык живой морской лягушки, не захватив никакой иной части тела, отпустить её в море и положить язык на место биения сердца спящей женщины, она правдиво ответит на всё, о чём её спросят. Подобным образом обещают изгнать трёхдневную лихорадку, привязав больному до восхода солнца глаза лягушек и отпустив ослеплённых в воду.

Передают, что те же глаза, привязанные вместе с мясом соловья в оленьей коже, дают бодрствование, прогоняя сон. Также, говорят, шип ската, привязанный к пупку, облегчает роды, если он взят у живого животного, которое затем вновь отпущено в море. Так, говорят, правый глаз змеи, привязанный к телу, помогает против слезотечения, если змея отпущена живой. Есть некая рыба, или огромная змея, по имени мир: если вырвать её глаз и привязать ко лбу больного, это, говорят, исцеляет воспаление глаз, а у рыбы глаз отрастает вновь; но тот, кто не отпустил её живой, теряет зрение одного глаза. Также зубы любых змей, извлечённые у живых и подвешенные над больным, как говорят, исцеляют четырёхдневную лихорадку; зуб живого крота, после чего его отпускают, исцеляет зубную боль; собаке не свойственно облаивать того, кто имеет хвост отпущенной ласки. Демокрит рассказывает, что язык хамелеона, вырванный у живого, сильно влияет на исход суда и благотворен роженицам, находясь около дома; однако следует остерегаться вносить его внутрь, ибо это крайне губительно.

Что сохраняет свои силы после смерти. Есть свойства, сохраняющиеся после смерти; о них платоники говорят, что в вещах, где идея менее погружена в материю, даже после смерти и гибели бессмертное начало не перестаёт творить чудеса. Так в сорванных и высохших травах и растениях ещё живёт и действует сила, некогда влитая идеей. Отсюда: как орёл при жизни превосходит и побеждает всех птиц, так и после его смерти его перья разрушают и разъедают перья и пух всех других птиц. По той же причине львиная шкура все прочие шкуры уничтожает, шкура гиены разрушает шкуры пантеры, а волчья шкура разъедает шкуру ягнёнка. Некоторые из них делают это не только при телесном соприкосновении, но иногда также в звуковом

созвучии.

Различное действие барабанов из различных шкур. Так барабан, сделанный из шкуры адиба, то есть волка, заставляет умолкнуть барабан из шкуры ягнёнка. Подобным образом барабан из кожи морского ежа далеко прогоняет всех пресмыкающихся на любом расстоянии, где слышен такой звук. Очевидно также, что если струны из волчьих кишок натянуть на лире или кифаре вместе с овечьими, никакого созвучия не получится.

Глава XXII. Каким образом низшие вещи подчинены небесным телам и как человеческое тело, занятия и нравы людей распределяются между звёздами и знаками

Ясно, что всё низшее подчинено высшему и некоторым образом, как говорит Прокл, взаимно пребывает одно в другом: высшее в низшем, низшее в высшем. Так в небе есть земное, но как в причине и небесным способом; а в земле есть небесное, но земным способом, то есть по действию. Так мы говорим, что здесь существуют некоторые солнечные и лунные существа, в которых солнце и луна производят нечто своей силой. Поэтому такие вещи получают многие действия и свойства, сходные с действиями звёзд и фигур, которым подчинены. Так мы узнаём солнечные вещи по их отношению к сердцу и голове вследствие Льва, дома Солнца, и Овна, возвышения Солнца; марсианские вещи помогают голове и яичкам вследствие Овна и Скорпиона. Поэтому для тех, у кого от винного опьянения расстроены чувства и болит голова, скорым средством служит погружение яичек в холодную воду или омовение уксусом. Но здесь необходимо знать, как человеческое тело распределяется между планетами и знаками. Итак, знай: согласно преданию арабов, Солнце управляет мозгом, сердцем, бёдрами, костным мозгом, правым глазом и духом жизни; Меркурий — языком, ртом и прочими орудиями, или органами, как внутренних, так и внешних чувств, а также руками, ступнями, голенями, нервами и воображающей способностью; Сатурн — селезёнкой, желудком, мочевым пузырём, маткой, правым ухом и самой воспринимающей способностью; Юпитер — печенью, более мясистой частью

желудка, животом и пупком.

Почему в храме Юпитера Аммона было изображение пупка. Поэтому древность передаёт, что в храме Юпитера Аммона помещалось изображение пупка. Кроме того, некоторые приписывают ему также рёбра, лобок, кишки, кровь, руки, правую кисть, левое ухо и природную способность. Марсу вверяют кровь, вены, почки, жёлчный пузырь, ноздри, спину, истечение семени и гневливую силу. Венере — почки и яички, женские половые органы и матку, семя и вожделеющую силу; кроме того, говорят, она управляет плотью, жиром, животом, лобком, пупком и всем служащим венериному делу — крестцом, позвоночником и поясницей, а также головой и ртом, которым даётся поцелуй, залог любви. Луна, хотя и присваивает себе всё тело и каждый член соответственно различным знакам, особенно имеет в своём ведении мозг, лёгкие, спинной мозг, желудок, месячные истечения, все выделения и левый глаз вместе с силой роста.

Каким планетам и знакам зодиака подчинены части человеческого тела. Сам Гермес говорит, что в голове животного семь отверстий, распределённых между семью планетами: правое ухо — Сатурну, левое — Юпитеру, правая ноздря — Марсу, левая — Венере, правый глаз — Солнцу, левый — Луне, рот — Меркурию. Каждый знак зодиака также печётся о своих членах: Овен управляет головой и лицом; Телец — шеей; Близнецы — руками и плечами; Рак — грудью, лёгкими, желудком и верхней частью рук; Лев — сердцем, желудком, печенью и спиной; Дева относится к кишкам и дну желудка; Весы управляют почками, бедром и ягодицами; Скорпион — половыми органами, вульвой и маткой; Стрелец господствует над бедром и подпаховыми

областями; Козерог управляет коленями; Водолей — голенями; Рыбы — ступнями. Как триплицитеты этих знаков соответствуют друг другу и согласуются в небесах, так они согласуются и в членах тела. Опыт достаточно подтверждает это: от холода ног болят живот и грудь, соответствующие тому же триплицитету. Поэтому и средство, приложенное к одному, помогает другому: согревание ног прекращает боль живота. Помня этот порядок, знай, что вещи, подчинённые какой-либо планете, имеют особое отношение или склонность к членам, приписанным той же планете, прежде всего её домам и возвышению; остальные достоинства — триплицитеты, пределы и лики — здесь мало значат. Поэтому пион, цитрария, гвоздика, кожура цитрона, майоран, дорикний, корица, шафран, алойное дерево, ладан, амбра, мускус и отчасти мирра врачуют голову и сердце благодаря Солнцу, Овну и Льву. Так подорожник, трава Марса, врачует голову и яички благодаря Овну и Скорпиону; и так далее. Кроме того, сатурнические вещи способствуют печали и меланхолии, юпитерианские — радости и достоинству, марсианские — смелости, ссоре и гневу, солнечные — славе, победе и отваге, венерины — любви, похоти и вожделению, меркурианские — красноречию, лунные — обыденной жизни.

Нравы и занятия людей подчинены планетам. Сами занятия и нравы людей распределены согласно планетам: Сатурн управляет стариками, монахами, меланхолиями, скрытыми сокровищами и тем, что приобретается в далёких путешествиях и с трудом. Юпитер имеет в своём ведении благочестивых людей, прелатов, царей, вождей и законно приобретённую прибыль. Марс — цирюльников, хирургов, врачей, ликторов, палачей, мясников, работников печей, пекарей и воинов, которых повсюду называют марсовыми. Подобным образом и остальные светила обозначают

свои занятия, как описано в книгах астрологов.

Глава XXIII. Как узнать, каким звёздам подчинены природные вещи, и какие вещи солнечные

Очень трудно узнать, какие вещи какой звезде или знаку подчинены; всё же их узнают по подражанию лучам, движению или фигуре высших тел; некоторые — по цветам и запахам, некоторые — по результатам своих действий, согласным с определёнными звёздами. Так среди стихий солнечны огонь и светлое пламя; среди жидкостей — более чистая кровь и дух жизни; среди вкусов — острый, смешанный со сладостью. Среди металлов — золото благодаря блеску; от Солнца оно получает способность укреплять сердце. Среди камней солнечны те, что золотистыми крапинами подражают солнечным лучам: так аэтит, подражающий Солнцу золотыми крапинами, имеет силу против падучей болезни и ядов. Камень, называемый солнечным глазом, имеющий форму, подобную зрачку, из середины которого исходит луч, укрепляет мозг и помогает зрению. Карбункул, светящийся ночью, обладает силой против всякого воздушного и парообразного яда.

Камень хризолит. Хризолит имеет тонкую и светлую зелень, в которой, когда его выставляют против солнца, вспыхивает золотая звезда; он укрепляет органы жизненного духа и помогает страдающим астмой. Если его просверлить, наполнить отверстие ослиной щетиной и привязать к левой руке, он прогоняет призраков, отгоняет меланхолические страхи и безумие.

Камень ирис. Камень ирис по цвету подобен хрусталю и часто встречается шестиугольным; когда под крышей одну его часть

выставляют солнечным лучам, а другую держат в тени, он собирает в себе солнечные лучи и, отражая их, заставляет радугу появиться на противоположной стене. Гелиотроп, зелёный, словно яшма или изумруд, усеянный красными крапинами, делает человека стойким, славным и доброго имени, способствует долголетию. Удивительна его сила над солнечными лучами: говорят, он обращает их в кровь, то есть заставляет выглядеть кровавыми, словно солнце претерпевает затмение, если смазать его соком одноимённой травы и положить в сосуд, наполненный водой. Ещё удивительнее его сила над глазами людей: он так поражает их остроту и ослепляет зрение, что не позволяет увидеть носящего его; однако этого он не делает без помощи одноимённой травы, называемой также гелиотропом, то есть солнцеворотом. Эти силы подтверждают в своих сочинениях Альберт Великий и Вильгельм Парижский.

Силы гиацинта. Гиацинт также получает от Солнца силу против ядов и моровых испарений; делает носящего его защищённым и приятным, способствует богатству и уму, укрепляет сердце; удерживаемый во рту, сильно веселит душу.

Пирофил. Также пирофил — камень смешанного красноватого цвета. По свидетельству Альберта, Эскулап в одном из писем Октавиану Августу рассказывает о нём: есть яд столь холодный, что предохраняет сердце убитого человека от сгорания; если некоторое время держать его в огне, оно превращается в камень. Это и есть камень, названный от огня пирофилом. Он обладает удивительной силой против ядов, делает носящего его славным и страшным для противников. Более всех солнечен камень, который, как говорят, нашёл Аполлоний, — пантаура: он притягивает другие камни, как магнит железо, и чрезвычайно

действен против всех ядов. Другие называют его пантером, ибо он подобен пятнистому животному пантере; также его называют пантохрасом, поскольку он содержит все цвета. Аарон именует его эвантом. Солнечны также топаз, хризопраз, рубин, балас; также аурипигмент и вещи золотого цвета и большого блеска. Среди растений и деревьев солнечны обращающиеся к солнцу, как гелиотроп, и те, что складывают листья при уходе солнца, а при восходе постепенно раскрывают, как лотос: о том, что это солнечное деревце, свидетельствует, по словам некоторых, форма его плодов и листьев. Таковы пион, чистотел, цитрария, имбирь, горечавка, диктамн, а также вербена, дающая прорицание и очищение и прогоняющая злых демонов. Также лавр, посвящённый Фебу, кедр, пальма, ясень, плющ, виноград и всё, что отгоняет яды и молнии и, вечно зеленея, не боится зимнего холода. Солнечны также мята, мастика, цедоария, шафран, бальзам, амбра, мускус, жёлтый мёд, алойное дерево, гвоздика, корица, душистый тростник, перец, ладан, майоран и ливанотис, который Орфей называет солнечным воскурением. Среди животных солнечны великодушные, отважные, стремящиеся к победе и славе: лев — царь зверей, крокодил, рысь, баран, козёл, бык — царь стад, посвящённый египтянами Солнцу в Гелиополе и называемый ими веритом; также бык Апис в Мемфисе и бык по имени Патим в Гермонте. Волк посвящён Аполлону и Латоне. Кроме того, солнечен кинокефал, который лает двенадцать раз в день, каждый час, а во время равноденствия двенадцать раз мочится, каждый час; то же и ночью, почему египтяне изображали его на водяных часах.

Почему египтяне изображали кинокефала на водяных часах. Среди птиц солнечны феникс — единственная птица, орёл — царь птиц, а также гриф, лебедь и птицы, которые словно гимнами

приветствуют восходящее солнце и как бы призывают его, как петух и ворон. Также ястреб, поскольку в египетской теологии он символ духа и света, причисляется Порфирием к солнечным. Солнечно также всё, что воспроизводит подобие солнечных действий: червячки, светящиеся ночью, и жук, называемый селеной, светлого вида, также именуемый кантаром; он катит шарики, сидит на них и порождает других. По толкованию Аппиона, именно этим он воспроизводит подобие солнечных действий; известно также, что его глаза меняются согласно ходу солнца, почему он считается солнечным, равно как и происходящее от него. Среди рыб наиболее солнечен морской телёнок, противостоящий молнии; также дактиль и морское лёгкое, светящиеся ночью, морская звезда вследствие жгучего жара, стромбы, следующие за царём, и также маргары, имеющие царя и, высохнув, твердеющие в камень золотого цвета.

Глава XXIV. Какие вещи подчинены Луне

Среди стихий лунные — земля, затем вода, как морская, так и речная, и всё влажное, соки деревьев и жидкости животных, особенно белые, как яичный белок, жир, пот, слизь и телесные выделения. Среди вкусов — солёный и безвкусный; среди металлов — серебро; среди камней ей принадлежат хрусталь, серебряный марказит и вообще всё белое и зелёное. Также камень селенит, то есть лунный, беловатый, просвечивающий, с медовым блеском, подражающий движению Луны: он имеет в себе её фигуру и день за днём воспроизводит её возрастание и убывание. Также жемчужины, порождаемые каплями воды в раковинах; подобным образом хрусталь и берилл.

Лунные деревья и растения. Среди растений и деревьев лунны селенотроп, обращающийся к луне, как гелиотроп к солнцу, и пальма, выпускающая по ветви при каждом восходе луны; также иссоп, разновидность розмарина, самое малое дерево и самое большое из травянистых растений, причастное обоим. Лунны также агнус кастус, или целомудренное дерево, и маслина. Такова и трава хиностатес, растущая и убывающая вместе с луной не только во влаге и силе, но в самом веществе и числе листьев. Это некоторым образом обще всем растениям, кроме марсианского лука, который один имеет обратные силы уменьшения и возрастания против возрастания и убывания луны, как среди крылатых оригис, сатурническая птица, особенно враждебна одновременно Луне и Солнцу.

Лунные животные. Лунны животные, радующиеся общению с человеком и одинаково отличающиеся изменчивой природной любовью и ненавистью, как собаки всех видов. Лунен также

хамелеон, который всегда принимает цвет, подобный цвету находящегося перед ним предмета, как Луна меняет природу согласно различию знака, в котором находится. Лунны свиньи, оленихи, козы и все животные, соблюдающие и воспроизводящие лунное движение, как кинокефал и пантера: последняя, как говорят, имеет на плече луноподобное пятно, округляющееся и изгибающее рога таким же образом. Лунны и кошки, чьи глаза становятся больше или меньше согласно переменам луны, и подобные вещи, как месячная кровь, с которой маги совершают много удивительного и чудовищного. Также гиена, меняющая пол и подверженная различным чарам, и все животные, называемые земноводными, обитающие одновременно на земле и в воде, как бобры, выдры и ловящие рыб; кроме того, все чудовищные животные и те, которые рождаются без явных семян или от несходного родителя, как мыши от соития и из гниющей земли.

Лунные птицы. Среди птиц лунны гуси, утки, нырки и все водяные и ловящие рыб, как цапли; также возникающие от несходного родителя: осы из трупов лошадей, пчёлы из гниющих коров, мошки из испорченного вина, жуки из ослиного мяса. Особенно лунен двурогий жук, которого называют быкообразным: зарыв шарик, он оставляет его на двадцать восемь дней, за которые луна обходит весь зодиак; на двадцать девятый день, когда, как он полагает, должно произойти соединение светил, он открывает его и бросает в воду, откуда тогда выходят жуки.

Лунные рыбы. Среди рыб лунен сом, глаза которого изменяются согласно переменам луны; также все соблюдающие её движение: электрический скат, эхенеис, рак, устрица,

раковинные животные и лягушки.

Глава XXV. Что подчинено Сатурну

Среди стихий сатурнические — земля, а также вода; среди жидкостей — увлажняющая чёрная желчь, как природная, так и привходящая, кроме пережжённой; среди вкусов — кислые, резкие и тяжёлые. Среди металлов — свинец, а вследствие тяжести также золото и золотой марказит; среди камней — оникс, зиазаа, камоин, сапфир, тёмная яшма, халцедон, магнит и всё землистое, тёмное и тяжёлое. Среди растений и деревьев — асфодель, змеевик, рута, тмин, чемерица, сильфий, мандрагора, опий и то, что одурманивает; то, чего никогда не сеют и что не приносит плодов; то, что производит чёрные ягоды или плоды, как чёрная смоковница, сосна и кипарис.

Кипарис — погребальное дерево. Кипарис — дерево погребальное, не возрождающееся из ягод, мрачное, горькое вкусом, резкое запахом, неприятное тенью, с едчайшей смолой, бесполезное плодом, нетленное долговечностью; к тому же скорбное и посвящённое Диту, как сельдерей, которым в древности обычно устилали могильные вместилища, прежде чем положить в них тела умерших.

Сельдерей прежде запрещался для венков. Поэтому для пиршественных венков дозволялось сплетать гирлянды из любых трав и цветов, кроме сельдерея, поскольку он траурный и не согласуется с весельем. Из животных — пресмыкающиеся, обособленные, одинокие, ночные, печальные, созерцательные или совершенно тупые, жадные, робкие, меланхолические, много трудящиеся, медлительные, питающиеся нечистым и пожирающие своё потомство. К ним относятся крот, осёл, волк, заяц, мул, кот, верблюд, медведь, свинья, обезьяна, дракон,

василиск, жаба, все змеи и ползучие существа, скорпионы, муравьи, а также рождающиеся из гниения в земле, воде, развалинах домов, как мыши и различные черви. Среди птиц сатурнические — длинношеие и грубоголосые, как журавли, страусы и павлины, посвящённые Сатурну и Юноне; также филин, сова, летучая мышь, удод, ворон и крайне завистливая птица оригис. Среди рыб — угорь, живущий отдельно от других рыб, мусипула и морская собака, проглатывающие своих детёнышей; также черепахи, устрицы, раковинные животные, морские губки и происходящее от них.

Глава XXVI. Какие вещи юпитерианские

Среди стихий юпитерианский — воздух; среди жидкостей — кровь и дух жизни, а также всё, относящееся к приращению жизни, питанию и росту. Среди вкусов — сладкие и приятные; среди металлов — олово, серебро и золото благодаря умеренности. Среди камней — гиацинт, берилл, сапфир, тутия, изумруд, зелёная яшма, постоянно зелёные и воздушные цвета. Среди растений и деревьев — борода Юпитера, базилик, воловик, мацис, нард, мята, мастика, девясил, фиалка, плевел, белена, тополь и деревья, считающиеся благоприятными: дуб, эскул, каменный дуб, бук, орешник, тополь, рябина, белая смоковница, груша, яблоня, виноград, слива, ясень, кизил, а также маслина и масло. Кроме того, хлебные злаки, ячмень, пшеница, изюм, солодка, сахар и всё, чья сладость явная и тонкая, с некоторой примесью вяжущего и острого вкуса, как орехи, миндаль, кедровые орешки, фундук, фисташки, корни пиона, миробаланы, ревень и манна. Орфей приписывает ему также стиракс. Среди животных — обнаруживающие некоторое достоинство и мудрость, кроткие, хорошо обучающиеся и добронравные, как олень, бык, слон, и все ручные животные, как овца и ягнёнок. Среди птиц — умеренного сложения, как куры; также яичные желтки. Ещё куропатка, фазан, ласточка, пеликан, а также удод и аист, птицы в высшей степени почтительные, знаки благодарности.

Орёл — знак императоров и символ справедливости. Ему посвящён орёл, знак императоров и символ справедливости вместе с милосердием. Среди рыб — дельфин, анхия и сом благодаря их почтительности.

Глава XXVII. Что относится к Марсу

Среди стихий марсианский — огонь, равно как всё обожжённое и острое; среди жидкостей — желчь; вкусы — горькие, резкие, обжигающие язык и вызывающие слёзы. Среди металлов — железо, красная медь, всё огненное, красное и сернистое; среди камней — алмаз, магнит, кровавый камень, многообразная яшма, аметист. Среди растений и деревьев — чемерица, чеснок, эуфорбий, картабан, аммониак, редька, лавреола, напелл, скаммония и всё ядовитое от избытка жара; также защищённые колючими шипами или прикосновением жгущие, колющие кожу и образующие пузыри, как чертополох, крапива, огненный лютик; и те, которые при еде вызывают слёзы, как лук, шалот, порей, горчица, кастореум; все колючие деревья и кизил, посвящённый Марсу. Из животных — воинственные, хищные, смелые, с острым воображением, как лошадь, мул, козёл, козлёнок, волк, барс, дикий осёл; также змеи и драконы, враждебные ядом; всё досаждающее людям, как блохи и мухи, а также кинокефал из-за гневливости. Все хищные, плотоядные, дробящие кости птицы: орёл, сокол, ястреб, гриф; птицы, называемые зловещими и погребальными: совы, неясыти, пустельги, коршуны; всегда голодные и чрезвычайно хищные, заглатывающие и словно издающие голос удавляемого, как вороны и воро́ны. Более прочих Марсу посвящён дятел. Среди рыб ему принадлежат щука, барабулька, скат-хвостокол, морской баран, морской козёл, морской волк и главк — самые прожорливые и хищные.

Глава XXVIII. Какие вещи венерины

Среди стихий венерины воздух и вода; среди жидкостей — слизь с кровью, духом и детородным семенем; среди вкусов — сладкий, маслянистый и приятный; среди металлов — серебро, жёлтая и красная медь. Среди камней ей соответствуют берилл, хризолит, изумруд, сапфир, зелёная яшма, сердолик, аэтит, лазурит, коралл и все красивые, пёстрые, белые или зелёные. Среди растений и деревьев — вербена, фиалка, венерин волос, трава люция, или валериана, называемая по-арабски фу; также тимьян, ладанум, амбра, мускус, сандал, кориандр, все благовония и приятные, сладкие плоды, как сладкие груши, смоквы, гранаты, которые, по словам поэтов, Венера впервые посадила на Кипре. Кроме того, ей посвящены роза Люцифера и мирт Геспера.

Похотливые козлы и прочее. Ей принадлежат похотливые, изнеженные и сильно любящие животные, как щенки, кролики, плодовитые овцы, козы и козёл, начинающий размножаться раньше остальных животных: говорят, он спаривается уже после седьмого дня от рождения. Также венерины бык благодаря горделивости и телёнок благодаря игривости. Из птиц — лебедь, трясогузка, ласточка, пеликан, гусь-лисица, чрезвычайно любящие птенцов. Также ворон, посвящённый Венере голубь и горлица: одну из двух последних птиц предписывалось приносить для очищения после родов. Венере посвящён и воробей, которого по повелению закона приносили для очищения от проказы, марсианской болезни, которой ничто столь благотворно не противостоит. Египтяне также называют орлицу Венерой, поскольку она склонна к любви: покрытая

тринадцать раз в день, она снова прибегает, если самец зовёт. Среди рыб венерины похотливые морские журавли, чрезвычайно сладострастные скары, морские дрозды за любовь к потомству, кантар, сражающийся за супругу, и титималл за благовоние и приятность запаха.

Глава XXIX. Что следует Меркурию

Среди стихий меркурианская — вода, хотя он движет всеми без различия; подобным образом и жидкостями, однако преимущественно смешанными. Он управляет также животным духом и вкусами разнообразными, чужеземными и смешанными. Из металлов ему принадлежат ртуть, олово, серебряный марказит. Среди камней — изумруд, агат, порфир, топаз, разноцветные камни, те, в которых природой помещены различные фигуры, или искусственно изготовленные, как стекло, а также смешивающие жёлтый цвет с зелёным. Среди растений и деревьев — орешник, пятилистник, пролесник, дымянка, пимпинелла, майоран, петрушка и те, у которых листья короче и меньше, смешанная природа и разнообразная окраска. Животные — проницательные, сообразительные, деятельные, с переменчивым умом, быстрые в беге и легко привыкающие к общению с людьми: собаки, обезьяны, лисицы, ласки, олень и мул; также животные-гермафродиты и попеременно меняющие оба пола, как заяц, гиена и подобные. Среди птиц — от природы находчивые, певчие, музыкальные и подвижные: щеглы, фиговые славки, чёрный и певчий дрозды, жаворонок, соловей, каландра, попугай, сорока, ибис, султанка; также однорогий жук. Среди рыб — трох, оплодотворяющий сам себя, отчего его называют мужеско-женским; также хитрый и меняющий цвет осьминог, скат-хвостокол за проворство и кефаль, сбивающая хвостом пищу с крючка.

Глава XXX. О том, что весь подлунный мир и всё находящееся в нём распределяется между планетами

Кроме того, всё, что встречается во всём мире, испытывает воздействие и получает силу согласно владычеству планет. Так в огне животворный свет принадлежит Солнцу, жар — Марсу; в земле разнообразная поверхность — Луне, Меркурию и звёздному небу, а вся масса — Сатурну. В средних стихиях, где господствует влага, воздушная подчинена Юпитеру, водная — Луне, смешанная — Меркурию и Венере. Подобным образом в природе действующие причины следуют Солнцу, материя — Луне, плодотворность действующих причин — Юпитеру, плодотворность материи — Венере, быстрое достижение результата — Марсу и Меркурию: первому за стремительность, второму за искусность и многообразную силу; устойчивое продолжение всего посвящено Сатурну. Среди растений всё, приносящее плоды, происходит от Юпитера, всё цветущее — от Венеры, всякое семя и кора — от Меркурия, всякий корень — от Сатурна, вся древесина — от Марса, листья — от Луны. Поэтому всё плодоносящее, но не цветущее принадлежит Сатурну и Юпитеру; цветущее и производящее семена, но не плоды — Венере и Меркурию; самопроизвольно возникающее без семени — Луне и Сатурну. Вся красота — от Венеры, сила — от Марса; каждая планета управляет и располагает тем, что ей подобно. Также в камнях тяжесть, клейкость и вяжущее свойство — от Сатурна, благотворность и умеренность — от Юпитера, твёрдость — от Марса, жизнь — от Солнца, привлекательность и красота — от Венеры, сокровенная сила — от Меркурия, общая польза — от

Луны.

Глава XXXI. Каким образом области и царства распределяются между планетами

Сам земной круг по своим царствам и областям распределён между планетами и знаками. Сатурну вместе с Козерогом подчинены Македония, Фракия, Иллирия, Индия, Ариана, Гордиана; многие из этих областей находятся в Малой Азии. Вместе с Водолеем ему подчинены Савроматская область, Оксиана, Согдиана, Аравия, Фазания, Мидия, Эфиопия; эти области большей частью относятся к внутренней Азии. Юпитеру со Стрельцом подчинены Тусция, Кельтика, Испания и Счастливая Аравия; с Рыбами — Ликия, Лидия, Киликия, Памфилия, Пафлагония, Насамония и Гарамантика. Марс с Овном управляет Британией, Галлией, Германией, Барстанией, Келесирией, Идумеей и Иудеей; со Скорпионом — Сирией, Коммагеной, Каппадокией, Матагонитидой, Мавританией и Гетулией. Солнцу с его Львом подчинены Италия, Апулия, Сицилия, финикийцы, халдеи, орсении, или орхении. Венера с Тельцом владеет Кикладами, приморьем Малой Азии, Кипром, Парфией, Мидией и Персией; с Весами правит бактрийцами, каспиями, Серикой, Фиваидой, Оасидой и троглодитами. Меркурий с Близнецами держит Гирканию, Армению, Мантиану, Киренаику, Мармарику и Нижний Египет; с Девой — Грецию, Ахайю, Крит, Вавилон, Месопотамию, Ассирию и Элам, откуда происходят названные в Писании эламиты. Луне с Раком следуют Вифиния, Фригия, Колхида, Нумидия, Африка, Карфаген и вся Карходония. Это мы собрали согласно мнению Птолемея; по сочинениям других астрологов можно было бы многое добавить. Но кто сумеет сопоставить эти разделения областей, сверх такого звёздного распределения, со служениями

управляющих интеллигенций, благословениями колен Израилевых, уделами апостолов и прообразовательными знаками Священного Писания, тот сможет извлечь великие, даже пророческие предсказания будущего относительно каждой области.

Глава XXXII. Что подчинено знакам и неподвижным звёздам и их изображениям

Во всём подобным образом следует рассуждать и о фигурах неподвижных звёзд. Так полагают, что небесному Овну подчинён земной баран, небесному Тельцу — земные бык и вол, Раку — раки, Льву — львы, Деве — девственницы; Скорпион начальствует над скорпионами, Козерог — над козерогами, Стрелец — над лошадьми, знаку Рыб подчинены рыбы. Подобным образом небесная Медведица начальствует над медведями, Гидра — над змеями, Псу подчинены собаки; и так далее. Апулей распределяет между знаками и планетами некоторые главные, словно собственные им травы: Овну — элелисфакон, Тельцу — перистереон прямостоячий, Близнецам — перистереон распростёртый, Раку — симфит, Льву — цикламен, Деве — каламинт, Весам — скорпиур, Скорпиону — полынь, Стрельцу — анагаллис, Козерогу — щавель, Водолею — драконтию, Рыбам — кирказон. Планетам же: Сатурну — молодило, Юпитеру — евпаториум, Марсу — певкедан, Солнцу — гелиотроп, Венере — панакс, или каллитрих, Меркурию — флом, Луне — аглаофотис. Гермес же, которому следует Альберт, даёт Сатурну асфодель, Юпитеру белену, Марсу подорожник, Солнцу спорыш, Венере вербену, Меркурию пятилистник, Луне хеностак. Также опытом мы узнаём, что спаржа подчинена Овну, а базилик — Скорпиону.

Удивительное сеяние спаржи. Порождение скорпионов. Ибо из посеянных опилок бараньего рога рождается спаржа, а базилик, растёртый между двумя камнями, порождает скорпионов. Кроме того, из наиболее заметных звёзд я перечислю здесь некоторые согласно учению Гермеса и Тебита. Первая называется головой

Алголя и управляет среди камней алмазом, среди растений — чёрной чемерицей и полынью. Далее следуют Плеяды, управляющие среди камней хрусталём и диодоком, среди растений — травой диацедон, ладаном и фенхелем; кроме того, из металлов им подчиняют ртуть. Третья, Альдебаран, имеет под собой среди камней карбункул и рубин, среди растений — молочай и жимолость. Четвёртая называется Козой: она держит среди камней сапфир, среди растений — шандру, или прасий, мяту, полынь и мандрагору. Пятая — Большой Пёс: ему подчинён среди камней берилл, среди растений — можжевельник сабина, полынь и драконтия, из животных — змеиный язык. Шестая, Малый Пёс, имеет среди камней агат, среди растений — цвет гелиотропа и болотной мяты.

Сердце Льва. Седьмая, сердце Льва, имеет среди камней гранат, среди растений — чистотел с полынью и мастику.

Большая Медведица. Восьмая, хвост Большой Медведицы, имеет среди камней магнит, среди растений — цикорий, листья и цветы которого поворачиваются к северу, и полынь с цветком барвинка, из животных — волчий зуб.

Крыло Ворона. Девятая называется крылом Ворона: ей подчинён среди камней чёрный оникс, среди растений — щавель, квадриген, белена и окопник, из животных — лягушачий язык.

Колос. Десятая, Колос, имеет среди камней изумруд, среди растений — шалфей, клевер, барвинок, или промаруллу, полынь и мандрагору.

Альхамех. Одиннадцатая называется Альхамех: она управляет среди камней яшмой, среди растений — подорожником. Двенадцатая — Эльфея: среди камней ей подчинён топаз, среди

растений она управляет розмарином, клевером и плющом. Тринадцатая называется сердцем Скорпиона: среди камней ей подчинены сардоникс и аметист, среди растений — длинный кирказон и шафран. Четырнадцатая — Падающий Гриф: ему подчинён среди камней хризолит, среди растений — чабер и дымянка. Пятнадцатая называется хвостом Козерога: она держит среди камней халцедон, среди растений — майоран, полынь, непету, траву, называемую каламинтом и подобную болотной мяте, и корень мандрагоры. Кроме того, следует знать, что не всякий камень, растение, животное или иная вещь управляются одним лишь светилом: многие получают влияние нескольких, не столько раздельное, сколько совместное. Так среди камней халцедон подчинён Сатурну и Меркурию вместе с хвостом Скорпиона и Козерога; сапфир — Юпитеру, Сатурну и звезде Альхайот; тутия — Юпитеру и светилам; изумруд — Юпитеру, Венере, Меркурию и Колосу; аметист, по Гермесу, — Марсу вместе с Юпитером и сердцем Скорпиона; многообразная яшма — Марсу, Юпитеру и звезде Альхамех; хризолит — Солнцу, Венере, Меркурию и звезде Падающий Гриф; топаз — Солнцу и Эльфее; алмаз — Марсу и голове Алголя. Подобным образом среди растений змеиная трава подчинена Сатурну и небесному Змееносцу; мастика и мята — Юпитеру и Солнцу, причём мастика также связана с сердцем Льва, а мята — с Козой; чемерица — с Марсом и головой Алголя. Мускус и сандалы посвящены Солнцу вместе с Венерой; кориандр — Венере вместе с Сатурном. Среди животных морской телёнок подчинён Солнцу и Юпитеру; лисицы и обезьяны принадлежат Сатурну и Меркурию, домашние собаки — Меркурию и Луне. Многое из этого мы уже изложили выше.

Глава XXXIII. О знаках и характерах природных вещей

Каждая вещь имеет свой характер. Все звёзды имеют собственные природы, свойства и состояния, знаки и характеры которых посредством своих лучей производят также в низших вещах: в стихиях, камнях, растениях, животных и их членах. Поэтому каждая вещь от гармонического расположения и от своей озаряющей её звезды получает особый запечатлённый в ней знак, или характер, обозначающий ту звезду или гармонию и содержащий особую силу, отличающуюся от других по роду, виду или числу предлежащей материи. Итак, каждая вещь имеет свой характер для некоторого особого действия, запечатлённый её звездой, преимущественно той, которая господствует в ней над остальными. Эти характеры содержат и сохраняют собственные природы, силы и корни своих звёзд, производят подобные им действия в других вещах, на которые отражаются, и вызывают и поддерживают влияния своих звёзд — планет, неподвижных звёзд, изображений и небесных знаков, — когда изготовлены в надлежащей материи, в своё время и с надлежащими обрядами. Учитывая это, древние мудрецы, много трудившиеся над исследованием сокровенных свойств вещей, отмечали изображения, фигуры, знаки, печати и характеры звёзд, которые сама природа начертала посредством звёздных лучей в низших вещах: одни в камнях, другие в растениях, соединениях и узлах веточек, третьи в различных членах животных. Ведь лавр, лотос и гелиотроп — солнечные растения — на срезах корней и узлов показывают характеры Солнца.

Откуда возникла спатулария. Так и на костях и лопатках животных, откуда произошёл вид гадания — спатулария; в камнях и каменоломнях нередко находили характеры и изображения небесных тел. Но поскольку при таком разнообразии вещей наука может быть передана лишь о немногом, доступном человеческому разумению, оставим пока то, что можно исследовать в растениях, камнях, других вещах и членах многих животных, и остановимся на одной человеческой природе. Будучи совершеннейшим образом всей вселенной, она содержит в себе всю небесную гармонию.

В человеческой природе изобильно находятся знаки небесных влияний. Несомненно, в ней самой мы изобильно находим знаки и характеры всех звёзд и небесных влияний; они тем действеннее, чем менее удалены от небесной природы. Но как число звёзд известно одному Богу, так и их действия и знаки относительно низших вещей; поэтому никакой человеческий интеллект не может подняться до их познания. Оттого известно весьма немногое, чего древние философы и хироманты достигли отчасти рассуждением, отчасти опытом; многое ещё скрыто и заперто в сокровищницах природы. Итак, отметим здесь некоторые немногие знаки, или характеры, планет, которые древние хироманты познали на человеческих руках. Юлиан называет их священными, или божественными, буквами, ибо, по слову Священного Писания, ими написана жизнь людей на их руках. Они повсюду, у всех народов и языков, всегда одни и те же, подобные себе и постоянные; к ним древние и новые хироманты впоследствии прибавили многие другие. Желающий узнать их пусть обратится к их книгам. Здесь достаточно было показать, откуда происходят характеры природы и в каких вещах их следует искать.

Далее следуют изображения божественных букв

Буквы, или характеры, Сатурна.

Буквы, или характеры, Юпитера.

Буквы, или характеры, Марса.

Буквы, или характеры, Солнца.

Буквы, или характеры, Венеры.

Буквы, или характеры, Меркурия.

Буквы, или характеры, Луны.

Глава XXXIV. Каким образом посредством природных вещей и их сил мы можем привлекать и притягивать влияния и силы небесных тел

Если теперь ты желаешь получить силу от какой-либо части мира или звезды, то, применив вещи, относящиеся к этой звезде, подпадаешь под её собственное влияние, словно дерево, подготовленное серой, смолой и маслом к восприятию пламени. Точно так же, когда к какому-либо виду вещей или отдельной вещи надлежащим образом прилагаешь многое, что рассеяно, но взаимно соответствует одной идее и звезде, через эту столь подходяще приготовленную материю тотчас вливается особый дар от идеи посредством основания мировой души. Я говорю «подходяще приготовленную», то есть под гармонией, подобной той, которая влила определённую силу в материю.

Сравнение. Хотя вещи обладают некоторыми силами, о которых мы говорили, эти силы настолько скрыты, что редко какое действие совершается ими благодаря такой силе. Но как в горчичном зерне растирание пробуждает скрытую остроту; как жар огня делает видимыми прежде скрытые буквы, написанные луковым соком или молоком; как буквы, написанные на камне козлиным жиром и совершенно невидимые, обнаруживаются и выступают словно высеченные, когда камень погружают в уксус; и как прикосновение ракитника или земляничного дерева пробуждает уснувшее бешенство, — так сама небесная гармония обнаруживает, возбуждает, укрепляет и делает явной скрытую в материи силу и, так сказать, переводит её из возможности в действие, когда вещи надлежащим образом подвергаются ей при

благоприятном небесном обстоятельстве. Например, если желаешь привлечь силу Солнца, ищи солнечные вещи среди растущих существ, растений, металлов, камней и животных:

их следует применять и брать, прежде всего те, что занимают высшее место в солнечном порядке, ибо они помогают больше. Так ты привлечёшь особый дар Солнца посредством солнечных лучей, своевременно воспринятых вместе, и посредством мирового духа.

Глава XXXV. О взаимных смешениях природных вещей и об их пользе

Мы установили, что в низшей природе все дары высших тел не находятся собранными в какой-либо одной вещи, но рассеяны у нас по многим видам. Так солнечных вещей много, однако каждая из них не заключает всех сил Солнца, но разные вещи имеют от него разные свойства. Поэтому в действиях иногда необходимы смешения: если сто или тысяча солнечных сил рассеяны по стольким растениям, животным и подобным вещам, мы можем сплавить их вместе и привести к одной форме, в которой увидим все названные силы уже соединёнными.

Двоякая сила в смешении. В смешении сила двояка: одна — та, что прежде вложена в его части и является небесной; другая приобретается при определённом созвездии посредством определённого искусного смешения многих соединённых вещей в установленных пропорциях, согласных с небом. Эта сила нисходит через подобие и некоторое отношение вещей между собой и к высшим, поскольку последующие силы постепенно соответствуют предшествующим, особенно когда воспринимающее приспособлено к воздействующему на него началу. Так из определённого состава трав, испарений и подобных вещей, приготовленного согласно физике и астрономии, возникает некая общая форма, наделённая многими дарами светил. Так пчелиный мёд, собранный из соков бесчисленных цветов и приведённый к одной форме, содержит силу всех благодаря почти божественному и удивительному искусству насекомых. Не менее удивительно то, что Евдокс Книдский сообщает об искусственном мёде: некий народ

великанов в Ливии умеет изготовлять из цветов превосходный мёд, почти не отличающийся от пчелиного. Всякое смешение, состоящее из многого, тогда наиболее совершенно, когда так скреплено из своих частей, что становится единым, повсюду согласным с собой и не легко распадающимся. Так мы видим, что камни и различные тела иногда некой природной силой столь скрепляются и соединяются, что кажутся совершенно едиными: например, два дерева посредством прививки или устрицы с камнями посредством некой сокровенной силы природы. Видели и животных, обращённых в камни и настолько соединённых с каменным веществом, что они казались уже одним, притом однородным телом. Так эбен среди деревьев бывает то деревом, то камнем. Поэтому, когда кто изготовляет смешение из многих материалов под небесными влияниями, собранное разнообразие небесных действий с одной стороны и природных сил с другой производит некоторые чудеса посредством мазей, глазных составов, окуриваний и подобного, о чём читаем в книгах Кирамид, Архита, Демокрита, Гермеса, озаглавленной «Альхорат», и многих других.

Глава XXXVI. О соединении смешанных вещей и введении более благородной формы и чувствующей жизни

Следует знать: чем благороднее форма вещи, тем сама вещь более готова и склонна к восприятию и тем могущественнее в действии. Поэтому чудеса вещей становятся непостижимыми, когда смешанные и в благоприятное время подготовленные материалы располагают к оживлению, привлекая к ним от звёзд жизнь и чувствующую душу как более благородную форму. Столь велико могущество подготовленной материи: мы видим, что она приобретает жизнь тогда, когда совершенное смешение качеств, по-видимому, уже сломило прежнюю противоположность; достигнув совершенства, она обретает жизнь, поскольку в самой жизни и чувствующей душе есть способность воспринимать более благородные и возвышенные силы. Кроме того, небесная сила в других местах лежит усыплённой, словно сера вдали от пламени; в живых же телах часто пылает, как зажжённая сера, и тогда своим испарением наполняет всё соседнее. Так производятся некоторые удивительные действия, о которых читаем в книге Немита, называемой также «Законами Плутона», ибо такие порождения чудовищны и производятся не согласно законам природы.

Различное порождение различных животных. Мы знаем, что из червей рождаются комары, из лошади — осы, из телёнка и быка — пчёлы; из рака, зарытого в землю после удаления ног, рождается скорпион; из утки, изжаренной до возможности растереть её в порошок, когда порошок брошен в воду, рождаются лягушки. Если же утка приготовлена в пироге,

разрезана на куски и оставлена во влажном подземном месте, рождаются жабы. Из базилика, растёртого между двумя камнями, рождаются скорпионы; из волос женщины во время месячных, помещённых под навоз, возникают змеи; волос из конского хвоста, брошенный в воду, зачинает жизнь и превращается в вредоносного червя. Есть искусство, посредством которого в яйце, насиживаемом курицей, возникает человекоподобная форма: я видел такую и умею изготовлять. Маги утверждают, что она действенна удивительными силами, и называют её истинной мандрагорой. Поэтому необходимо знать, какие материалы и какого рода, начатые или завершённые природой либо искусством, или составленные из нескольких, способны воспринимать те или иные небесные влияния. Соответствия природных вещей небесным достаточно, чтобы мы черпали от них влияние: поскольку ничто не препятствует небесным телам распространять свой свет на низшее, они не позволяют никакой материи оставаться непричастной их силе. Поэтому всякая совершенная и чистая материя пригодна для небесного влияния.

Связь материи с мировой душой. Такова связь и непрерывность материи с мировой душой, ежедневно изливающейся на природные вещи и на всё, что приготовила природа, что невозможно, чтобы в приготовленную материю не влилась жизнь или некоторая более благородная форма.

Глава XXXVII. Каким образом посредством определённых природных и искусственных приготовлений мы привлекаем свыше некоторые небесные и жизненные дары

Академики вместе с Трисмегистом говорят, а брахман Иарх и еврейские мекубалы признают, что всё находящееся под лунной сферой в этом нижнем мире, подверженное рождению и разрушению, существует также в небесном мире, но небесным способом; затем и в умопостигаемом мире, но гораздо совершеннее и в лучшем виде; наконец, наиболее совершенно — в первообразе. В этом ряду каждое низшее по своему роду соответствует своему высшему, а через него — высочайшему и получает от них: от небес — ту небесную силу, которую называют пятой сущностью, мировым духом или средней природой; от умопостигаемого мира — духовную и живую мощь, превосходящую всякую качественную силу; наконец, от первообраза через эти посредствующие ступени, согласно своему положению, — изначальную силу всего совершенства. Поэтому каждую вещь можно надлежащим образом возвести от низшего к звёздам, от них — к их интеллигенциям, а оттуда — к первообразу.

Откуда истекает магия. Из этого ряда истекает вся магия и вся сокровенная философия. Ведь ежедневно искусством привлекается нечто природное, а природой ежедневно привлекается нечто божественное. Видя это, египтяне называли природу волшебницей, то есть самой магической силой, привлекающей подобное подобным и согласное согласным. Такое привлечение посредством взаимного соответствия вещей,

высших с низшими, греки называли симпатией. Так вода согласуется с землёй холодностью, вода с воздухом — влажностью, воздух с огнём — теплом, огонь с небом — материей. Огонь не смешивается с водой иначе как через воздух, воздух с землёй — иначе как через воду. Так и душа не смешивается с телом иначе как через дух, интеллект с духом — иначе как через душу. Так мы видим: когда природа придала человеческому телу форму в утробе, самим этим приготовлением она тотчас низводит дух от вселенной. Этот дух служит в духе и теле воспламеняющим началом для получения свыше интеллигенции и ума, подобно тому как сухость дерева подготовлена к проникновению масла; впитавшееся масло — пища для огня, а сам огонь — носитель света. На этих примерах видим, как определёнными природными и искусственными приготовлениями можем воспринимать свыше некоторые небесные дары. Ведь камни и металлы согласуются с травами, те — с животными, животные — с небесами, небеса — с интеллигенциями, а последние — с божественными свойствами и атрибутами и с самим Богом, по подобию и образу Которого всё сотворено. Первый образ — мир; образ мира — человек; образ человека — животное; животного — зоофит; его — растение; подобия и образы растения представляют металлы, а металлов — камни. Далее в духовном растение согласуется с бессловесным животным ростом, животное с человеком — чувством, человек с демоном — интеллектом, те с Богом — бессмертием.

Удивительная связь природы. Божество соединяется с умом, ум — с интеллектом, тот — с направленностью мысли, она — с образом, образ — с восприятием, оно — с чувствами, а те, наконец, с вещами. Такова связь и непрерывность природы, что всякая высшая сила, распределяя свои лучи по отдельным

низшим ступеням в длинном непрерывном ряду, изливается до последнего, а низшее через свои высшие ступени достигает высочайшего. Ибо низшее так связано с высшим, что влияние от их главы, первой причины, словно некая натянутая струна, проходит до самого низа; если коснуться одного её конца, вся она тотчас задрожит, и такое прикосновение отзовётся до другого конца. При движении одного низшего движется и соответствующее ему высшее, как струны хорошо настроенной кифары.

Глава XXXVIII. Каким образом мы можем воспринимать свыше не только небесные и жизненные, но также некоторые умопостигаемые и божественные дары

Маг посредством явного привлекает сокровенное. Маги передают, что посредством низших вещей, согласных с высшими, при благоприятных небесных влияниях можно привлекать небесные дары; также через небесные вещи можно привлекать к себе и снискивать расположение небесных демонов как спутников звёзд. Поэтому Ямвлих, Прокл и Синесий вместе со всей школой платоников утверждают: посредством определённых материалов, имеющих природную божественную силу, то есть от природы согласных с вышним, надлежащим образом собранных отчасти по физике, отчасти по астрономии и во всех отношениях подходяще соединённых, можно воспринимать свыше не только небесные или жизненные, но и умопостигаемые, некоторые демонические и божественные дары. Меркурий Трисмегист пишет, что статуя, надлежащим образом составленная из собственных и определённых вещей, соответствующих определённому демону, тотчас одушевляется подходящим демоном. Об этом упоминает и Августин в восьмой книге «О граде Божием». Таково согласие мира, что даже сверхнебесное привлекается небесным, а сверхъестественное согласуется с природным и привлекается им: ибо одна творящая сила и причастность формам разлиты во всём. Как эта творящая сила из сокровенных оснований производит явное, так маг берёт явное, чтобы привлечь сокровенное: посредством звёздных лучей, окуриваний, огней, звуков, природных вещей, согласных с

небесными. Им сверх телесных качеств присущи также бестелесные и божественные основания, смыслы, числа и меры. Так читаем, что древние посредством определённых природных вещей часто получали нечто божественное и удивительное. Так камень, рождающийся в зрачке глаза гиены, если держать его под языком, как говорят, даёт прорицание. То же, говорят, делает лунный камень селенит; посредством анхита, говорят, вызываются образы богов, посредством синохита удерживаются вызванные тени преисподней. Подобное производит, по рассказу Плиния, трава аглаоптис, называемая также марморитидой и растущая на мраморах Аравии с персидской стороны; маги пользуются ею, когда хотят вызвать богов. Есть также трава по имени теангелида: выпив её, маги прорицают. Кроме того, существуют травы, которыми умерших возвращают к жизни; историк Ксанф рассказывает, что травой по имени бали убитый детёныш дракона был возвращён к жизни родителем и ею же воскрешён некий Тиллон, которого убил дракон. Юба сообщает, что в Аравии некоторой травой человека возвратили к жизни. Возможно ли действительно совершить такое над человеком силой трав или какой-либо иной природной вещи, мы обсудим далее; что это возможно у других животных, достоверно и очевидно. Так утонувшие мухи оживают, если положить их в тёплую золу; утонувшие пчёлы также возвращаются к жизни в соке непеты. Угри, умершие от недостатка воды, если тело их осталось целым, будучи положены в уксус под навоз с добавлением крови грифа, через несколько дней все возвращаются к жизни. Если кто разрежет эхенеиса на куски и бросит в море, говорят, вскоре части соединятся и оживут. Мы знаем также, что пеликан возвращает к жизни убитых птенцов собственной кровью.

Глава XXXIX. О том, что определёнными веществами мира мы можем привлекать мировые божества и демонов — служителей этих божеств

Всем известно, что злых демонов можно привлекать злыми и нечестивыми искусствами, как, по рассказу Пселла, обычно делали маги-гностики, у которых совершались проклятые и отвратительные мерзости, подобные некогда совершавшимся в священнодействиях Приапа и при служении идолу, называвшемуся Панор, которому приносили жертвы с обнажёнными половыми частями. Не отличается от этого — если только это правда, а не вымысел — то, что читаем об отвратительной ереси тамплиеров; подобное известно и о женщинах-колдуньях, чьё старушечье безумие часто уличают в заблуждениях такого рода. Этим и подобным привлекаются и вступают в согласие злые демоны, как злой демон сказал Иоанну о маге Киноп се: «Вся сила сатаны обитает там; он заключил союз со всеми начальствами, и мы сами также с ним; Кинопс повинуется нам, а мы в свою очередь повинуемся ему». Всем также известно, что, напротив, добрыми делами, чистым умом, мистическими молитвами, благочестивыми молениями и подобным снискивают расположение сверхнебесных ангелов. Поэтому никто пусть не сомневается, что подобным образом определёнными веществами мира можно привлекать также мировые божества или по крайней мере демонов, служителей и спутников этих божеств, как говорит Меркурий: воздушных демонов, не сверхнебесных и тем более не высших. Так читаем, что древние жрецы изготовляли статуи и изображения,

предсказывающие будущее, и вливали в них духов звёзд, не столько удерживаемых определёнными материалами, сколько радующихся им: узнавая такие материалы как соответствующие себе, они всегда охотно обитают в них, говорят через них и творят чудеса, подобно демонам, занимающим человеческие тела.

Глава XL. О связываниях: каковы они и какими способами обычно совершаются

Мы сказали о силах и удивительной действенности природных вещей. Теперь остаётся рассмотреть весьма удивительное — связывание людей для любви или ненависти, болезней или здоровья и тому подобного; также связывание воров и разбойников, чтобы в определённом месте они не могли красть; связывание купцов, чтобы в определённом месте они не могли покупать или продавать; связывание войска, чтобы оно не могло перейти определённую границу; связывание кораблей, чтобы никакой силой ветров, даже при бесчисленных парусах, натянутых ветром, они не могли выйти из гавани. Также связывание мельницы, чтобы никакой напор не мог заставить её вращаться; цистерны или источника, чтобы из них нельзя было черпать воду; поля, чтобы оно не могло производить урожай; какого-либо места, чтобы на нём нельзя было ничего построить; огня, чтобы в определённом месте его нельзя было зажечь и чтобы горючая вещь не горела даже от сильнейшего приложенного огня. Также связывание молний и бурь, чтобы они не могли вредить; собак, чтобы не могли лаять; птиц и зверей, чтобы не могли летать или бежать, и тому подобное, едва заслуживающее веры, но часто познанное опытом.

Чем совершаются связывания. Такие связывания совершаются посредством колдовских снадобий, глазных составов, мазей, питья, или приворотных зелий, привязываний и подвешиваний, колец, зачарований, сильных воображений и исступлений души, изображений и характеров, заклинаний и проклятий, огней, звуков, чисел, слов и имён, призываний, жертвоприношений,

заклятий, изгнаний духов, освящений, посвящений, различных суеверий и соблюдений и всего сродного им.

Глава XLI. О колдовских снадобьях и их могуществе

Рассказывают, что могущество колдовских снадобий столь велико, что они, как верят, способны всё низшее ниспровергать, истощать и преобразовывать, как поёт Вергилий:

Эти травы и эти яды, собранные в Понте,
Сам Мерис дал мне: много их родится в Понте.
С ними я часто видел, как Мерис волком становился
И скрывался в лесах; часто — как души выходили из глубин могил
И посеянные нивы переносились в иное место.

И в другом месте о спутниках Улисса:

Их, лишив человеческого облика, свирепая богиня
Цирцея сильными травами облекла в лица и тела зверей.

И немного далее:

Пик, укротитель коней, которого пленённая любовью супруга
Цирцея, ударив золотым жезлом и чарами преобразив,
Сделала птицей и расцветила его крылья.

Такие виды колдовских снадобий описывает Лукан, говоря о фессалийской колдунье, вызывающей тени:

Сюда примешивается всё, что природа родила
Зловещим плодом: не недоставало ни пены собак, боящихся воды,
Ни внутренностей рыси, ни узла жестокой гиены,
Ни мозга оленя, питавшегося змеёй;
Ни эхенеиса, удерживающего корабль среди вод,
Когда Эвр натягивает снасти, ни глаз драконов.

И такие, о каких Апулей рассказывает относительно колдуньи Памфилы, действовавшей ради любви: служанка Фотида принесла ей вместо волос беотийского юноши козьи волосы, состриженные с надутых мехов. Он говорит:

> *Уже обезумевшая душой, она восходит на дощатый настил, открытый с другой стороны дома продуваемому простору и доступный всем восточным и прочим направлениям, особенно подходящий её искусствам; там она занимается ими тайно. Прежде она оборудует обычными принадлежностями зловещую мастерскую: всевозможными благовониями, пластинками с непонятными письменами, уцелевшими гвоздями несчастных кораблей, разложенными многочисленными членами оплаканных и погребённых трупов. Здесь носы и пальцы, там мясистые мозоли повешенных, в другом месте сохранённая кровь убитых и неполный череп, вырванный из зубов зверей. Затем, заговорив ещё дышащие внутренности, она совершает жертвоприношение разными жидкостями: то ключевой водой, то коровьим молоком, то горным мёдом и медовым питьём. Так, сплетя и завязав те волосы во взаимные узлы, она со многими благовониями отдаёт их горящим углям на сожжение. И тотчас непреодолимым могуществом магического искусства и незримым насилием принуждённых божеств тела, чьи волосы с шипением дымились, заимствуют человеческий дух, чувствуют, слышат, ходят и приходят туда, куда вёл запах их сброшенных покровов; вместо того беотийского юноши, стремясь войти, они прыгают на двери.*

Люди, внезапно превращённые во вьючных животных. Августин также утверждает, что слышал в Италии о некоторых колдуньях, настолько искусных, что, дав сыр, тотчас превращали людей во вьючных животных, перевозивших необходимое, и после

окончания работы снова возвращали их в человеческий облик.

Глава XLII. Об удивительных силах некоторых колдовских снадобий

Теперь расскажу о некоторых колдовских снадобьях, чтобы на их примере проложить путь ко всему этому рассмотрению. Среди них месячная кровь; посмотрим, сколь велики её силы в колдовстве.

Силы месячной крови. Как говорят, от её присутствия скисает молодое вино; молодая виноградная лоза от её прикосновения навсегда повреждается; тронутые посевы становятся бесплодны, прививки гибнут, садовые ростки выгорают, плоды опадают с деревьев. От одного взгляда тускнеет блеск зеркал; тупится острие железа в бритвах и тускнеет слоновая кость; железо также тотчас повреждается ржавчиной. Медь от прикосновения приобретает тяжёлый яд с ужасным запахом и медянку. Собаки, вкусив её, впадают в бешенство и наносят укусы с неисцелимым ядом; пчелиные семьи гибнут, а при прикосновении к ульям пчёлы улетают; лён при варке чернеет. У беременных кобылиц от соприкосновения с нею бывает выкидыш; она вызывает выкидыш и при намазывании беременных. Ослицы не зачинают столько лет, сколько съели зёрен ячменя, ею тронутых. Если пеплом месячных тканей посыпать стираемую одежду, он изменяет пурпур и лишает цветы окраски. Говорят, трёхдневные и четырёхдневные лихорадки прогоняются месячной кровью в шерсти чёрного барана, заключённой в серебряный браслет. Кроме того, при таких лихорадках весьма действенным считают смазывание ею подошв больного, ещё более действенным — самой женщиной, даже без ведома больного; так исцеляются и припадки падучей болезни. Все согласны также, что если после

укуса собаки страшатся воды или питья, то один лоскут, пропитанный месячной кровью и подложенный под чашу, тотчас рассеивает этот страх.

Средство от водобоязни. Кроме того, говорят, если женщины во время месячных нагими обойдут ниву, гусеницы, червячки, жуки, кантариды и всё вредное опадут; однако следует остерегаться делать это на восходе солнца, ибо посев засохнет. Подобным образом изгоняются град и вихри, и это помогает против молний; многое из этого перечисляет сам Плиний. Знай, что яд сильнее, если месячные наступают при убывающей луне; ещё сильнее, если при безмолвной луне; если же во время лунного или солнечного затмения, он становится неисцелимым. Наибольшей и могущественнейшей силой обладают эти очищения, впервые наступившие в раннем возрасте и девственности. Тогда им свойственно также следующее: если тронуть ими все дверные косяки дома, всякое колдовство в нём становится недействительным. Говорят также, что нити тронутой одежды не побеждаются даже огнём и, брошенные в пожар, не дают ему распространяться далее. Говорят, что если дать больному корень пиона с кастореумом и пятном месячной ткани, падучая болезнь исцеляется. Кроме того, если сжечь или изжарить желудок оленя и добавить месячных тканей, окуренные этим самострелы не принесут пользы на охоте. Из волос женщины во время месячных, положенных под навоз, рождаются змеи; если же сжечь эти волосы, змеи бегут от их запаха. Такова сила этого снадобья, что оно яд даже для ядовитых существ.

Гиппоман. Есть также гиппоман — мясистый нарост, весьма знаменитый среди колдовских средств, величиной с сушёную смокву, чёрного цвета, появляющийся на лбу новорождённого

жеребёнка. Если мать тотчас не проглотит его, она совершенно отворачивается от детёныша и не кормит его. Поэтому ему приписывают величайшую силу возбуждать любовь, когда его, превращённого в порошок, дают выпить в чаше с кровью влюблённого. Есть и другое снадобье с тем же названием — гиппоман: ядовитое истечение из паха кобылиц в пору любовного неистовства. Вергилий упоминает о нём:

Тогда наконец гиппоман, как верным именем зовут его
Пастухи, — вязкий яд из паха истекает;
Гиппоман, который часто собирали злые мачехи,
Смешивая травы и отнюдь не безвредные слова.

О нём же сатирик Ювенал:

Рассказать ли о гиппомане, заклятье и сваренном яде,
Данном пасынку?

Аполлоний в своей «Аргонавтике» рассказывает о траве Прометея, которая, по его словам, родилась из сукровицы и крови, капавших на землю, когда гриф терзал и пожирал печень Прометея на Кавказе. Её цветок, говорит он, подобен крокусу, корикийского цвета; двойной стебель поднимается на локоть, корень под землёй, словно свеженадрезанная плоть, испускает черноватый сок, как у бука. Он передаёт, что если кто смажет им тело, предварительно совершив священнодействие Прозерпине, его не смогут повредить ни железо, ни огонь. Саксон Грамматик пишет, что у некоего Фротона было одеяние, в котором его не могло ранить никакое остриё оружия. Гиена также обладает многими колдовскими свойствами.

Колдовские свойства гиены. Как сообщает Плиний, если коснуться её кровью дверных косяков, говорят, нарушаются

искусства обмана, и богов нельзя ни вызвать, ни заставить говорить, каким бы способом ни пытались. Также смазанные пеплом её левой пяточной кости, сваренным с кровью ласки, становятся всем ненавистны; то же производит сваренный глаз. Последнюю трубку кишечника применяют против несправедливостей вождей и властителей; она помогает успешности прошений, исходу судов и тяжб, если иметь при себе хотя бы немного. Если же её полость привязать к левой руке и посмотреть на женщину, это столь действенный приворот, что она тотчас последует за смотрящим; кожа лба противостоит зачарованию.

Колдовские свойства василиска и его крови. Кровь василиска, которую называют также кровью Сатурна, как говорят, имеет столь великие колдовские силы, что носящему её дарует успех прошений к властям и молитв к богам, исцеление болезней и благодеяния. Говорят также, что клещ, вырванный из левого уха собаки, у которой нет иного цвета, кроме чёрного, имеет большую силу в предсказании жизни: если больной ответит принёсшему его, когда тот стоит у ног и спрашивает о болезни, есть верная надежда на жизнь; если не ответит — умрёт. Говорят также, что камень, укушенный бешеной собакой, обладает силой раздора, если положить его в питьё; собака не облаивает того, кто положил собачий язык в обувь под большой палец, особенно если соединить его с одноимённой травой — киноглоссом, то есть собачьим языком. То же бывает с имеющим оболочку собачьего последа; от имеющего собачье сердце собаки бегут. Плиний рассказывает о лягушках, называемых рубетами, которые живут только в зарослях и исполнены колдовских свойств: с ними совершаются чудеса. От косточки с левого бока, брошенной в холодную воду, та немедленно закипает; ею сдерживаются

нападения собак, а добавленная в питьё, она возбуждает любовь и ссоры; привязанная — возбуждает похоть. Напротив, косточка с правого бока охлаждает кипящую воду и не позволяет ей впредь кипеть, пока её не вынут; привязанная в свежей ягнячьей шкурке, она исцеляет четырёхдневную и иные лихорадки, сдерживает любовь и похоть. Селезёнка же и сердце этих лягушек действенно помогают против колдовства, совершаемого из них самих. Всё это рассказывает Плиний. Говорят также, что железо, которым убит человек, обладает удивительной силой среди колдовских средств: если изготовить из него удила и шпоры, с ними, говорят, можно весьма легко управлять и овладеть любой, даже самой свирепой лошадью. Если им подковать лошадь, она, говорят, становится чрезвычайно быстрой и не утомляется никаким трудом. Кроме того, требуют начертать определённые характеры и имена. Говорят также: если погрузить в вино меч, которым обезглавливают людей, всякий больной, выпивший этого вина, избавляется от четырёхдневной лихорадки. Говорят также, что питьё, приготовленное из медвежьего мозга и поданное из его черепа, внушает медвежью ярость: выпивший человек считает себя превращённым в медведицу и всё видимое воспринимает в образе медведей; он остаётся в этой ярости, пока сила питья не рассеется, не испытывая от этого иного вреда в своём телесном сложении.

Глава XLIII. Об окуриваниях, их основании и могуществе

Некоторые окуривания, согласованные со звёздами, также могут весьма многое, поскольку сильно воздействуют на воздух и дух, чтобы при подходящем времени воспринимать небесные дары под лучами звёзд. Наш дух весьма преобразуется такими испарениями, ибо и тот и другие — некое подобное друг другу испарение. Воздух, легко воспринимающий через названные испарения качества низших и небесных вещей и непрерывно и внезапно проникающий во внутренности груди, удивительным образом приводит нас к подобным качествам. Поэтому к намеревающемуся прорицать обычно применяют окуривания для воздействия на воображение; согласуясь с определёнными божествами, они приспосабливают нас к восприятию божественного вдохновения.

Окуривание, способствующее пророчеству. Так говорят, что окуривание семенами льна и блошницы, корнями фиалки и сельдерея заставляет видеть будущее и способствует пророчеству. Пусть не удивляется силе окуриваний над воздухом тот, кто вместе с Порфирием полагает, что определённые испарения, исходящие от подходящих окуриваний, тотчас привлекают и вводят воздушных демонов, вызывают громы, молнии и подобное. Известно, что печень хамелеона, сожжённая на верхних черепицах крыши, возбуждает дожди и молнии; подобным образом голова и горло, зажжённые на дубовых дровах, вызывают удары дождя и грома. Под благоприятными звёздными влияниями изготовляются также окуривания, заставляющие образы демонов тотчас появляться в воздухе или в ином месте.

Так говорят: если сделать дым из кориандра и сельдерея либо белены с болиголовом, демоны тотчас собираются.

Травы духов. Поэтому эти растения называют травами духов. Также говорят: если сделать окуривание из состава корня тростника ферулы, сока болиголова и белены, тасси, барбасси, красного сандала и чёрного мака, оно заставляет появляться демонов и чуждые образы; если к этому добавить сельдерей, он прогоняет демонов отовсюду и разрушает их образы. Подобным образом окуривание из каламинта, пиона, мяты и клещевины отгоняет всех злых духов и вредоносных призраков. Кроме того, передают, что некоторыми окуриваниями животные собираются или прогоняются. Так Плиний сообщает, что окуривание липаром вызывает всех зверей; сожжённые кости верхней части оленьего горла собирают змей, а окуривание оленьим рогом прогоняет их. То же делают сожжённые павлиньи перья. При сожжении ослиного лёгкого бегут все ядовитые существа; окуривание дома лошадиным копытом изгоняет мышей. То же происходит от копыта мула; если оно от левой ноги, им прогоняются также мухи. Говорят, если окурить дом или какое-либо место желчью каракатицы, смешанной с благовонием, розами и алойным деревом, а затем бросить там немного морской воды или крови, весь дом покажется наполненным водой или кровью; если бросить там пахотную землю, покажется, что земля дрожит. Следует считать, что такие испарения образуют некоторое тело, вливают в него силу и сохраняются весьма долго, подобно тому как заразное или ядовитое моровое испарение, сохранившееся в стене дома даже свыше двух лет, заражает жителей, а скрытое в одежде бедствие от эпидемии или проказы много времени спустя заражает пользующегося ею. Поэтому к изображениям и к кольцам, и к подобным орудиям

магии, и к скрытым сокровищам применяются определённые окуривания, немалую пользу которых засвидетельствовал Порфирий. Так, говорят, если кто закопает золото, серебро или какую-нибудь драгоценность, когда Луна соединена с Солнцем в нижней части неба, и окурит место кориандром, шафраном, беленой, сельдереем и чёрным маком, растолчёнными в равных весовых долях и замешанными на соке болиголова, спрятанное таким образом никогда нельзя будет найти или унести, и демоны всегда будут его охранять; а если кто попытается что-нибудь оттуда взять, они станут его преследовать, и он впадёт в безумие. Гермес говорит, что спермацету в курении нет равного для привлечения демонов. Поэтому курение, приготовленное из него, алойного дерева, коста, мускуса, шафрана и фимиама, замешанных на крови удода, весьма быстро собирает воздушных духов; если же им окуривать места вокруг могил умерших, оно собирает маны и тени мёртвых. Так, всякий раз, когда мы направляем какое-либо действие к Солнцу, мы окуриваем солнечными веществами, если к Луне — лунными; подобным образом поступали и с остальными. Следует знать, что, как между звёздами и духами существуют противоположность и вражда, так они существуют и между предназначенными им курениями. Так противостоят друг другу алойное дерево и сера, ладан и ртуть; духи, привлечённые курением алойного дерева, бегут, когда зажигают серу. Прокл приводит пример духа, имевшего обыкновение являться в образе льва: когда перед ним выставили петуха, он тотчас исчез, ибо петух противоположен льву. Так следует рассуждать и действовать и в сходных случаях.

Глава XLIV. Состав некоторых курений, соответствующих планетам

Для Солнца мы приготовляем курение из шафрана, амбры, мускуса, алойного дерева, бальзамного дерева и плодов лавра с гвоздикой, миррой и ладаном. Всё это растирают и смешивают в определённом соотношении, именно таком, которое даёт наиболее приятный запах, затем соединяют с мозгом орла или кровью белого петуха и придают вид пилюль или лепёшек.

Лунное курение мы приготовляем из высушенной головы лягушки, глаз быка и семян белого мака с ладаном и камфорой; их соединяют с месячной кровью или кровью гуся.

Для Сатурна берут семена чёрного мака, семена белены, корень мандрагоры, магнитный камень и мирру и приготовляют с мозгом кота или кровью летучей мыши.

Для Юпитера берут семена ясеня, алойное дерево, стиракс, бензойную смолу, лазурит и кончики павлиньих перьев и соединяют с кровью аиста или ласточки либо с оленьим мозгом.

Для Марса мы берём эуфорбий, бделлий, аммониак, корни обоих видов чемерицы, магнитный камень и немного серы; всё соединяют с мозгом ворона, человеческой кровью и кровью чёрного кота.

Для Венеры мы приготовляем курение из мускуса, амбры, алойного дерева, красных роз и красного коралла; их приготовляют с мозгом воробьёв и кровью голубей.

Для Меркурия курение делают из мастики, ладана, гвоздики, травы пятилистника и камня агата; всё соединяют с мозгом

лисицы или ласки и с кровью сороки.

Кроме того, курениями Сатурна служат все душистые корни, например коста и ладанной травы. Курения Юпитера — любые душистые плоды, например мускатный орех и гвоздика. Марса — всякая душистая древесина: сандала, кипариса, бальзамного и алойного деревьев. Солнца — всякая камедь: ладан, мастика, бензойная смола, стиракс, ладанум, а также амбра и мускус. Венере принадлежат цветы: розы, фиалки, шафран и подобные. Меркурию — всякая кора деревьев и оболочки плодов, например корица, древесная кассия, мускатный цвет, кожура цитрона, лавровые ягоды и любые душистые семена. Луне для курения принадлежат листья всех растений, например индийский лист, листья мирта и лавра. Знай, кроме того, что, согласно мнениям магов, при всяком добром действии, каковы любовь, благоволение и подобное, курение должно быть хорошим, благоуханным и драгоценным; при злом же действии, каковы ненависть, гнев, бедствие и подобное, курение должно быть зловонным и дешёвым. Двенадцать знаков зодиака тоже имеют свои курения: Овен — мирру, Телец — кост, Близнецы — мастику, Рак — камфору, Лев — ладан, Дева — сандал, Весы — гальбан, Скорпион — опопанакс, Стрелец — алойное дерево, Козерог — асу, Водолей — эуфорбий, Рыбы — фимиам. Самое могущественное курение Гермес описывает как составленное из семи благовоний сообразно силам семи планет: от Сатурна оно получает кост, от Юпитера — мускатный орех, от Марса — алойное дерево, от Солнца — мастику, от Венеры — шафран, от Меркурия — корицу, от Луны — мирт.

Глава XLV. О глазных мазях, умащениях, приворотных средствах и их силах

Глазные мази и умащения, согласующие природные и небесные силы вокруг нашего духа, также могут его умножать, изменять, преображать и преобразовывать — то одним, то другим способом; они могут вызвать и перемещение присущих ему способностей, так что он сможет действовать уже не только на собственное тело, но и на близлежащее, сообщая ему сходное качество посредством зрительных лучей, завораживания и прикосновений. Наш дух есть тонкое, чистое, светлое, воздушное и маслянистое испарение крови; поэтому полезно составлять глазные мази из подобных испарений, наиболее согласных с нашим духом по веществу: благодаря сходству они сильнее приманивают, притягивают и преобразуют дух. Подобными силами обладают некоторые умащения и другие составы. Отсюда порой через прикосновение возникают болезни, порча или любовь, когда руки или одежда смазаны определёнными веществами. Подобным образом вызывают любовь посредством поцелуев, держа во рту некоторые вещества; так у Вергилия мы читаем, что Венера просила Купидона:

Когда счастливейшая Дидона примет тебя на колени
Среди царских пиршеств и влаги Лиэя,
Когда обнимет тебя и сладко поцелует,

Вдохни в неё тайный огонь и обмани ядом.

Зрение чище слуха. Поскольку зрение чище и воспринимает яснее прочих чувств, острее и глубже запечатлевая в нас признаки вещей, оно более других согласно с духом воображения. Это

видно по снам, где нам чаще представляется виденное, чем слышанное или воспринятое другими чувствами. Поэтому, когда глазные мази преобразуют зрительный дух, он легко воздействует на воображение; воображение же, восприняв различные образы и формы, посредством того же духа передаёт их внешнему чувству зрения. Тогда в нём возникает своего рода ощущение таких образов и форм, словно оно приводится в движение внешними предметами, и человек думает, будто видит страшные образы, демонов и подобное. Так приготовляются глазные мази, заставляющие нас немедленно видеть тени демонов в воздухе или в другом месте; такую мазь я умею приготовлять из человеческой желчи, глаз чёрного кота и некоторых других веществ. Подобную ей приготовляют также из крови удода либо летучей мыши и козла. Говорят, если смазать стальное зеркало соком полыни и окурить его, оно позволяет увидеть в нём призванных духов. Приготовляют также определённые курения или мази, заставляющие спящих говорить, ходить и совершать дела бодрствующих, а порой и такие, на какие бодрствующие едва способны или осмеливаются. Некоторые заставляют нас слышать ужасные или приятные звуки, нигде не существующие, и тому подобное.

Откуда происходят состояния безумных и меланхоликов. По той же причине безумные и меланхолики верят, будто видят или слышат извне то, что лишь внутри создаёт воображение. Отсюда они боятся того, чего бояться не следует, впадают в удивительные и совершенно ложные подозрения, бегут, когда никто их не преследует, гневаются и борются, когда никого рядом нет, страшатся там, где нет страха. Подобные состояния могут вызывать и магические составы: посредством курений, глазных мазей, умащений, напитков, ядов, светильников и огней, зеркал,

изображений, заклинаний и песнопений, звуков и созвучий, составленных в определённой гармонии на жилах известных животных, а также посредством разнообразных обрядов, соблюдений, церемоний, религиозных действий и суеверий, как будет рассмотрено в соответствующих местах. Этими искусствами не только вызываются подобные состояния, явления и представления: сами вещи и люди действительно изменяются и преображаются в различные облики, как поэты рассказывают о Протее, Периклимене, Ахелое и Местре, дочери Эрисихтона. Так Цирцея превратила спутников Улисса; некогда на священнодействиях Юпитера Ликейского люди, отведав внутренностей жертв, обращались в волков. Плиний говорит, что это случилось с неким Демархом; того же мнения и Августин. Он также рассказывает, что, находясь в Италии, слышал о женщинах, которые, дав путникам колдовское зелье в сыре, превращали их во вьючных животных, а когда те переносили желаемые грузы, снова возвращали человеческий облик; тогда это произошло и с отцом некоего Престантия. Само Священное Писание свидетельствует, что маги фараона превращали свои жезлы в драконов, воду в кровь и совершали некоторые другие подобные дела.

Глава XLVI. О природных привязываниях и подвешиваниях

Когда душа мира своей силой оплодотворяет всё рождённое природой или изготовленное искусством, вливая в него небесные свойства для совершения некоторых чудесных действий, тогда сами вещи сообщают нам свою силу не только при применении в куреniях, глазных мазях, умащениях, напитках и тому подобном, но и будучи надлежащим образом завёрнуты и привязаны, подвешены на шее, каким-либо иным способом подложены или приближены хотя бы лёгчайшим прикосновением. Итак, через эти привязывания, подвешивания, обёртывания, подкладывания и прикосновения изменяются состояния тела и души: возникают болезнь или здоровье, смелость или страх, печаль или радость и тому подобное; носящих эти вещи они делают привлекательными или страшными, желанными или отверженными, почитаемыми и любимыми либо ненавистными и отвратительными. Считают, что названные средства вливают подобные состояния так же, как это явно происходит при прививке деревьев, когда жизненная сила переходит от ствола в привитый к нему побег, хотя они не соединены никакой иной связью, кроме взаимного соприкосновения.

Склонение женской пальмы к мужской. Так, когда женская пальма приближается к мужской, её ветви клонятся и изгибаются к мужской. Видя это, садовники протягивают верёвки от мужской к женской, и та снова выпрямляется, словно уже получила силу мужской через непрерывную связь верёвки.

Скат вызывает оцепенение. Подобным образом мы видим, что морской скат, даже когда к нему издали прикасаются очень

длинным прутом, внезапно вызывает онемение руки прикасающегося. Если же больной коснётся морского зайца рукой или палкой, он лишится чувств. Говорят также, что морская звезда, прикреплённая к двери лисьей кровью и медным гвоздём, не позволяет вредоносным снадобьям причинить вред. Говорят ещё: если женщина возьмёт иглу, испачкает её навозом, затем обмажет землёй, в которой было погребено человеческое тело, и станет носить при себе в лоскутке, употреблявшемся при погребении, ни один мужчина не сможет с ней совокупиться, пока она держит это при себе. Из этих примеров мы видим, каким образом посредством определённых привязываний или подвешиваний некоторых вещей, простого прикосновения либо непрерывной связи какой-нибудь нити мы можем получать от них определённые силы.

Как следует совершать привязывания и обёртывания. Нужно знать определённое правило и способ привязывания и подвешивания, соответствующие этому искусству: их следует совершать при определённом согласном расположении звёзд, употребляя нити металлические, шёлковые или изготовленные из волос, жил, шерсти либо щетины определённых животных. Обёртками должны служить листья трав, шкуры животных, определённые ткани и подобное, чтобы вещи согласовывались между собой. Например, желая привлечь к себе солнечную силу какой-либо вещи, заверни её в лавровый лист или львиную шкуру и подвесь на шею на золотой нити либо на шёлковой нити шафранного цвета, когда Солнце господствует в небесной фигуре: так ты сможешь приобщиться к солнечной силе этой вещи. Если же желаешь силы какой-либо сатурнианской вещи, подобным образом при господстве Сатурна заверни её в ослиную кожу или погребальную ткань, особенно если действуешь ради печали, и

подвесь на чёрной нити. Так же следует судить и об остальных.

Глава XLVII. О кольцах и их изготовлении

Кольца, которым древность всегда придавала большое значение, изготовленные в надлежащее время, подобным же образом проявляют в нас свою силу: они делают носящего и его дух радостным или печальным, кротким или страшным, смелым или робким, любимым или ненавистным; также защищают нас от болезней, ядов, врагов, злых демонов и всякого иного вреда либо подчиняют нас им.

Изготовление колец. Такие кольца изготовляют следующим образом. Когда какая-либо звезда благоприятно восходит, находясь в счастливом аспекте с Луной или в соединении с нею, нужно взять камень и траву, подчинённые этой звезде, изготовить кольцо из соответствующего ей металла и вставить в него камешек, подложив траву или корень. Наконец, не следует упускать начертания изображений, имён и знаков, а также окуривания; но об этом мы поговорим в другом месте, где речь пойдёт об изображениях и знаках. Так, у Филострата мы читаем, что Иарх, глава индийских мудрецов, передал Аполлонию семь колец, изготовленных по этому правилу и отмеченных силами и именами семи планет. Тот каждый день носил по одному, различая их согласно именам дней, и благодаря им прожил более ста тридцати лет, притом всегда сохраняя цветущую молодость. Подобным образом о Моисее, законодателе и вожде евреев, обученном магии в Египте, у Иосифа читаем, что он изготовлял кольца любви и забвения. У киренцев также, по рассказу Аристотеля, было кольцо Батта, служившее знаком признательности и почести. Мы читаем, кроме того, что некий философ Евдам изготовлял кольца против змеиных укусов,

завораживания и демонов. То же Иосиф рассказывает о Соломоне. У Платона же читаем, что у Гига, царя лидийцев, было кольцо удивительной и необычной силы: когда он поворачивал его печатку внутрь ладони, никто его не видел, сам же он видел всё. Полагаясь на это свойство кольца, он обесчестил царицу, убил царя, своего господина, и погубил всех, кого считал препятствием для себя; при совершении этих злодеяний никто не мог его видеть. Наконец, благодаря этому кольцу он стал царём Лидии.

Глава XLVIII. О силах мест и о том, какие места соответствуют каждой из звёзд

Места также обладают удивительными силами, сопутствующими им либо вследствие находящихся там вещей, либо вследствие влияний звёзд, либо приобретёнными каким-нибудь иным способом. Так, Плиний сообщает о кукушке: если в том месте, где кто-либо впервые услышит эту птицу, он очертит след правой ноги и выкопает землю внутри следа, то там, где она будет рассыпана, не заведутся блохи. Говорят также, что пыль, собранная со следов змей, возвращает пчёл в улей, если их ею посыпать. Подобным образом пыль с места, где валялась мулица, посыпанная на тело, умеряет любовный пыл; пыль же с места, где валялся ястреб, завязанная в красноватую льняную ткань, считается средством от четырёхдневной лихорадки. Так и камешек, взятый из ласточкиного гнезда, как говорят, немедленно облегчает страдания больных падучей, а привязанный к ним — постоянно защищает, особенно если он обёрнут кровью или сердцем ласточки. Говорят, если человек с вскрытой веной натощак пройдёт через место, где недавно упал страдающий падучей болезнью, болезнь перейдёт на него. Плиний рассказывает, что вбитый железный гвоздь в том месте, которого впервые коснулась голова упавшего в припадке, избавляет от этого недуга. Передают также, что трава, выросшая на голове какой-либо статуи, собранная и привязанная в лоскуте одежды красной нитью, тотчас успокаивает головную боль; а любая трава, собранная у ручьёв или рек до восхода солнца так, чтобы никто не видел собирающего, избавляет от трёхдневной лихорадки, если привязать её к левой руке так, чтобы больной не знал, что это.

Места, соответствующие планетам. Из мест, принадлежащих звёздам, Сатурну соответствуют всякие зловонные, тёмные, подземные, священные и погребальные места: кладбища, могилы, покинутые людьми жилища, обветшавшие от древности, мрачные и страшные места, уединённые гроты, пещеры, колодцы, а также рыбные садки, пруды, болота и подобное. Юпитеру приписывают всякие привилегированные места, собрания облечённых пурпуром, судилища, кафедры, гимнасии, школы и все опрятные, чистые места, окроплённые разнообразными приятными благовониями. Марс владеет местами огненными и кровавыми: печами, пекарнями, мясными лавками, крестами, виселицами, местами военных побоищ и убийств, пыточными и тому подобным. К Солнцу относятся светлые места, ясный воздух, дворцы царей, дворы князей, возвышения, театры, престолы и всё царственное и великолепное. Венера обитает у приятных источников, на зеленеющих лугах, в цветущих садах, украшенных спальнях и публичных домах, а по Орфею — также в морских просторах, на побережьях, в купальнях, на площадках для танцев и во всём женском. Меркурий занимает мастерские, школы, лавки, торговые рынки и подобное. Луна обитает в пустынях, лесах, скалах и громадных утёсах, горах, рощах, источниках, водах, реках, морях, на берегах и кораблях; говорят также, что она блуждает по различным рощам и владеет общественными дорогами, хранилищами плодов и подобным. Поэтому желающие действовать ради любви обычно на определённое время зарывают или прячут орудия своего искусства — кольца, изображения, зеркала или другое — в публичном доме, чтобы от этого места они получили некую силу Венеры. Полагают, это происходит так же, как вещи в зловонном месте становятся зловонными, а в благоуханном —

ароматными и душистыми.

Стороны света, подчинённые планетам. Сюда относятся и сами положения в мире. Поэтому собирающим траву Сатурна, Марса или Юпитера велят смотреть на восток либо на юг: во-первых, эти планеты радуются, находясь к востоку от Солнца; во-вторых, их главные обители — Водолей, Скорпион и Стрелец — южные знаки, как и Козерог с Рыбами. Собирающим же вещи Венеры, Меркурия или Луны велят смотреть к западу, ибо эти планеты радуются западному положению, либо к северу, ибо их главные обители — Телец, Близнецы, Рак и Дева — северные знаки. Так и при солнечном действии нужно смотреть на восток или юг, а ещё лучше — всегда на само солнечное тело и свет.

О свете и цветах, о светильниках и лампадах,

Глава XLIX. их распределении между звёздами, домами и стихиями

Свет также есть качество, в высокой степени принадлежащее форме, простой акт и образ интеллигенции, первоначально изливающийся во всё из божественного ума. Но в самом Боге Отце, Отце светов, пребывает первый истинный свет; затем в Его Сыне — озаряющее и преизбыточное сияние; в Святом Духе — пламенный блеск, превосходящий всякое разумение, даже, как говорит Дионисий, разумение серафимов. Изливаясь в ангелов, он становится сияющим разумением и радостью, разлитой за пределами всякого рассудка; однако воспринимается он в различных степенях, согласно природе принимающей интеллигенции. Далее он нисходит в небесное, где становится изобилием жизни, действенным распространением и видимым сиянием; в огне же — некой природной мощью, вложенной небесным. Наконец, в людях он становится ясным движением рассудка и познанием божественного, весь принадлежа разуму. Но и этот свет многообразен — либо по расположению тела, как считают перипатетики, либо, что вернее, по воле дарующей причины, разделяющей каждому, как ей угодно. Отсюда он переходит к воображению, ещё выше чувства, но уже лишь как воображаемый; наконец — к чувству, преимущественно зрению. В нём он становится видимой ясностью и распространяется последовательно через прозрачные тела, в которых делается цветом и отражённой красотой; в непрозрачных — некой благотворной и порождающей силой. Он проникает до самого центра, где его лучи, собранные в тесноте, становятся мрачным жаром, мучащим и раскаляющим. Так всё ощущает мощь света по своей способности: он связывает всё с собою животворным

теплом и, проникая во все существа, проводит повсюду их качества и силы. Поэтому маги запрещают попадать под тень больного либо обнажать мочу больного перед Солнцем или Луной: лучи света, внезапно проникая через больное тело и унося вредные качества, передают их находящемуся напротив и поражают его таким качеством. Поэтому завораживающие следят, чтобы накрыть своей тенью завораживаемого; так гиена прикосновением своей тени заставляет собак онеметь.

Искусственно изготовляют также некоторые огни в лампадах, светильниках, свечах и подобном из определённых веществ и жидкостей, своевременно избранных по звёздам и составленных в согласии с ними. Когда их зажигают и они одни светят, они обычно производят удивительные небесные действия, которым люди часто изумляются. Так, Плиний, ссылаясь на Анаксилая, рассказывает, что выделения кобыл после случки, зажжённые в светильниках, чудесным образом показывают видения конских голов; подобное бывает и от ослиц. Мошки, смешанные с воском и зажжённые, заставляют видеть мух; змеиная кожа, зажжённая в лампаде, вызывает видения змей. Говорят также: если во время цветения винограда привязать к нему пузырёк с маслом и оставить до созревания, то позднее это масло, зажжённое в лампаде, заставляет видеть виноград. То же относится и к прочим плодам. Если смешать золототысячник с мёдом и кровью удода и поместить в светильник, окружающие покажутся крупнее обычного; если же зажечь его ночью при ясном небе, будет видно, как звёзды движутся друг к другу. Чернила каракатицы также обладают силой, будучи добавлены в светильник, заставлять видеть эфиопов. Говорят ещё, что свеча, изготовленная из определённых сатурнианских веществ, если зажечь её и погасить во рту недавно умершего человека, впоследствии всякий раз,

когда светит одна, навевает на окружающих величайшую печаль и страх. О многих подобных светильниках и лампадах рассказывают Гермес, Платон, «Кираниды», а из позднейших — Альберт в особом трактате об этом. Цвета тоже суть некоторые виды света: примешиваясь к вещам, они обычно подставляют их воздействию тех звёзд и небесных тел, которым соответствуют сами. Далее мы скажем, каких цветов свет планет: по ним распознаётся и природа неподвижных звёзд; эти цвета можно будет применить здесь к пламени лампад и светильников. Но в этом месте мы расскажем, как цвета нижних и смешанных вещей распределяются между различными планетами.

Цвета планет. Все чёрные, блестящие, землистые, свинцовые и тёмные цвета относятся к Сатурну. Сапфировые, воздушные, вечно-зелёные, ясные, более тёмные пурпурные, а также золотые, смешанные с серебряным, принадлежат Юпитеру. Красные, горящие, огненные, пламенные, фиолетовые, пурпурные, кровавые и железные цвета относятся к Марсу. Золотые, шафранные и более светлые пурпурные — к Солнцу. Все белые, красивые, пёстрые, зелёные, розоватые, слегка шафранные или пурпурные — к Венере, Меркурию и Луне.

Цвета небесных домов. Из небесных домов первый и седьмой имеют белый цвет; второй и двенадцатый — зелёный; третий и одиннадцатый — шафранный; четвёртый и десятый — красный; пятый и девятый — медовый; шестой и восьмой — чёрный.

Цвета телесных соков. Стихии также имеют свои цвета, по которым исследователи природы судят о сложении и природных свойствах. Земной цвет, составленный из холодного и сухого, тёмен и чёрен и указывает на чёрную желчь и сатурнианскую природу. Голубоватый, переходящий в белый, обозначает слизь:

холод делает влажное белым, а сухое — чёрным. Красноватый цвет указывает на кровь; огненный же, или ярко-пламенный, — на жёлтую желчь. Она благодаря своей тонкости легко смешивается со всем и производит различные цвета. Когда она смешивается с кровью и преобладает кровь, сохраняется яркая краснота; если преобладает желчь, получается рыжеватый цвет; при равном смешении — рыжий. Если же с кровью смешана пережжённая желчь, получается конопляный цвет: красный при преобладании крови либо красноватый при преобладании желчи. Если желчь смешивается с меланхолическим соком, она окрашивает в чёрный; с чёрной желчью и слизью в равных долях даёт конопляный цвет; при избытке слизи — жёлтый; при преобладании чёрной желчи — сизый. Если смешать её только со слизью в равных долях, получается рыже-жёлтый цвет; при избытке одного из компонентов — бледный или бледноватый. Все цвета сильнее действуют, когда находятся в шёлке или металле, в прозрачных веществах, драгоценных камнях и в том, что ближе воспроизводит небесное подобие, особенно же — в живых существах.

Глава L. О завораживании и его искусстве

Что такое завораживание. Орудие завораживания — дух. Завораживание есть связывание, которое, исходя из духа завораживающего, входит через глаза завораживаемого и достигает его сердца. Орудие завораживания — дух, то есть некое чистое, светлое, тонкое испарение, порождённое сердечным теплом из наиболее чистой крови. Оно постоянно испускает через глаза подобные себе лучи; испущенные лучи несут духовное испарение, а оно — кровь. Это видно на воспалённых и покрасневших глазах: их луч, направляясь навстречу глазам смотрящего, увлекает испарение испорченной крови, заражение которым заставляет глаза смотрящего страдать той же болезнью. Так открытый и устремлённый на кого-либо глаз, при сильном воображении, выпускает в глаза напротив острия своих лучей, служащих носителями духов.

Лучи — носители духа. Этот тягучий дух пронзает глаза завораживаемого и, побуждаемый сердцем поражающего, сильнее поражает сердечную область как собственную обитель; этот чуждый дух ранит сердце и заражает дух. Поэтому Апулей говорит: «Эти твои глаза, проникнув через мои глаза в самую глубину сердца, возбуждают в моём мозгу жесточайший пожар».

Как происходит завораживание. Итак, знай, люди особенно подвергаются завораживанию, когда, часто направляя взгляд во взгляд, они жадно смотрят друг другу в глаза, лучи соединяются с лучами, свет — со светом; тогда дух соединяется с духом и вонзает искры. Так одними лишь лучами глаз воспламеняются крепчайшие узы и самая пылкая любовь, даже от одного внезапного взгляда, словно от дротика или удара,

пронизывающего всё тело. Тогда любовный дух и кровь раненого устремляются к любящему и завораживающему так же, как кровь и дух мести убитого устремляются к убийце. Поэтому Лукреций воспел эти любовные чары:

И тело стремится туда, откуда ум ранен любовью;
Ведь все обычно падают в сторону раны,
И кровь устремляется туда, откуда наносится удар,
И если враг вблизи, его окропляет красная влага.

Такова сила завораживания, особенно когда глазные испарения служат страсти. Поэтому завораживающие пользуются глазными мазями, умащениями, привязываниями и подобным, чтобы так или иначе настроить и укрепить дух. Для возбуждения любви пользуются мазями Венеры — из гиппомана, крови голубей или воробьёв и подобных веществ. Для возбуждения страха — мазями Марса, например из глаз волков, гиены и подобного. Для бедствия или болезни — сатурнианскими. О каждом случае следует рассуждать сходным образом.

Глава LI. Об определённых соблюдениях, производящих удивительные силы

Передают также, что определённые действия и соблюдения обладают особой природной силой; поэтому верят, что таким путём порой можно устранить некоторые болезни или вызвать их. Так, говорят, четырёхдневную лихорадку изгоняют, если обрезки ногтей больного привязать в льняной тряпочке к шее живого угря, а затем отпустить его в воду. Плиний рассказывает: если обрезки ногтей рук и ног больного смешать с воском, произнося, что приготовляется средство от четырёхдневной, трёхдневной либо ежедневной лихорадки, и до восхода солнца прикрепить к чужой двери, это станет лекарством от этих болезней. Подобным образом велят положить все обрезки ногтей у муравьиных нор, схватить первого муравья, который начнёт их тащить, и подвесить на шею: так болезнь рассеивается. Говорят, что кусочек дерева, поражённого молнией, брошенный руками за спину, устраняет болезнь. При четырёхдневной лихорадке подвешивают на шею обломок гвоздя с креста, завёрнутый в шерсть, или верёвку с креста; после выздоровления прячут в углубление, куда не достигает солнце. Утверждают также, что прикосновением к горлу руки человека, умершего преждевременно, исцеляют золотушные опухоли и опухоли около ушей. Говорят, трудные роды немедленно разрешаются, если перебросить через постель роженицы камень либо метательное оружие из числа тех, которыми по одному удару были убиты три существа: человек, кабан и медведица. То же совершает лёгкое копьё, извлечённое из тела человека, если оно не коснулось земли. Также говорят, что стрелы, вынутые из тела и не коснувшиеся земли, будучи положены под лежащих, служат

приворотным средством. Говорят ещё, падучая болезнь исцеляется пищей из мяса зверя, убитого тем же железом, которым был убит человек. Утверждают, что не бывает глазных болезней и воспалений у тех, кто, омывая ноги водой, трижды касается ею глаз. Некоторые лечат пах, привязывая нить, вынутую из ткани, девятью или семью узлами и при каждом узле называя какую-нибудь вдову. Селезёнку животного также прикладывают над больной селезёнкой, причём врачующий говорит, что делает средство для селезёнки; затем велят заключить её в стене спальни или в потолке, запечатать кольцом и трижды по девять раз произнести заклинание. От того же недуга избавляет моча зелёной ящерицы в горшке, подвешенном перед спальней больного так, чтобы он касался его рукой, выходя и возвращаясь. Говорят также, что ящерица, умерщвлённая в телячьей моче, сдерживает половое влечение совершившего это; тот же, кто испустит свою мочу в собачью, как говорят, становится менее склонен к любви и чувствует оцепенение поясницы. Передают, что от всех вредоносных снадобий помогает собственная моча, накапанная утром на ногу.

Действенность плевка, или слюны. Есть маленькая древесная лягушка: говорят, если плюнуть ей в рот и отпустить, это избавляет от кашля. Удивительно, но легко проверить и то, что рассказывает тот же Плиний: если кто раскается в нанесённом издали или вблизи ударе и тотчас плюнет на середину ладони, которой ударил, поражённый немедленно освобождается от боли. Это подтверждается на четвероногом с повреждённой поясницей: после такого средства его походка сразу исправляется. Некоторые, напротив, усиливают удар, нанеся слюну на руку перед попыткой. Подобным образом полезно плюнуть в обувь правой ноги перед тем, как надеть её, если

предстоит пройти через место, где когда-либо подвергался опасности. Плевком мы также отвращаем падучую болезнь и заразу; некоторые, плюнув за пазуху, просят у богов прощения за слишком дерзкое упование. Подобным образом при всяком врачевании существовал обычай трижды плевать с отвращающим молением, и это помогало действию средства.

Как отогнать волков от угодий. Передают, что волки не подходят к полю, если у пойманного волка переломать ноги и, вонзив нож, понемногу разбрызгивать кровь вокруг границ поля, а самого закопать там, откуда впервые начали его тащить. Жители Мефаны, города трезенцев, имели против вреда южного ветра для сохранения лоз действенное средство, всегда подтверждавшееся самым надёжным опытом: пока ещё дул ветер, двое мужчин, растягивая белого петуха в разные стороны, разрывали его пополам; каждый, держа свою половину, обходил виноградники, пока, завершив круг, оба не встречались в исходном месте; там они зарывали части петуха. Передают также, что держащий гадюку на палке над испарением предсказывает будущее; палка же, которой лягушка была выбита из пасти змеи, помогает роженицам. Это рассказывает сам Плиний. При собирании корней и трав велят сначала очертить вокруг них мечом три круга, затем выкапывать; кроме того, следует остерегаться встречного ветра. Говорят ещё: если измерить мёртвого человека верёвкой сначала от локтя до большого пальца, затем от плеча до того же пальца и после от головы до ног, повторив все измерения трижды, а позднее той же верёвкой таким же образом измерить другого, тот лишится успеха и удачи и впадёт в бедствие и печаль. Альберт рассказывает по «Киранидам»: если какая-нибудь женщина чарами связала тебя любовью к себе, возьми её рубашку и помочись наружу сквозь

ворот и правый рукав — колдовство разрушится. Плиний рассказывает, что сидеть возле беременных либо возле того, кого лечат, сцепив пальцы гребнем, — колдовство; это было обнаружено, когда Алкмена рожала Геркулеса. Ещё хуже, если сделать это вокруг одного или обоих колен. Подобным образом класть одну подколенную впадину на другое колено — колдовство; поэтому на советах вождей и властителей это запрещалось как препятствующее всем действиям. Говорят также: если стоящий перед дверью окликнет по имени лежащего с женщиной, а тот ответит, и тогда вонзит в дверь нож или иглу и сломает, оставив остриё внутри, лежащий не сможет совокупиться с нею, пока это остаётся там.

Глава LII. О выражении лица, жестах, положении и облике тела, об их соответствии звёздам и об основаниях физиогномики, метопоскопии и хиромантии как искусств предсказания

Насколько выражение лица и жесты воздействуют на воображение. Выражения лица, жесты, движения и положения тела, а также принимаемые нами облики способствуют восприятию небесных даров, открывают нас высшим силам и производят в нас определённые действия. Подобное происходит с чемерицей: собирающий эту траву, потянув лист вверх или вниз, самим движением заставляет её вытягивать соки вверх либо вниз. Никто не сомневается и в том, насколько выражение лица и жесты воздействуют на зрение, воображение и жизненный дух. Так, совокупляющиеся ради потомства нередко запечатлевают в будущих детях выражения, которые сами тогда принимают или воображают. Кроткое и радостное лицо государя радует народ в городе, свирепое или печальное — внезапно устрашает. Жест и облик скорбящего легко возбуждают сострадание; так же легко возбуждает любовь облик привлекательного человека. Ты должен знать, что такие жесты и облики, словно гармонии тела, подставляют его небесным воздействиям так же, как запахи и лекарства — дух, а внутренние страсти — душу. Как лекарства и душевные страсти сочетаются с определёнными небесными расположениями, так и жесты и движения тела получают действенность от определённых небесных влияний.

Какие жесты относятся к каким планетам. К Сатурну относятся печальные и скорбные жесты: рыдания, удары по

голове; также религиозные — преклонение колен с опущенным взором, как у молящего об избавлении, удары в грудь и подобные выражения лица, свойственные суровому сатурнианскому человеку, которого сатирик описывает так:

Склонив голову и вперив глаза в землю,
Он пережёвывает про себя ропот и бешеное молчание
И отвешивает слова, вытянув губу.

К Юпитеру относятся весёлые и достойные лица, почтительные жесты, соединение рук словно при рукоплескании или хвале, а также преклонение колен с поднятой головой, как у поклоняющегося. К Марсу относятся резкие, свирепые, жестокие, гневные, угрюмые жесты и подобные лица. Солнечные жесты — мужественные, почтительные, и такие же лица; также шествия и преклонение одного колена, как при почитании царя. Венерины — танцы, объятия, смех, любезные и радостные лица. Меркурианские — непостоянные, проворные, скользкие и подобные жесты и лица. Лунные — подвижные, колдовские, детские и подобные.

Какие облики соответствуют каким планетам. Как мы говорили о жестах, различаются и человеческие облики. Сатурн указывает на человека с цветом кожи между чёрным и шафранным, худого, сутулого, с грубой кожей, выступающими венами, волосатым телом, маленькими глазами, сросшимися бровями, редкой бородой, толстыми губами, опущенным взором, тяжёлой походкой, шаркающего ногами при ходьбе, хитрого, изобретательного, обманщика, убийцу. Юпитер означает человека белого, залитого румянцем, красивого телом, хорошего роста, лысого, с довольно большими глазами, не вполне чёрными, широким зрачком, короткими неравными ноздрями,

крупноватыми передними зубами, курчавой бородой, доброй душой и добрыми нравами. Марс делает человека красным, рыжеволосым, круглолицым, с шафранными глазами, страшным и острым взором, смелым, живым, гордым, хитрым. Солнце означает смуглого человека с цветом между шафранным и чёрным, покрытого румянцем, невысокого, но красивого телом, с безволосым телом и кудрявыми волосами, шафранными глазами, мудрого, верного, жаждущего славы. Венера означает человека белого, склоняющегося к смуглому, но всё же скорее белого, украшенного румянцем, красивого телом, с красивым круглым лицом, красивыми волосами и глазами, в которых чернота особенно насыщенна, добрых нравов, доброй любви, благожелательного, терпеливого и приятного. Меркурий по облику означает человека не очень белого и не чёрного, с продолговатым лицом, высоким лбом, красивыми не вполне чёрными глазами, прямым, довольно длинным носом, редкой бородой, длинными пальцами, изобретательного, тонкого исследователя, изворотливого и подверженного различным превратностям судьбы. Луна означает человека белого с примесью румянца, красивого роста, с круглым и часто отмеченным пятнами лицом, не вполне чёрными глазами, сросшимися бровями, благожелательного, уступчивого и общительного. Знаки и лики знаков также имеют свои облики; кто хочет их знать, пусть ищет в книгах астрологов. От этих обликов и жестов зависят искусства предсказания — физиогномика, метопоскопия и сама хиромантия, предсказывающие будущие события не как причины, а как знаки, через сходные следствия, вызванные одной причиной. Хотя эти виды гадания, по-видимому, пророчествуют по низшим и более слабым знакам, их суждения не следует презирать или осуждать,

когда они предсказывают исходя не из суеверия, а из гармонического соответствия всех частей тела. Всякий, кто природой, занятием, действием, движением, жестом, выражением лица, душевными чувствами и выбором времени лучше подражает небесному, как более подобный этим высшим силам может получить от них более обильные дары.

Глава LIII. О предсказании посредством ауспиций и авгурий

Есть и другие виды предсказаний, зависящие от природных причин и основанные на искусстве и опыте в различных вещах. Ими пользуются врачи, земледельцы, пастухи, моряки, каждый предсказывая по вероятным знакам; многие из них изложил Аристотель в книге о временах. Среди этих видов предсказания первенствуют ауспиции и авгурии. Некогда у римлян они ценились столь высоко, что те ничего из общественных или частных дел не совершали без ауспиций. *Римляне ничего не делали без ауспиций.* Что этрусский народ особенно превосходил других в этом искусстве, Цицерон подробно показывает в книге «О предсказании».

Виды ауспиций. Ауспиций существует несколько видов: одни называются пешими, поскольку берутся от четвероногих; другие — авгуриями, поскольку берутся от птиц; третьи — небесными, от грома и молний; иные — падающими, когда что-нибудь падает в храме или в другом месте; иные — священными, от жертвоприношений. Некоторые из них назывались требующими искупления и печальными ауспициями: когда жертва убегала от алтаря, издавала мычание при ударе или падала не на ту часть тела, на какую следовало. К этому добавляется эксавгурация: когда из руки гадающего выпадает жезл, которым обычно наблюдают и принимают ауспиции.

Двенадцать видов авгурий. Михаил Скот перечисляет двенадцать видов авгурий: шесть справа, называемые fernoua, feruetus, confert, emponethem, sonnafarnoua, sonnafaruetus, и шесть слева, называемые confernoua, conferuetus, uiaram, herrenam, scaffarnoua,

scaffaruetus. Затем, объясняя названия, он говорит: Fernoua — авгурия, когда, выйдя из дома ради какого-либо дела, ты на пути видишь человека или птицу в движении или полёте, так что он или она оказывается перед тобой слева; это благоприятный знак для дела. Feruetus — авгурия, когда, выйдя из дома ради какого-либо дела, ты прежде всего встречаешь или видишь птицу либо человека, неподвижно находящегося перед тобой слева; это дурной знак для дела. Viaram — авгурия, когда человек или птица проходит либо пролетает перед тобой справа налево и скрывается; это хороший знак для дела. Confernoua — авгурия, когда прежде всего встречаешь идущего человека или летящую птицу, которые на твоих глазах останавливаются перед тобой справа; это хороший знак для дела. Conferuetus — авгурия, когда прежде всего встречаешь или видишь человека либо птицу, отдыхающих справа от тебя перед твоими глазами; это дурной знак для дела. Scimasarnoua — авгурия, когда человек или птица следует за тобой сзади и проходит мимо, но прежде, чем достигнет тебя или ты достигнешь его, где-нибудь останавливается на твоих глазах справа; это хороший знак. Scimasaruetus — авгурия, когда видишь позади себя человека или птицу, неподвижно находящихся справа; это дурной знак. Scassarnoua — если увидишь позади себя человека или птицу, но прежде, чем они достигнут тебя либо ты их, они остановятся на месте у тебя на глазах; это хороший знак. Scassaruetus — если увидишь человека или птицу, проходящих мимо и останавливающихся слева; это дурной знак. Emponenthem — когда человек или птица приходит слева, проходит направо и исчезает из вида прежде, чем ты увидишь остановку; это хороший знак. Hartenam — авгурия, когда человек или птица приходит справа, проходит за твоей спиной налево и ты видишь,

как он или она где-нибудь останавливается; это дурной знак. Так говорит Скот. Древние гадали и по чиханию; его упоминает Гомер в семнадцатой книге «Одиссеи», поскольку считал, что оно исходит из священного места — головы, где живёт и действует разум. Поэтому всякое слово, которое неожиданно приходит на уста или на ум встающему утром, как передают, содержит некое предвестие и знамение.

Глава LIV. О значении некоторых животных и других вещей в авгуриях

Какие птицы служат предзнаменованиями. Первые ауспиции следует принимать в начале всякого дела. Если в начале дела заметишь, что твоя одежда погрызена мышами, оставь начатое; если, выходя, споткнёшься на пороге или заденешь ногой препятствие на дороге, прекрати путь; если в начале твоих дел встретится дурное предзнаменование, отложи начатое, чтобы всё намерение не оказалось тщетным либо не завершилось бесполезно; жди лучшего знамения, чтобы выбрать счастливый час для действия. Мы видим множество животных, наделённых от природы некой чудесной и пророческой силой: разве петух не указывает пением часы с величайшим искусством и, хлопая крыльями, не обращает льва в бегство? Многие птицы пением и щебетом, мухи болезненными укусами предвещают дождь; дельфины частыми прыжками над водой предваряют бури. Долго было бы пересказывать все предвестия, которые фригийцы, киликийцы, арабы, умбры, этруски и другие народы, следовавшие авгуриям, узнали от птиц и животных и подтвердили многими опытами и примерами. Во всех заключены скрытые прорицания будущего; величайшее же возвестят тебе птицы знамений — те, о которых поэты рассказывают, будто они превращены из людей в птиц. Поэтому внимательно слушай, что говорит ворона, и следи, сидит ли она или летит справа или слева, болтлива ли, криклива или молчалива, предшествует ли тебе или следует, ждёт ли приближения проходящего либо бежит, куда удаляется — всё внимательно замечай. Гор Аполлон в «Иероглифике» говорит: две вороны означают брак, ибо это животное откладывает два яйца, из которых должны родиться

самец и самка. Если же, что бывает крайне редко, родятся два самца либо две самки, самцы, составив пару с самками, не соединяются с другой вороной, как и самки с другим самцом; разлучившись, они живут одни. Поэтому встретившим одинокую ворону предсказывают вдовью жизнь. То же предвещает чёрная голубка, ибо после гибели самца она всегда живёт одна. За воронами наблюдай не менее тщательно: говорят, в более важных делах им отдают предпочтение, а их знамение перевешивает знамение вороны. Эпиктет, философ-стоик и серьёзный автор, полагал, что карканье ворона навстречу кому-либо предвещает несчастье его телу, имуществу, чести, жене или детям. Затем наблюдай за лебедями, заранее знающими тайны вод: их веселье предсказывает счастливые события не только морякам, но и всем путникам, если только не явится более сильная птица, например орёл. Величайшим могуществом своей власти он лишает доверия всех птиц, если противоречит им: он летает выше всех, видит глубже и никогда не отстранён от тайны самого Юпитера. Он предвещает возвышение и победу, но через кровь, ибо пьёт не воду, а кровь. Локрийцам, сражавшимся с кротонцами, пролетевший сверху орёл принёс победу. Гиерону, впервые отправлявшемуся на войну, орёл, неожиданно севший на щит, предсказал будущее царствование. При рождении Александра Македонского два орла, весь день сидевшие над домом, предвещали ему двойную власть над Азией и Европой. Та же птица предсказала царство римлян Луцию Тарквинию Приску, сыну Демарата Коринфского, бежавшему из дома из-за мятежа и через Этрурию направлявшемуся в Рим: она сняла с него шапку, взлетела высоко и снова надела её ему на голову. Грифы означают затруднения, суровость и хищность, что опыт подтвердил при первоначальном основании города. Они также показывают места

будущего побоища, являясь за семь дней; поскольку они смотрят в сторону будущих побеждённых, словно жадно ожидая большего числа убитых, древние цари обычно посылали разведчиков сообщить, куда обращены грифы.

Авгурии следует брать от более крупных птиц. Феникс обещает необыкновенно счастливый успех: после его появления новый Рим был основан под лучшими ауспициями. Пеликан, поскольку подвергается опасности ради птенцов, означает человека, которому предстоит опасность ради верности дружбе. Пёстрая птица дала имя городу пиктавов и цветом и голосом предуказала кротость народа. Цапля — предзнаменование трудных дел. Аист, птица согласия, приносит согласие. Журавли, названные от древнего слова gruere, словно congruere — «согласовываться», всегда приносят полезное и позволяют остерегаться вражеских козней. Удод означает благодарность, ибо он один воздаёт благодарность престарелым родителям; напротив, гиппо- потам, убийца родителя, возвещает неблагодарность за благодеяния и несправедливость. Птица оригис, чрезвычайно завистливая, означает зависть.

Авгурии от малых птиц. Из малых птиц болтливая сорока возвещает гостей; пролетающий альбанелл, если движется слева направо, означает радостное гостеприимство, а в противоположную сторону — противоположное. Стрикс всегда несчастливая птица, как и сова: поскольку ночью она внезапно нападает на птенцов, подобно внезапно приходящей смерти, говорят, она предвещает смерть. Однако иногда, поскольку ночная тьма её не ослепляет, она означает человеческую осмотрительность и бдительность, что подтвердила, сев на копьё Гиерона. Дидона же во время связи с Энеем восприняла филина

как несчастливое знамение; поэтому поэт воспел:

И одинокий филин на кровлях погребальной песней
Часто жаловался и протяжно рыдал.

И в другом месте:

Ленивый филин — зловещее знамение смертным.

Он кричал на Капитолии, когда римское дело терпело поражение под Нуманцией и когда Фрегеллы были разрушены за заговор против римлян. Альмадель говорит: когда филины и ночные вороны залетают в непривычные области и жилища, это указывает, что люди этих областей и домов умрут, ибо эти птицы любят трупы и заранее их ощущают; люди, которым предстоит умереть, уже потенциально являются трупами. О ястребе, предвестнике раздора, Назон поёт:

Мы ненавидим ястреба, ибо он всегда живёт войной.

Лелий, легат Помпея в Испании, был убит среди фуражиров; говорят, эту судьбу предсказал ему ястреб, летавший над головой. Альмадель говорит, что птицы одного вида, сражающиеся между собой, означают перемену царства; если же воюют птицы разных видов и слетаются такие, каких прежде не видели, они предвещают новую судьбу той области. Маленькие птицы приходом и уходом предвещают увеличение либо уменьшение семьи; чем спокойнее их полёт, тем он благоприятнее. Так авгур Меламп по полёту птичек предугадал гибель греков, сказав: «Видишь, ни одна птица не летит спокойно». Ласточки, поскольку перед смертью готовят птенцам укрытия, предвещают обширное родовое имущество либо наследство от умерших. Летучая мышь, встретившаяся беглецу, означает спасение: хотя у

неё нет перьев, она улетает. Воробей же — дурное знамение для беглеца, ибо, убегая от ястреба, он устремляется к сове, у которой подвергается равной опасности; но в любви он благоприятен, поскольку, возбуждённый похотью, совокупляется семь раз в час. Пчёлы — доброе знамение для царей, ибо указывают на послушный народ; мухи означают назойливость и бесстыдство, ибо, часто отгоняемые, всё равно немедленно возвращаются.

Авгурии от домашних птиц. Домашние птицы также не лишены значения в авгуриях: петухи пением поддерживают надежду и путь начинающего. Беременная Ливия, мать будущего Тиберия, грела у себя за пазухой яйцо, взятое из-под курицы, пока не вывелся петух с выдающимся гребнем; авгуры истолковали это так, что родится мальчик, которому предстоит царствовать. Цицерон пишет, что в Фиваиде петухи своим пением целыми ночами предвещали беотийцам победу над лакедемонянами. Авгуры истолковали это так потому, что побеждённая птица молчит, а победившая поёт.

Знамения берутся от животных. Подобным образом предзнаменования событий берут от животных и зверей. Встреча с лаской зловеща. Встречи с зайцем путнику следует опасаться, если только он его не поймает. Мул тоже неблагоприятен, ибо бесплоден. Свинья пагубна, поскольку такова её природа, и потому означает пагубных людей. Конь относится к ссорам и битве. Поэтому у Вергилия Анхис, увидев белых коней, восклицает:

Войну несёшь ты, гостеприимная земля!
Для войны вооружаются кони, войной грозит это стадо.

Но если встречаются кони, впряжённые в колесницу, поскольку они тянут в согласном ярме, они означают надежду на мир. Осёл бесполезен; однако он помог Марию: объявленный врагом отечества, тот увидел осла, отвергавшего предложенный корм и спешившего к воде, и, сочтя это указанием пути к спасению, попросил помогавших друзей об одном — проводить его к морю. Добившись этого и сев на маленькое судно, он избежал рук победителя Суллы. Однако, как бы ни встретился осёл в авгурии, он всегда означает труд, терпение и препятствия. Волк навстречу — добрый вестник, что подтвердилось на Гиероне Сицилийском: волк, выхвативший у него в школе табличку, удостоверил его будущее царствование; однако волк лишает голоса того, кого увидит первым. При консулах Публии Африкане и Гае Фульвии волк растерзал стража в Минтурнах, когда римское войско в Сицилии было побеждено беглыми рабами. Он означает также вероломных и ненадёжных людей, что известно по потомству Ромула: верность, которую они некогда всосали от матери-волчицы и с самого начала соблюдали друг к другу, словно по закону природы передалась потомкам. Встретить льва хорошо, поскольку он сильнейший из животных и всех устрашает; но женщине встретить львицу плохо, ибо это препятствует зачатию: львица не рождает вторично. Встречать овец и коз хорошо. В этрусской книге знамений читаем также: если это животное имеет необычный цвет, это предвещает правителю счастливое изобилие во всём. Поэтому Вергилий поёт Поллиону:

Сам баран на лугах будет менять своё руно
То на нежно-красный пурпур, то на шафранную резеду.

Хорошо также встретить быков, молотящих зерно, но лучше — пашущих: хотя, пересекая дорогу, они задерживают путь, они возмещают задержку гостеприимством. Собака в дороге благоприятна, ибо Кир, оставленный в лесу, был вскормлен собакой для царствования; и ангел, спутник Товии, не отверг собаку как спутника. Бобр, поскольку откусывает свои яички и оставляет их охотникам, — дурное знамение и предвещает, что человек сам причинит себе ущерб.

Знамения малых животных. Из малых животных мыши означают ущерб: когда они погрызли золото на Капитолии, в тот же день оба консула возле Тарента попали в засаду Ганнибала. Саранча, словно заставляющая стоять на месте либо выжигающая места, препятствует желаниям и служит дурным знамением; напротив, цикады способствуют пути и возвещают хороший исход дел. Паук, спускающий нить сверху, как говорят, возвещает надежду на будущие деньги. Подобным образом муравьи, поскольку умеют запасать для себя и устраивать безопасные убежища, предвещают безопасность и богатство, а также означают многолюдное войско. Поэтому, когда муравьи пожрали ручного дракона Тиберия Цезаря, ему ответили, чтобы он остерегался мятежа толпы. Если тебе встретится змея, берегись злоречивого врага: это животное сильно лишь пастью. Змея, вползшая во дворец, предсказала Тарквинию его падение. Две змеи были найдены в постели Семпрония Гракха; гаруспик сказал ему, что, если он отпустит самца либо самку, вскоре предстоит умереть ему или жене. Предпочтя жизнь жены своей, он убил самца и отпустил самку, а через несколько дней умер. Так гадюка означает дурных женщин и преступных сыновей; угорь означает человека, враждебного всем, ибо живёт отдельно от других рыб и не встречается вместе с ними.

Самое действенное предзнаменование — от человека. Среди всех ауспиций и знамений нет более действенного, могущественного и яснее раскрывающего истину, чем человек. Поэтому внимательно замечай и исследуй состояние встреченного, возраст, пол, занятие, положение, жест, движение, деятельность, сложение, одежду, имя, слова и речь — всё. Ведь если в прочих животных есть столь многие проблески предвидения, несомненно, в человеческую душу они вложены гораздо сильнее и яснее. Это свидетельствует и сам Туллий, говоря, что человеческим душам от природы присуще некое предчувствие собственной вечности для познания всей последовательности вещей и причин. Человеческая голова с неповреждённым лицом, найденная в основаниях Рима, предсказала величие державы и дала горе имя Капитолия. Воины Брута перед битвой с Октавием и Марком Антонием встретили у ворот лагеря эфиопа; хотя они немедленно убили его как предвестие несчастья, битва всё же оказалась неудачной, и оба полководца, Брут и Кассий, погибли. Даже встреча с монахами обычно считается зловещей, особенно утром, ибо эти люди преимущественно питаются доходами от погребений, как грифы — мертвечиной.

Глава LV. Как подтверждаются ауспиции светом природного чувства, и о некоторых правилах его испытания

Мы читаем, что ауспиции и авгурии, предсказывающие будущее по животным и птицам, впервые показал богослов Орфей; впоследствии они высоко ценились у всех народов. Они подтверждаются светом природного чувства, словно от него некие лучи предсказания нисходят на четвероногих, птиц и других животных, благодаря чему те могут предвещать нам человеческие события. Так, по-видимому, думает и Вергилий, когда поёт:

Не думаю я, что у них божественнее
Разум или дано судьбой большее знание вещей.

Возвышенность природного чувства. Такое природное чувство, как говорит Вильгельм Парижский, выше всякого человеческого постижения, весьма близко к пророчеству и чрезвычайно ему подобно. От этого чувства некоторым животным природно присущ удивительный свет предсказания. Это явно видно у некоторых собак, которые таким чувством распознают, находят, выслеживают и хватают воров и скрывающихся людей, совершенно неизвестных и им, и людям, бросаясь на них пастью и зубами. Подобным чувством грифы предвидят будущие побоища и собираются там, где они произойдут, словно заранее видят предназначенную им пищу из трупов. Тем же чувством куропатки узнают мать, которой никогда не видели, и покидают куропатку, укравшую и высидевшую материнские яйца. Этим же чувством, при полном неведении человеческой души, ощущается нечто вредное и страшное; отсюда страх и ужас часто охватывают

людей, ничего такого не воспринимающих и не обдумывающих. Так вор, скрытый в доме, хотя никто вовсе не знает и не думает, что он там, внушает ужас, страх и сердечное беспокойство жителям дома, возможно, не всем, ибо такой свет присущ не каждому, а немногим. Так и блудницу, скрытую в огромном доме, порой ощущает человек, совершенно не знающий, что она там. В историях передано, что некий египтянин Гераиск, муж божественной природы, узнавал нечистых женщин не только глазами, но даже издали услышав голос, и тотчас испытывал от этого сильную головную боль. Вильгельм Парижский также сообщает, что в его время одна женщина этим чувством заранее ощущала приближение любимого мужчины за две мили, когда он шёл туда, где она находилась. Он сообщает и о самке аиста, уличённой самцом по запаху в прелюбодеянии: самец собрал множество аистов и раскрыл её преступление; всё собрание, словно общим судом признав её виновной, ощипало и растерзало её. Он рассказывает также о коне, который, по неведению совокупившись со своей матерью и впоследствии узнав это, собственными зубами откусил себе половые органы, словно мстя себе за кровосмешение. Подобное о конях рассказывают Аристотель, Варрон и Плиний. Сам Плиний рассказывает сходный случай с аспидом: в Египте он ежедневно приходил к столу одного человека и получал пищу; породив детёнышей, один из которых убил сына хозяина, он вернулся, узнал о вине, умертвил детёныша и больше не возвращался под эту кровлю. Из этих примеров видно, как на животных могут нисходить некоторые лучи предвидения, словно знаки событий, заключённые в их жесте, движении, голосе, полёте, походке, пище, цвете и подобном. Согласно учению платоников, нижним вещам присуща некая сила, благодаря которой они во многом

согласуются с высшими; отсюда и безмолвные согласия животных, по-видимому, согласуются с божественными телами, а их тела и состояния подвергаются действию тех сил, по которым они приписываются своим божествам. Поэтому следует рассматривать, какие животные принадлежат Сатурну, какие Юпитеру, какие Марсу, и так для каждой планеты, и согласно их свойствам выводить предвестия. Так все птицы, относящиеся к Сатурну и Марсу, называются зловещими и погребальными: совы, неясыти и прочие перечисленные выше. Филин также, будучи птицей Сатурна, одинокой и ночной, считается самым несчастливым знамением; о нём поэт говорит:

И мерзкая птица, вестница грядущей скорби,
Ленивый филин — зловещее знамение смертным.

Лебедь же, прекрасная птица Венеры, священная также для Феба, считается самым счастливым предвестием, особенно в ауспициях моряков, поскольку не тонет в воде; поэтому Овидий поёт:

Лебедь в ауспициях — всегда счастливейшая птица.

Птицы, дающие знамение голосом. Есть также птицы, дающие ауспиции устами и пением: ворон, дятел, ворона; поэтому Вергилий говорит:

Часто слева предсказывала ворона с дуплистого дуба.

Что следует учитывать в полёте птиц. Птицы, предвещающие будущее полётом, — канюки, санквалы, орлы, грифы, журавли, лебеди и подобные. В полёте рассматривают, медленно или быстро они летят, когда летят направо либо налево, сколько их летит вместе. Так, когда журавли летят стремительно, они

означают бурю; когда безмолвно — ясную погоду. Когда две зловещие птицы летят вместе, они, как говорят, предвещают зло, ибо это число смешения. Подобным образом исследуй остальных, перенося сюда рассуждение о числах. Кроме того, при таких предположениях особенно важно соблюдать подобие, как у Вергилия сама Венера, приняв иной облик, наставляет сына Энея такими стихами:

Если не тщетно учили меня гаданию лживые родители,
Взгляни на дважды шесть лебедей, радующихся в строю:
Птица Юпитера, слетевшая из небесной выси,
Гнала их по открытому небу; теперь длинной вереницей
Они то занимают землю, то глядят на уже занятую.
Как они, вернувшись, играют шумящими крыльями,
Окружили небо стаей и запели,
Так и твои корабли и юные спутники
Либо уже в гавани, либо входят в устье под полным парусом.

Самый удивительный вид авгурии — у тех, кто слышит и понимает речь животных: таковы у древних Меламп, Тиресий и Фалес. В этом, как читаем, превосходил других Аполлоний Тианский, который, говорят, знал птичью речь. Филострат и Порфирий рассказывают: когда однажды Аполлоний сидел среди друзей, глядя на воробьёв на дереве, откуда-то прилетел воробышек, громко щебеча и крича, и все улетели вслед за ним. Аполлоний сказал спутникам: «Этот воробей сообщил остальным, что близ города в переулке упал осёл, нагруженный пшеницей, и пшеница рассыпалась по земле». Многие, сильно заинтересовавшись этими словами, пошли посмотреть, и так и обнаружили с удивлением, что всё произошло, как сказал Аполлоний. Платоник Порфирий в третьей книге о жертвоприношениях говорит, что это была ласточка.

Голоса животных обозначают состояния души. Несомненно, всякий голос любого животного означает некоторое состояние его души, чувство радости, печали или гнева; не столь удивительно, что эти голоса могут понимать люди, упражнявшиеся в этом. Сам Демокрит, как говорит Плиний, преподавал это искусство, называя птиц, из смешанной крови которых рождается змея: съевший её будет понимать птичьи разговоры. Гермес говорит: если кто в определённый день ноябрьских календ отправится на охоту и первую пойманную птицу сварит с лисьим сердцем, все, кто поест этого, будут понимать голоса птиц и прочих животных. Арабы также передавали, что понимают мысли бессловесных те, кто ел сердце или печень драконов; сам платоник Прокл верил и учил, что сердце крота помогает предвидению. Были также гадания и ауспиции, получаемые по внутренностям и долям органов жертв; их изобретателем был Тагет, о котором Лукан воспел:

Пусть нет доверия внутренностям, пусть основатель искусства
Тагет всё это выдумал.

Печень — глава внутренностей. Римское священное установление считало печень главной среди внутренностей. Поэтому гаруспики, исследуя по внутренностям будущее, сначала рассматривали печень и различали в ней две головки, одну называя гражданской, другую — вражеской; сравнивая их, возвещали победу той или иной стороны. Так у Лукана читаем, что внутренности означали гибель помпеянцев и победу цезарианцев:

И вот — злое знамение, нигде не являвшееся безнаказанно:
Он увидел, как на головке печени нарастает громада;
Часть другой головки висит больной и

увядшей,
Часть блестит и зловеще движет жилы быстрым биением.

Затем, осмотрев внутренности, исследовали сердце. Если жертва оказывалась без сердца или у печени отсутствовала головка, это были гибельные ауспиции, называвшиеся искупительными. Так же — если жертва убегала от алтаря, при ударе мычала либо падала не на должную часть тела. Об этом читаем: у Юлия Цезаря в день, когда он вышел в пурпурной одежде и сел на золотое кресло, при жертвоприношении дважды не оказалось сердца во внутренностях. У Гая Мария, приносившего жертву в Утике, не оказалось печени. Подобное было у принцепса Гая и Марка Марцелла. Когда консулы Гай Клавдий и Луций Петеллий принесли жертвы, печень внезапно истаяла; вскоре один умер от болезни, другой — от оружия лигуров, как предсказали внутренности. Считают, это происходит силой богов или действием демонов. Поэтому древние всегда придавали величайшее значение всякой необычности во внутренностях. Так у Суллы, приносившего жертву в Лавренте, на головке печени появилось подобие венца; гаруспик Постумий истолковал это как предвестие победы и царской власти и потому посоветовал, чтобы один Сулла съел эти внутренности. И сам цвет внутренностей требует рассмотрения; Лукан упоминает это:

Сам цвет устрашил прорицателя: бледные внутренности,
Покрытые мрачными пятнами и холодной кровью,
Пестрели обильной синевой среди брызг крови.

Некогда эти искусства почитали настолько, что ими занимались самые могущественные и мудрые мужи; даже сенат и

цари ничего не делали без ауспиций. Но ныне всё это упразднено как человеческим небрежением, так и властью отцов.

Глава LVI. О гадании по зарницам и молниям и о том, как толковать знамения и чудеса

Знание авгурий по зарницам, молниям и необычайным явлениям, а также толкования знамений и чудес передали этрусские прорицатели и жрецы. Они установили шестнадцать областей неба, приписав каждой её божества, а также одиннадцать видов молний и девять богов, которые их мечут, излагая правила того, что они означают из каждой области. Несомненно, знамения, чудеса и необычайные явления всякий раз предвещают нечто великое.

Каким должен быть толкователь чудес. Их толкователь должен превосходно угадывать подобия и вместе с тем тщательно исследовать дела государей и областей в то время. Именно о государях, народах и областях небесные силы заботятся так, что преимущественно перед прочими заранее изображают их участь и предупреждают их через звёзды, созвездия, знамения и чудеса. Если в минувшие века являлось то же или подобное, нужно рассмотреть и это, и последовавшие события, а затем предсказывать то же либо сходное: одни и те же знаки соответствуют одним и тем же вещам, сходные — сходным. Так чудеса предваряли рождение или смерть многих выдающихся мужей и царей. Цицерон рассказывает о младенце Мидасе: пока он спал, муравьи положили ему в рот пшеничные зёрна, что было предзнаменованием великого богатства. Когда пчёлы сели на рот Платона, спавшего в колыбели, это предвестило сладость его речи. Гекубе перед рождением Париса привиделось, будто она рождает горящий факел, который сожжёт Трою и всю Азию. Матери Фаларида привиделось, что изваяние Меркурия льёт на

землю кровь, затопляющую весь дом. Матери Дионисия привиделось, что она рождает маленького сатира. За этими чудесными снами последовали события, подтвердившие их. Жена Тарквиния Приска, увидев пламя, лижущее голову Сервия Туллия, предсказала ему царствование. Подобным образом после взятия Трои, когда Эней обсуждал бегство с отцом Анхисом, появилось пламя, лижущее голову Аскания без всякого вреда; предвещая Асканию царство, оно убедило их уйти. Все выдающиеся бедствия предварялись знамениями и чудесами. Так у Плиния читаем, что при консулах Марке Атилии и Гае Порции шёл дождь из молока и крови, предвещая сильную чуму, которая должна была охватить Рим в следующем году. В Лукании также выпал дождь из железа, почти подобного губкам, за год до того, как Марк Красс был убит у парфян, и все луканские воины, которых в войске было много, погибли вместе с ним. При консулах Луции Павле и Гае Марцелле около крепости Корисан выпал дождь из шерсти; возле неё через год был убит Тит Анний Милон. Во время Кимврской войны с неба слышались лязг оружия и звук трубы. Ливий о Македонской войне говорит: «В год, когда удалился Ганнибал, два дня шёл кровавый дождь». О Второй Пунической войне он сообщает, что вода, смешанная с кровью, сходила с неба дождём, когда Ганнибал разорял Италию. Незадолго до Левктрского бедствия у лакедемонян в храме Геркулеса зазвенело оружие; одновременно в Фивах двери храма Геркулеса, запертые засовами, сами открылись, а оружие, прикреплённое к стенам, нашли на земле. По сходным знакам следует предсказывать сходные события, как некогда в различные времена по ним уже предугадывали что-либо. Но при этом не следует пренебрегать и суждениями о небесных влияниях, о которых подробнее поговорим далее.

Глава LVII. О геомантии, гидромантии, аэромантии и пиромантии — гаданиях четырёх стихий

Сами стихии также учат нас роковым событиям; отсюда получили имена четыре знаменитых вида предсказания: геомантия, гидромантия, аэромантия и пиромантия. Ими, по-видимому, хвалится колдунья у Лукана, говоря:

Правду изрекут земля, воздух, эфир и хаос,
Моря, поля и Родопские скалы.

Геомантия. Первая, геомантия, предуказывает будущее по движениям земли, треску, вздутию, дрожанию, расселинам, провалам, испарениям и прочим её явлениям; её искусство изложил араб Альмадель. Есть и другой вид геомантии, предсказывающий по точкам, начертанным на земле некоторой силой либо случаем; он не относится к нынешнему рассмотрению, но мы поговорим о нём далее среди жребиев. Гидромантия даёт предсказания по водным явлениям: течениям и обратным течениям, подъёмам и спадам, бурям, цветам и подобному. К ней относятся также видения в водах — вид предсказания, открытый персами. Варрон сообщает о мальчике, увидевшем в воде образ Меркурия, который в ста пятидесяти стихах предсказал весь исход Митридатовой войны. Мы читаем также, что Нума Помпилий занимался гидромантией: вызывал в воде образы богов и от них узнавал будущее. Это искусство значительно позднее Нумы практиковал и Пифагор.

Леканомантия — вид гидромантии. Некогда у ассирийцев высоко ценился вид гидромантии, называемый леканомантией,

от таза, наполненного водой: в него помещали золотые и серебряные пластины и драгоценные камни с определёнными изображениями, именами и знаками. Сюда можно отнести и искусство, посредством которого расплавленным свинцом или воском, вылитым в воду, изображают ясными очертаниями образов то, что желают узнать. Были некогда и пророческие источники, например источник в Патрах Ахайи и так называемая вода Юноны возле Эпидавра; о них подробнее далее, когда будем говорить об оракулах.

Сюда можно отнести и гадание по рыбам, какое некогда совершалось у ликийцев в месте, называвшемся Дина, возле моря, в священной роще Аполлона. В сухом песке было выкопано углубление; когда вопрошающий о будущем опускал туда жареное мясо, оно внезапно наполнялось водой и появлялось множество рыб удивительных, неизвестных людям обликов. По их формам прорицатель предсказывал будущее. Афиней подробно рассказывает об этом по Полихарму, в историях ликийцев.

Подобным образом аэромантия даёт предсказания по воздушным явлениям: дуновениям ветров, радугам, ореолам, туманам и облакам, образам в облаках и видениям в воздухе.

Пиромантия предсказывает по огненным явлениям, хвостатым звёздам, огненным цветам, видениям и образам в огне. Так жена Цицерона предсказала, что на следующий год он станет консулом: когда после завершения жертвоприношения она хотела что-то рассмотреть в золе, внезапно вспыхнуло пламя. Сюда относится сказанное Плинием: бледные, гудящие земные огни считаются вестниками непогоды; дождь предвещают наросты на фитилях светильников; извилисто колеблющееся

пламя — ветер, как и огни, выбрасывающие перед собой языки пламени либо едва загорающиеся. Также — когда в огне скапливаются висящие искры, когда при поднятии горшка к нему прилипает уголь, когда теснимый огонь разбрасывает пепел или испускает искру, когда зола слипается в очаге и уголь особенно ярко светится.

К этому присоединяется капномантия, названная от дыма, ибо она исследует пламя и дым, их цвета, звуки и движения: поднимаются ли прямо, отклоняются ли в сторону или свиваются кругом. Об этом у Стация читаем:

Пусть уступит благочестие; дева, скорее поставь алтари,
Вопросим вышних. Она исполняет и острым взором
Показывает кровавые вершины пламени, огонь,
Рождённый в воздухе, и всё же ясные вершины
Возникшего посреди света; затем он в пустом подобии змеи
Свивается двойным кругом и ломается в красном сиянии.

В кратерах Этны и на Нимфейских полях у аполлониатов брали авгурии от огня и пламени: радостные, если огонь поглощал брошенное, печальные, если отвергал. Об этом мы также скажем далее среди ответов оракулов.

Глава LVIII. Об оживлении мёртвых, долгом сне и воздержании от пищи

Арабские философы согласны, что некоторые люди могут возвыситься над телесными и чувственными силами и, превзойдя их совершенством неба и интеллигенций, принять в себя божественную мощь. Итак, поскольку все человеческие души вечны, а совершенным душам повинуются все духи, маги полагают, что совершенные люди силами своей души могут возвращать другие, низшие души, уже некоторым образом отделившиеся, в их умирающие тела и вновь вдыхать их — так же, как умерщвлённая ласка возвращается к жизни дыханием и голосом родителя, а львы оживляют безжизненное потомство, дыша на него. Поскольку, как говорят, всё подобное, приложенное к подобному, принимает природу подобного, и всякое претерпевающее, принимая действие действующего, облекается его природой и становится ему сродни, они полагают, что такому оживлению немало помогают и определённые травы и магические составы, какие, по преданию, изготовляют из пепла феникса и змеиных сброшенных кож. Это могло бы показаться многим баснословным и даже невозможным, если бы не было подтверждено историческим свидетельством. Мы читаем, что многие утонувшие, брошенные в огонь или положенные на погребальный костёр, убитые на войне или иным способом лишённые жизни оживали даже через несколько дней; это Плиний свидетельствует об Авиоле, муже консульского достоинства, Луции Ламии, Целии Тубероне, Корфидии, Габиене и многих других. Подобным образом читаем, что баснописец Эзоп, Тиндарей, Геркулес и Палики, сыновья Юпитера и Талии, умерев, снова ожили; многие также были возвращены к жизни

магами и врачами, как передано в историях об Эскулапе и как мы выше рассказывали по Юбе, Ксанфу и Филострату о Тиллоне, некоем арабе и Аполлонии Тианском. Читаем также о некоем умершем Главке: говорят, вопреки ожиданиям всех прибежавших врачей он был возвращён к жизни травой, называемой «дракон»; другие говорят, что он ожил, вкусив медового лекарства. Отсюда пословица: «Главк, выпив мёду, воскрес». Апулей, описывая обряд такого возвращения, говорит о египетском пророке Захле: «Пророк, таким образом умилостивленный, кладёт одну травку на рот тела, другую — на грудь; затем, обратившись к востоку и молча призвав восхождение священного солнца, величавым действом обращает лица присутствующих к столь великому чуду. Вот вздымается грудь, вот здоровая жила пульсирует, вот тело наполняется дыханием; труп поднимается, и юноша говорит».

Чтобы это могло быть истинным, необходимо, чтобы умирающие души иногда таились в своих телах, подавленные сильнейшими экстазами и отрешённые от всякого телесного действия, так что жизнь, чувство и движение покидают всё тело; однако человек ещё не мёртв в действительности, а лежит бездыханный, словно умерший, даже долгое время. Это весьма часто обнаруживалось во время эпидемий: многие, кого несли хоронить как мёртвых, оживали в могилах.

Удивительные примеры удушья и экстаза. Читаем также, что это многократно случалось с женщинами, страдавшими удушьем матки. Рабби Моисей рассказывает по книге Галена, переведённой Патриархом, что у одного человека удушье длилось шесть дней: он не ел и не пил, а артерии стали твёрдыми. В той же книге сказано, что у человека бывает переполнение, от

которого пропадает пульс во всём теле, сердце не движется и он лежит как мёртвый. Сказано также, что от падения с высоты, сильного крика или долгого пребывания под водой возникает обморок, продолжающийся сорок восемь часов, и человек лежит как мёртвый.

На его лице появляется пыльная зеленоватость. В той же книге он рассказывает о человеке, похоронившем умершего ранее семидесяти двух часов после смерти и тем самым убившем его, ибо похоронил живым. Там он приводит признаки, по которым узнают, что такие люди живы, хотя лежат подобно мёртвым, и непременно умрут, если им не помочь кровопусканием либо другими способами лечения. Это относится к весьма редким случаям. Именно так мы понимаем воскрешение мёртвых магами и врачами: как некогда люди, лишившиеся чувств от укусов змей, возвращались к жизни благодаря народу марсов и псиллов. Следует полагать, что такие экстазы могут длиться долго без действительной смерти человека, подобно тому, как сони, крокодилы и многие змеи спят всю зиму, так теряя дыхание во сне, что их едва можно пробудить огнём. Я сам часто видел, как рассечённая соня оставалась неподвижной, словно мёртвая, до варки, и лишь тогда рассечённые члены показывали жизнь в кипящей воде.

Примеры долгого сна. Хотя трудно поверить, у достоверных историков читаем, что и некоторые люди спали долгим сном много лет подряд, до пробуждения ничуть не состарившись. Это свидетельствует сам Плиний, рассказывая о мальчике, утомлённом жарой и дорогой, который проспал в пещере пятьдесят семь лет. Читаем также, что Эпименид Кносский пятьдесят семь лет спал в пещере; отсюда поговорка: «Спать

дольше Эпименида». М. Дамаскин рассказывает, что в его время в Германии утомлённый крестьянин непрерывно спал под стогом сена всю осень и последующую зиму, пока летом, когда сено постепенно было съедено, его не нашли пробудившимся, полумёртвым и совершенно вне себя. Это мнение подтверждают церковные истории о семи спящих, которые, как передают, спали сто девяносто шесть лет. В Норвегии под высоким берегом есть пещера, где, как пишут Павел Диакон и мученик Мефодий, долгое время спали семь мужей без всякого тления; люди, входившие, чтобы причинить им вред, часто тотчас сводились судорогой. Наконец, говорят, местные жители, наученные немедленной карой, перестали их тревожить. Ксенократ, занимавший не последнее место среди философов, считал этот долгий сон неким природным наказанием, от вечности назначенным за определённые проступки душ. Сам М. Дамаскин многими доводами доказывает его возможность и полную естественность. Он не считает нелепым, что дарованное некоторым другим животным — спать много месяцев без пищи, питья, выделений, истощения и тления — может случаться и с человеком на много дней, месяцев или лет, вследствие колдовского питья, усыпляющей болезни, какого-нибудь оцепенения от страха либо сходных причин, сообразно усилению или ослаблению сил и состояний его души. Врачи рассказывают также о противоядиях, съев мельчайшую долю которых, можно затем долго обходиться без пищи, как некогда Илия, накормленный ангелом определённой пищей, *Удивительные примеры постов.* Силою той пищи шёл и постился сорок дней. Иоанн Боккаччо рассказывает, что в его время возле Венеции жил человек, ежегодно проводивший сорок дней в посте совершенно без пищи. Ещё удивительнее, что в то же время в Нижней

Германии была женщина, которая до тридцатого года вовсе не принимала пищи. Это могло бы показаться нам невероятным, если бы не подтверждалось недавним чудом нашего века с братом Николаем из Саксо, швейцарцем по происхождению, который, как известно, прожил в пустынном месте двадцать два года, до самой смерти, совершенно без пищи. Удивительно и переданное Теофрастом: был некий Филин, не употреблявший никакого питья и пищи, кроме молока. Есть серьёзные авторы, описывающие некую спартанскую траву: говорят, скифы, однажды вкусив её либо держа во рту, выдерживают двенадцать дней без пищи и питья.

Глава LIX. О предсказании посредством сновидений

Сновидение. Есть также вид предсказания, совершающийся во сне, — по сновидениям; он подтверждён учениями философов, авторитетом богословов, историческими примерами и ежедневным опытом. Сновидением я здесь называю не призрак и не обыкновенную грёзу: они пусты и не содержат предсказания, но рождаются из остатков бодрствования либо расстройства тела. Всякий раз, когда нас тяготят благоприятные или неблагоприятные состояния тела или судьбы, то душевное состояние, которое мучило бодрствующего, представляется и спящему; порой же, обманутые грёзой, мы видим противоположное. Итак, сновидением я здесь называю то, что при благом состоянии души и тела вызывается в духе воображения небесным влиянием. Правило его толкования находится у астрологов в разделе о вопросах, но оно мало достаточно, ибо подобные сновидения приходят к различным людям различным образом, согласно различным качествам и состоянию духа воображения. Поэтому нельзя применять к каждому одно общее правило толкования. Но, согласно Синезию, поскольку одинаковые события относятся к одинаковым вещам, а сходные — к сходным, тот, кому неоднократно являлось одно и то же либо сходное видение, пусть относит к нему одинаковые или сходные суждение, чувство, судьбу, действие и событие. Как говорит Аристотель, ощущение укрепляет память, из многократного воспоминания об одной вещи рождается опыт, из многих опытов постепенно складываются искусство и наука. Подобным образом следует поступать и со сновидениями. Поэтому Синезий велит каждому наблюдать свои сны и

последующие события: какие видения к каким событиям привели. Такие правила, то есть видения и происшествия как сна, так и бодрствования, следует запоминать и посредством тщательного наблюдения накапливать у себя множество таких правил. Из этого накопления постепенно возникает искусство предсказания и толкования собственных снов, если ничто не ускользает из памяти. Сновидения более действенны, когда Луна проходит знак, находившийся в девятом доме исходного гороскопа рождения или годового возвращения либо в девятом знаке от знака профекции. Самое же истинное и достоверное предсказание приходит не от природы и не от человеческих искусств, но к очищенным умам через божественное вдохновение. То, что здесь относится к прорицаниям и оракулам, мы рассмотрим в другом месте.

Глава LX. О неистовстве и предсказаниях во время бодрствования, о силе меланхолического сока, которым иногда привлекаются демоны в человеческие тела

Неистовство — вид предсказания. Случается, что не только спящие, но и бодрствующие иногда предсказывают, когда душа освобождена и побуждается собственными порывами. Аристотель называет такое предсказание неистовством и в трактате о предсказании учит, что оно происходит от меланхолического сока: «Меланхолики благодаря своей стремительности хорошо угадывают издалека, быстро представляют состояние и легче всего воспринимают небесное впечатление». В «Проблемах» он говорит, что сивиллы, Бакиды, Никерат Сиракузский и Амон были прорицателями и поэтами вследствие природного меланхолического сложения. Итак, причина неистовства, если она находится внутри человеческого тела, — меланхолический сок. Но не тот, что называется чёрной желчью: это настолько дурная и ужасная вещь, что, по словам исследователей природы и врачей, её напор, помимо вызываемого безумия, привлекает злых демонов для одержимости человеческих тел. Здесь мы понимаем меланхолический сок, называемый естественной и светлой желчью. Когда он воспламеняется и горит, он возбуждает неистовство, способствующее знанию и предсказанию, особенно если ему помогает небесное влияние, преимущественно Сатурна. Сатурн, будучи холодным и сухим, как меланхолический сок, ежедневно влияет на него, увеличивает и сохраняет. Кроме того, будучи источником тайного созерцания, чуждым всякому

общественному занятию, и высочайшей планетой, он постоянно отзывает душу от внешних обязанностей внутрь и заставляет восходить от низшего, увлекая к высочайшему, даруя науки и предвидение будущего. Это имеет в виду Аристотель в «Проблемах», говоря: «Некоторые от меланхолии стали словно божественными и предсказывают будущее, а некоторые стали поэтами». Он также говорит, что все выдающиеся в какой-либо науке мужи большей частью были меланхоликами. Демокрит и Платон подтверждают это, утверждая, что некоторые меланхолики настолько превосходят других умом, что кажутся скорее божественными, чем человеческими.

Меланхолики сильны дарованием. Так многие меланхолики, прежде грубые, неспособные, безумные, какими, говорят, были Гесиод, Ион, Тинних Халкидский, Гомер и Лукреций, часто внезапно охватываются неистовством, становятся поэтами и поют удивительное и божественное, даже то, что сами едва понимают. Поэтому божественный Платон в «Ионе» говорит: «Многие поэты, когда напор неистовства ослаб, недостаточно понимают написанное ими, хотя в неистовстве правильно рассуждали об отдельных искусствах, как судят при чтении мастера каждого из них». Кроме того, передают, что власть меланхолического сока так велика, что своим напором он иногда даже увлекает небесных демонов в человеческие тела.

Власть меланхолического сока. Вся древность свидетельствует, что от их присутствия и побуждения люди впадают в исступление и изрекают множество удивительного. Считают, это происходит трояко, согласно тройственному постижению души: воображающему, рассудочному и умственному. Говорят, когда душа, побуждаемая меланхолическим соком, никем не

сдерживаемая, переходит за узду тела и узы членов и всецело переносится в воображение, она внезапно становится жилищем низших демонов, от которых часто получает удивительные знания о ручных искусствах. Так мы видим, как совершенно необученный человек внезапно становится превосходным живописцем, зодчим либо мастером любого другого искусства. Когда такие демоны предвещают нам будущее, они показывают относящееся к возмущениям стихий и переменам времён: будущий дождь, бурю, наводнение, землетрясение, мор, голод, побоище и подобное. Так у Авла Геллия читаем, что жрец Корнелий, когда Цезарь и Помпей сражались в Фессалии, был охвачен неистовством в Патавии и заранее изложил время, ход и исход битвы. Когда же душа всецело обращается к рассудку, она становится жилищем средних демонов и получает знание и разумение природных и человеческих вещей. Так человек внезапно становится выдающимся философом, врачом или оратором либо предсказывает будущие перемены царств и возобновления веков, как сивилла — римлянам. Когда же душа всецело возвышается до ума, она становится вместилищем высших демонов и узнаёт от них тайны божественного: закон Бога, чины ангелов и относящееся к познанию вечных вещей и спасению душ. Из будущего она предвидит прилежащее божественному провидению: грядущие знамения или чудеса, будущего пророка либо перемену закона. Так сивиллы задолго до пришествия Христа пророчествовали о Нём. Так Вергилий, понимая, что рождение Христа уже близко, вспомнил Кумскую сивиллу и воспел Поллиону:

Вот настал последний век Кумского пророчества,
Заново рождается великий порядок веков.
Уже возвращается Дева, возвращается царство

Сатурна,
Уже новое потомство ниспосылается с высокого неба.

Чуть ниже, намекая на упразднение первородной вины, он говорит:

Под твоим водительством оставшиеся следы нашего злодеяния,
Уничтоженные, навсегда избавят земли от страха.

И добавляет:

Он примет жизнь богов, увидит героев,
Смешанных с божествами, и сам будет видим ими,
И отцовскими силами будет править умиротворённым миром.

Затем он добавляет, что змея погибнет, а яд древа смерти, или древа познания добра и зла, будет усыплён:

Погибнут и змея, и обманчивая ядовитая трава.

Однако он намекает, что останется очаг первородного греха, говоря:

Всё же останутся немногие следы древнего обмана.

Наконец, величайшей возможной гиперболой провозглашая этого потомка отпрыском Бога, он поклоняется ему такими словами:

Дорогое потомство богов, великое приращение Юпитера,
Взгляни на мир, колеблющийся под сводчатой тяжестью,
На земли, пространства моря и глубокое небо;
Взгляни, как всё радуется грядущему веку.
О, если бы последняя часть моей жизни длилась так долго
И хватило дыхания воспеть твои деяния!

Есть также предсказания, промежуточные между природным и сверхприродным гаданием: так близкие к смерти и ослабленные старостью иногда предвидят будущее. Ведь, как говорит Платон в «Государстве», чем меньше чувства препятствуют людям, тем острее они понимают; поскольку они ближе к месту, куда предстоит переселиться, и словно уже немного ослабили узы, они более не вполне подчинены телу и легко воспринимают свет божественного откровения.

Глава LXI. Об устроении человека, внешних и внутренних чувствах и уме; о тройственном стремлении души и страстях воли

Некоторые богословы полагают, что сам Бог создал тело первозданного человека не непосредственно, но составил и образовал его из стихий с помощью небожителей. С этим соглашается и Алкиной, следуя учению Платона: он считает высшего Бога творцом всего мира, богов и демонов, которые поэтому бессмертны; прочее же, а также роды смертных животных младшие боги породили по повелению высшего Бога, ибо если бы Он породил и их, они родились бы бессмертными. Итак, боги, заимствуя некоторые части земли, огня, воздуха и воды и связывая их между собой, составили из всего единое тело и подчинили его служению души, назначив каждой её способности отдельную область: низшим — низшие места, гневу — сердечную область, вожделению — чрево, более благородным чувствам — голову, словно крепость всего тела; затем устроили многообразные органы речи.

Каким стихиям соответствуют внешние чувства. Чувства разделяют на внешние и внутренние. Внешние затем делят на пять всем хорошо известных; им соответствуют пять органов или носителей, словно оснований, расположенных так, что находящиеся выше в теле обладают и более высокой степенью чистоты. Глаза, расположенные на самом высоком месте, наиболее чисты и сродни природе огня и света. Уши, следующие по положению и чистоте, соотносятся с воздухом. Третье место занимают ноздри, имеющие среднюю природу между воздухом и водой. Далее орган вкуса — более грубый и наиболее подобный

водной природе. На последней ступени осязание, разлитое по всему телу, причисляется к грубости земли, Более чисты те чувства, которые воспринимают издали, не приближаясь к чувственным предметам, как зрение и слух; затем обоняние тоже воспринимает не соприкасающееся с ним через посредство воздуха. Вкус ощущает лишь близлежащее. Осязание действует обоими способами: ощущает соприкасающиеся тела и, как зрение видит через воздух, так осязание через прут или палку чувствует твёрдое, мягкое и влажное. Но лишь осязание из всех чувств обще всем животным; человек обладает им в наиболее точном виде.

Вкусом и осязанием человек превосходит прочих животных. Этими двумя чувствами он превосходит остальных животных, но в трёх других уступает некоторым: например, собаке, которая острее человека видит, слышит и обоняет; рыси и орлы также видят острее многих других животных и человека. Внутренние чувства, по Аверроэсу, делятся на четыре. Первое называется общим, ибо первым собирает и завершает все образы, почерпнутые внешними чувствами. Второе — воображающая способность: сама ничего непосредственно не воспринимая, она удерживает образы, полученные предыдущими чувствами, и передаёт их третьей чувственной способности — фантазии, силе оценки и мышления. Её дело — восприняв образы, понимать и судить, что и каково то, чьи это образы, а всё различённое, соединённое, воспринятое и рассуждённое передавать на хранение четвёртой способности, называемой памятью. К её общим действиям относятся рассуждения, расположения, преследования и бегство, побуждения к действию; к умственным в частности — понимание, добродетели, знания, рассудок, совет, выбор. Именно она показывает нам будущее во снах, поэтому

фантазию иногда называют воображающим разумом: она — последний след интеллигенции, который, как говорит Ямвлих, соприроден всем силам души, воспроизводит все фигуры, подобия образов и действия, переносит видения или впечатления одних сил к другим. Вспыхнувшее от чувства он возбуждает в мнении, а пришедшее от интеллекта вторично предлагает мнению; сам же воспринимает образы от всех и по собственному свойству обозначает их через уподобление, изображает все действия души, согласует внешние с внутренними и запечатлевает впечатления также в теле.

Органы чувств в голове. Эти чувства имеют свои органы в голове: общее чувство вместе с воображением занимает передние полости мозга, хотя Аристотель помещал орган общего чувства в сердце; мыслительная способность занимает верхнюю и среднюю часть головы, память — заднюю. Органов голоса и речи много: мышцы внутри груди между боками, грудная клетка, лёгкое, дыхательное горло, зев и особенно его хрящевая часть при возвратных нервах, плектр языка и все те части и мышцы, которые служат выдыханию. Собственный орган речи — рот, в котором лепятся, образуются и оформляются слова и высказывания; язык и гортань играют в нём роль плектра, нёбо производит звук, а зубы и отверстие рта подобны струнам лиры; нос также способствует хорошему или дурному звучанию.

Двойственная природа ума. Над чувствующей душой, проявляющей силы через телесные органы, высшее место занимает сам бестелесный ум, имеющий двойственную природу. Одна исследует причины, свойства и развитие вещей, заключённых в порядке природы, и довольствуется созерцанием истины: поэтому её называют созерцательным интеллектом.

Другая природа, или сила ума, рассуждая, различает, что следует делать и чего избегать, и всецело занята советом и действием: потому её называют деятельным интеллектом. Такой порядок способностей установила природа в человеке: внешними чувствами мы познаём телесное, внутренними — сверх того подобия тел, а далее умом или интеллектом — отвлечённое, не являющееся ни телами, ни их подобиями.

Три стремления души. Соответственно тройственному порядку способностей в душе рождаются три стремления. Первое — природное, некая склонность природы к своей цели, как у камня — вниз, присущая всему. Второе — животное, следующее чувствам и разделяемое на гневное и вожделеющее. Третье — умственное, называемое волей; оно отличается от чувственного, направленного само по себе на то, что может быть представлено чувствам, и не желающего ничего, что каким-либо образом не постигнуто. Воля же, хотя сама по себе направлена на всё возможное, по сущности свободна и потому может стремиться к невозможному, как демон, пожелавший быть равным Богу. Поэтому она постоянно изменяется и извращается удовольствием и болью, когда соглашается с низшими способностями. Из её извращённого стремления рождаются четыре страсти, которыми она иногда подобным образом воздействует на тело. Первая называется услаждением: это некая мягкость и уступчивость ума или воли, с величайшей охотой соглашающейся со сладостью, которую преподносят чувства, подчиняющейся ей и следующей за нею. Поэтому её определяют как склонность души к размягчающему удовольствию. Вторая — излияние, ослабление или распад силы: сверх услаждения вся сила и напряжение ума тают и растекаются в сладости присутствующего блага, всецело изливаясь и устремляясь к

наслаждению им. Третья — хвастовство, ликующее возношение: считая, что достигло величайшего блага, оно дерзко превозносится обладанием им, торжествует и тщетно славится. Четвёртая и последняя — злорадство, удовольствие от чужого зла без собственной выгоды. Сказано «без собственной выгоды», потому что радость чужому злу ради своей пользы происходит скорее от благожелательства к себе, чем от злорадства другим. Этим четырём страстям, рождённым извращённым стремлением к удовольствию, боль порождает столько же противоположных: ужас, печаль, страх и скорбь о чужом благе без собственного ущерба. Последнюю мы называем завистью — печалью о чужом благе, как сострадание есть печаль о чужом зле.

Глава LXII. О страстях души, их происхождении, различиях и видах

Страсти души — не что иное, как движения или склонности, возникающие из постижения вещи как доброй либо злой, подходящей либо неподходящей. Такие постижения трояки: чувственные, рассудочные и умственные. Согласно им трояки и страсти души. Иногда они следуют чувственному постижению и тогда относятся к временному благу или злу как к полезному или вредному, приятному или оскорбительному; их называют природными либо животными страстями. Иногда они следуют рассудочному постижению и относятся к благу или злу как к добродетели и пороку, похвале и порицанию, полезному и бесполезному, достойному и постыдному; их называют рассудочными или волевыми страстями. Иногда они следуют умственному постижению и относятся к благу и злу как к справедливому и несправедливому, истинному и ложному; тогда их называют интеллектуальными страстями, или синдересисом. Носитель душевных страстей — сама желательная сила души, разделяемая на вожделеющую и гневную. Обе относятся к благу и злу, но по-разному. Вожделеющая сила иногда рассматривает благо и зло безусловно, и тогда возникают любовь, или влечение, и противоположная им ненависть; либо рассматривает благо как отсутствующее — и возникает желание, или стремление, а зло как отсутствующее, но надвигающееся — и возникают ужас, бегство и отвращение; либо рассматривает благо и зло как присутствующие и уже достигшие нас — и тогда с одной стороны возникают наслаждение, радость, удовольствие, с другой — печаль, теснота, боль. Гневная сила рассматривает благо и зло с точки зрения трудности достижения или удержания, избегания

или отражения. Иногда с уверенностью — тогда возникают надежда и смелость; иногда с неуверенностью — тогда возникают отчаяние и боязнь, или страх. Иногда сама гневная сила восстаёт для мести, что бывает только относительно прошлого зла как нанесённой обиды или повреждения, и возникает гнев. Так мы находим в душе одиннадцать страстей: любовь, ненависть, желание, ужас, радость, боль, надежду, отчаяние, смелость, страх, гнев.

Глава LXIII. Как страсти души изменяют собственное тело, меняя его состояния и двигая дух

Над страстями души, когда они следуют чувственному постижению, управляющую силу имеет фантазия, или воображающая способность. Своей мощью, согласно различию страстей, она прежде всего различным образом чувственно изменяет и преобразует собственное тело, меняя его состояния, двигая дух вверх или вниз, наружу или внутрь и производя разные качества в членах. Так при радости духи выходят наружу, при страхе отступают, при стыде движутся к мозгу. При радости сердце постепенно расширяется наружу, при печали постепенно сжимается внутрь. Подобным образом при гневе или страхе, но внезапно. Гнев, или жажда мести, производит жар, красноту, горький вкус и понос. Страх вызывает холод, сердечную дрожь, утрату голоса и бледность; печаль — пот и синеватую белизну. Сострадание, также являющееся печалью, часто поражает тело сострадающего так, как он видит поражённым чужое тело. Явно также, что у некоторых любящих узы любви настолько крепки, что страдание одного испытывает и другой. Тревога вызывает сухость и черноту. Какой жар любовное желание возбуждает в печени и пульсе, знают врачи, по этому признаку распознающие имя возлюбленной при любовной страсти. Так Навсистрат узнал, что Антиох пленён любовью к Стратонике.

Страсти души иногда причиняют смерть. Кроме того, очевидно, что такие страсти, будучи чрезвычайно сильными, могут причинить смерть; всем известно, что люди иногда умирают от чрезмерной радости, печали, любви, ненависти, а

часто также освобождаются от болезни. Так читаем, что Софокл и Дионисий, тиран Сицилии, оба внезапно умерли, получив известие о победе в состязании трагедий. Так мать, увидев сына, вернувшегося из битвы при Каннах, внезапно умерла. Что может печаль, известно всем. Мы знаем и о собаках, часто умиравших от чрезмерной скорби о смерти хозяев. Иногда от таких страстей следуют долгие болезни, а иногда они исцеляются. Так некоторые, глядя с высоты, от чрезмерного страха дрожат, испытывают потемнение в глазах, слабеют и порой теряют чувства. Так икота, лихорадки и падучая болезнь иногда возникают, иногда отступают; порой происходят удивительные действия. У сына Крёза, рождённого немым, сильный страх и страстное желание исторгли голос, в котором природа долго отказывала. Так у поражённого внезапным событием жизнь, чувство и движение часто внезапно покидают члены и нередко сразу возвращаются. Как много может сильный гнев, соединённый с мужественной смелостью, показал сам Александр Великий: окружённый в сражении в Индии, он, казалось, изливал из себя свет и огонь. Читаем, что отец Теодориха испускал огненные искры всем телом, так что сверкающее пламя вылетало со всех сторон даже со звуком. Подобное иногда наблюдается и у зверей: так о коне Тиберия передано, что он изрыгал пламя из пасти.

Глава LXIV. Как страсти души изменяют тело путём подражания по подобию; также о превращении и перемещении людей и о силах воображения не только над телом, но и над душой

Названные страсти иногда изменяют тело путём подражания благодаря преобразующей силе подобия вещи, приводимого в движение сильным воображением. Так бывает при онемении и сведении зубов от некоторого зрелища или звука либо когда мы видим или воображаем, что другой ест кислое. Видящий, как другой зевает, тоже зевает; у некоторых при упоминании кислого киснет язык. Отвращение к мерзкому зрелищу также портит вкус и вызывает тошноту; некоторые падают в обморок при виде человеческой крови; иные, видя, как кому-либо подносят горькую пищу, ощущают во рту горькую слюну. Вильгельм Парижский рассказывает, что видел человека, у которого один вид лекарства вызывал очищающее движение всякий раз, когда в нём была нужда, хотя ни вещество лекарства, ни вкус, ни запах до него не доходили, а лишь воспринятое подобие. По этой причине людям, видящим во сне, будто они горят или находятся в огне, иногда нестерпимо больно, словно они действительно горят, хотя настоящего вещества огня возле них нет, а лишь подобие, воспринятое воображением.

Удивительная сила воображения. Иногда сами человеческие тела преобразуются, меняют облик и переносятся — часто во сне, порой и наяву. Так Кипп, впоследствии избранный царём Италии, усердно размышлял о борьбе и победе быков, которыми чрезвычайно восхищался; заснув ночью с этой мыслью, утром он

оказался рогатым. Причиной была лишь растительная сила, возбуждённая сильным воображением, поднявшая к голове рогообразующие соки и породившая рога. Сильная мысль, энергично двигая образы, рисует в них фигуру мыслимой вещи; те воспроизводят её в крови, а кровь запечатлевает в питаемых ею членах — собственных, а иногда и чужих. Так воображение беременной запечатлевает на плоде знак желаемой вещи, а воображение укушенного бешеной собакой — образы собак в моче. Так многие внезапно седеют; иной за одну ночь во сне из мальчика вырос во взрослого мужчину. Сюда многие хотят отнести и рубцы царя Дагоберта, и стигматы Франциска: первый сильно боялся наказания, второй глубоко созерцал раны Христа. Так многие переносятся с места на место, переходя реки, огни и недоступные места: образы сильного желания, страха или смелости, запечатлённые в духах и смешанные с испарениями, движут орган осязания в его истоке вместе с фантазией, началом местного движения. Отсюда члены и органы движения побуждаются и безошибочно движутся к воображаемому месту, руководствуясь не зрением, но внутренней фантазией. Такова сила души над телом, что она поднимает и переносит тело туда, куда воображает и видит во сне. Читаем множество других примеров, удивительно обнаруживающих силу души над телом. Авиценна пишет о человеке, который по желанию поражал своё тело параличом. О Галле Вибии рассказывают, что с ним одним случилось впасть в безумие не случайно, а намеренно: подражая безумным и считая неистовство украшением дарования, он превратил притворное безумие в настоящее. Августин сообщает о людях, двигавших ушами по произволу, и о тех, кто при неподвижной голове опускал всю кожу темени ко лбу и возвращал её по желанию; также о человеке, потевшем, когда

хотел. Известно и то, что некоторые плачут и обильно льют слёзы по желанию. Найдены также люди, которые из проглоченных вещей постепенно извлекали любую, словно из мешка. И ныне мы видим многих, настолько точно подражающих голосам птиц, скота, собак и любых людей, что различить их совершенно невозможно. Плиний многими примерами повествует и о превращениях женщин в мужчин; Понтан свидетельствует, что подобное случалось и в его время, рассказывая о женщине из Гаэты, и о другой, по имени Эмилия: обе, будучи замужем, через много лет превратились в мужчин. Никто не сомневается, насколько сильно само воображение действует на душу: оно ближе к её сущности, чем чувство, и потому действует на неё сильнее чувства. Так женщина посредством сильных образов, снов и внушений, введённых определёнными магическими искусствами, весьма часто связывается теснейшей любовью к кому-либо. Так, говорят, Медея воспылала любовью к Ясону от одного сновидения. Иногда душа посредством сильного воображения или созерцания совершенно отвлекается от тела. Цельс рассказывает о пресвитере, который по желанию отрешался от чувств и лежал словно мёртвый: когда его кололи и жгли, он не чувствовал боли, оставался неподвижным и не дышал; однако впоследствии говорил, что слышал человеческие голоса, если кричали громче, словно издалека. Но об этих отрешениях подробнее поговорим далее.

Глава LXV. Как страсти души действуют также вне её, на чужое тело

Страсти души, следующие фантазии, когда они чрезвычайно сильны, могут не только изменять собственное тело, но и переходить к действию на чужое. Отсюда в стихиях и внешних вещах возникают удивительные впечатления, и так можно устранять либо вызывать некоторые болезни души или тела. Ведь душевные страсти — главнейшая причина сложения собственного тела. Так душа, сильно возвышенная и воспламенённая мощным воображением, вносит здоровье либо болезнь не только в собственное, но и в чужие тела. Авиценна полагает, что от чьего-либо воображения может упасть верблюд. Так у впавшего в бешенство после укуса бешеной собаки в моче появляются фигуры собак. Желание беременной действует на чужое тело, когда отмечает плод во чреве знаком желаемой вещи. Многие уродливые рождения происходят от уродливых образов беременных. Марк Дамаскин сообщает, что в Пьетрасанте, городе на границе пизанских земель, Карлу, королю Богемии и императору, показали девочку, по всему телу щетинистую и волосатую, словно зверь: мать при зачатии испытала некий религиозный трепет перед образом святого Иоанна Крестителя возле постели и затем родила её такой. Мы наблюдаем это не только у людей, но и у бессловесных животных. Так читаем, что патриарх Иаков, положив прутья в воду, сделал овец Лавана пёстрыми.

Как выводят белых павлинов. Так воображающие силы насиживающих пав и других птиц запечатлевают цвет в перьях; поэтому мы выводим белых павлинов, окружая места

насиживания белыми тканями. Из этих примеров видно, как состояния фантазии, сильно напрягшись, воздействуют не только на собственное, но и на чужое тело. Так и желание колдунов вредить губительно завораживает людей пристальными взглядами. С этим согласны Авиценна, Аристотель, Альгазель и Гален. Ведь очевидно, что тело легко заражается испарением другого, больного тела: это ясно видно при чуме и проказе. Испарения глаз также обладают столь великой силой, что могут завораживать и заражать близлежащего: так василиск и катоблепа убивают людей взглядом; некоторые женщины в Скифии, у иллирийцев и трибаллов убивали тех, на кого гневно смотрели. Поэтому пусть никто не удивляется, что тело и душа одного могут подобным образом подвергаться воздействию души другого: душа гораздо могущественнее, сильнее, горячее и деятельнее в движении, чем испарения тел; нет недостатка и в посредниках, через которые она действует, а тело не менее подчинено чужой душе, чем чужому телу. Так, говорят, человек одним состоянием и расположением действует на другого. Поэтому философы велят далеко избегать общества злых и несчастных людей: их душа, полная вредоносных лучей, заражает близких бедственным заражением. Напротив, они велят искать общества добрых и счастливых, ибо их близость приносит нам большую пользу. Как запах исходит от асафетиды или мускуса, так от злого к ближнему переходит нечто злое, от доброго — доброе, и иногда долго сохраняется влитым.

Рассудок выше фантазии. Если названные страсти обладают такой силой в фантазии, то несомненно большей — в рассудке, поскольку рассудок выше фантазии. Ещё гораздо большей — в уме: когда он всем напряжением души устремляется к вышним ради какого-либо благодеяния, то часто сообщает божественный

дар и собственному, и чужому телу, к которому обращён. Так читаем о чудесах, совершённых Аполлонием, Пифагором, Эмпедоклом, Филолаем, многими пророками и святыми нашей религии. Подробнее это выяснится ниже, при рассуждении о религии.

Глава LXVI. О том, как сильно страстям души помогает небесное благоприятствование и насколько во всяком действии необходимо постоянство души

Страсти души получают великую помощь от неба и сами помогают, становясь могущественнейшими постольку, поскольку согласуются с небом природным соглашением либо добровольным выбором, то есть свободной волей. Как говорит Птолемей, избравший лучшее, по-видимому, ничем не отличается от имеющего это от природы. Поэтому для принятия небесных благ во всяком действии весьма полезно, чтобы мыслями, чувствами, образами, выборами, решениями, созерцаниями и подобным мы тоже приводили себя в согласие с небом. Такие страсти сильно движут наш дух по своему подобию и внезапно подставляют нас и наше высшим силам, означающим подобные страсти. Благодаря своему достоинству и близости к высшему они гораздо больше и полнее принимают небесное, чем любые материальные вещи. Наша душа посредством воображения или рассудка, путём некоторого подражания, может настолько сообразоваться с какой-либо звездой, что внезапно наполняется её дарами, как собственное вместилище её влияния.

Созерцающий ум, поскольку он отрешается от всякого чувства, воображения, природы и рассуждения и возвращается к обособленному, не относится к настоящему исследованию, кроме того, в какой мере он подставляет себя Сатурну. Наш ум многое совершает верой — твёрдым прилеплением, неподвижным намерением и сильным устремлением действующего или

принимающего в любом деле к содействующему и дающему силу для задуманного действия; так в нас некоторым образом возникает образ принимаемой силы и вещи, которая должна совершиться в нас или через нас. Поэтому во всяком действии и применении вещей мы должны сильно желать, воображать, надеяться и твёрдо верить: это весьма поможет. Врачами подтверждено, что твёрдая вера, несомненная надежда и любовь к врачу и лекарству весьма способствуют здоровью, иногда даже больше лекарства. Вместе с силой и действенностью лекарства действует сильная душа врача, способная изменять качества в теле больного, особенно когда тот доверяет врачу и тем самым располагает себя к восприятию силы врачующего и лекарства. Поэтому действующий в магии должен иметь постоянную веру и уверенность, нисколько не сомневаться в достижении результата и не колебаться душой. Как твёрдая и упорная вера творит чудеса иногда даже в ложных действиях, так недоверие и колебание рассеивают и ломают силу души действующего, посредствующую между обеими крайностями. Поэтому желаемое влияние высшего оказывается тщетным и теряется: без устойчивой и твёрдой силы нашей души оно никак не может соединиться и объединиться с нашими вещами и действиями.

Глава LXVII. Как человеческая душа может соединяться с душами небесных тел и интеллигенциями и вместе с ними запечатлевать удивительные силы в нижних вещах

Философы, особенно арабские, говорят: когда человеческая душа своими страстями и состояниями с величайшим вниманием устремляется к какому-либо действию, она соединяется с душами звёзд и даже с интеллигенциями; это соединение становится причиной вливания удивительной силы в наши действия и вещи. Ведь в душе есть постижение и могущество всех вещей, и все вещи имеют природное послушание ей, необходимо действуют и движутся к тому, чего душа сильно желает. Согласно этому подтверждается искусство знаков, изображений, заклинаний, определённых речей и множества других удивительных опытов для всего, к чему стремится душа. Так всё, что диктует душа сильно любящего, имеет действенность для любви, а всё, что диктует душа сильно ненавидящего, — действенность вредить и разрушать. Так же и в прочем, чего душа сильно желает. Всё, что она тогда делает и диктует — знаки, фигуры, слова, речи, жесты и подобное, — помогает стремлению души и приобретает удивительные силы как от души действующего в тот час, когда такое стремление особенно её охватывает, так и от небесного благоприятствования и влияния, тогда движущего душу таким образом.

Ведь наша душа, увлекаемая чрезвычайным избытком какой-либо страсти или силы, весьма часто сама по себе улавливает наиболее сильный, лучший и подходящий час или случай. Это

признаёт и Фома Аквинский в третьей книге «Против язычников». Так через великие чувства в тех вещах, которые душа тогда, в тот час, предписывает для них, возникают и следуют многие удивительные силы для чудесных действий. Но знай, такие вещи не приносят никакой или почти никакой пользы никому, кроме их создателя и того, кто уже склоняется к ним, словно сам был их создателем: именно так обретается их действенность.

Общее правило. Общее правило здесь таково: всякая душа, превосходящая других желанием и чувством, делает подобные вещи более пригодными и действенными для желаемого. Поэтому всякий желающий действовать в магии должен знать и понимать свойство, силу, меру, порядок и степень своей собственной души в могуществе вселенной.

Глава LXVIII. Как наша душа может изменять и связывать нижние вещи согласно своему желанию

Человеческим душам присуща также сила изменять, притягивать, задерживать и связывать вещи и людей согласно своему желанию. Всё повинуется душе, когда она достигает столь великого избытка какой-либо страсти или силы, что превосходит связываемых. Высшее связывает низшее и обращает к себе, а низшее по той же причине обращается к высшему либо иным образом испытывает воздействие или движение. Поэтому вещи, занимающие более высокую степень какой-либо звезды, связывают, притягивают либо задерживают вещи более низкой степени, согласно их взаимному согласию или несогласию. Отсюда лев боится петуха: солнечная сила присутствует в петухе полнее, чем во льве. Так магнит притягивает железо, ибо занимает более высокую степень в порядке небесной Медведицы; алмаз препятствует магниту, ибо выше его в порядке Марса. Подобным образом человек, своевременно подставленный небесным дарам через состояния души и обрядовое применение природных вещей, если станет сильнее в солнечной силе, связывает и влечёт низшего к восхищению и послушанию; в лунном порядке — к рабству либо немощи; в сатурнианском — к покою либо печали; в юпитерианском — к проявлению почтения; в марсовом — к страху либо раздору; в венерином — к любви либо радости; в меркурианском — к убеждённости, повиновению и подобному.

Корень связывания. Корень такого связывания — само сильное, выходящее за пределы чувство души при содействии небесного

порядка. Разрушение или препятствование такому связыванию происходит через противоположное чувство, более высокое и сильное: как больший порыв души связывает, так он освобождает и препятствует. Наконец, где боишься Венеры, противопоставь Сатурна; где боишься Сатурна или Марса, противопоставь Венеру либо Юпитера: астрологи считают их враждебными и наиболее противоположными друг другу. Понимай это как причинение различных и противоположных состояний в нижнем мире; ведь на небе, где ничего не недостаёт и всё управляется любовью, ненависти или вражды быть не может.

Глава LXIX. О речи и силах слов

Показав, что в состояниях души заключена великая сила, следует знать также, что не меньшая присуща словам и именам вещей, а величайшая — связным речам и высказываниям. Ими мы преимущественно отличаемся от бессловесных и называемся разумными: не по разуму, понимаемому в душе и называемому способным к состояниям, который, по Галену, общ нам и бессловесным животным, хотя одним больше, другим меньше; но по разуму, понимаемому со стороны голоса, в словах и речи, называемому изрекающим разумом. В этом мы более всего превосходим прочих животных: ведь греческое λόγος означает и разум, и речь, и слово. Слово двояко — внутреннее и произнесённое. Внутреннее слово есть понятие ума и движение души, совершающееся в мыслительной способности без голоса: так во сне нам кажется, что мы говорим и спорим, и наяву, молча, мы часто проходим целую речь. Произнесённое слово имеет некое осуществление в голосе и свойстве речи и издаётся человеческим дыханием, раскрытием рта и движением языка. В нём природа-мать соединила телесный голос и речь с умом и интеллектом, сделав их выражением и толкователем понятий нашего интеллекта для слушателей. Об этом нам и предстоит говорить. Итак, слова — самое подходящее средство между говорящим и слушающим: они несут не только понятие, но и силу говорящего, некоторой энергией переливая её в слушающих, а также в другие тела и неодушевлённые вещи.

Какие слова обладают большей действенностью. Наибольшей силой обладают слова, наиболее выразительно и таинственно представляющие высшие вещи — умственные, небесные и

сверхприродные, — и установленные более достойным языком и более святым достоинством. Они, словно знаки и представления либо таинства небесных и сверхприродных вещей, обладают силой как от обозначенных вещей, носителями которых служат, так и от силы, вложенной в них могуществом установившего и произносящего.

Глава LXX. О силе собственных имён

Почти все свидетельствуют, что собственные имена вещей весьма необходимы для магических действий. Природная сила вещей переходит сначала от предметов к чувствам, затем от них к воображению, наконец от него к уму, где сперва зачинается, а затем выражается голосами и словами. Поэтому платоники говорят: в самом голосе, слове или имени, уже образованном его членениями, сила вещи скрывается под формой значения словно некая жизнь — сначала зачатая самим умом как бы через семена вещей, затем рождённая голосами или словами и, наконец, сохраняемая письмом. Отсюда маги говорят, что собственные имена вещей — некие лучи вещей, всегда и везде присутствующие и сохраняющие их силу, поскольку сущность обозначенной вещи в них господствует и различается, а вещи узнаются через них словно через собственные живые образы.

Собственные имена — некие лучи вещей. Как высший Создатель из небесных влияний и стихий вместе с силами планет производит различные виды и отдельные вещи, так согласно свойствам тех же влияний и влияющих сил возникают собственные имена вещей, данные Тем, Кто исчисляет множество звёзд и всех называет по именам. Об этих именах Христос в другом месте говорит: «Имена ваши написаны на небесах». Поэтому первозданный, зная небесные влияния и свойства отдельных вещей, дал имена вещам согласно их сущности, как написано в Бытии: Бог привёл перед Адамом всё созданное, чтобы он назвал это, и как тот назвал вещь, таково её имя. Эти имена действительно содержат в себе удивительные силы обозначаемых вещей. Поэтому всякий значащий звук

первоначально означает через влияние небесной гармонии, вторично — через человеческое установление, хотя весьма часто одним способом через первую и другим через второе. Когда же в одном звуке или имени сходятся оба значения — от гармонии и от человеческого установления, — тогда удвоенная сила, природная и произвольная, делает имя наиболее действенным всякий раз, когда оно произносится в должном месте, времени и торжественном порядке, с точным намерением, над расположенной материей, способной по своей природе принять его действие. Так у Филострата читаем: когда в Риме к Аполлонию принесли девушку, умершую в день свадьбы, он прикоснулся к ней и тщательно осведомился об имени; узнав его, произнёс нечто тайное, отчего девушка ожила. У римлян также существовало священное соблюдение: осаждая город, они тщательно разыскивали его собственное имя и имя божества, под чьим покровительством он находился; узнав их, определённым заклинанием вызывали богов-покровителей города, обрекали сам город и жителей и так наконец покоряли его, когда боги удалялись. Как поёт Вергилий:

Все ушли, покинув святилища и алтари,
Боги, которыми держалась эта держава.

Кто желает знать заклинание, которым вызывали божества и обрекали врагов, когда город окружали осадой, пусть ищет у Ливия и Макробия; многие из них рассказывает также Серен Саммоник в книгах сокровенного.

Глава LXXI. О связных речах, песнопениях, силах и связываниях заклинаний

Помимо сил слов и имён в связных речах обнаруживается другая, ещё большая сила — от заключённой в них истины, обладающей величайшей способностью запечатлевать, изменять, связывать и укреплять. Чем больше её тревожат, тем ярче она сияет; чем больше оспаривают, тем крепче она становится. Эта сила истины находится не в отдельных словах, а в высказываниях, где что-либо утверждается или отрицается: таковы песнопения, заклинания, проклятия, моления об избавлении, молитвы, призывания, торжественные просьбы, заклятия, изгнания и подобное. Поэтому, составляя песнопения и молитвы для привлечения силы звезды или божества, нужно тщательно рассмотреть силы, действия и проявления каждой звезды и включить их в песнопение, хваля, возвышая, усиливая и украшая то, что эта звезда обычно приносит и вливает, принижая и порицая то, что она обычно разрушает и задерживает; моля и заклиная о желаемом, обвиняя и проклиная то, что хотим разрушить и задержать. Так следует составлять речь песнопения — украшенную, изящную, надлежащим образом разделённую на части определёнными подходящими числами и пропорциями. Кроме того, маги велят призывать и молить именами той звезды или божества, к которым относится песнопение, их чудесными деяниями и чудесами, их ходами и путями в своей сфере, их светом, благородством их царства, присущими им благодатью и сиянием, их могучими и удивительными силами и подобным. Так у Апулея Психея молит Цереру:

Прошу тебя твоей плодоносной десницей, неотступно молю радостными обрядами жатвы, безмолвными тайнами ларцов, крылатым бегом твоих слуг-драконов, бороздами сицилийской земли, похищающей колесницей и удерживающей землёй, нисхождениями к озарённому светом браку Прозерпины и возвращениями после светлого обретения дочери и всем прочим, что хранит в молчании Элевсин, святилище Аттики.

Кроме многочисленных имён звёзд, нам велят призывать также именами интеллигенций, начальствующих над звёздами; о них подробнее скажем в своём месте. Кто желает более обширных примеров, пусть исследует гимны Орфея: в природной магии нет ничего действеннее, если приложены должная гармония со всем вниманием и прочие обстоятельства, известные мудрым. Но вернёмся к предмету. Такие песнопения, надлежащим образом и обрядово составленные по звёздам, исполненные понимания и смысла, своевременно произнесённые с сильным чувством, согласно числу и пропорции своих частей и возникающей из них форме, вместе с порывом воображения собирают величайшую силу в заклинателе, затем переносят её в заклинаемую вещь, чтобы связать или направить её туда, куда устремлены чувство и речи заклинателя.

Дух — орудие заклинателей. Само орудие заклинателей — некий чистейший гармонический дух, горячий, дышащий, живой, несущий движение, чувство и значение, составленный из своих членений, наделённый смыслом и зачатый рассудком. Поэтому качеством этого духа, его небесным подобием и, сверх сказанного, благоприятным временем песнопения принимают с неба превосходнейшие силы, гораздо более высокие и действенные, чем духи и испарения растительной жизни — трав,

корней, смол, благовоний, курений и подобного. Поэтому маги, заклиная, обычно одновременно дуют на вещи и вдыхают в них слова песнопения, то есть самым духом вдыхают силу, чтобы вся мощь души направлялась в заклинаемую вещь, расположенную к восприятию названной силы. Здесь следует отметить: всякая речь, письмо и слова, как привычными числами, пропорциями и формой вызывают привычные движения, так, произнесённые или написанные вне обычного порядка и наоборот, вызывают необычные действия.

Глава LXXII. Об удивительном могуществе заклинаний

Сила заклинаний, или песнопений, как передают, столь велика, что они, как полагают, могут перевернуть почти всю природу. Апулей говорит: «Магическим шептанием быстрые реки обращаются вспять, неподвижное море связывается, согласные ветры выдыхаются, солнце задерживается, луна истекает пеной, звёзды вырываются, день устраняется, ночь удерживается». О том же поёт Лукан:

Прекратились чередования вещей, и отложенный день
Застрял в долгой ночи; эфир не повиновался закону.
Стремительный мир оцепенел, услышав заклинание.

И немного выше:

Песня фессалиек влилась в суровые сердца,
Любовь, не приведённая судьбой.

И в другом месте:

Ум, не осквернённый влагой выпитого яда,
Погибает от заклинания.

Также Вергилий в «Дамоне»:

Песнопения могут даже свести с неба луну.
Песнопениями Цирцея превратила спутников Улисса.
От пения лопается холодная змея на лугах.

И:

И посевы я видел перенесёнными в другое место.

Овидий в книге «Без заглавия» говорит:

Церера, поражённая песнью, исчезает в бесплодной траве;
Иссякают воды источника, поражённого песнью.
От заклинания жёлуди падают с дубов, виноград — с лоз,
И плоды осыпаются, хотя никто их не трогает.

Если бы это не было истинным, законы не установили бы столь строгого наказания против тех, кто заклинает посевы. Тибулл о некой заклинательнице говорит:

Я видел, как она сводит светила с неба;
Песней она обращает течение быстрой реки.
Пением рассекает землю, вызывает маны из могил
И сводит кости с ещё тёплого костра.
Когда захочет, гонит тучи с печального неба;
Когда захочет, призывает снега среди лета.

Всем этим, по-видимому, весьма хвалится колдунья у Овидия, говоря:

Когда пожелаю, к изумлению самих берегов, реки
Возвращаются к истокам; песней я успокаиваю взволнованные
Моря и волную спокойные, гоню тучи,
Навожу тучи, отгоняю и призываю ветры,
Разрываю словами и песней гадючьи глотки,

Двигаю природные скалы, дубы, вырванные из земли,
И леса; приказываю горам дрожать,
Земле мычать, манам выходить из могил;
И тебя, Луна, я влеку.

Кроме того, все поэты воспевают, а философы не отрицают, что песнопениями можно совершать множество чудес:

перемещать посевы, принуждать молнии либо вымаливать их, исцелять болезни и подобное. Катон в сочинении о земледелии против болезней животных также пользовался определёнными заклинаниями, которые доныне сохранились в его трудах. Иосиф свидетельствует, что Соломон тоже знал такие заклинания. Цельс Африканский рассказывает, согласно учению египтян, что о человеческом теле соответственно числу ликов знаков зодиака заботятся столько же, то есть тридцать шесть, демонов; каждый принимает и охраняет свою часть. Их называют именами на родном языке и, призывая своими заклинаниями, возвращают здоровье повреждённым частям тела.

Глава LXXIII. О силе письма и о составлении призываний и надписей

Дело слов и речи — изрекать внутреннее содержание ума, извлекать тайны из глубин мыслей и раскрывать волю говорящего. Само письмо — последнее выражение ума, число, собрание, остановка, завершение и вместилище речи и голоса, повторение, создающее навык, который не завершается одним голосовым действием. Всё, что есть в уме, голосе, слове, высказывании и речи, целиком есть и в письме. Как нет ничего мыслимого, чего нельзя выразить голосом, так нет ничего выраженного, чего нельзя записать. Поэтому маги велят при всяком действии совершать призывания и надписи, которыми действующий выражает своё чувство. Если собирает траву или камешек, пусть произнесёт, для какого употребления делает это; если изготовляет изображение, пусть скажет и напишет, для какого действия оно изготовляется. Такие призывания и надписи не отвергает даже Альберт в своём «Зерцале»; без них наши действия не достигли бы результата, ибо результат вызывает не расположенность, но её осуществление. Такой же род предписаний встречаем у древних, что свидетельствует сам Вергилий:

Сначала я обвожу вокруг тебя эти три нити
Трёх различных цветов и трижды вокруг этих алтарей
Обношу изображение.

И немного ниже:

Свяжи тремя узлами три цвета, Амариллида;
Связывай, Амариллида, и говори: «Связываю узы Венеры».

И там же:

Как эта глина твердеет, а этот воск тает
В одном и том же огне, так пусть Дафнис — от нашей любви.

Глава LXXIV. О соотношении, соответствии и приведении букв к небесным знакам и планетам согласно различным языкам, с таблицей, это показывающей

Бог дал человеку ум и речь, которые, как говорит Меркурий Трисмегист, считаются наградой за его силу, могущество и бессмертие. Сам всемогущий Бог своим провидением разделил человеческую речь на различные языки. Согласно своему различию эти языки получили различные собственные письменные знаки, имеющие определённые порядок, число и форму, устроенные и образованные так не случайно, не по воле случая или непрочному человеческому произволу, но божественно, чтобы согласоваться с небесным, с самими божественными телами и силами.

Еврейское письмо — священнейшее. Среди знаков всех языков еврейское письмо наиболее священно фигурами букв, точками гласных и вершинами ударений, словно состоя из материи, формы и духа. Первоначально оно начертано в престоле Бога, то есть на небе, расположением светил; по их фигуре, как свидетельствуют еврейские учители, образованы сами буквы, исполненные небесных тайн — как обозначенных их фигурой и формой, так и обозначенных ими чисел и многообразной гармонии их сочетаний. Поэтому сокровеннейшие еврейские мекубалы по фигурам букв, формам знаков, их начертанию, простоте, составлению, разделению, извилистости, прямоте, недостатку, избытку, величине, малости, увенчанию, открытости, закрытости, порядку, перемещению, сочетанию, перестановке букв, точек и вершин, а также вычислению чисел, обозначенных

буквами, обещают объяснить всё: как оно произошло от первой причины и вновь может быть к ней приведено. Кроме того, евреи трояко разделяют буквы своего алфавита: на двенадцать простых, семь двойных и три матери. Говорят, они, как знаки вещей, означают двенадцать знаков зодиака, семь планет и три стихии — огонь, воду, землю; воздух же считают не стихией, но словно связью и духом стихий. С ними соотносят также точки и вершины. Как из аспектов планет и знаков вместе со стихиями, при творчестве духа и истины, всё произведено и производится, так из этих буквенных знаков и точек, означающих произведённое, составляются имена всех вещей, словно таинства и носители выраженных вещей, повсюду несущие с собой их сущность и силы. Их глубокие смыслы и таинства заключены в этих знаках, их фигурах, числах, положении, порядке и перестановках. Поэтому Ориген полагает, что имена, переведённые на другой язык, совершенно не сохраняют собственной силы, ибо не сохраняют своего природного значения. Только первоначальные имена, правильно данные, имеют природную действенность, поскольку означают природно; иначе обстоит с означающими по произволу: они действуют не как значащие, а как некоторые природные вещи сами по себе. Если существует первый и причинный язык, слова которого имеют природное значение, несомненно, это еврейский. Кто глубоко и в самом корне постигнет его порядок и научится соразмерно переставлять его буквы, тот будет иметь образец и правило совершенного обретения любого языка. Итак, двадцать две буквы — основание мира и всех созданий, которые существуют и именуются в нём; всё сказанное и всё сотворённое — из них, и от их перестановок получает имя, бытие и силу. Исследующий их должен проходить отдельные сочетания букв до тех пор, пока не

откроется голос Бога и не явится раскрытым текст священнейших письмен. Отсюда голоса и слова имеют действенность в магических действиях, ибо то, в чём природа впервые осуществляет магию, — голос Бога. Но это относится к более высокому созерцанию, чем предмет настоящей книги. Вернёмся к разделению букв. У евреев три буквы-матери, именно: א ו י. Семь двойных: ב ג ד כ פ ר ת. Остальные двенадцать, именно ה ז ח ט ל מ נ ס ע צ ק ש, — простые. То же правило у халдеев. По их образцу буквы остальных языков также распределяются определённым порядком между знаками, планетами и стихиями. Из греческих A E H I O Υ Ω соответствуют семи планетам; B Γ Δ Z K Λ M N Π P Σ T приписываются двенадцати знакам зодиака. Остальные пять, Θ Ξ Φ X Ψ, представляют четыре стихии и дух мира. У латинян обозначается то же, но в ином порядке: пять гласных A E I O V и согласные I и V приписываются семи планетам; согласные B C D F G L M N P R S T начальствуют над двенадцатью знаками; остальные, K Q X Z, составляют четыре стихии. Придыхание H представляет дух мира. Y, будучи греческим, а не латинским знаком и служа лишь греческим словам, следует природе своего языка. Но следует знать: мудрецы установили, что еврейские буквы действеннее всех, ибо имеют величайшее подобие с небесным и миром; буквы прочих языков не обладают такой действенностью, поскольку дальше от них отстоят. Их расположение пояснит следующая таблица. Каждая буква имеет также двойственные числа своего порядка: развёрнутые, просто выражающие её место в последовательности букв, и собранные, включающие числа всех предшествующих букв; затем также целостные числа, получающиеся из названий букв согласно различным способам счёта. Кто познает силы этих чисел, сможет в каждом языке через его буквы извлекать удивительные тайны и

собирать прорицания о минувших и будущих временах. Есть также и другие таинственные сочетания букв с числами; обо всём этом пространно рассуждая в следующих книгах, здесь положим конец первой книге.

♈	ה		B	B
♉	ו		Γ	C
♊	ח		Δ	D
♋	ט		Z	F
♌	ל		K	G
♍	מ		Λ	L
♎	נ		M	M
♏	ס		N	N
♐	ע		Π	P
♑	צ		P	R
♒	ק		Σ	S
♓	ש		T	T
♄	ב		A	A
♃	ג		E	E
♂	ד		H	I
☉	כ		I	O
♀	פ		O	V
☿	ר		ϒ	I согласная
☾	ת		Ω	V согласная
Земля	א		Θ	K
Вода	ו		Ξ	Q
Воздух			Φ	X
Огонь	י		X	Z

Дух			Ψ	H

ПРИЛОЖЕНИЕ

Факсимиле оригинала

✧

Все рисунки, таблицы, печати
и страницы соответствующей части
издания 1533 года

HENRICI
CORNELII AGRIP
PAE AB NETTESHEYM A CONSILIIS
& Archiuis Inditiarii ſacræ C AE-
SAREAE Maieſtatis: De
OCCVLTA PHI-
LOSOPHIA
Libri Tres.

HENRICVS CORNELIVS AGRIPPA.

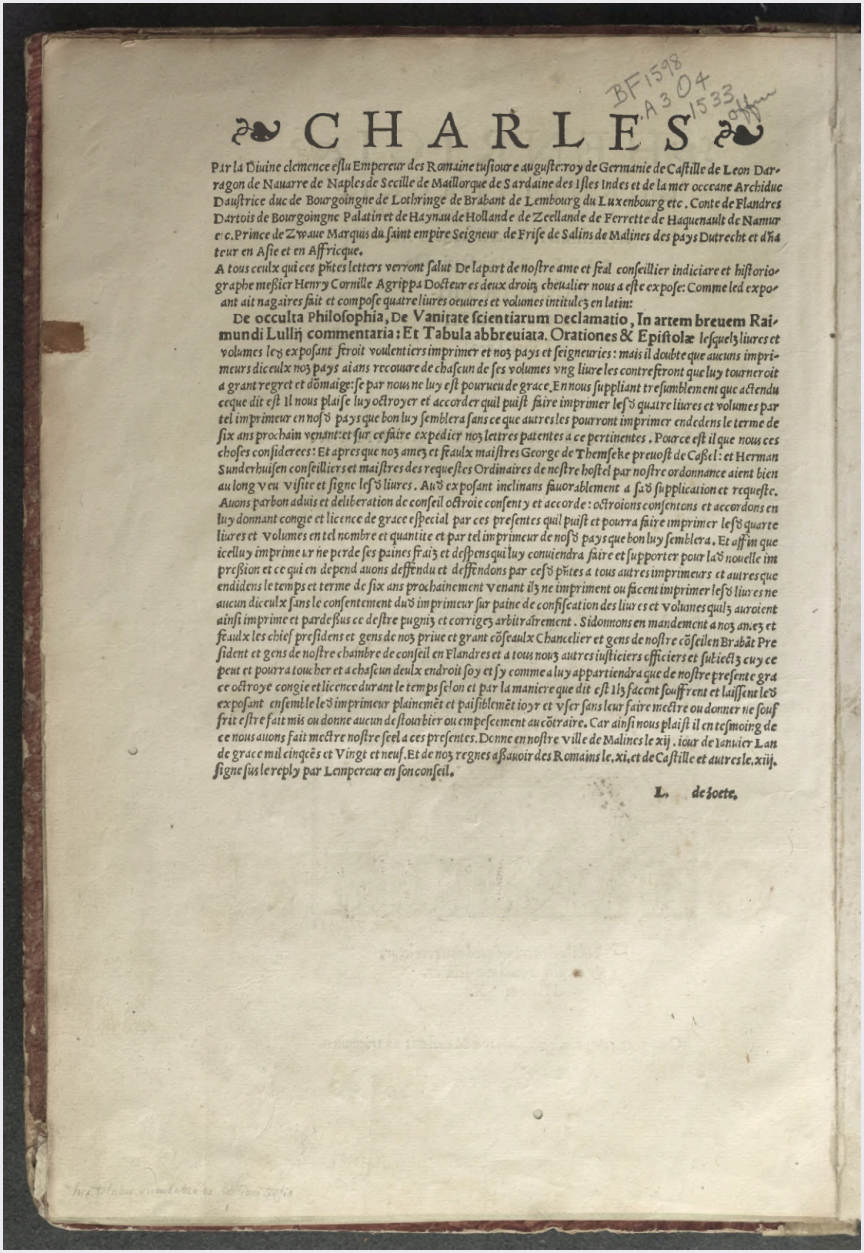

Lc. Feyerleins.

Nihil eſt opertum quod non reueletur,
& occultum quod non ſciatur.
Matthæi X.

Cum gratia & priuilegio Cæſareæ Maieſtatis ad triennium.

Coloniae 1533

BF1598
A304
1533

CHARLES

Par la Diuine clemence eſlu Empereur des Romaine tuſiours e auguſte: roy de Germanie de Caſtille de Leon Darragon de Nauarre de Naples de Sceille de Maillorque de Sardaine des Iſles Indes et de la mer occeane Archidue Daufiriche duc de Bourgoingne de Lothringe de Brabant de Lembourg du Luxenbourg etc. Conte de Flandres Dartois de Bourgoingne Palatin et de Haynau de Hollande de Zeellande de Ferrette de Haguenault de Namur etc. Prince de Zwaue Marquis du ſaint empire Seigneur de Friſe de Salins de Malines des pays Dutrecht et dna teur en Aſie et en Affricque.

A tous ceulx qui ces pñtes letters verront ſalut De la part de noſtre ame et feal conſeillier indiciaire et hiſtoriographe meßier Henry Cornille Agrippa Docteur es deux droitz cheualier nous a eſte expoſe: Comme led expoant ait nagaires fait et compoſe quatre liures oeuures et volumes intitulez en latin:

De occulta Philoſophia, De Vanitate ſcientiarum Declamatio, In artem breuem Raimundi Lullij commentaria: Et Tabula abbreuiata. Orationes & Epiſtolæ leſquelz liures et volumes les expoſant ſeroit voulentiers imprimer et nos pays et ſeigneuries: mais il doubte que aucuns imprimeurs dic eulx nos pays aians recouure de chaſcun de ſes volumes vng liure les contrefront que luy tourneroit a grant regret et dõmaige: ſe par nous ne luy eſt pourueu de grace. Ennous ſuppliant treſumblement que actendu ceque dit eſt Il nous plaiſe luy octroyer et accorder qui puiſt faire imprimer leſd quatre liures et volumes par tel imprimeur en noſd pays que bon luy ſemblera ſans ce que autres les pourront imprimer endedens le terme de ſix ans prochain venant: et ſur ce faire expedier nos lettres patentes a ce pertinentes. Pource eſt il que nous ces choſes conſiderees: Et apres que nos amez et feaulx maiſtres George de Themſeke preuoſt de Caſſel: et Herman Sunderhuſen conſeilliers et maiſtres des requeſtes Ordinaires de neſtre hoſtel par noſtre ordonnance aient bien au long veu viſite et ſigne leſd liures. Aud expoſant inclinans fauorablement a ſad ſupplication et requeſte. Auons parbon aduis et deliberation de conſeil octroie conſent y et accorde: octroions conſentons et accordons en luy donnant congie et licence de grace eſpecial par ces preſentes qui puiſt et pourra faire imprimer leſd quatre liures et volumes en tel nombre et quantite et par tel imprimeur de noſd pays que bon luy ſemblera. Et affin que icelluy imprime ar ne perde ſes paines frais et deſpens qui luy conuiendra faire et ſupporter pour lad nouelle impreßion et ce qui en depend auons deffendu et deffendons par ceſd pñtes a tous autres imprimeurs et autres que endidens le temps et terme de ſix ans prochainement venant il3 ne impriment ou facent imprimer leſd liures ne aucun dic eulx ſans le conſentement dud imprimeur ſur paine de confiſcation des liures et volumes qui3 auroient ainſi imprime et pardeßus ce de ſtre pugni3 et corrigez arbitrairement. Sidonnons en mandemẽt a nos amez et feaulx les chief preſidens et gens de nos priue et grant cõſeaulx Chancelier et gens de noſtre cõſeil en Brabãt Preſident et gens de noſtre chambre de conſeil en Flandres et a tous nos3 autres iuſticiers officiers et ſubiectz cuy ce peut et pourra toucher et a chaſcun deulx endroit ſoy et ſy comme a luy appartiendra que de noſtre preſente grace octroye congie et licence durant le temps ſelon et par la maniere que dit eſt Il3 facent ſouffrent et laiſſent les expoſant enſemble le3 imprimeur plainemẽt et paiſiblemẽt ioyr et vſer ſans leur faire meſtre ou donner ne ſouffrir eſtre fait mis ou donne aucun deſtourbier ou empeſcement au cõtraire. Car ainſi nous plaiſt il en teſmoing de ce nous auons fait meſtre noſtre ſeel a ces preſentes. Donne en noſtre ville de Malines le xij. iour de Ianuier L an de grace mil cinqẽs et Vingt et neuf. Et de nos regnes aſſauoir des Romains le. xi. et de Caſtille et autres le. xiij. ſigne ſus le reply par Lempereur en ſon conſeil.

L. de ſoete.

AD LECTOREM.

NON DVBITO, QVIN TITVLVS LIBRI NOstri de Occulta philosophia, siue de Magia, raritate sua ꝑplurimos alliciat ad legendum, inter quos nõnulli obliquæ opinionis mente languidi, multi etiam maligni & ingenium nostrum ingrati accedent, qui temeraria sua ignorantia magiæ nomẽ in deteriorem partem accipiẽtes, uix conspecto titulo clamabunt nos uetitas artes docere, hæresum semina iacere, piis auribus offendiculo, præclaris ingeniis scãdalo esse, maleficũ esse, superstitiosum esse, dæmoniacum esse, magus qui sim. Quibus si respõdeam magum apud literatos uiros non maleficum, non superstitiosum, nõ dæmoniacum sonare, sed sapientem, sed sacerdotem, sed prophetam: Sibyllas magas fuisse, proinde de Christo tam apertissime prophetasse: iam uero & magos ex mirabilibus mundi arcanis, ipsius mundi autorem Christũ cognouisse natum, omniumq; primos uenisse ad illum adorandum, ipsumq; magiæ nomen acceptum philosophis, laudatum à theologis, etiam ipsi euãgelio non ingratum. Credo ego istos tam pertinacis supercilii cẽsores Sibyllis & sanctis magis, & uel ipso euangelio prius sibi interdicturos, q̃ ipsum magiæ nomen recepturi sint in gratiam, adeo conscientiæ suæ consulentes, ut nec Apollo, nec Musæ omnes, neq; angelus de cœlo me ab illorũ execratione uendicare queant. Quibus & ego nunc consulo ne nostra scripta legãt, nec intelligãt, nec meminerint: nam noxia sunt, uenenosa sunt, Acherontis ostiũ est in hoc libro, lapides loquitur, caueant ne cerebrũ illis excutiat. Vos autem qui æqua mente ad legendum uenitis, si tantam prudentiæ discretionem adhibueritis, quantam in melle legendo apes, iam securi legite, puto nãq; uos & utilitatis haud parum, & uoluptatis plurimum accepturos. Quod si qua repereritis, quæ uobis non placeant, mittite illa, nec utimini: nam & ego uobis illa nõ probo, sed narro. Cætera tamen propterea non respuite, nam & medicos; uolumina inspicientibus contingit cum antidotis & pharmacis simul etiã uenena legere. Fateor præterea magiã ipsam multa superuacua, & ad ostentationẽ curiosa docere prodigia, simul hęc ut uana relinquite, cauas tamen illorũ ne ignorate. Quæ uero ad hominũ utilitatem, ad auertẽdos malos euentus, ad destruendũ maleficia, ad curãdos morbos, ad exterminãda phantasmata, ad conseruandã uitæ, honoris, fortunę dexteritatẽ, sine dei offensa, sine religiõis iniuria fieri possunt: quis illa non tam utilia censeat, q̃ etiã necessaria? Sed quia admonui uos, multa me narrãdo potius q̃ affirmãdo scripsisse: sic enim opus esse uisum fuerat quo pauciora ꝑteriremus, multa insuper Platonicorũ cæterorumq; gentiliũ Philosophorũ placita secuti sumus, ubi instituto nostro scribẽdi suggerebant argumentũ: ideo si alicubi erratum sit, siue quid liberius dictũ, ignoscite adolescentiæ nostræ, qui minor quàm adolescens hoc opus composui, ut possim me excusare ac dice-

AD LECTOREM

re,dum eram paruulus,loquebar ut paruulus: ſapiebam ut paruulus,factus autem uir,euacuaui quæ erant paruuli, ac in libro noſtro de Vanitate ac incertitudine Scientiarum,hũc librum magna ex parte retractaui. Sed hic me iterum forte redarguetis inquientes: Ecce iuuenis ſcripſiſti,& ſenex retractaſti,ut quid ergo edidiſti? Fateor iuuenis admodum hos libros ſcribere aggreſſus ſum,ſpe tamen illos aliquando correctiores locupletioresq; emiſſurus,atq; ea cauſa Ioanni Tritemio abbati Peapolitano quõdam Spanhemenſi,uiro arcanarum rerum admodum induſtrio, primum illos obtuli corrigendos. Contigit autem poſtea,ut interceptum opus, priusquàm illi ſummam manum impoſuiſſem, corruptis exemplaribus trũcum & impolitum circumferretur,atq; in Italia, in Gallia,in Germania,per multorum manus uolitaret,iamq; nonnulli impatientius neſcio an impudentius,ipſum informe opus ſub prælum exponere uolebant, quo uno perculſus malo,ipſe edere conſtitui,cogitans minus periculi fore,ſi libri iſti paulo caſtigatiores meã manu prodirent,quàm ſi laceri per incondita fragmenta inuulgarentur per manus aliorum. Præterea nullum nefas ratus,ſi iuuentutis meæ ſpecimẽ perire non ſinerem. Addidimus autem nonnulla capitula, inſeruimus etiã plaraq; quę prætermittere incurioſum uidebaẽ,quod curioſus Lector ex ipſius phraſis inæqualitate facile deprehẽdere poterit,noluimus enim opus ipſum totum innouare,&(ut aiunt)totam telam retexere,ſed paululum caſtigare, atq; aliquid ſplendoris infundere. Quapropter iterum nunc quæſo te candide Lector,ne de præſenti tempore editionis iſta libres, ſed ueniam des curioſæ iuuentuti,ſi quid forte ſecus quàm placeat in iſtis deprehendes.

ERRATA.

Folio 169. linea 1 apertura 170. 18 remittant 171. 24 ſonis & 172. 21 & 33 exaltatiõe 175. 19 ci,calida 179. 41. melãcholicos morbos 180. 12 lunæ :illa uero facies lunæ, 183. 41 ciat 186. 18 gẽma. 30 cuius menſa 191. 26 adſcripta eſt 28 ſuorũ 37 planæ 193. 22 ſinu angeli 198. 9 diuinatio 33 protuliſſe 38 formans 199. 26 in magnum ex. 200. 1 per magnum af. 3 ſint 5 de quibus 22 aut uaticiny 202. 7 Totum quod 203. 5 corruptibili 12 ſortiæ 205. 36 exordijs 206. 4 ferẽs ſolu,aut nos du. 207. 13 mẽtus 208. 33 fidem 211. 24 regeneratione 212. 9. Hãc 27 indigni 34. Oportet 214. 38. Prohibemur 215. 21 duobus 40. Hentia 216. 8 concinunt 217. 12 & per me 218. 35 numina 40 uiri dei 41 influxum 221. 16. Lunum 224. 22 cupat 33 fide 225 8 ſpeculi,an 246. 2 mãnona 250. 23. Sicut 251. 5 lunares 254. 3 ſpiritui 255. 26 iſtiu ſpecialẽ 40 Amnediel 257. 24 obus 262. 17 credentium 271. 24 ciuũas 278. 4. Efficacia 12. limo 27 eas 41 aduruntia 279. 9 maleſica 13. abigam 281. 27. Scmones 32 translati 285. Mori igitur 34 dele,hũ 289. 38 inedia ſe ſere. 290. 23 tum mo. 30 primaria cauſa 291. 18 preſidentium 292 tẽmen uiribus 295. 26 receptant 296. 8 benefica 297. 29 allocutum 298. 17. Midas,ab 299. 11 quæcunq; 301. 15 ſeptẽtrionalis 21 manium 302. 34 Valentinianorũ 304. 38 loci alicuius 307. 2 ſtatim 14 iungatur 31 exempla 308. 19 mouet 29 occurſu 38 ut ea 309. 28 illi 311. 8 dele,& 14 vaticinia deorũ 15 ſint 17 tranſeunt 312. 34 latio aut 314. 27 eum 315. 41 tur ima 316. 29. Tum aia 317. 16 Zoroaſtẽ 28 qua 35 ſed bene 318. 22 meram 319. 2 potu'ue 25 ſomni 320. 2 immitti 324. 17. Huic 32 circũluitæ 85 mundo 325. 14 ut non 326. 11 debito 337. 7 mundauit 340. 36 cerea 342. 15 æſtuantia 344. 4 dinis ad re. 15 arte 24 ſermonum 37 ſymbola 41 potes 343. 25 uerſum 350. 2 Galaad 33 fame 351. 17 uos repente 356. 3 idololatriæ 4 ieſtonis.

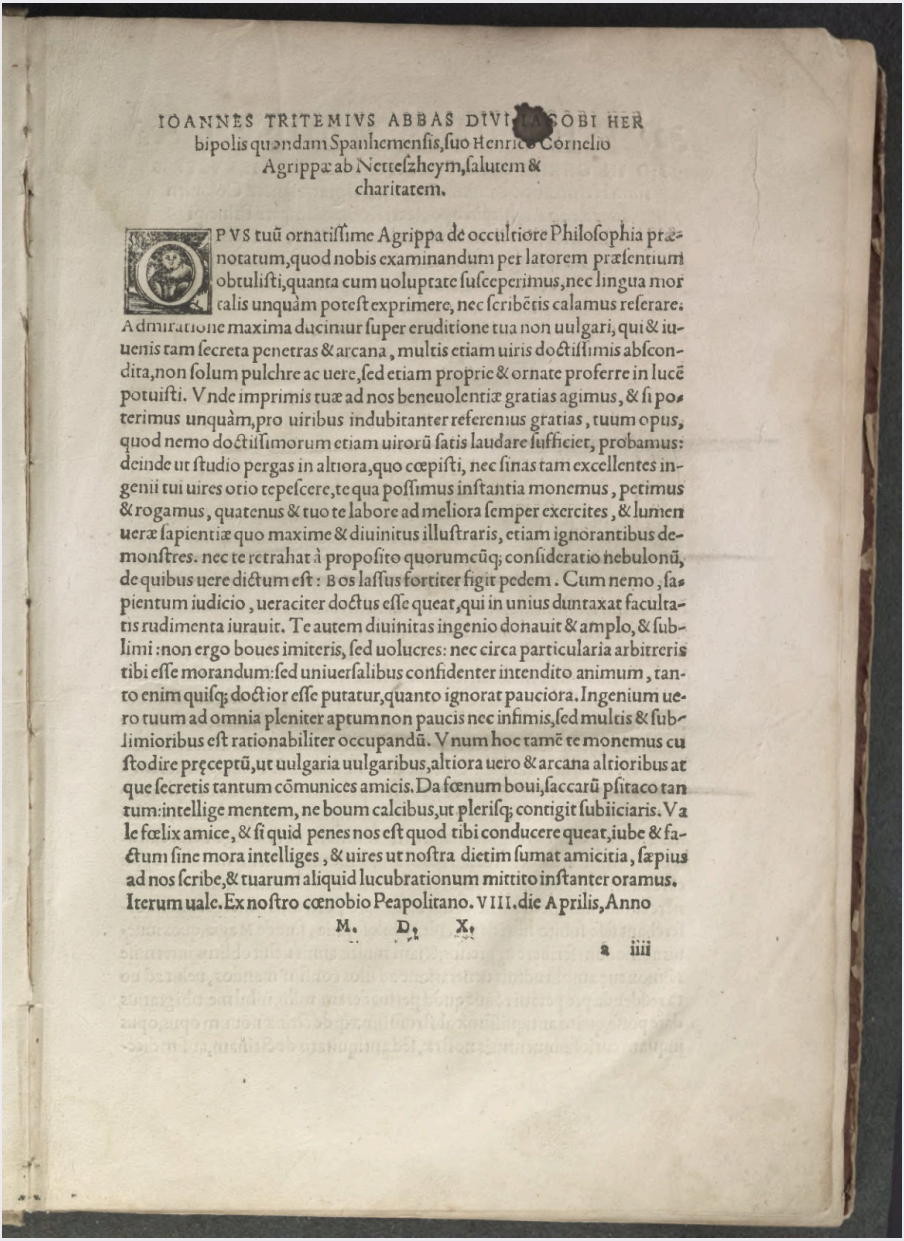
R. P. D. IOANNI TRITEMIO, ABBATI DIVI IACOBI
in ſuburbio Herbipolis, Henricus Cornelius Agrippa
ab Nettelzheym. S. D.

CVm nuper tecum (reuerẽde pater) in cœnobio tuo apud Herbipolim aliquandiu conuerſatus, multa de chymicis, multa de magicis, multa de cabaliſticis cęteriſq; quę adhuc in occulto delitescunt arcanis ſcientiis atq; artibus unà contuliſſemus: magna inter cæteras quęſtio erat, cur Magia ipſa, cum olim primum ſublimitatis faſtigium uno omnium ueterum philoſophorum iudicio teneret, & à priſcis illis ſapientibus, & ſacerdotibus ſumma ſemper in ueneratione habita fuerit: deinde ſanctis patribus à principio naſcentis eccleſiæ catholicę odioſa ſemper & ſuſpecta, tandem exploſa à Theologis, damnata à ſacris canonibus, porrò omnium legum placitis fuerit proſcripta, eius cauſam ſpeculatus meo iudicio non alia eſt, niſi quòd fatali quadam temporum hominumq; deprauatione ſubintroierũt multi pſeudophiloſophi, ac mẽtito nomine Magi, qui per uarias errorum ſectas & falſarum religionum factiones, multas admodũ execrandas ſuperſtitiones atq; ferales ritus, multa etiam ex orthodoxa religione ſcelerata ſacrilegia, in naturæ perſecutionem hominũq; perniciem ac dei iniuriam congerentes, multos admodum quales hodie circunferri uidemus reprobatæ lectionis libros ediderunt, quibus Magiæ honeſtiſſimum nomen atq; titulum furto & rapina præfixerunt. Hi itaq; cum ſacroſancto hoc magiæ titulo ſuis execrandis nugis fidem ſeſe cõciliaturos ſperarent, id egerũt, quòd laudatiſſimum olim magiæ nomen, hodie bonis & probis omnibus odioſiſſimum redditum ſit, ac capitale crimen habeatur ſi quis doctrina operibus ue magum ſeſe audeat profiteri, niſi forte demens aliqua uetula rus habitans, credi uelit admodum perita & diuinipotẽs, ut (ſicut ait Apuleius) poſſit cœlum deponere, terram ſuſpendere, fontes durare, montes diluere, manes ſublimare, deos infimare, ſydera extinguere, tartarũ ipſum illuminare, ſiue ut canit Vergilius:

Quæ ſe carminibus promittat ſoluere mentes
Quos uelit, aſt aliis duras immittere curas,
Siſtere aquam fluuiis, & uertere ſydera retro,
Nocturnosq; ciet manes, mugire uidebis
Sub pedibus terram, & deſcendere montibus ornos.

Tum quæ referunt Lucanus de maga illa Theſſala, & Homerus de Circes omnipotentia, quorũ plurima fateor tam fallacis opinionis, tam ſuperſtitioſæ diligentiæ perniciosiq; labores exiſtunt, ut cum ſub artem nõ nefandam cadere nequeãt, tamen magiæ uenerabili titulo ſeſe ueſtiri poſſe præſumũt. Cum hæc igitur ſic ſe haberent, mirabar admodum, neq; minus etiam indignabar, neminem hactenus extitiſſe, qui tam ſublimem ſacramq; diſcipli-

nam ac impietatis crimine uindicasset, aut illam nobis pure syncereq; tradidisset, siquidem quos ex recentioribus ego uidi Rogerium Bachonem, Robertum Anglicum, Petrum Apponum, Albertum Teutonicum, Arnoldū de Villa noua, Anselmum Parmēsem, Picatricem Hispanū, Cicchum Asculum Florētinum & plerosq; alios, sed obscuri nominis scriptores cum se magiam tradere pollicentur, non nisi aut deliramenta quædam nulla ratione subnixa, aut superstitiones probis omnibus indignas præstiterunt. Hinc cōcitus est in me spiritus meus, atq; propter ipsam cum admirationē, tum indignationem uolui & ego philosophari, non illaudabile opus me facturum existimans, qui ab ineunte ætate semper circa mirabilium effectuum & plenas mysteriorum operationes curiosus intrepidusq; extiti explorator, si Magiam ipsam uetustam sapientumq; omnium disciplinam ab impietatis erroribus redimitam, purgatamq;, & suis rationibus adornatam restituerem, & ab iniuria calumniantium uindicarem, quod ut iam diu ipse mecum deliberaui, nunq̄ tamen in hanc arenam descendere hactenus ausus fui, uerum post collatum inter nos Herbipoli de his rebus sermonem tua præcellēs peritia & doctrina tuaq; ardēs adhortatio audaciam mihi animumq; addidit. Itaq; electis è Philosophorum exploratæ fidei sentētiis, purgata introductione malignorum, qui simulata scientia mentientes magorum traditiōes ab ipsis tenebrarum reprobatis libris, uelut ab ipsis adytis mirādorum operationes requirendas docebant, discussis tenebris tres libros de magia compendio breuitatis complexos recētibus his diebus composui, & de Occulta philosophia minus infenso titulo inscripsi, quos nunc tuo exanimi, qui harum rerum plenissimam peritiam tenes castigādos, censendos, indicādosq; submitto, ut si quid in illis à me scriptum sit, quod aut in naturæ contumeliam, aut cœlitum offensam, religionis'ue iniuriam uergere queat, condemnes errorem: sin autem dissoluta & purgata sint impietatis scandala, ueritatis traditionē tueare: sicq; cum his libris nostris, atq; cum ipsa magia agere uelis, ne occultetur aliquid quod prodesse queat, nec probetur quod possit nō nisi nocere, quo sic tandem libri isti tuo examine probati, digni sint qui aliquando fœlicibus auspiciis in publicum egrediantur, nec timeant iudicium subire posteritatis. Vale, & his audacibus parceto cœptis.

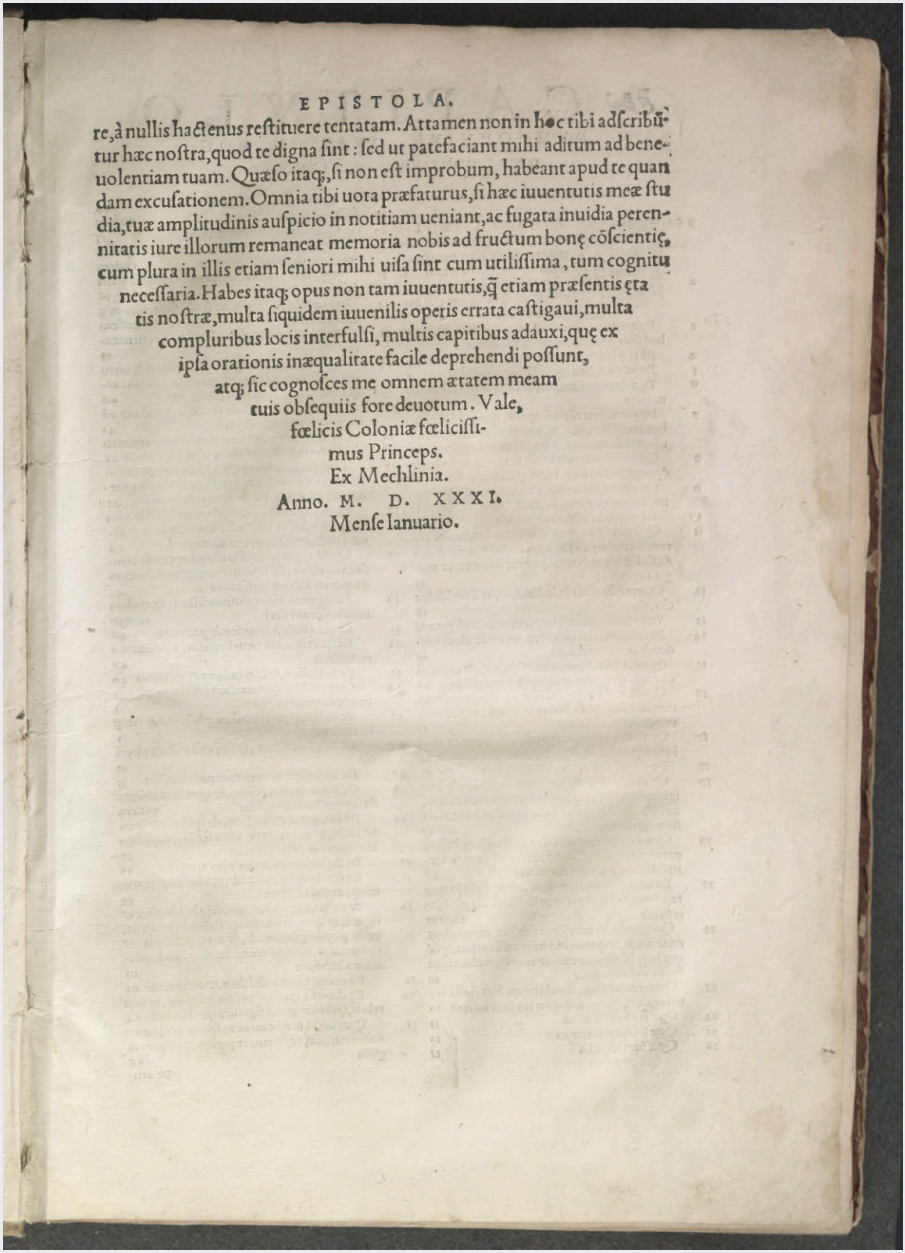
IOANNES TRITEMIVS ABBAS DIVI IACOBI HER
bipolis quondam Spanhemensis, suo Henrico Cornelio
Agrippæ ab Nettesheym, salutem &
charitatem.

OPVS tuũ ornatissime Agrippa de occultiore Philosophia præ-
notatum, quod nobis examinandum per latorem præsentium
obtulisti, quanta cum uoluptate susceperimus, nec lingua mor
talis unquàm potest exprimere, nec scribẽtis calamus referare:
Admiratione maxima ducimur super eruditione tua non uulgari, qui & iu-
uenis tam secreta penetras & arcana, multis etiam uiris doctissimis absco-
dita, non solum pulchre ac uere, sed etiam proprie & ornate proferre in lucẽ
potuisti. Vnde imprimis tuæ ad nos beneuolentiæ gratias agimus, & si po-
terimus unquàm, pro uiribus indubitanter referemus gratias, tuum opus,
quod nemo doctissimorum etiam uirorũ satis laudare sufficiet, probamus:
deinde ut studio pergas in altiora, quo cœpisti, nec sinas tam excellentes in-
genii tui uires otio tepescere, te qua possimus instantia monemus, petimus
& rogamus, quatenus & tuo te labore ad meliora semper exercites, & lumen
ueræ sapientiæ quo maxime & diuinitus illustraris, etiam ignorantibus de-
monstres. nec te retrahat à proposito quorumcũq; consideratio nebulonũ,
de quibus uere dictum est: Bos lassus fortiter figit pedem. Cum nemo, sa-
pientum iudicio, ueraciter doctus esse queat, qui in unius duntaxat faculta-
tis rudimenta iurauit. Te autem diuinitas ingenio donauit & amplo, & sub-
limi: non ergo boues imiteris, sed uolucres: nec circa particularia arbitreris
tibi esse morandum: sed uniuersalibus confidenter intendito animum, tan-
to enim quisq; doctior esse putatur, quanto ignorat pauciora. Ingenium ue-
ro tuum ad omnia pleniter aptum non paucis nec infimis, sed multis & sub-
limioribus est rationabiliter occupandũ. Vnum hoc tamẽ te monemus cu
stodire præceptũ, ut uulgaria uulgaribus, altiora uero & arcana altioribus at
que secretis tantum cõmunices amicis. Da fœnum boui, saccarũ psitaco tan
tum: intellige mentem, ne boum calcibus, ut plerisq; contigit subiiciaris. Va
le fœlix amice, & si quid penes nos est quod tibi conducere queat, iube & fa-
ctum sine mora intelliges, & uires ut nostra dietim sumat amicitia, sæpius
ad nos scribe, & tuarum aliquid lucubrationum mittito instanter oramus.
Iterum uale. Ex nostro cœnobio Peapolitano. VIII. die Aprilis, Anno

M. D. X.

REVERENDISSIMO IN CHRISTO PATRI, AC PRINCIPI ILLVSTRISSIMO Hermanno è comitibus wydę, Dei gratia sanctæ Colonien sis ecclesiæ Archiepiscopo, sacri Romani Imperii Principi Electori, & per Italiam Archicancellario, westphaliæ & Angariæ Duci &c. Sacrosanctæ Romanæ ecclesiæ Legato nato, & in pontificalibus Vicario generali, Hēricus Cornelius Agrippa ab Nettesz-heym. S. D.

EA EST ILLVSTRIS FAMAE TVAE CElebritas reuerēdissime & illustrissime Princeps, ea uirtutum tuarū magnitudo & doctrinæ splendor, & frequens optimarum literarum exercitiū, & cū solida prudētia grauis oratio, & elegās dicēdi promptitudo, multarū rerum cognitio, constans religio, ac mores laudatissimi, quibus supra communē aliorū cōsuetudinē præditus es: taceo priscas eminentis nobilitatis imagines, ac diuitiarum cum antiquarum tum nouarum thesauros, amplitudinem dominii, sacrarumq; dignitatum mitras, quorum etiam pręstantia antestas cū corporis decenti forma ac robore. Quæ licet omnia maxima sint, ego te tñ his omnibus longe maiorem existimo heroicis illis & superillustribus tuis uirtutibus, quibus sane effecisti, ut quanto quisq; doctior est, ac uirtutum amantior, tanto magis beneuolentiæ tuæ sese cupiat insinuari, unde & ipse etiam illud decus tuum petendum mihi cōstitui, sed Parthorū more, hoc inquam est, non sine munere. Quem equidem salutandi Principis morem à priscorum usque seculis in hæc nostra tempora deriuatum, & adusq; huc obseruatū uidemus. Cumq; uiderem alios quosq; uiros egregie doctos, doctrinarū suarū pulchris magnisq; munerib⁹ te ornare, ne solus ego uelut cultus & uenerationis tuæ desertor, ad tuam amplitudinem uacuis manibus appli care ausim: cogitabundus ac circunspiciens in cella mea libraria, quo munere te tam insignem Principem condonare possem, en inter recondita offerebant sese subito libri de Occulta Philosophia, siue de Magia, quos iuuenis admodum scribere aggressus, & iam multis annis uelut oblitus intermisserā: mox tuę amplitudinis ueneratione ad illos consummandos, uelut ad uota reddenda properaui. Sane quòd persuaderem mihi, nihil me tibi gratius dare posse, quàm antiquissimæ abstrusissimæq; doctrinæ nouum opus, opus inquam curiosæ iuuentutis nostræ, sed antiquitatis doctrinam, ausim dice-

EPISTOLA.

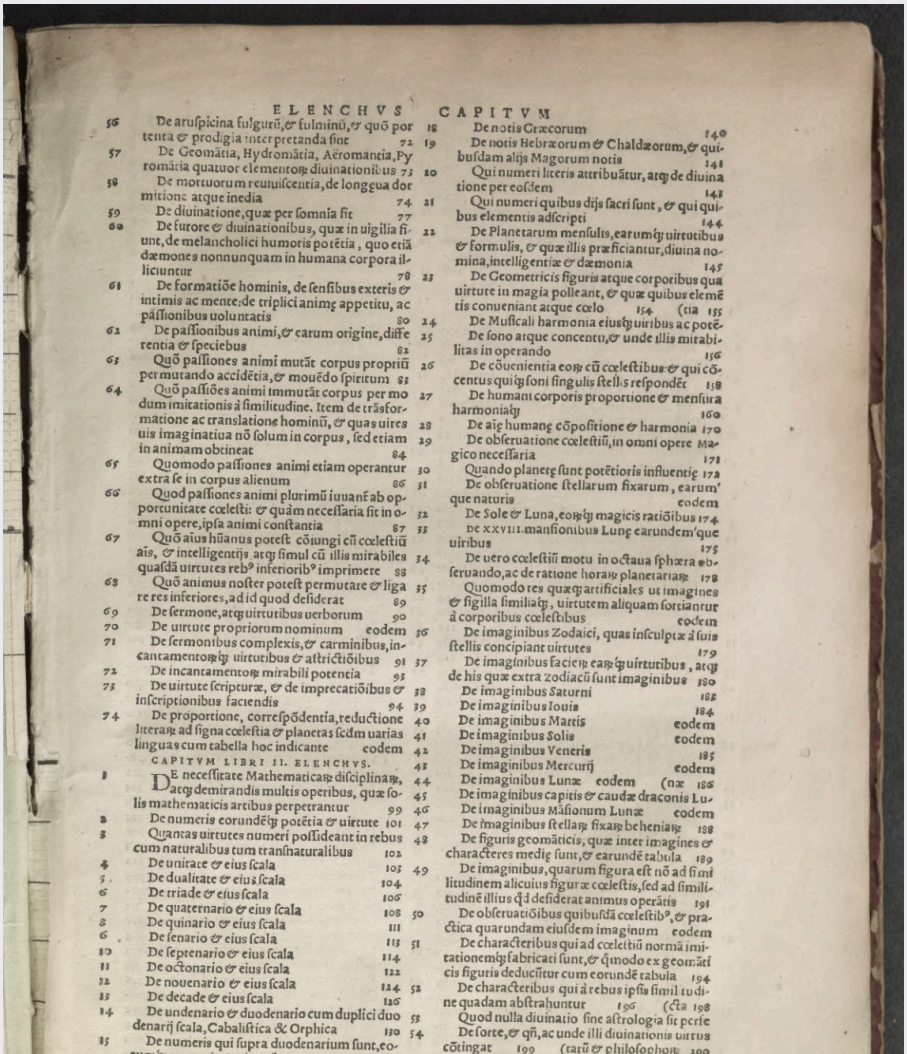
re, à nullis hactenus restituere tentatam. Attamen non in hoc tibi adscribũ-
tur hæc nostra, quod te digna sint: sed ut patefaciant mihi aditum ad bene-
uolentiam tuam. Quæso itaq; si non est improbum, habeant apud te quan
dam excusationem. Omnia tibi uota præfaturus, si hæc iuuentutis meæ stu
dia, tuæ amplitudinis auspicio in notitiam ueniant, ac fugata inuidia peren-
nitatis iure illorum remaneat memoria nobis ad fructum bonę cõscientię,
cum plura in illis etiam seniori mihi uisa sint cum utilissima, tum cognitu
necessaria. Habes itaq; opus non tam iuuentutis, q̃ etiam præsentis ętа
tis nostræ, multa siquidem iuuenilis operis errata castigaui, multa
compluribus locis interfulsi, multis capitibus adauxi, quę ex
ipsa orationis inæqualitate facile deprehendi possunt,
atq; sic cognosces me omnem ætatem meam
tuis obsequiis fore deuotum. Vale,
fœlicis Coloniæ fœlicissi-
mus Princeps.
Ex Mechlinia.
Anno. M. D. XXXI.
Mense Ianuario.

CAPITVLO
RVM OMNIVM QVAE IN HOC OPERE CONTINENTVR, ELENCHVS.

PRIMI LIBRI ELENCHVS:

1 CA. VOMODO A' TRIPLI-ci mundo Magi uirtutes colligãt, tribus his libris monstrabitur FOLIO 1.
8 Quid sit magia, quę eius partes, & qualẽ oporteat esse Magiæ professorem eodem
3 De quatuor elementis, & eorundem qualitatibus & in seinuicem permixtionibus 3
4 De triplici elementoꝝ ratione considerãda 4
5 De mirabilibus ignis, ac terræ naturis 5
6 De admirandis aquæ, & aëris atque uẽtorum naturis 6
7 De generibus cõpositorum, quomodo se habeant ad elementa, atq; quid elementis ipsis cõueniat cum anima, & sensibus, & moribus 10
8 Quomodo elemẽta sunt in cœlis, in stellis, in dęmonibus, in angelis, in ipso deniq; deo 12
9 De uirtutibus rerum naturalium ab elementis proxime dependentibus 13
10 De uirtutibus rerum occultis 14
11 Quomodo uirtutes occultæ infundantur rerum speciebus ab ideis, per rationes animę mũdi, stellarũq; radios: & quæ res hac uirtute magis abundant 15
12 Quomodo diuersis indiuiduis, etiã eiusdẽ speciei, diuersæ uirtutes influuntur 16
13 Vnde proueniãt uirtutes rerum occultę. eodẽ
14 De spiritu mũdi quis sit, & quod sit uinculum occultarum uirtutum 18
15 Quomodo debemus inuestigare, & experiri uirtutes rerũ, per uiã sumptã à similitudine 20
16 Qualiter diuersarum uirtutum operationes transfundantur ab una re in aliam, & sibi mutuo communicantur 21
17 Qualiter per litem & amicitiã, uirtutes rerũ inuestigandæ, & experiundæ sunt 22
18 De inimicitiarum inclinationibus 23
19 Quomodo inuestigandæ & experiundę sunt rerum uirtutes, quæ illis à tota specie insunt, aut particulari ipsius indiuidui dono alicui rei sunt agnatæ 25
20 Quod uirtutes naturales quibusdam insunt per totam suã substantiã, quibusdã uero in certis suis particulis aut membris 26
21 De uirtutibus rerum quæ insunt ipsis in uita tantum, & quę remanent in illis etiam post interitum eodem
22 Quomodo res inferiores subsunt corporibus cœlestibus, & quomodo humanũ corpus, ipsaq; hominum exercitia & mores, stellis atque signis distribuuntur 28
23 Quomodo cognoscendum, quibus stellis res naturales subsint, atq; quæ res sint solares 29
24 Quæ res subsint lunæ 31
25 Quæ subsunt Saturno 32
26 Quæ sunt Iouialia 33
27 Quæ referunt Martem 34
28 Quæ sint Venerea eodem
29 Quæ sequuntur Mercurium 35
30 Quod totus sublunaris mundus, & quæ in eo sunt, planetis distribuitur eodem
31 Qualiter prouinciæ, & regna planetis distribuuntur 36
32 Quæ subsunt signis, ac stellis fixis, earumq; imaginibus eodem
33 De signaculis & characteribus rerum naturalium 38
34 Quomodo per res naturales earumq; uirtutes, possumus allicere & attrahere influxus atque uirtutes corporum cœlestium 40
35 De commixtionibus rerum naturalium ad inuicem earumq; utilitate 41
36 De unione rerum commixtarum, atq; introductione nobilioris formæ uitæq; sensibilis 42
37 Quomodo certis quibusdam præparamentis naturalibus & artificialibus, cœlestia quædam & uitalia dona desuper trahimus 43
38 Quomodo dona, non solum cœlestia & uitalia, uerumetiam intellectualia quædam & diuina desuper suscipere possumus 44
39 Quod certis quibusdã mundi materiis mundana numina, & horum numinum ministros dæmones allicere possumus 45
40 De ligationibus cuiusmodi sunt, & quibus modis soleant fieri eodem
41 De ueneficijs, earundemq; potentia 46
42 De quorundam ueneficiorum admirandis uirtutibus 47
43 De suffitibus, & eaꝝ ratione & potentia 49
44 Compositio quorundam suffituum planetis accommodatorum 51
45 De collyrijs, unctionibus, philtris, eorumq; uirtutibus 52
46 De alligationibus, & suspensionibus physicis 53
47 De annulis & eorum compositionibus 55
48 De locorum uirtutibus, & quæ loca cuique stellarum correspondent eodem
49 De lumine & coloribus, de lychnis & lampadibus, & qui colores, qbus stellis, domibus & elementis distribuantur 57
50 De Fascinatione, atque eius artificio 58
51 De certis obseruationibus, admirandas uirtutes producentibus 59
52 De uultu, ac gestu, corporisq; habitudine & figura, & quæ ex his quibus stellis respõdeant, unde physiognomonia, & metoposcopia, & chiromãtia, diuinationum artificia, sua fundamenta habeant 61
53 De diuinatione auspicioꝝ, & augurioꝝ 65
54 De diuersis quibusdam animãtibus, & aliis rebus, quã in augurijs significationẽ habeãt 64
55 Quomodo uerificantur auspicia per lumen sensus naturæ, ac de eius experiundę aliquot regulis 68

De aru-

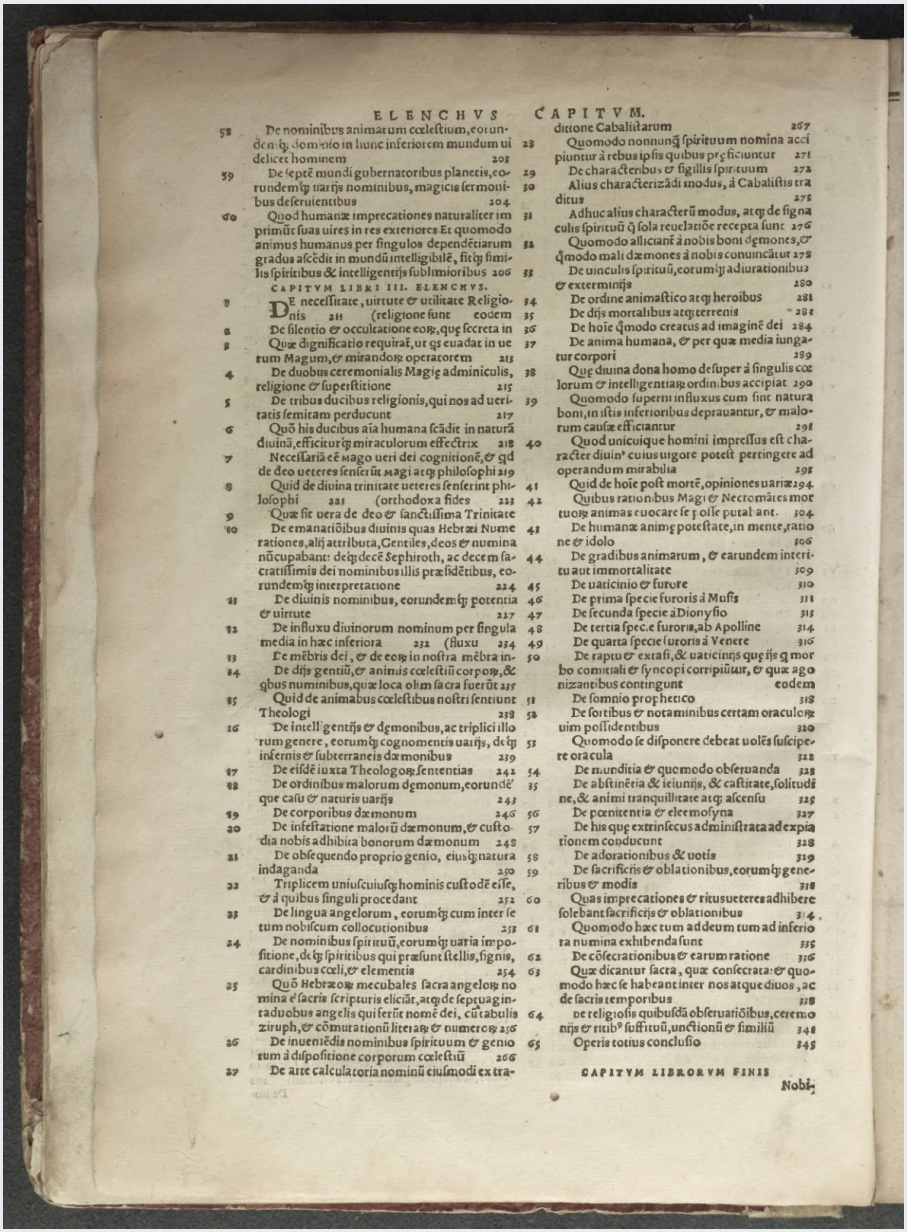
ELENCHVS CAPITVM

56 De aruspicina fulgurũ,& fulminũ,& quõ portenta & prodigia interpretanda sint 72
57 De Geomãtia, Hydromãtia, Aëromantia, Pyromãtia quatuor elementorũ diuinationibus 73
58 De mortuorum reuiuiscentia, de longeua dormitione atque inedia 74
59 De diuinatione, quæ per somnia fit 77
60 De furore & diuinationibus, quæ in uigilia fiunt, de melancholici humoris potẽtia, quo etiã dæmones nonnunquam in humana corpora illiciuntur 78
61 De formatiõe hominis, de sensibus exteris & intimis ac mente, de triplici animę appetitu, ac pãssionibus uoluntatis 80
62 De passionibus animi, & earum origine, differentia & speciebus 82
63 Quõ passiones animi mutãt corpus proprium permutando accidẽtia, & mouẽdo spiritum 83
64 Quõ passiões animi immutãt corpus per modum imitationis à similitudine. Item de trãsformatione ac translatione hominũ, & quas uires uis imaginatiua nõ solum in corpus, sed etiam in animam obtineat 84
65 Quomodo passiones animi etiam operantur extra se in corpus alienum 86
66 Quod passiones animi plurimũ iuuanẽ ab opportunitate cœlestiũ & quãm necessaria sit in omni opere, ipsa animi constantia 87
67 Quõ aius hũana potest cõiungi cũ cœlestiũ aĩs, & intelligentijs atq; simul cũ illis mirabiles quasdã uirtutes rebꝰ inferioribꝰ imprimere 88
68 Quõ animus noster potest permutare & ligare res inferiores, ad id quod desiderat 89
69 De sermone, atq; uirtutibus uerborum 90
70 De uirtute propriorum nominum eodem
71 De sermonibus complexis, & carminibus, incantamentorũq; uirtutibus & astrictiõibus 91
72 De incantamentorũ mirabili potentia 93
73 De uirtute scripturæ, & de imprecatiõibus & inscriptionibus faciendis 94
74 De proportione, correspõdentia, reductione literarũ ad signa cœlestia & planetas scdm uarias linguas cum tabella hoc indicante eodem

CAPITVM LIBRI II. ELENCHVS.

1 De necessitate Mathematicarũ disciplinarũ, atq; demirandis multis operibus, quæ solis mathematicis artibus perpetrantur 99
2 De numeris eorundẽq; potẽtia & uirtute 101
3 Quantas uirtutes numeri possideant in rebus cum naturalibus tum transnaturalibus 102
4 De unitate & eius scala 103
5 De dualitate & eius scala 104
6 De triade & eius scala 105
7 De quaternario & eius scala 108
8 De quinario & eius scala 111
9 De senario & eius scala 113
10 De septenario & eius scala 114
11 De octonario & eius scala 122
12 De nouenario & eius scala 124
13 De decade & eius scala 126
14 De undenario & duodenario cum duplici duodenarij scala, Cabalistica & Orphica 130
15 De numeris qui supra duodenarium sunt, eorumq; potentia & uirtutibus 136
16 De numerorum notis in certis gesticulationibus constitutis 138 (obseruatis 139
17 De uarijs numerorum notis apud Romanos
18 De notis Græcorum 140
19 De notis Hebræorum & Chaldæorum, & quibusdam alijs Magorum notis 141
20 Qui numeri literis attribuãtur, atq; de diuina tione per eosdem 143
21 Qui numeri quibus dijs sacri sunt, & qui quibus elementis adscripti 144
22 De Planetarum mensulis, earumq; uirtutibus & formulis, & quæ illis præficiantur, diuina nomina, intelligentiæ & dæmonia 145
23 De Geometricis figuris atque corporibus quæ uirtute in magia polleant, & quæ quibus elemẽtis conueniant atque cœlo 154 (tia 155
24 De Musicali harmonia eiusq; uiribus ac potẽ-
25 De sono atque concentu, & unde illis mirabilitas in operando 156
26 De cõuenientia eorũ cũ cœlestibus & qui cõcentus quibꝰ soni singulis stellis respondẽt 158
27 De humani corporis proportione & mensura harmoniaq; 160
28 De aię humanę cõpositione & harmonia 170
29 De obseruatione cœlestiũ, in omni opere Magico necessaria 171
30 Quando planetæ sunt potẽtioris influentię 172
31 De obseruatione stellarum fixarum, earumque naturis eodem
32 De Sole & Luna, eorũq; magicis ratiõibus 174
33 De XXVIII. mansionibus Lunę earundem'que uiribus 175
34 De uero cœlestiũ motu in octaua sphæra obseruando, ac de ratione horarũ planetariarũ 178
35 Quomodo res quæq; artificiales ut imagines & figilla similiaq;, uirtutem aliquam fortiantur à corporibus cœlestibus eodem
36 De imaginibus Zodaici, quas insculptæ à suis stellis concipiant uirtutes 179
37 De imaginibus faciei eaꝝq; uirtutibus, atq; de his quæ extra zodiacũ sunt imaginibus 180
De imaginibus Saturni 182
De imaginibus Iouis 184
De imaginibus Martis eodem
De imaginibus Solis eodem
De imaginibus Veneris 185
De imaginibus Mercurij eodem
De imaginibus Lunæ eodem (næ 186
De imaginibus capitis & caudæ draconis Lu-
De imaginibus Mãsionum Lunæ eodem
De imaginibus stellarũ fixarũ & heniarũ 188
De figuris geomãticis, quæ inter imagines & characteres medię sunt, & earundẽ tabula 189
De imaginibus, quarum figura est nõ ad similitudinem alicuius figuræ cœlestis, sed ad similitudinẽ illius q̃d desiderat animus operãtis 191
De obseruatiõibus quibusdã cœlestibꝰ, & practica quarundam eiusdem imaginum eodem
De characteribus qui ad cœlestiũ normã imitationemq; fabricati sunt, & q̃modo ex geomãticis figuris deducũtur cum eorundẽ tabula 194
De characteribus qui à rebus ipsis similitudine quadam abstrahuntur 196 (ctis 198
Quod nulla diuinatio sine astrologia sit perfe
De sorte, & qñ, ac unde illi diuinationis uirtus cõtingat 199 (tarũ & philosophorũ 200
De aĩa mũdi & cœlestiũ, iuxta traditiões poẽ-
Idem confirmatur ratione 201
Quod anima mundi ac cœlestes aĩæ sint rationales, ac mentem participantes diuinam 203

De no-

ELENCHVS CAPITVM.

58 De nominibus animarum cœlestium, eorundemq; domicilio in hunc inferiorem mundum uidelicet hominem 202
59 De septē mundi gubernatoribus planetis, eorundemq; uarijs nominibus, magicis sermonibus deseruientibus 204
60 Quod humanæ imprecationes naturaliter impriműt suas uires in res exteriores Et quomodo animus humanus per singulos dependētiarum gradus ascēdit in mundū intelligibilē, fitq; similis spiritibus & intelligentijs sublimioribus 206

CAPITVM LIBRI III. ELENCHVS.

1 DE necessitate, uirtute & utilitate Religionis 211 (religione sunt eodem 35
2 De silentio & occultatione eorū, quę secreta in 36
3 Quæ dignificatio requiratur, ut qs euadat in uerum Magum, & mirandorū operatorem 213
4 De duobus cæremonialis Magię adminiculis, religione & superstitione 215
5 De tribus ducibus religionis, qui nos ad ueritatis semitam perducunt 217
6 Quō his ducibus aīa humana scādit in naturā diuinā, efficiturq; miraculorum effectrix 218 40
7 Necessariā cē magō ueri dei cognitionē, & qd de deo ueteres senserūt magi atq; philosophi 219
8 Quid de diuina trinitate ueteres senserint philosophi 221 (orthodoxa fides 223 41 42
9 Quæ sit uera de deo & sanctissima Trinitate
10 De emanatiōibus diuinis quas Hebræi Numerationes, alij attributa, Gentiles, deos & numina nūcupabant: deq; decē Sephiroth, ac decem sanctissimis dei nominibus illis præfidētibus, eorundemq; interpretatione 224 45
11 De diuinis nominibus, eorundemq; potentia & uirtute 227 47
12 De influxu diuinorum nominum per singula media in hæc inferiora 232 (fluxu 234 49
13 De mēbris dei, & de eorū in nostra mēbra influxu 50
14 De dijs gentiū, & animis cœlestiū corporū, & quibus numinibus, quæ loca olim sacra fuerūt 235
15 Quid de animabus cœlestibus nostri sentiunt Theologi 238 52
16 De intelligentijs & dęmonibus, ac triplici illorum genere, eorumq; cognomentis uarijs, deq; infernis & subterraneis dæmonibus 239
17 De eisdē iuxta Theologorū sententias 242 54
18 De ordinibus malorum dęmonum, eorundēque casu & naturis uarijs 243
19 De corporibus dæmonum 246 56
20 De infestatione malorū dæmonum, & custodia nobis adhibita bonorum dæmonum 248
21 De obsequendo proprio genio, eiusq; natura indaganda 250 59
22 Triplicem uniuscuiusq; hominis custodē esse, & à quibus singuli procedant 252 60
23 De lingua angelorum, eorumq; cum inter se tum nobiscum collocutionibus 253 61
24 De nominibus spirituū, eorumq; uaria impositione, deq; spiritibus qui præsunt stellis, signis, cardinibus cœli, & elementis 254 63
25 Quō Hebræorū mecubales sacra angelorū nomina ē sacris scripturis eliciāt, atq; de septuaginta duobus angelis qui ferūt nomē dei, cū tabulis ziruph, & cōmutationū literarū & numerorū 256
26 De inueniēdis nominibus spirituum & genium à dispositione corporum cœlestiū 266 64
27 De arte calculatoria nominū eiusmodi ex traditione Cabalistarum 267 65
28 Quomodo nonnunq; spirituum nomina accipiuntur à rebus ipsis quibus præficiuntur 271
29 De characteribus & sigillis spirituum 272
30 Alius characterizādi modus, à Cabalistis traditus 275
31 Adhuc alius characterū modus, atq; de signaculis spirituū q̄ sola reuelatiōe recepta sunt 276
32 Quomodo alliciantur à nobis boni dęmones, & q̄modo mali dæmones à nobis conuincātur 278
33 De uinculis spirituū, eorumq; adiurationibus & exterminijs 280
34 De ordine animastico atq; heroibus 281
35 De dijs mortalibus atq; terrenis 282
36 De hoīe q̄modo creatus ad imaginē dei 284
37 De anima humana, & per quæ media iungatur corpori 289
38 Quę diuina dona homo desuper à singulis cœlorum & intelligentiarū ordinibus accipiat 290
39 Quomodo superni influxus cum sint naturaliter boni, in ijs inferioribus depranuntur, & malorum causæ efficiantur 291
40 Quod unicuique homini impressus est character diuin⁹ cuius uigore poteāt pertingere ad operandum mirabilia 295
41 Quid de hoīe post mortē, opiniones uariæ 294
42 Quibus rationibus Magi & Necromātes mortuorū animas euocare se posse putant. 304
43 De humanæ animę potestate, in mente, ratione & idolo 306
44 De gradibus animarum, & earundem interitu aut immortalitate 309
45 De uaticinio & furore 310
46 De prima specie furoris à Musis 311
47 De secunda specie à Dionysio 313
48 De tertia specie furoris, ab Apolline 314
49 De quarta specie furoris à Venere 316
50 De raptu & extasi, & uaticinijs quę ijs q̄ morbo comitiali & syncopi corripiūtur, & quæ agonizantibus contingunt eodem
51 De somnio propheticō 318
52 De sortibus & notaminibus certam oraculorū uim possidentibus 320
53 Quomodo se disponere debeat uolēs suscipere oracula 322
54 De munditia & quemodo obseruanda 323
55 De abstinētia & ieiunijs, & castitate, solitudine, & animi tranquillitate atq; ascensu 325
56 De pœnitentia & eleemosyna 327
57 De his quę extrinsecus administrata ad expiationem conducunt 328
58 De adorationibus & uotis 329
59 De sacrificijs & oblationibus, eorumq; generibus & modis 331
60 Quas imprecationes & ritus ueteres adhibere solebant sacrificijs & oblationibus 334
61 Quomodo hæc tum addeum tum ad inferiora numina exhibenda sunt 335
62 De cōsecrationibus & earum ratione 336
63 Quæ dicantur sacra, quæ consecrata: & quomodo hæc se habeant inter nos atque diuos, ac de sacris temporibus 338
64 De religiosis quibusdā obseruatiōibus, ceremonijs & ritib⁹ suffitibus, unctionibus & similibus 341
65 Operis totius conclusio 345

CAPITVM LIBRORVM FINIS

Nobi-

NOBILIS VIRI HENRICI CORNELII AGRIPPAE

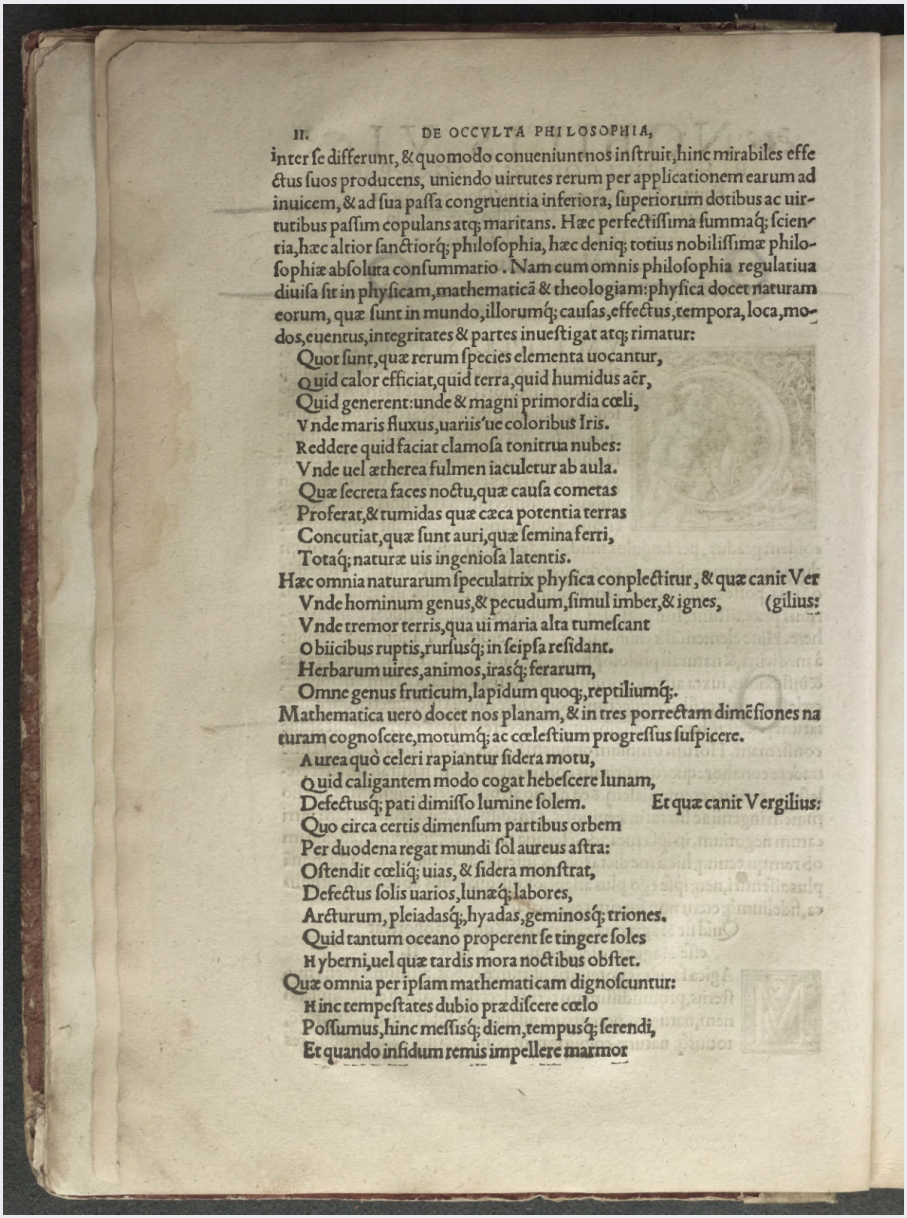
Equitis Aurati, & utriusq; Iuris Doctoris, Sacræ Cæsareæ Maiestatis à Consilio & archiuis indiciari, De Occultâ Philosophia, siue de Magia Libri tres.

Quomodo à triplici mundo Magi uirtutes colligant, in tribus his libris monstrabitur. Caput I.

CVM TRIPLEX SIT MVNDVS, elementalis, cœlestis & intellectualis, & quisq; inferior à superiori regatur, ac suarum uirtũ suscipiat influxum, ita ut ipse archetypus & summus opifex, per angelos, cœlos, stellas, elementa, animalia, plantas, metalla, lapides suæ omni potentiæ uirtutes exinde in nos transfundat, in quorum ministerium hæc omnia condidit atq; creauit: non irrationabile putant Magi, nos per eosdem gradus, per singulos mũdos, ad eundem ipsum archetypum mundum, omnium opificem, & primam causam, à qua sunt omnia, & procedũt omnia, posse conscendere: & non solum his uiribus, quæ in rebus nobilioribus præexistunt, frui posse: sed alias præterea nouas desuper posse attrahere. Hinc elementalis mundi uires, uariis rerum naturalium mixtionibus à medicina, & naturali philosophia uenantur: deinde cœlestis, mundi radiis & influxibus, iuxta astrologorum regulas, & mathematicorum disciplinas, cœlestes uirtutes illis connectunt: porrò hæc omnia intelligẽtiarum diuersarum potestatibus per religionum sacras ceremonias corroborant atque confirmant. Horum omnium ordinem & processum, tribus his libris nũc tradere conabor: quorum primus contineat Magiam naturalem, alter cœlestem, tertius ceremonialem. Sed nescio an plane uenia dignum sit, me hominem ingenii ac literaturæ minoris, tam difficile, tam arduum, tam intricatum negotium, in ipsa mea adolescentia tam libere aggressum esse: quam ob rem quæcunq; hic à me dicta sunt, & inferius dicentur, his nolo quenquã plus assentiri, neq; ipse ego plus assentior, nisi quatenus ab ecclesia catholica, fideliumq; cœtu non fuerint reprobata.

Quid sit Magia, quæ eius partes, & qualem oporteat esse Magiæ professorum. Caput II.

MAgica facultas potestatis plurimæ cõpos, altissimis plena mysteriis, profundissimam rerum secretissimarum contemplationem, naturam, potentiam, qualitatem, substantiam, & uirtutẽ, totiusq; naturæ cognitionem complectitur: & quomodo res

II. DE OCCVLTA PHILOSOPHIA,

inter ſe differunt, & quomodo conueniunt nos inſtruit, hinc mirabiles effectus ſuos producens, uniendo uirtutes rerum per applicationem earum ad inuicem, & ad ſua paſſa congruentia inferiora, ſuperiorum dotibus ac uirtutibus paſſim copulans atq; maritans. Hæc perfectiſſima ſummaq; ſcientia, hæc altrior ſanctiorq; philoſophia, hæc deniq; totius nobiliſſimæ philoſophiæ abſoluta conſummatio. Nam cum omnis philoſophia regulatiua diuiſa ſit in phyſicam, mathematicã & theologiam: phyſica docet naturam eorum, quæ ſunt in mundo, illorumq; cauſas, effectus, tempora, loca, modos, euentus, integritates & partes inueſtigat atq; rimatur:

Quot ſunt, quæ rerum ſpecies elementa uocantur,
Quid calor efficiat, quid terra, quid humidus aër,
Quid generent: unde & magni primordia cœli,
Vnde maris fluxus, uariis'ue coloribus Iris.
Reddere quid faciat clamoſa tonitrua nubes:
Vnde uel ætherea fulmen iaculetur ab aula.
Quæ ſecreta faces noctu, quæ cauſa cometas
Proferat, & tumidas quæ cæca potentia terras
Concutiat, quæ ſunt auri, quæ ſemina ferri,
Totaq; naturæ uis ingenioſa latentis.

Hæc omnia naturarum ſpeculatrix phyſica conplectitur, & quæ canit Ver
Vnde hominum genus, & pecudum, ſimul imber, & ignes, (gilius:
Vnde tremor terris, qua ui maria alta tumeſcant
Obiicibus ruptis, rurſusq; in ſeipſa reſidant.
Herbarum uires, animos, irasq; ferarum,
Omne genus fruticum, lapidum quoq;, reptiliumq;.

Mathematica uero docet nos planam, & in tres porrectam dimẽſiones naturam cognoſcere, motumq; ac cœleſtium progreſſus ſuſpicere.

Aurea quò celeri rapiantur ſidera motu,
Quid caligantem modo cogat hebeſcere lunam,
Defectuſq; pati dimiſſo lumine ſolem. Et quæ canit Vergilius:
Quo circa certis dimenſum partibus orbem
Per duodena regat mundi ſol aureus aſtra:
Oſtendit cœliq; uias, & ſidera monſtrat,
Defectus ſolis uarios, lunæq; labores,
Arcturum, pleiadasq;, hyadas, geminosq; triones.
Quid tantum oceano properent ſe tingere ſoles
Hyberni, uel quæ tardis mora noctibus obſtet.

Quæ omnia per ipſam mathematicam dignoſcuntur:

Hinc tempeſtates dubio prædiſcere cœlo
Poſſumus, hinc meſſisq; diem, tempusq; ſerendi,
Et quando infidum remis impellere marmor

Conueniat,quando armatas deducere classes,
Aut tempestiuam in syluis euertere pinum.

Theologia autem quid deus,ipsa docet,quid mens,quid intelligentia, quid angelus,quid deniq; dæmon,quid anima,quid religio,quę sacra instituta,ritus,phana,obseruationes sacraq; mysteria:instruit quoq; de fide, de miraculis,de uirtute uerborum & figurarum,de arcanis operationibus & mysteriis signaculorũ,& quod ait Apuleius,docet nos rite scire atq; callere leges ceremonias,fas sacros atq; ius religionũ.Sed iã me recolligã.Has tres imperiosissimas facultates Magia ipsa complectitur, unit atq; actuat:merito ergo ab antiquis summa sanctissimaq; scientia habita est.Hæc grauissimis autorib⁹ clarissimisq; scriptoribus reperit illustrata:inter quos pręcipue Zamolxis,& Zoroaster effulserunt adeo,ut inuentores huius scietiæ à pluribus creditisint. Horum uestigia secuti Abbaris Hyperboreus,Charmondas,Damigeron,Eudoxus,Hermippus:& clariores alii extiterũt antistites,ut Trismegistus Mercurius,Porphyrius,Iãblichus,Plotinus,Proclus,Dardanus, Orpheus Threicius,Gog Græcus,Germa Babylonicus,Apollonius Tyaneus,Osthanes etiã egregie scripsit in hac arte:cuius libros è sepulchro erutos Abderites Democritus suis cõmẽtariis illustrauit.Pręterea ad hanc artẽ Pythagoras, Empedocles,Democritus, Plato & plures nobilissimi philosophos discendã nauigarũt:hãc reuersi summa sanctitate prædicauerũt: hãc in arcanis habuerũt.Quin & Pythagoram Platonemq; ob eam discendã cõpertum habemus,Memphiticos uates accessisse,& penè totã Syriam,Aegyptũ,Iudæã,& Chaldæorũ scholas peragrasse,ne sanctissima eos Magiæ mõ numenta lærent,diuinisq; rebus imbuerẽtur. Quicunq; igitur nũc in hac facultate studere affectat,si non fuerit eruditus in Physica,in qua declarantur qualitates rerum,& in qua aperiũtur proprietates occultę cuiuslibet entis,& si non fuerit opifex mathematicæ,& in aspectibus & figuris stellarum, ex quibus cuiuslibet rei sublimis uirtus & proprietas dependet: & si non fuerit doctus in theologia,ubi manifestantur substantiæ immateriales,quæ dispensant & administrant omnia,non poterit intelligere Magiæ rationabilitatem:nullum enim opus ab ipsa magia perfectum extat, nec est aliquod opus uere magicum,quod has tres facultates non complectatur.

De quatuor elementis,& eorundem qualitatibus,& in seinuicem permixtionibus. Caput III.

Quatuor sunt elemẽta & primaria fundamẽta rerũ omniũ corporaliũ,ignis,terra,aqua,aẽr:ex qbus omnia elementata in istis inferioribus cõponunt:nõ p modũ coaceruatiõis,sed secũdũ trãsmutationẽ & unionẽ:rursusq; cũ corrũpunt in elemẽta resoluũtur.Nullum aũt sensibilium elementorũ purũ est,sed secundũ magis & minus permixta sunt,& in seinuicem transmutabilia:quemadmodũ terra lutescens dissolutaq;,fit aqua:atq; illa ingrossata densataq;,fit terra:per calorem

autem euaporata transit in aërem, & ille supercalescens in ignem: & hic extinctus reuertitur in aërem, infrigidatus autem ex superadustione, fit terra aut lapis, aut sulphur, sicut hoc ex fulmine manifestum est. Plato aũt censet terrã omnino intransmutabilẽ esse, cætera aũt elementa & in hanc, & in seinuicẽ trãsmutari. Diuiditur itaq; terra à subtilioribus nõ trãsmutata, sed soluta aut permixta in illa, quæ illam dissoluunt, rursusq; in seipsam remigrans. Vnũquodq; aũt elementorũ duas specificas qualitates habet, quarũ priorẽ sibi propriã retinet, in altera tanq̃ media conuenit cum sequenti. Est enim ignis calidus & siccus, terra sicca & frigida, aqua frigida & humida, aër humidus & calidus. Atq; hoc modo secundũ duas qualitates contrarias elementa sibi contraria sunt, ut ignis aquæ, & terra aëri. Adhuc secũdum aliũ modũ elementa sibi opponũtur: Nã quædã grauia sunt, ut terra & aqua: & alia leuia, ut aër ignis: quamobrem priora passiua, posteriora uero actiua Stoici nuncuparunt. Proinde adhuc Plato secundum alium modũ distinguẽs, tres unicuiq; assignat qualitates: igni uidelicet acuitatẽ, raritatẽ & motũ: terræ aũt obtusitatẽ, densitatẽ & quietẽ. Et secundum has qualitates contraria sunt elementa ignis, & terra. Reliqua aũt elementa ab illis qualitates mutuant, ita ut aer duas accipiat q̃litates ignis, raritatem & motum, atq; unam terræ, uidelicet obtusitatem. Contrà aqua duas quidem terræ, obscuritatem & dẽsitatẽ: & unã ignis, uidelicet motũ. Sed ignis aere duplo rarior, triplo mobilior, quadruplo acutior: Aer autẽ duplo acutior aqua, triplo rarior, quadruplo mobilior. Proinde aqua duplo acutior terra, triplo rarior, quadruplo mobilior. Quemadmodum itaq; se habet ignis ad aerẽ, sic aer ad aquã, & aqua ad terram: rursusq;, sicut terra ad aquam, sic illa ad aerem, atq; hic ad ignem. Atq; hæc est radix & fundamentum omnium corporum, naturæ, uirtutum & operum mirabilium: & qui has elementorum qualitates, & eorundem mixtiones cognouerit, facile perficiet opera miranda atq; stupenda, eritq; consummatus in Magia naturali.

De triplici elementorum ratione considerãda. Cap. IIII.

QVatuor itaq; quæ diximus sunt elemẽta, sine quorũ notitia perfecta nullum in Magia producere possumus effectum. Sunt autem singula triplicia, ut sic quaternarius compleat duodenarium: & per septenarium in denarium progrediens, ad suprema unitatem, unde omnis uirtus & mirabilis operatio dependet, fiat progressus. Primo igitur ordine elementa pura sunt, quæ nec componuntur, nec mutuantur, nec patiuntur commixtionem, sed incorruptibilia sunt, & non à quibus, sed per quæ omnium naturalium rerum uirtutes producuntur in effectum. Virtutes illorum à nullo explicari possunt: quia in omnia possunt omnia. Hæc qui ignorat, ad nullã mirabilium effectuũ operationẽ pertingere potest. Secundi ordinis elemẽta cõposita sunt multiplicia, & uaria, & impura, reducibilia tamẽ per artẽ ad purã simplicitatem: quibus tunc

ad ſuam ſimplicitatẽ reuerſis,uirtus eſt ſuper omnia complementum dans omnium operationum occultarũ & operationum naturæ: & hæc ſunt fundamentum totius Magiæ naturalis. Tertii ordinis elementa hæc primo & per ſe non ſunt elementa, ſed decompoſita,uaria,multiplicia & inter ſeinuicem permutabilia: ipſa ſunt infallibile medium,ideoq; uocantur media natura, ſiue anima mediæ naturæ: pauciſſimi ſunt qui illorum profunda myſteria intelligant. In ipſis per certos numeros,gradus & ordines eſt conſummatio omnis effectus in quacũq; re naturali,cœleſti & ſupercœleſti. miranda ſunt, & plena myſteriis quæ operari poſſunt in Magia tam naturali q̃ diuina: per ipſa enim omniũ rerum ligationes etiam ſolutiones & tranſmutationes, & futurorum cognitio & prædictio,etiam malorum dæmonum exterminatio & bonoꝝ ſpirituum conciliatio ab illis deſcendit. Sine his igitur triplicibus elemẽtis eorundemq; cognitione, nemo confidat ſe in occultis Magiæ & naturæ ſcientiis quicquã poſſe operari. Quicunq; autẽ hæc in illa, impura in pura, multiplicia in ſimplicia reducere nouerit,eorundemq; naturam,uirtutem, poteſtatem in numero, gradibus & ordine, ſine diuiſione ſubſtantiæ diſcernere ſciuerit:is facile obtinebit omniũ naturalium rerum, & cœleſtium ſecretorum ſcientiam & operationem perfectam.

De mirabilibus ignis,ac terræ naturis. Caput. V.

AD omnium mirabilium operationem,ait Hermes,duo ſufficiunt,ignis & terra:hæc eſt patiens,ille agens. Ignis,ut ait Dionyſius, in omnibus & per omnia clare uenit, & remouetur,omnibus lucidus eſt, ſimul & occultus incognitusq;: ipſe quãdo per ſeipſum eſt,non accedente materia in qua propriam manifeſtet actionem, immenſus eſt & inuiſibilis, per ſeipſum potens ad actionem propriam,mobilis, tradens ſeipſum omnibus quodam modo proximantibus, renouatiuus,naturæ cuſtodia,illuminatiuus,circumuelatis ſplendoribus incomprehenſus,clarus,diſcretus,reſiliens, ſurſum ferens,acute means,excelſus,non receptus contumelia minorationis, ſemper motus mouens,alterum comprehendens,incõprehenſus,non indigus alterius,latenter creſcens à ſeipſo, & ad ſuſceptas materias manifeſtãs ſuimet magnitudinẽ,actiuus, potens,ſimul omnibus præſens inuiſibiliter, neglectus eſſe non patitur,ad certa autem ſicut quædam uindicta generaliter & proprie ſubito reducens in rationem, incomprehenſibilis, impalpabilis,non minutus, in omnibus ditiſſimus ſuimet traditionibus. Immenſa & improba rerum naturæ portio ignis eſt, ut ait Plinius, & in quo dubium ſit plura abſumat, an pariat. Ignis ipſe unus eſt & per omnia penetrãs,ut aiunt Pythagorici, ſed in cœlo dilatatus, colluſtrans, in inferno uero coarctatus, tenebroſus,& crucians: in meditullio de utroq; participans. Ignis itaq; in ſe unus,in recipiente multiplex,& in diuerſis diuerſa nota diſtributus, ut apud Ciceronem teſtatur Cleanthes. Eſt itaque ignis hic aduentitius quo utimur:eſt in lapidibus, qui ictu chaly-

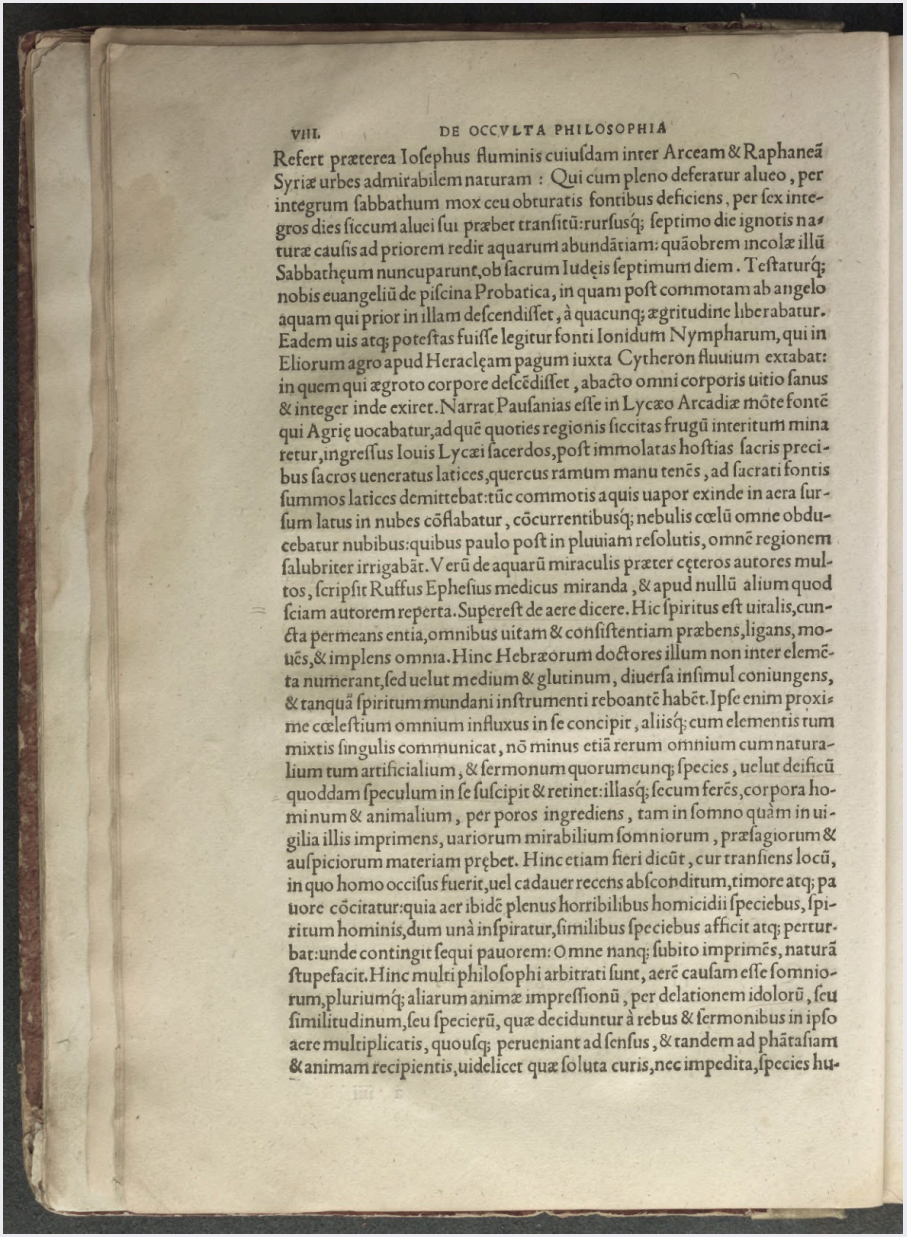
bis excutitur: est in terra, quæ ex refossione fumat: est in aquis, qui fontes & puteos calefacit: est in profundo mari, quod uentis agitatū tepescit: est in aëre, quē sæpe feruescere uidemus: & animalia quæq; & uiuētia omnia, & uegetantia calore nutriūtur: & omne quod uiuit, propter inclusum ignem uiuit. Superni ignis propria sunt calor omnia fœcundans, & lux omnibus uitā tribuēs. Inferni ignis propria sunt ardor omnia consumēs, & obscuritas cūcta sterilitate cōplens. Fugat itaq; cœlestis & lucidus ignis tenebrosos dæmones: fugat & hic noster ligneus eosdem, quatenus habet simulachrū & uehiculū lucis illius superioris. Quin & illius, qui ait, Ego sum lux mūdi, qui uerus ignis est, pater luminū, à quo omne datū optimū uenit, splendorē ignis sui emittens, & communicans primo soli, & cæteris cœlestibus corporibus, & per hæc tanquā per media instrumēta illū in hunc ignē nostrum influēs. Sicut ergo tenebrarum dæmones in tenebris ipsis robustiores sunt: sic boni dæmones, qui sunt angeli lucis, incrementa suscipiunt à luce, non solum diuina, solari, & cœlesti, sed etiam eius qui apud nos est ignis. Hinc primi religionum & ceremoniarū sapientissimi institutores orationes & psalmodias, & sacra quæq; nōnisi accensis luminibus fienda decreuerunt. Hinc illud Pythagoræ symbolum: Ne loquaris de deo absq; lumine. iusserunt q; ad fugandos malos dæmones, apud cadauera mortuorum lumina accendi, & ignes, nec illa amoueri, quousq; perfectis sacro ritu expiationibus terra condātur: ipseq; omnipotens in ueteri lege exquirebat omnia sua sacrificia igne offerri, atq; ut in altari semper ignis arderet, quem etiam apud Romanos Vestæ sacerdotes perpetuum seruabant custodiebantq;. Omnium autem elementorum basis & fundamentum, terra est: ipsa enim est obiectum, subiectum, & receptaculum omnium radiorum influxuumq; cœlestium: ipsa in se cōtinet omnium rerum semina seminalesq; uirtutes: ideo ipsa dicitur animalis, uegetalis, & mineralis: quæ ab omnibus reliquis elementis ac cœlis fœcūdata, omnium ex seipsa est gignitiua. Ipsa est receptiua omnium fœcunditatum, & ueluti prima parens etiam omnium pululatiua, centrū & fundamētum & mater omnium. Tolle de illa quantumcunq; secreta, lota, depurata, subtiliata, si dimiseris aliquandiu sub diuo, mox cœlestibus uiribus fœcundata & prægnans, ex seipsa producet plantas, producet uermiculos & animalia, producet lapillos, lucidasq; metallorum scintillas. In ea sunt secreta maxima, si quando fuerit per artificium ignis purgata, & ad simplicitatē suam congrua lotione reducta. Ipsa est prima creationis nostræq; materia & restaurationis ac conseruationis nostræ uerissima medicina.

De admirandis aquæ, & aeris atq; uentorum naturis. Cap. VI.

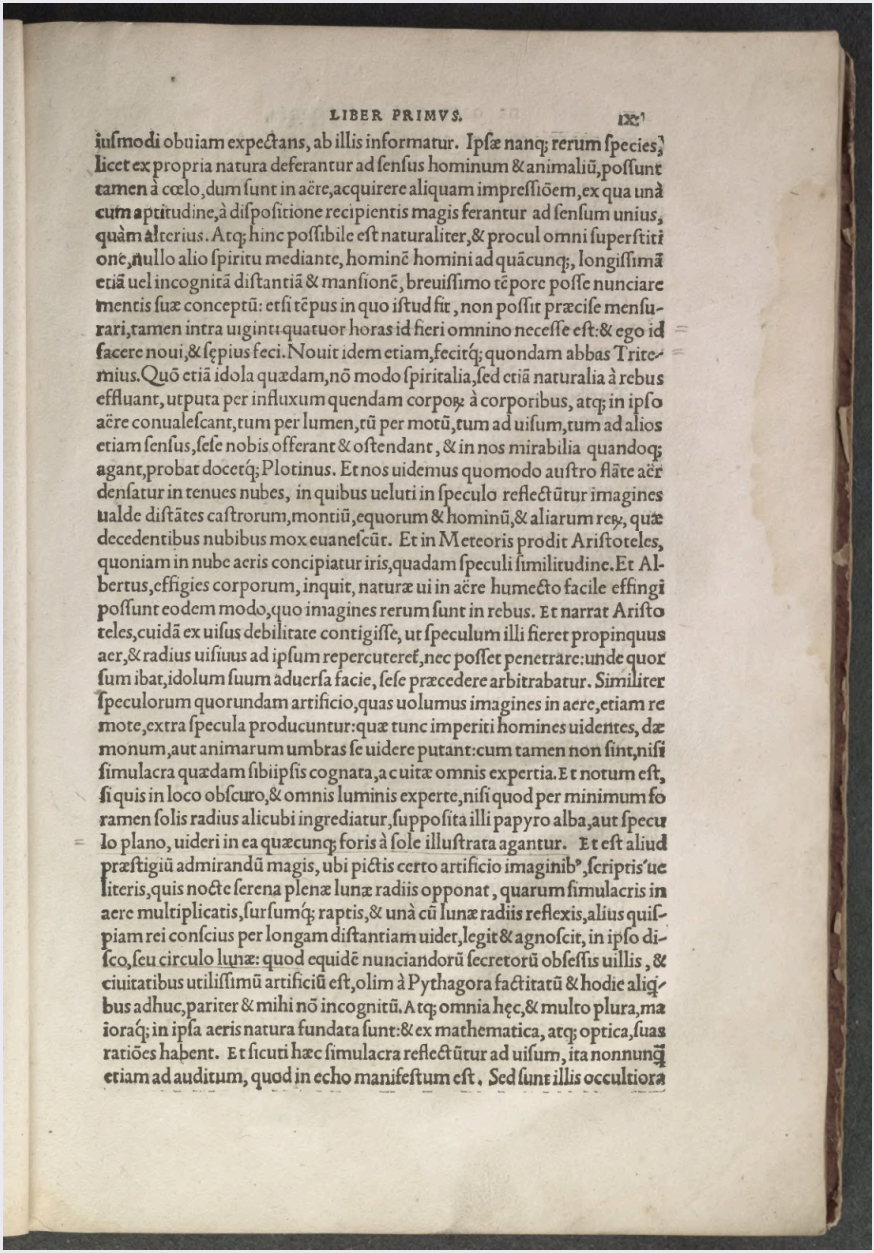
NON minoris porrō sunt reliqua duo elemēta, aqua uidelicet & aër: nec in illis natura cessat mirabilia opari. Aquæ enim tanta necessitas est, ut absq; illa nullū animal degere possit: nulla herba, nec plāta quęuis, citra aquę humectationē possit proger

minare. In ipſa eſt ſeminaria oīm rerū uirtus: animaliū primo, quorū ſemē aqueū eſſe manifeſtū eſt: ſed & fruticū, & herbarū ſemina licet terrea ſint, tamen beſieri tamē aqua neceſſe eſt, ſi fœcūda eſſe debeant: ſiue id fiat humore terræ imbibito, aut rore, uel plūuia, uel de induſtria adiecta aqua. Sola ſiquidē terra & aqua, à Moſe deſcribūtur producere aīam uiuētē. Sed aquæ duplicē productionē tribuit, natātium uidelicet in aquis, & uolātium in aere ſupra terrā. Terrenarū etiā productionū ipſi aquæ partim deberi, eadē ſcriptura teſtat, inquiēs, quod poſt creationē uirgulta & plātæ nō germinauerāt, quia deus nō pluerat ſuper terrā. Tāta eius elemēti poteſtas eſt, ut nec ſpiritualis regeneratio fiat ſine aqua, ſicut ipſe Chriſtus ad Nicodemū teſtatus eſt. Maxima quoq; eius in religione uis eſt, in expiationibus & purificationib⁹ nec minor quàm ignis neceſſitas. Infinitæ eius utilitates ſunt, & uſus multiplex, reſq; oēs ex eius poteſtate cōſiſtunt: ut quæ generādi, alendi, augmentādi uim poſſidet. Inde Thales Mileſius atq; Heſiodus, aquā omniū rerū principiū ſtatuerunt, omniumq; elementorū antiquiſſimum eſſe dixerunt atq; potentiſſimū, quippe quod cæteris omnibus imperat. Nā, ut ait Plini⁹, terras deuorāt aquæ: flāmas necant: ſcandunt in ſublime, & nubium obtētu cœlū ſibi uendicāt: eædē cadentes omnium terra naſcentiū cauſa fiūt. Innumera ſunt aquarū miracula à Plinio, Solino, multiſq; hiſtoricis deſcripta, de quarum mirabili uirtute etiam meminit Ouidius in his uerſibus:

Medio tua corniger Hammon
Vnde die gelida eſt, ortuq; obituq; caleſcit.
Admotis Athamantis aquis accendere lignum
Narratur, minimos cum luna receſſit in orbes.
Flumen habent Cicones, quod potum ſaxea reddit
Viſcera, quod tactis inducit marmora rebus.
Crathis & hinc Sybaris ueſtris conterminus oris,
Electro ſimiles faciunt, auroq; capillos.
Quodq; magis mirum, ſunt qui non corpora tantum,
Verum animos etiam ualeant mutare liquores.
Cui non audita eſt obſcœnæ Salmacis undæ?
Aethiopesq; lacus? quos ſi quis faucibus hauſit,
Aut furit, aut patitur mirum grauitate ſoporem.
Clitorio quicunq; ſitim de fonte leuauit,
Vina fugit, gaudetq; meris abſtemius undis.
Hinc fluit effectu diſpar Lyncæſtius amnis:
Quem quicunq; parum moderato gutture traxit,
Haud aliter titubat, quàm ſi mera uina bibiſſet.
Eſt lacus Arcadiæ Pheneum dixere priores,
Ambiguis ſuſpectus aquis, quas nocte timeto,
Nocte nocent potæ, ſine noxa luce bibuntur.

Refert præterea Iosephus fluminis cuiusdam inter Arceam & Raphaneã Syriæ urbes admirabilem naturam : Qui cum pleno deferatur alueo , per integrum sabbathum mox ceu obturatis fontibus deficiens , per sex integros dies siccum aluei sui præbet transitũ:rursusq; septimo die ignotis naturæ causis ad priorem redit aquarum abundãtiam: quãobrem incolæ illũ Sabbathęum nuncuparunt,ob sacrum Iudęis septimum diem . Testaturq; nobis euangeliũ de piscina Probatica, in quam post commotam ab angelo aquam qui prior in illam descendisset , à quacunq; ægritudine liberabatur. Eadem uis atq; potestas fuisse legitur fonti Ionidum Nympharum, qui in Eliorum agro apud Heracleam pagum iuxta Cytheron fluuium extabat: in quem qui ægroto corpore descẽdisset , abacto omni corporis uitio sanus & integer inde exiret. Narrat Pausanias esse in Lycæo Arcadiæ mõte fontẽ qui Agrię uocabatur,ad quẽ quoties regionis siccitas frugũ interitum minaretur,ingressus Iouis Lycæi sacerdos,post immolatas hostias sacris precibus sacros ueneratus latices,quercus ramum manu tenẽs , ad sacrati fontis summos latices demittebat:tũc commotis aquis uapor exinde in aera sursum latus in nubes cõflabatur , cõcurrentibusq; nebulis cœlũ omne obducebatur nubibus:quibus paulo post in pluuiam resolutis, omnẽ regionem salubriter irrigabãt. Verũ de aquarũ miraculis præter cęteros autores multos , scripsit Ruffus Ephesius medicus miranda , & apud nullũ alium quod sciam autorem reperta. Supereſt de aere dicere. Hic spiritus est uitalis,cuncta permeans entia,omnibus uitam & consistentiam præbens,ligans, motũs,& implens omnia. Hinc Hebræorum doctores illum non inter elemẽta numerant,sed uelut medium & glutinum , diuersa insimul coniungens, & tanquã spiritum mundani instrumenti reboantẽ habẽt. Ipse enim proxime cœlestium omnium influxus in se concipit , aliisq; cum elementis tum mixtis singulis communicat , nõ minus etiã rerum omnium cum naturalium tum artificialium , & sermonum quorumcunq; species , uelut deificũ quoddam speculum in se susc ipit & retinet:illasq; secum ferẽs,corpora hominum & animalium , per poros ingrediens , tam in somno quàm in uigilia illis imprimens, uariorum mirabilium somniorum , præsagiorum & auspiciorum materiam præbet. Hinc etiam fieri dicũt , cur transiens locũ, in quo homo occisus fuerit,uel cadauer recens absconditum,timore atq; pauore cõcitatur:quia aer ibidẽ plenus horribilibus homicidii speciebus, spiritum hominis,dum unà inspiratur,similibus speciebus afficit atq; perturbat:unde contingit sequi pauorem: Omne nanq; subito imprimẽs, naturã stupefacit. Hinc multi philosophi arbitrati sunt, aerẽ causam esse somniorum,pluriumq; aliarum animæ impressionũ , per delationem idolorũ , seu similitudinum,seu specierũ, quæ deciduntur à rebus & sermonibus in ipso aere multiplicatis , quousq; perueniant ad sensus , & tandem ad phãtasiam & animam recipientis,uidelicet quæ soluta curis,nec impedita,species hu-

LIBER PRIMVS. lxxi

iuſmodi obuiam expectans, ab illis informatur. Ipſæ nanq; rerum ſpecies, licet ex propria natura deferantur ad ſenſus hominum & animaliũ, poſſunt tamen à cœlo, dum ſunt in aëre, acquirere aliquam impreſſiõem, ex qua unà cum aptitudine, à diſpoſitione recipientis magis ferantur ad ſenſum unius, quàm alterius. Atq; hinc poſſibile eſt naturaliter, & procul omni ſuperſtitione, nullo alio ſpiritu mediante, hominẽ homini ad quãcunq;, longiſſimã etiã uel incognitã diſtantiã & manſionẽ, breuiſſimo tẽpore poſſe nunciare mentis ſuæ conceptũ: etſi tẽpus in quo iſtud fit, non poſſit præciſe menſurari, tamen intra uiginti quatuor horas id fieri omnino neceſſe eſt: & ego id facere noui, & ſæpius feci. Nouit idem etiam, fecitq; quondam abbas Tritemius. Quõ etiã idola quædam, nõ modo ſpiritalia, ſed etiã naturalia à rebus effluant, utputa per influxum quendam corpos à corporibus, atq; in ipſo aëre conualeſcant, tum per lumen, tũ per motũ, tum ad uiſum, tum ad alios etiam ſenſus, ſeſe nobis offerant & oſtendant, & in nos mirabilia quandoq; agant, probat docetq; Plotinus. Et nos uidemus quomodo auſtro flãte aër denſatur in tenues nubes, in quibus ueluti in ſpeculo reflectũtur imagines ualde diſtãtes caſtrorum, montiũ, equorum & hominũ, & aliarum rerũ, quæ decedentibus nubibus mox euaneſcũt. Et in Meteoris prodit Ariſtoteles, quoniam in nube aeris concipiatur iris, quadam ſpeculi ſimilitudine. Et Albertus, effigies corporum, inquit, naturæ ui in aëre humecto facile effingi poſſunt eodem modo, quo imagines rerum ſunt in rebus. Et narrat Ariſtoteles, cuidã ex uiſus debilitate contigiſſe, ut ſpeculum illi fieret propinquus aer, & radius uiſiuus ad ipſum repercuteret, nec poſſet penetrare: unde quorſum ibat, idolum ſuum aduerſa facie, ſeſe præcedere arbitrabatur. Similiter ſpeculorum quorundam artificio, quas uolumus imagines in aere, etiam remote, extra ſpecula producuntur: quæ tunc imperiti homines uidentes, dæmonum, aut animarum umbras ſe uidere putant: cum tamen non ſint, niſi ſimulacra quædam ſibiipſis cognata, a cuitæ omnis expertia. Et notum eſt, ſi quis in loco obſcuro, & omnis luminis experte, niſi quod per minimum foramen ſolis radius alicubi ingrediatur, ſuppoſita illi papyro alba, aut ſpeculo plano, uideri in ea quæcunq; foris à ſole illuſtrata agantur. Et eſt aliud præſtigiũ admirandũ magis, ubi pictis certo artificio imaginib⁹, ſcriptis'ue literis, quis nocte ſerena plenæ lunæ radiis opponat, quarum ſimulacris in aere multiplicatis, ſurſumq; raptis, & unà cũ lunæ radiis reflexis, alius quiſpiam rei conſcius per longam diſtantiam uidet, legit & agnoſcit, in ipſo diſco, ſeu circulo lunæ: quod equidẽ nunciandorũ ſecretorũ obſeſſis uillis, & ciuitatibus utiliſſimũ artificiũ eſt, olim à Pythagora factitatũ & hodie aliq; bus adhuc, pariter & mihi nõ incognitũ. Atq; omnia hęc, & multo plura, maioraq; in ipſa aeris natura fundata ſunt: & ex mathematica, atq; optica, ſuas ratiões habent. Et ſicuti hæc ſimulacra reflectũtur ad uiſum, ita nonnunq; etiam ad auditum, quod in echo manifeſtum eſt. Sed ſunt illis occultiora

artificia,quo quis etiam per remotã diſtantiam,audire & intelligere queat, quid alius loquatur,uel ſuſurret in occulto. Ex aëreo elemento ſunt etiam uẽti:ipſi enim nihil aliud ſunt,q̃ motus aër & cõcitatus.Horũ quatuor ſunt principales,à quatuor cœli cardinibus flãtes, uidelicet Notus ab auſtro,Boreas ab aquilone, Zephyrus ab occidente, & ab oriẽte Apeliotes ſiuè Eurus: quos Pontanus his duobus uerſiculis complexus ait:

A ſummo Boreas,Notus imo ſpirat olympo.
Occaſum inſedit Zephyrus,uenit Eurus ab ortu.

Notus uentus meridionalis eſt,nebuloſus & humectus,& calidus,& morboſus,quem Hieronymus uocat pincernam pluuiarum.Ouidius ſic deſcribit:

Madidis Notus euolat alis
Terribilem picea tectus caligine uultum
Barba grauis nimbis,canis fluit unda capillis,
Fronte ſedent nebulæ,rorant pennæq; ſinuſq;,

Boreas autem Noto contrarius,ſeptentrionalis uentus eſt,uiolentus & ſonorus,qui nubes diſcutiens aërem ſerenum reddit,aquam gelu conſtringit: hunc Ouidius de ſe ſic inducit loquentem:

Aptra mihi uis eſt,qua triſtia nubila pello,
Et freta concutio,nodoſaq; robora uerto,
Induro nubes,& terras grandine pulſo:
Idem ego,quum fratres cœlo ſum nactus aperto,
(Nam mihi campus is eſt)tranto molimine luctor,
Vt medius noſtris concuſſibus inſonet æther,
Exiliantq; cauis eliſi nubibus ignes.
Idem ego,cum ſubii conuexa foramina terræ,
Suppoſuiq; ferox imis mea terga cauernis,
Sollicito manes,totumq; tremoribus orbem
Concutio.

Zephyrus uero,qui & fauonius,uentus leuiſſimus ab occidente flans,& placide ſpirãs,frigidus eſt & humidus,reſoluens hyemes,germina floresq; producens:huic contrarius Eurus,qui & ſubſolanus,& Apeliotes, ab oriẽte,uẽtus aquoſus & nubificus,& rapidæ uoracitatis. de iſtis ita canit Ouidius:

Eurus ad auroram,Nabathæaq; regna receſſit,
Perſidaq;,& radiis iuga ſubdita matutinis.
Veſper,& occiduo quæ littora ſolę tepeſcunt,
Proxima ſunt Zephyro,Scythiam ſeptemq; triones,
Horrifer inuaſit Boreas:contraria tellus
Nubibus aſſiduis,pluuioq; madeſcit ab Auſtro.

De generibus compoſitorum, quomodo ſe habeant ad elementa,atq; quid elementis ipſis cõueniat cum anima, & ſenſibus & moribus. Caput VII.

POst quatuor ſimplicia elemẽta, proxime ſequuntur ex illis cõpoſita perfectorum quatuor genera, quę ſunt lapides, metalla, plantæ, & animalia: & licet ad ſingulorum generationẽ omnia elementa in cõpoſitionem cõueniant, ſingula tamen unũ præcipuum elementũ ſequuntur imitanturq;: Nam lapides omnes terrei ſunt, natura ſiquidem graues ſunt & deſcendũt, & ita concreti ſiccitate, ut liquefieri nequeant. Metalla aũt aquea ſunt & liquabilia, & quod confitentur phyſici, experiuntur alchimici, ex aqua uiſcoſa, ſiue ex aqueo argento uiuo generata ſunt. Plantæ ſic cum aere conueniunt, ut niſi ſub diuo non pullulent, neque coaleſcant. Sic animalibus omnibus,

Igneus eſt ollis uigor & cœleſtis origo.

Adeoq; cognatus illis ignis eſt, ut eo extincto mox tota uita deficiat. Rurſus unumquodq; illorum generum in ſe diſtinctum eſt per elemẽtorũ gradus. Nam inter lapides præcipue terrei dicuntur, qui opaci ſunt, & grauiores: aquei aũt, qui tranſparentes ſunt: & qui ex aqua concreti ſunt, ut cryſtallus, berillus, & margaritę in conchis: & ſunt aerei qui aquę ſupernatãt, & ſpõgioſi ſunt, ut lapis, ſpõgiæ, & pumex, & tophus: ſunt & ignei, ex quibus ignis extrahitur, & in ipſum aliquando reſoluitur, aut ex ipſo geniti ſunt: ſicut lapis fulminis, & lapis pyrites atq; aſbeſtꝰ. Similiter inter metalla, terrea ſunt plumbum & argentum: aquea, argentũ uiuum: aerea, cuprum, & ſtãnum: ignea uero, aurum atq; ferrum. In plantis quoq;, terrã imitãtur radices, propter denſitatem: folia autem, aquam propter ſuccum: flores aërem, propter ſubtilitatem: ſemina ignem, propter ſpiritũ gignitiuum. Præterea aliæ dicuntur calidæ, aliæ frigidæ, aliæ humidæ, aliæ ſiccę, elemẽtorumq; nomina ab eorum qualitatibus ſibi mutuantes. Inter animalia etiam quędã præ cæteris terrea ſunt, & terræ uiſcera inhabitant, ut uermes, & lumbrici, & talpæ, & multa reptilia: alia aquea ſunt, ut piſces: alia aerea, quæ extra aerem uiuere nequeant: ſunt & ignea ignem habitãtes, ut ſalamandræ, & quędã cicadę, pyrauſtas uocant, & quæ igneo quodam calore feruẽt: ut columbę, ſtrutiones, leones, & quas uocat Sapiens beſtias uaporem igneum ſpirãtes. Præterea in animalibus terram referunt oſſa, caro aërem, & ſpiritus uitalis ignẽ, aquam uero humores. Et hi etiam elementis partiti ſunt, nã rubra cholera cedit igni, ſanguis aëri, pituita aquæ, nigra bilis terræ. In ipſa deniq; anima, teſte Auguſtino, refert ignem intellectus, aerem ratio, aquã imaginatio, terram uero ſenſus. Atque hi etiã inter ſe elementis diſpartiuntur, nam uiſus igneus eſt, nec enim ſine igne & luce percipit: auditus aereus eſt, nam aere percuſſo ſonus efficitur: olfactus autem & guſtus ad aquam referũtur, ſine cuius humore nec ſapor nec odor fit: deniq; tactus totꝰ terreus eſt, & craſſiora corpora ſibi adſciſcens. Actus quoq; & operationes hoies ab elementis moderanꝰ: tardus enim motus & ſolidus, à terra ſignatur: pauorẽ, & inertiã, & remiſſum opus, aqua ſignat: alacritatẽ, et amicabiles mores, aer: impetũ

acutũ & iracũdũ, ignis. Elemẽta itaq; omniũ prima ſunt, & omnia ex illis & ſecundũ illa ſunt, atq; ipſa in omnibus, & per omnia uires ſuas diffundunt.

Quomodo elementa ſunt in cœlis, in ſtellis, in dæmonibus, in angelis, in ipſo deniq; deo. Cap. VIII.

EST Platonicos omnium unanimis ſententia, quemadmodum in archetypo mũdo omnia ſunt in omnibus, ita etiam in hoc corporeo mũdo, omnia in omnibus eſſe, modis tamẽ diuerſis, pro natura uidelicet ſuſcipientiũ: ſic & elemẽta non ſolum non ſunt in iſtis inferioribus, ſed & in cœlis, in ſtellis, in dæmonibus, in angelis, in ipſo deniq; omnium opifice & archetypo. Sed in iſtis inferioribus elemẽta ſũt craſſæ quædam formæ, immerſæ materiæ, & materialia elementa: in cœlis autem ſunt elementa per eorum naturas & uires: modo uidelicet cœleſti & multo excellentiori, quàm infra lunam. Nam cœleſtis terræ ſoliditas illic eſt abſq; craſſitudine aquæ: & aeris agilitas procul ab eſt fluxu: ignis calor ibi non urens, ſed lucens, omniaq; ſuo calore uiuificans. Ex ſtellis præterea ignei ſunt Mars, atq; Sol: aerei, Iupiter & Venus: aquei, Saturnus & Mercurius: terrei, qui incolant orbem octauũ, atq; Luna (quæ tamẽ à pleriſq; aquea putatur) quando uidelicet terræ inſtar cœleſtes aquas attrahit, qbus imbibita uicinitate ſua illas nobis influit & cõmunicat. Sunt etiam inter ſigna quędam ignea, quędam terrea, quędã aerea, quędã aquea: reguntq; in cœlis elementa, quatuor illas triplicitates diſtribuentes illis cuiuſq; elementi principium, medium & finem: ſic principium ignis Aries, progreſſum & augmentũ Leo, finem Sagittarius habent: principium terræ Taurus, progreſſum Virgo, extremum Capricornus: aeris principium Gemini, proceſſum Libra, terminũ Aquarius: aquæ principium Cancer, medium Scorpius, finem Piſces poſſident. Ex horum itaq; planetarũ & ſignorum mixtionibus ſimul cum elemẽtis, conficiuntur omnia corpora. Iam uero etiam & dæmones hac ratione à ſe diſtincti ſunt: ut alii dicãtur ignei, alii terreſtres, alii aerei, alii aquei. Hinc illi apud inferos quatuor fluuii, ignеus Phlegethon, aereus Cocytus, Styx aqueus, terreus Acheron. Quin & in euangeliis legimus Ignẽ gehennæ, & ignem æternum, in quem ire iubebuntur maledicti: & in Apocalypſi legitur, ſtagnũ ignis: & Eſaias de dãnatis ait, Percutiet eos dominus aere corrupto: & apud Iob: Ad nimium calorẽ tranſilient ab aquis niuium: & apud eundem legimus, terrã tenebroſam & operã mortis caligine, terram miſeriæ & tenebrarum. Proinde etiã in ſupramũdanis angelis & beatis intelligentiis hæc elemẽta ponũtur: eſt enim in ipſis eſſentiæ ſtabilitas, terrea uis, qua ſunt firma dei ſedilia: eſt & clementia pietasq;, aquea uirtus mundans: Hinc à Pſalmiſta uocantur aquæ, ubi de cœlo ait, Qui regis aquas ſupiora eius: ſunt etiã in illis aer ſubtilis ſpiritꝰ, & amor ignis relucẽs: hinc uocantur à ſacris literis, pennæ uentorum: & alibi de illis ait Pſalmiſta: Qui facis angelos tuos ſpiritus, & miniſtros tuos ignẽ urentẽ.

Ex ordinibus quoq; angelicis ignei ſunt ſeraphin, & uirtutes, & poteſtates: terrei cherubin: aquei, throni, & archangeli: aerei dominationes & principatus. De ipſo etiam archetypo omnium rerum opifice nõne legiſ: Aperiatur terra, & germinet ſaluatorẽ: nonne de eodẽ dicitur, fons aquæ uiuæ mundificans & regenerans: nõne idẽ ſpiritus ſpirans ſpiraculũ uitę: idẽq; etiã Moſe & Paulo teſtibus, ignis conſumens eſt: Elementa igitur ubiq;, & in omnibus reperiri ſuo modo, nemo negare poteſt: primũ in iſtis inferioribus, ſed fecula & craſſa, in cœleſtibus aũt puriora & nitida: in ſupracœleſtibus uero uiuentia, & ex omni parte beata. Sunt igitur elemẽta, in archetypo ideæ producendorum, in intelligentiis diſtributæ poteſtates, in cœlis uirtutes, in inferioribus craſſiores formæ.

De uirtutibus rerum naturalium ab elementis proximè dependentibus. Cap. IX.

VIrtutes rerum naturales, quæ dã ſunt elementales, ut calefacere, frigefacere, humefacere, exſiccare: & uocantur operationes ſeu qualitates primæ, & ſecundũ actũ: hę enim qualitates ſolę totã omnino tranſmutãt ſubſtantiã, quod aliæ qualitatũ nulla facit: quædã uero inſunt rebus ab elementis cõponẽtibus tales, etiã ultra qualitates primas, ut ſunt maturatiuæ, digeſtiuæ, reſolutiuæ, mollificatiuæ, induratiuę, ſtypticę, abſterſiuæ, corroſiuæ, cauſticæ, apertiuę, euaporatiuę, cõfortatiuę, mitigatiuę, conglutinatiuę, opilatiuę, expulſiuę, retentiuę, attractiuæ, repcuſſiuæ, ſtupefactiuæ, elargitiuæ, lubrificatiuæ, & alię plures: multa enim habet agere qualitas elementalis in mixto, q̃ per ſe nõ operat. Et hę opatiões dicunt qualitates ſecũdariæ, qa ſequũtur naturã & mẽſurã mixtionis primæ uirtutũ: quẽadmodũ de his in medicos libris copioſe tractatur: ſicut maturatio, q̃ eſt operatio caloris naturalis ſecũdũ certã mẽſurã in ſubſtantia materiæ: induratio operatio eſt frigoris: ſimiliter & congelatio, & ſic de ſimilibus. Et hæ operationes quãdoq; agũt in membrũ determinatũ, ut prouocantes urinam, uel lac, uel menſtrua, & dicũtur qualitates tertiæ, quæ ſequuntur ſecundas, ſicut ſecundæ primas. Secundum has itaq; primas, ſecũdas & tertias qualitates, multæ ægritudines & curantur & inducuntur. Multa etiã artificialiter fiunt, quæ homines ualde admirãtur: ſicut eſt ignis aquã cõburens, quẽ uocãt ignẽ Græcũ: cuius plures cõpoſitiones docet Ariſtoteles in tractatu de hoc ſingulari. Simili modo fit etiam ignis, qui oleo extinguitur, & aqua accenditur frigida, quando roraẽ deſuper: & ignis qui pluuia, uel uẽto, uel ſole accẽdit. & fit ignis, qui uocatur aqua ardẽs. cuius cõfectio notiſſima eſt, qui nihil conſumit prẽter ſeipſum: & fiunt ignes inextinguibiles, & olea incombuſtibilia, & lampades perpetuæ, quæ nec uento, nec aqua, nec ullo modo extingui poſſunt: quod penitus incredibile uidetur, niſi fuiſſet famoſiſſima illa lampas, quæ in templo Veneris quondã lucebat, in quã ardebat lapis asbeſtus, qui ſemel accenſus reuera, nunquã extinguitur. Con

b

tra etiam præparatur lignum,uel aliud quoddam combuſtibile, ut ab igne lædi nō poſſit.& fiūt confectiōes qbus inunctis manibus poſſumus portare ferrū ignitū,aut mittere manū i metallū liquefactū,ſeu toto corpore ire in ignē abſq; ullo malo,& horū ſimilia. Et eſt genus lini,quod Plinius asbeſtū uocat,Græci ἄσβεστον dicunt,quod ignibus non abſumitur,de quo Anaxilaus ait,circundatam eo arborē ſurdis,& qui non exaudiantur ictibus cędi.

De uirtutibus rerum occultis. Cap. X.

INſunt præterea rebus uirtutes aliæ, quæ non ſunt alicuius elemēti,ſicut fugare uenenum, pellere anthraces, attrahere ferrū, uel quid aliud:& hæc uirtus eſt ſequela ſpeciei, & formæ rei huius,uel iſtius. Vnde etiam exigua quantitate non exiguum habet in agendo effectum:quod non eſt elementali qualitati conceſſum. Nā hæ uirtutes,quia multum formales ſunt, ideo cum minima materia plurimū poſſunt:elementalis aūt uirtus,quia materialis eſt, ut multū agat,multā etiā deſiderat materiā. Vocātur aūt proprietates occultę:quia cauſę earū latentes ſunt, ita quod humanus intellectus non poteſt eas uſquequaq; inueſtigare:quare philoſophi maximā earū partē longa experiētia, plus q̄ rationis indagine adepti ſunt. nā ut in ſtomacho cibus digeritur per calorē, quē cognoſcimus: ſic transformatur per uirtutē quādam occultam, quam ignoramus:non quidē per calorē, quia ſic in foco potius apud ignē q̄ in ſtomacho transformaretur. Sic ſunt rebus ultra elemētales qualitates quas cognoſcimus innatæ quædā aliæ uirtutes,& ita à natura cōcreatæ,quas admiramur,ac ſæpe ſtupeſcimus nobis ignotas,uel raro uel nusq̄ conſpectas: ut de phœnice aue unica ſeipſam renouante legitur apud Ouidium:

Proprietates occultæ cur dictæ.

Vna eſt quæ reparat,ſeſe ipſa reſeminat ales,
Aſſyrii phœnica uocant. Et alibi:
Conuenit Aegyptus tanti ad miracula uiſus,
Et raram uolucrem turba ſalutat ouans.

Admirationem grandem tum Græcis tum Romanis olim deſe Matreas peperit:Is dicebat feram à ſe nutriri,quæ ipſa ſemet uoraret. Vnde & hodie adhuc anxie multi ſcrutantur,quæ nam ſit Matreæ fera. Quis non miretur foſſiles ex terra piſces,de quibus Ariſtoteles,Theophraſtus & Polybius hiſtoricus prodiderunt? Et quæ de canentibus lapidibus tradidit Pauſanias, omnia ſunt occultæ uirtutū opa. Sic auis ſtruthio ferrū frigidū atq; duriſſimū coqt & digerit in corporis ſui nutrimētū: cui⁹ ſtomachus tradit etiā ferro ignito nō lędi. Sic piſciculus ille echines,ita frenat uēto⁹ impet⁹ & domat æquoris rabiē,ut quantūcunq; etiā imperēt & ſæuiāt procellæ, infinitis etiā uelis per uentum tenſis,tamē uſq; adeo ſolo tactu cōpeſcit & cogit ſtare nauigia,ut moueri nullo modo poſſint:ſic ſalamādræ & pyrauſtæ beſtiolæ uiuunt in igne:& licet quandoq; ardere uideantur,tamē non lædūtur. Simile eſt de quodam bitumine,quo oblita dicuntur fuiſſe arma Amazonū, quod

Matreæ fera

nec ferro, nec igne soluitur: cū quo etiam & portæ Caspiæ ex ære fabricatæ, illitæ fabulantur ab Alexandro magno: simili etiam bitumine legitur arcā Noë conglutinatam fuisse, ipsa à tot milibus annorum super mōtibus Armeniæ adhuc durante. Sunt horum mirabilium alia multa uix credibilia, quæ tamen experientia ipsa cognita sunt: cuiusmodi de Satyris prodit antiquitas, quæ animalia semihumana ac semibruta figura constant, sermonis tamen & ratiōis capacia: quorū unum quempiam beato Antonio eremitæ quondā locutum, & gentilem errorē in se animalibus colendis dānasse, cōmunemq; deum pro se precandū orasse, ipse refert sacer Hieronymus, eorumq; uiuentem unum olim in publicum productum affirmat, & mox ad Constantinum principm destinatum.

Quomodo uirtutes occultæ infunduntur rerū speciebus ab ideis, per rationes animæ mundi, stellarumq; radios: & quæ res hac uirtute magis abundant. Cap. XI.

PLatonici omnia inferiora ferūt esse ideata à superioribus ideis: ideam aūt definiunt esse formā supra corpora, animas, mētes, unam, simplicem, puram, immutabilem, indiuisibilē, incorpoream & æternā: atq; eandē idearū oīm esse naturā. Ponūt aūt ideas primo in ipso quidē bono, hoc est deo, per causę modū, solū esse relatiuis quibusdam rationibus inter se distinctas: ne, quicquid est in mundo, sine ulla uarietate sit unicū: conuenire tamen inter se essentia, ne deus sit substantia multiplex. Ponunt secundo in ipso intelligibili, hoc est in anima mūdi, per formas proprie, atq; insuper absolutis formis inuicem differentes, ita ut ideæ in deo quidē omnes una forma sint: in anima mundi uero multæ: ponuntur in sequentibus mentibus siue corpori coniunctis, siue à corpore separatis, participatione iam quadam, & gradatim iam magis magisq; distinctæ. Ponunt in natura tanq; semina quædā infima formarū ab ideis infusa. ponunt in materia deniq;, ut umbras. Accedit ad hæc, quòd totidem sunt in anima mundi rationes rerū seminales, quot ideæ sunt in mēte diuina: quibus ipsa rationibus ædificauit sibi in cœlis ultra stellas etiā figuras, impressitq; his omnibus proprietates. Ab his itaq; stellis, figuris ac proprietatibus omnes specierum inferiorū uirtutes & proprietates dependēt, ita, ut quælibet species, habeat figurā cœlestē sibi conuenientē, ex qua etiā prouenit sibi mirabilis potestas in operando, qualē per rationes animæ mūdi seminales propriam ab idea sua suscipit dotem. S unt enim ideæ nō modo causæ essendi alicuius speciei, sed etiā sunt causæ cuiusq; uirtutis, quæ tali speciei inest: & hoc est, quod multi dicunt philosophorū, quod uirtutibus certis, scilicet certam & stabilem rationē habentibus, non fortuitis, nec casualibus, sed efficacibus, sed potentibus & indeficientibus, nihil frustra, nihil incassum agētibus mouentur uirtutes in natura rerū existentes, quæ quidē uirtutes sunt idearū operationes: quę non errant nisi per accidēs ex impuritate uidelicet

& inæqualitate materiæ: hoc enim modo inueniũtur res etiã eiuſdẽ ſpeciei magis ac minus potentes, ſecundũ puritatẽ uel confuſionẽ materię: omnes enim influxus cœleſtes impediri poſſunt per cõfuſionẽ & inabilitatẽ materiæ. Vnde Platonicis ipſis in prouerbio fuit, ſecundũ merita materiæ infundi uirtutes cœleſtes: de quo & Vergilius meminit ubi canit:

Igneus eſt ollis uigor, & cœleſtis origo.
Seminibus, quantum non noxia corpora tardant.

Quare hæ res, in quibus minus immergitur idea materiæ, hoc eſt, quæ ſeparatorum maiorem accipiunt ſimilitudinem, uirtutees habent potentiores in operatione, ſimiles operationi ideæ ſeperatæ. Scimus itaq; ſitum ac figuram cœleſtium, cauſam eſſe omnis nobilis uirtutis, quæ eſt in ſpeciebus inferioribus.

Quomodo diuerſis indiuiduis, etiam eiuſdem ſpeciei, diuerſæ uirtutes influuntur. Cap. XII

INdiuiduorum ſingulares etiã dotes plurimis inſunt, tam mirabiles, quàm in ſpeciebus, etiam à figura cœleſtium ſituq; ſtellarum. Omne enim indiuiduum quando incipit eſſe ſub determinato horoſcopo & conſtellatione cœleſti, contrahit cũ eſſe, mirabilem quandam uirtutem operandi & patiendi, rem mirabilem, etiam præter eam quam habet à ſua ſpecie, cum per influxum cœleſtium, tum per obedientiam materiæ generabilium ad animam mundi, quæ quidem talis eſt, qualis eſt obedientia noſtri corporis ad noſtras animas. Nos enim ſentimus in nobis id quod ad quamcunq; formam concipimus, mouetur corpus noſtrum delectabiliter, uel horrende, uel fugiendo: ſic frequenter animæ cœleſtes, quando diuerſa concipiunt, tunc materia mouetur per obedientiam ad illud: ſic in natura multa apparent prodigia ex imaginatione ſuperiorum motuum: ſic etiam uirtutes diuerſas, nõ modo res naturales, ſed etiam quandoq; res artificiales concipiunt, & hoc maxime ſi anima operantis in idem nititur. Vnde inquit Auicenna, quæcunq; hic fiunt, oportet præexiſtere in motibus & conceptionibus ſtellarum, & orbium. Sic fiunt in rebus uarii effectus, inclinationes & mores, non tãtummodo à materia uarii diſpoſita, ut pleriq; opinantur, ſed ab influxu uario & forma diuerſa: nõ quidem diuerſitate ſpecifica, ſed particulari & propria. Et horum gradus uarie diſtribuuntur ab ipſa omnium prima cauſa deo, qui idem manens diſtribuit ſingulis ut uult, cui tamen cooperantur ſecundæ cauſę, angelicę & cœleſtes, corpoream materiam, & alia illis commiſſa diſponentes. Infunduntur itaq; uirtutes omnes à deo per mundi animam, particulari tamen uirtute imaginum & intelligentiarum præſidentium, & concurſu radiorum & aſpectuum ſtellarum peculiari quodam & harmonico concentu.

Vnde proueniant uirtutes rerum occultæ. Caput XIII.

OMnibus notum est,uirtutem quādam magneti inesse,qua ferrum atrahit: & quòd adamas sua præsentia uirtutem magnetis tollit: sic electrum & balagius cōfricati & calefacti paleam deducunt:lapis asbestus accensus, nunquam aut uix extingui tur: carbunculus in tenebris lucet:aëtites fœtus mulierum & plātarum,superpositus corroborat,suppositus trahit:iaspis sanguinem cōprimit: echineis nauem sistit:rabarbarum,cholerā depellit. Chamæleontis iecur summis tegulis exustum, imbres & tonitrua excitat. Heliotropius lapis uisum perstringit,& gestantem inuisibilē reddit:lyncurius lapis præstigia ab oculis aufert:lipparis suffitus omnes bestias euocat:Synochitides umbras inferorum educit:anachitides diuoꝝ imagines apparere facit:Ennectis somniantibus suppositus oracula reddit. Est herba Aethiopica,qua ferrūt siccari stagna,& clausa omnia aperiri,& latacem herbam legimus à Persarum regibus dari legatis,ut quocunq; uenissent,rerum copia abundarent. Est & herba Spartanica,siue Scythica,qua gustata uel saltē in ore detenta, ferunt Scythas duodecim dies fame & siti durare.& dicit Apuleius se à numine edoctū, multa herbarum & lapidum genera esse, quibus homines etiam perpetuam uitam sibi contribuere possunt:sed fas non esse,scientiam eorum homines cognoscere:qui cum paruum tempus uiuētes,malis auide studeant,& nullum non scelus audeant: si prolixitatem temporis accipiant,neq; diis ipsis parsuros. Verum unde nam sint hæ uirtutes, nemo ex his prodidit, qui de rerū proprietatibus ingentia uolumina ediderūt, nō Hermes, nō Bochus, nō Aaron,nō Orpheus,nō Theophrastus,nō Thebith,nō Zenothemis,nō Zoroaster,non Euax,non Dioscorides,non Isaac Iudęus,nō Zacharias Babylonius,non Albertus,non Arnoldus:& tamen omnes hi fassi sunt, quòd Zacharias ad Mithridatem scribit,magnā uim,& humana fata lapidū herbarumq; uirtutibus inesse. Vnde igitur hæc ueniant altior speculatio requiritur. Opinatur Alexander Peripateticus,à suis sensibus & qualitatibus nō discedens,hæc ab elementis earundemq; qualitatibus prouenire:quod forte uerum putari posset, nisi qualitates illæ sint eiusdem speciei, operatiōes autem lapidum multæ,nec in specie,nec in genere conuenientes. Ideo Academici cum suo Platone ideis rerum formatricibus has uirtutes attribuūt: Auicenna autem ad intelligentias, Hermes ad stellas, Albertus ad formas rerum specificas,huiusmodi operationes reducunt. Et quāuis hi autores sibi inuicem aduersari uideātur, nullus tamen eorū,si recte intelligatur,à ueritate discedit:cum omnia eorum dicta ad eundem effectū in pluribus conueniant. Deus enim in primis omnium uirtutū finis & origo, sigillū idearū ministris suis præstat intelligētiis:qui tanquā fideles executores, res quasq; sibi creditas ideali uirtute cōsignant cœlis atq; stellis, tanquā instrumenta, materiam interim disponentibus ad susciendum formas illas,quæ in mā iestate diuina,ut ait Plato in Timæo,per astra deducendę residēt:easq; dā

tor formarum distribuit per ministerium intelligẽtiarum,quas super opera sua constituit rectrices & custodes,quibus ea facultas in rebus sibi commissis credita est,ut omnis uirtus lapidum,herbarum,metallorum & cæterorum omnium sit ab ipsis intelligentiis præsidentibus. Prouenit itaq; forma & uirtus primo ab ideis, deinde ab intelligentiis præsidentibus & regentibus,postea à cœlorum aspectibus disponentibus, porro ab elemẽtorum dispositis complexionibus correspondentibus cœlorum influxibus, à quibus ipsa elementa disponũtur. Habẽtur igitur operationes eiusmodi in rebus istis inferioribus per expressas formas, in cœlis autem per uirtutes disponentes, in intelligentiis per rationes mediantes, in archetypo per ideas & formas exemplares,quas omnes in cuiusq; rei effectus & uirtutis executione conuenire necesse est. Virtus igitur & mirabilis operatio est in unaqua que herba & lapide, sed maior in stella, ultra quàm etiam ab intelligentiis præsidentibus unaquæq; res multa sibi comparat: potissime autem à suprema causa ,cui omnia mutua & consummata correspondent, consonantia suo harmonico concentu,ueluti hymnis quibusdam,semper summum illum opificem collaudantes, quemadmodum in fornace Chaldaica à sanctis illis pueris inuitantur cantantibus: Benedicite dominum uniuersa germinantia in terra,& omnia quæ mouentur in aquis, omnes uolucres cœli, bestiæ & pecora simul cum filiis hominum. Nulla itaq; est causa necessitatis effectuum,quàm rerum omnium connexio cum prima causa ,& correspondentia ad illa diuina exemplaria & ideas æternas, unde unaquæque res determinatum habet in archetypo particularem locum,unde uiuit & originem trahit: omnisq; uirtus herbarum,lapidum, metallorum , animalium, uerborum & orationum,& omnium quę sunt à deo,insita est. Qui licet per intelligẽtias,& cœlos in hæc inferiora operatur,nõnunquam tamen omissis his mediis,aut suspẽso eorum ministerio , immediate ex seipso illa facit deus,quæ opera tunc miracula uocantur : nam cum primæ causæ imperio & ordine,secundariæ causæ, quas ministras Plato & alii uocant , necessario agant,& effectus suos necessario producant,nonnunquam tamen pro libitu suo sic illas absoluit aut suspendit deus, ut ab illius imperii & ordinis necessitate penitus desistãt. Et hæc maxima dei sunt miracula. Sic ignis in fornace Chaldaica non combussit pueros: sic sol ad imperiũ Iosue à cursu suo unius diei spatio retrocessit: sic ad Ezechiæ petitionem, per decem lineas siue horas egressus est: sic patiente Christo in plenilunio defectum sol sustinuit. Et harum operationum rationes,nullo rationis discursu, nulla magia nulla quantumcunq; occulta seu profunda scientia inuestigari aut attingi possunt,sed solis diuinis oraculis addiscenda sunt & exquirenda.

De spiritu mundi quis sit,& quod sit uinculum occultarum uirtutum. Cap. XIIII.

DEmocritus autē & Orpheus, & multi Pythagoricorū, cœlestiū uires inferorūq; naturas diligentissime perscrutati, omnia plena diis esse dixerunt: nec abs re, siquidē nulla res est tā præstantibus uiribus, quæ uiduata diuino auxilio sui natura contenta sit. Deos aūt uocabāt uirtutes diuinas in rebus diffusas: quas Zoroaster diuinas illices, Synesius symbolicas illecebras, alii uitas, alii etiā aīas nominabāt: & ab his uirtutes rerum depēdere dicebant: quia solius animæ sit, ab una materia extendi in res alias, circa quas operatur: sicut homo, qui extēdit intellectū ad intelligibilia, & imaginationē ad imaginabilia: & hoc est quod intelligebant dicētes, uidelicet unius entis animā egredi, & in aliud ingredi, & fascinare ipsum, & suas operationes impedire: quemadmodū adamas impedit magnetem, ne ferrum attrahat. Cū uero anima primū mobile sit, &, ut dicunt, sponte & per se mobile: corpus uero uel materia per se ad motū inefficax, & ab ipsa anima longe degenerans, iccirco ferunt opus esse excellentiori medio, scilicet, quod sit quasi nō corpus, sed quasi iam anima, siue quasi non anima, & quasi iam corpus, quo uidelicet anima corpori cōnectatur. Medium aūt tale fingunt esse spiritum mundi, scilicet, quem dicimus essentiā quintam: quia non ex quatuor elementis, sed quoddam quintū super illa aut præter illa subsistens. Talis igitur spiritus necessario requitur tanq̄ mediū, quo animæ cœlestes insint corpori crassiori, & mirificas dotes largiantur. Hic quidem spiritus talis fermè est in corpore mundi, qualis in humano corpore noster: sicut enim animæ nostræ uires per spiritum adhibentur membris, sic uirtus animæ mundi per quintam essentiam dilatatur per omnia: nihil enim reperitur in toto mundo quod suæ uirtutis scintilla careat. Magis tamē ac maxime infunditur his, qui huiusmodi spiritus plurimū hauserint: hauritur aūt per radios stellarū, quatenus res his se reddunt conformes. Per hunc itaq; spiritū oīs occulta proprietas propagat, in herbas, lapides & metalla, & in animantia, per solē, per lunā, per planetas, perq; stellas planetis sublimiores. Potest aūt hic spiritus nobis prodesse magis, si quis illum sciuerit ab aliis elemētis plurimū segregare: aut saltem his rebus plurimū uti, quæ hoc spiritu plurimū abundant. Hę siquidē res, in q̄bus spiritus ille minus immergitur corpi, ac minus cohibet materia, potētius perfectiusq; agunt, tū etiam prōptius generant sibi simile: est enim omnis generatiua & seminaria uirtꝰ in eo: quare Alchymistæ nitūtur eū spiritū ex auro argētoq; secernere: quē rite segregatū & extractū, si postea illū cuiuis eiusdē generis materiæ, hoc est, cuiuis metallorū adhibuerint, aurum statim argētum'ue conficient. Et nos illud facere nouimus, & aliquando uidimus: sed non plus auri fabricare potuimus, nisi quātum erat illud auri pōdus, de quo spiritum extraximus. Nam cum sit ille spiritus forma extensa & non intēsa, non potest ultra suam mensuram imperfectum corpus in perfectum permutare: quod tamen fieri posse alio artificio non inficior.

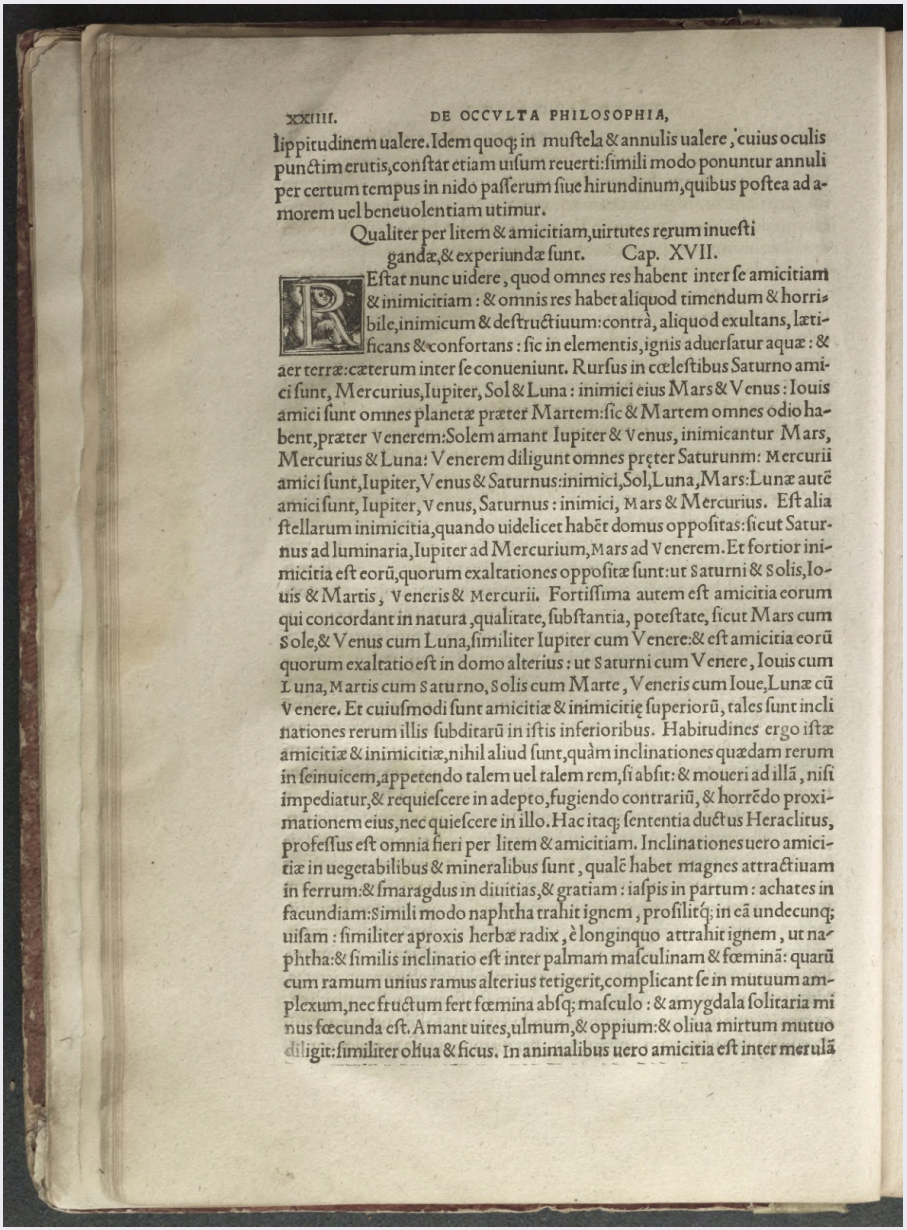
Quomodo debemus inueſtigare, & experiri uirtutes rerum, per uiam ſumptam à ſimilitudine. Cap. XV.

PAtet ergo in rebus proprietates occultas non ab elementali natura, ſed cœlitus inſitas, ſenſibus noſtris occultas, rationi uix deniq; notas: quæ quidem à uita ſpirituq; mundi per ipſos ſtellarum radios proficiſcuntur: quæ à nobis non aliter quàm experientia & coniecturis indagari poſſunt. Vnde ò cupiēs, qui in hoc ſtudio operari affectas, conſiderare debes, quòd unaquæq; res mouet & conuertit ad ſuum ſimile, & inclinat ad ſeipſum, ſecundum totum poſſe ſuum, tam in proprietate, ſcilicet in uirtute occulta, quàm in qualitate, ſcilicet uirtute elementali. Quādoq; etiam in ipſa ſubſtātia, ſicut in ſale uidemus: nā quicquid diu ſteterit cum ſale, ſit ſal: omne enim agens cū agere cœperit, non ad inferius ſeipſo mouet: ſed quodammodo quoad fieri poteſt, ad ſui par & cōſentaneum: quod etiam manifeſte uidemus in animantibus ſenſibilibus, in quibus cibum non in herbam, uel plantam, nutritiua uirtus trāſmutat, ſed in carnem conuertit ſenſibilem. Quibus igitur in rebus ineſt alicuius qualitatis uel proprietatis exceſſus, ut calor, frigus, audacia, timor, triſtitia, iracundia, amor, odium, uel quæuis alia paſſio, aut uirtus, ſiue inſit ipſis per naturam, ſiue quandoq; etiam per artem uel caſum, ut audacia in meretrice: hæ res ad talem qualitatem, paſſionem, uirtutem, maxime mouent & prouocant. Sic ignis mouet ad ignē, & aqua mouet ad aquā, & audax mouet ad audaciam. Et eſt notum apud medicos, quòd cerebrum iuuat ad cerebrū, & pulmo iuuat ad pulmonem: ſic ferunt, quòd ranæ dexter oculus dextro, ſiniſter ſiniſtro, ſuſpenſi è collo natiui coloris panno, lippitudines ſanant: ſimile etiam de cancri oculis ferunt: ſic pedes teſtudinis conferunt podagricis, adalligati ita, ut pes pedi, manus manui, dextro dexter, ſiniſtro lęuus ſuſpendatur. Hoc modo dicunt, quòd omne animal ſterile prouocat ad ſterilitatem: & ex eo maxime teſticuli, & matrix uel utina. Sic ferunt mulierē non concipere quæ accipit omni mēſe de urina mulæ, uel aliquid infuſum in ea. Si igitur uolumus operari ad aliquam proprietatē uel uirtutem, quæramus animantia, uel alias res, quibus talis proprietas excellentius ineſt, & ex his aſſumamus nobis partem, in qua talis proprietas uel uirtus maxime uiget: ut ſi quando uelimus promouere amorem, quæramus aliquod animal quod maxime diligit, cuiuſmodi ſunt columba, turtur, paſſer, hirūdo, motacilla: & ex his aſſumamus mēbra uel partes, in quibus maxime uiget Venereus appetitus: quæ ſunt cor, teſticuli, matrix, priapus, ſperma, menſtruum. Atq; id fiat eo tēpore, quando hęc animalia tali affectu maxime capiuntur, & intenduntur: tunc enim ualde prouocant amorem, & inferunt. Si mili modo ad augendam audaciam, quæramus leonē, uel gallum, & ex his capiamus cor, uel oculos, uel frontem. Et ſic intelligendum eſt, quod dicit Pſellus Platonicus, quòd canes, & corui, & galli, cōferunt ad uigiliam: etiā

philomela, & ueſpertilio, & noctua, atq; ex his maxime caput, cor, & oculi. Ideo dicunt, ſi quis cor corui, uel ueſpertilionis ſuper ſe portauerit, nō dormitabit donec deponatur. Idem facit caput ueſpertilionis aridū alligatum in dextro brachio uigilantis: nam ſi ponatur ſuper dormientem, fertur nō excitari, donec depoſitum fuerit. Eodem modo rana & bubo efficiūt loquacem, & ex his maxime lingua & cor: ſic lingua ranæ aquaticæ ſuppoſita capiti, facit loqui in ſomnis: & cor bubonis impoſitū mammæ mulieris dormientis ſiniſtræ, fertur efficere, ut omnia ſecreta pronunciet: idem fertur efficere cor noctuæ, & ſepum leporis poſitum ſupra pectus dormientis. Eodem modo omnia animalia longæua ad uitam conferunt longæuam: & quæcunq; habentia in ſe uirtutem renouatiuam, conferunt ad noſtri corporis renouationem & iuuentutis reſtitutionem, quod medici ſe noſſe multoties oſtenderunt: ſicut manifeſtum eſt de uipera & ſerpentibus. Et notum eſt, quòd cerui renouant ſenectutem ſuam comeſtione ſerpentum: eodem modo phœnix renouatur per rogum, quem ſibi conſtruit, & ſimilis uirtus eſt in pellicano, cuius dexter pes ſi ſub fimo calido ponatur, poſt tres menſes regeneratur ex eo pellicanus. Iccirco medici quidā quibuſdā confectionibus ex uipera & elleboro, & ex quorundā eiuſmodi animaliū carnibus cōfectis, promittūt reſtituere iuuentutē, & reſtituūt quādoq;, nōnunquā etiā talem, qualē Medea Peliæ ſeni promiſſam reſtituit. Creditū quoq; eſt, urſi ſanguinē applicato ore è recenti uulnere hauſtū, hoc potionis genere corporei roboris incrementa præſtari: quia id animal robuſtiſſimum ſit.

Qualiter diuerſarum uirtutum operationes transfundantur ab una re in aliam, & ſibi mutuo communicantur. Caput XVI.

Scire debes, tantam eſſe rerum naturalium potētiam, quod nō modo cunctas res ſibi propinquantes ſua uirtute afficiant, uerumetiā præter hoc, infundunt ipſis cōſimilē potētiā, per quā hac eadē uirtute ipſę etiā cętera afficiāt, quēadmodū in magnete uidemus: qui quidē lapis non ſolū annulos ferreos trahit, ſed uim etiā annulis ipſis infundit: qua hoc idē efficere poſſunt, qualē ſe uidiſſe referūt Auguſt. & Albertus. Hoc modo ferē, quòd meretrix publica in qua eſt audacia & impudētia exterminata, hac ipſa proprietate cūcta ſibi propinqua afficit quæ deinde reddūt eā aliis. Ideo dicūt, quòd ſi qs induat ueſtē uel camiſiam meretricis, uel ſecū habuerit ſpeculum in quo ipſa ſe quotidie ſpeculauerit, reddetur audax, intimidus, impudēs & luxurioſus: ſimili modo dicūt pānū, qui fuerit in funere, concipere ex hoc proprietatē aliquā triſtitiæ & ſaturnalem: & laqueum ſuſpēdioſi ſimiliter aliquas mirabiles habere proprietates. Simile eſt quod narrat Plinius, ſi quis terram ſubſternat lacertæ uiridi excæcatę, & unà in uitreo uaſe annulos includat ferro ſolido uel auro, cum recepiſſe uiſum lacertam apparuerit, per uitrum emiſſa annulos contra

lippitudinem ualere. Idem quoq; in muſtela & annulis ualere, cuius oculis punctim erutis, conſtat etiam uiſum reuerti: ſimili modo ponuntur annuli per certum tempus in nido paſſerum ſiue hirundinum, quibus poſtea ad amorem uel beneuolentiam utimur.

Qualiter per litem & amicitiam, uirtutes rerum inueſtigandæ, & experiundæ ſunt. Cap. XVII.

REſtat nunc uidere, quod omnes res habent inter ſe amicitiam & inimicitiam: & omnis res habet aliquod timendum & horribile, inimicum & deſtructiuum: contrà, aliquod exultans, lætificans & confortans: ſic in elementis, ignis aduerſatur aquæ: & aer terræ: cæterum inter ſe conueniunt. Rurſus in cœleſtibus Saturno amici ſunt, Mercurius, Iupiter, Sol & Luna: inimici eius Mars & Venus: Iouis amici ſunt omnes planetæ præter Martem: ſic & Martem omnes odio habent, præter Venerem: Solem amant Iupiter & Venus, inimicantur Mars, Mercurius & Luna: Venerem diligunt omnes præter Saturnum: Mercurii amici ſunt, Iupiter, Venus & Saturnus: inimici, Sol, Luna, Mars: Lunæ autẽ amici ſunt, Iupiter, Venus, Saturnus: inimici, Mars & Mercurius. Eſt alia ſtellarum inimicitia, quando uidelicet habẽt domus oppoſitas: ſicut Saturnus ad luminaria, Iupiter ad Mercurium, Mars ad Venerem. Et fortior inimicitia eſt eorũ, quorum exaltationes oppoſitæ ſunt: ut Saturni & Solis, Iouis & Martis, Veneris & Mercurii. Fortiſſima autem eſt amicitia eorum qui concordant in natura, qualitate, ſubſtantia, poteſtate, ſicut Mars cum Sole, & Venus cum Luna, ſimiliter Iupiter cum Venere: & eſt amicitia eorũ quorum exaltatio eſt in domo alterius: ut Saturni cum Venere, Iouis cum Luna, Martis cum Saturno, Solis cum Marte, Veneris cum Ioue, Lunæ cũ Venere. Et cuiuſmodi ſunt amicitiæ & inimicitię ſuperiorũ, tales ſunt inclinationes rerum illis ſubditarũ in iſtis inferioribus. Habitudines ergo iſtæ amicitiæ & inimicitiæ, nihil aliud ſunt, quàm inclinationes quædam rerum in ſeinuicem, appetendo talem uel talem rem, ſi abſit: & moueri ad illã, niſi impediatur, & requieſcere in adepto, fugiendo contrariũ, & horrẽdo proximationem eius, nec quieſcere in illo. Hac itaq; ſententia ductus Heraclitus, profeſſus eſt omnia fieri per litem & amicitiam. Inclinationes uero amicitiæ in uegetabilibus & mineralibus ſunt, qualẽ habet magnes attractiuam in ferrum: & ſmaragdus in diuitias, & gratiam: iaſpis in partum: achates in facundiam: ſimili modo naphtha trahit ignem, profilitq; in eã undecunq; uiſam: ſimiliter aproxis herbæ radix, è longinquo attrahit ignem, ut naphtha: & ſimilis inclinatio eſt inter palmam maſculinam & fœminã: quarũ cum ramum unius ramus alterius tetigerit, complicant ſe in mutuum amplexum, nec fructum fert fœmina abſq; maſculo: & amygdala ſolitaria minus fœcunda eſt. Amant uites, ulmum, & oppium: & oliua mirtum mutuo diligit: ſimiliter oliua & ficus. In animalibus uero amicitia eſt inter merulã

& turdum,cornicem & ardeolam,inter pauones & columbas,turtures & pſi tacos. Vnde ſcribit Sappho ad Phaonem:

Et uariis albæ iunguntur ſæpe columbæ,
Et niger à uiridi turtur amatur aue.

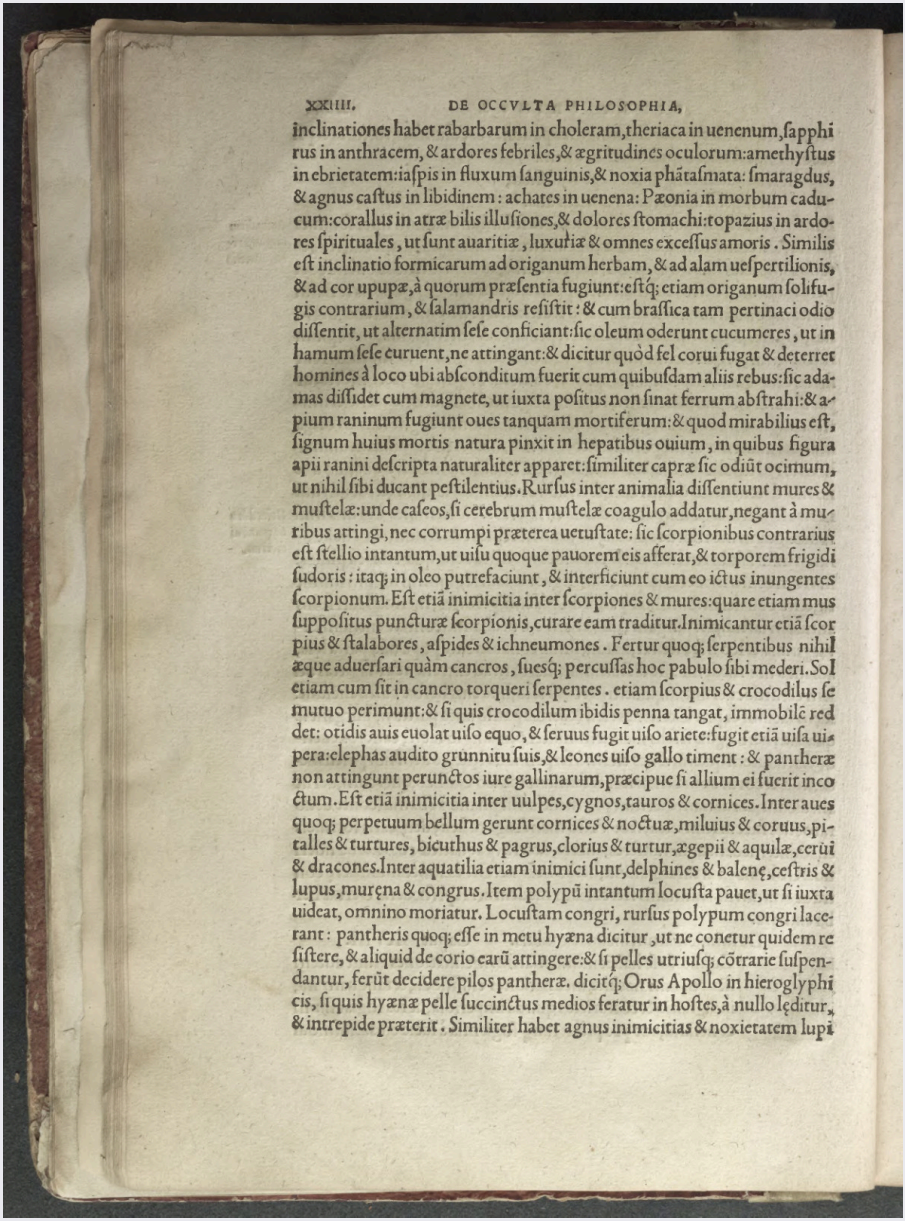
Rurſus amici ſunt muſculus & balena. Ne ſolum animalium inter ſe amicitia eſt, ſed etiam cum aliis rebus,ut cum metallis,& lapidibus,& cum uegetalibus:ſic feles ſiue catus gaudet nepeta herba,ad cuius affricationem cōcipere traditur,& defectum maſculi ſupplere:& equæ in Cappadocia ſe flatui uenti exponunt,atque ex eius afflatu & attractu concipiunt:ſic ranæ,buffones,ſerpētes,& quæcunque uenenoſa reptilia,gaudent in planta,quæ apium riſus dicitur,de qua ferunt medici,ſi quis comederit,ridendo moritur. Rurſus teſtudo quando uenatur à ſerpente, comedit origanum, & confortatur per illud: & ciconia in ſerpentum paſtu origano ſibi ſalutem quærit:& muſtela pugnatura contra regulum,comedit rutam:unde cognoſcimus origanum & rutam uirtutem poſſidere contra uenena. Sic in quibuſdam animalibus eſt naturalis peritia, & ars innata medicinalis: nam buffo quando alieno morſu & ueneno uulneratur,ſolet adire rutam,uel ſaluiam,& locum uulneris affricare, & ſic ſe à periculo ueneni liberare. Sic homines à brutis multa admodum morborū remedia, & rerum uirtutes edocti ſunt: ſic chelidoniam uiſui ſalubrem herbam hirundines monſtrauere, quæ cum ea pullos ſuorum oculis medētur:& pica cum ægrotat,lauri folium in nidum immittit,& ita cōualeſcit. Similiter palumbi,graculi,perdices, merulæ lauri foliis annuum faſtidium purgant, quo etiam corui chamæleontis uenenum extinguunt:& leo ſi febricitat,uorata ſimia conualeſcit:upupa uua paſta lęſa, adianto ſibi medetur: ſic dictamnum herbam ad extrahendas ſagittas utilem cerui docuerunt: ſiquidem percuſſi telo,hoc eius herbæ paſtu eiiciunt: idem faciunt capræ Cretenſes: ſed & ceruæ paulo ante partum, purgant ſe quadam herba,quæ ſeſelis dicitur:ſimiliter phalangio tacti, cancros edendo ſibi ſalutem quærūt:Sues etiam à ſerpentibus lęſæ,eodem ſibi paſtu medentur: & corui cum uenenatos ſe ſentiunt toxico Gallico,quercum,uel ut alii dicunt,coruatiam quærunt pro medela:Elephantes chamæleonte deuorato, ſibi ſuccurrunt oleaſtro: Vrſi à mandragora læſi, deuoratis formicis euadunt: medentur ſibi anſeres,anates,cæteræq; aquaticæ aues herba ſideritide:Columbę,turtures,gallinæ,herba helxine:Grues iunco:Pantherę contra aconitum ſibi humanis ſtercoribus medentur: Apri hedera: Ceruæ herba cinnare.

Animalium cum aliis rebus amicitiæ

Hoĩes à brutis quęnã di dicerint.

De inimicitiarum inclinationibus. Caput XVIII.

EConuerſo ſe habēt inimicitiarum inclinationes: ſunt autem ſicut odium naturæ inclinationes eiuſmodi, & tanquam ira, indignatio & cōtrarietas quædā imperioſa,ut res fugiat ſuum contrariū,aut propellat tanq̄ fugientia à facie eius.Eiuſmodi

inclinationes habet rabarbarum in choleram, theriaca in uenenum, ſapphirus in anthracem, & ardores febriles, & ægritudines oculorum: amethyſtus in ebrietatem: iaſpis in fluxum ſanguinis, & noxia phãtaſmata: ſmaragdus, & agnus caſtus in libidinem: achates in uenena: Pæonia in morbum caducum: corallus in atræ bilis illuſiones, & dolores ſtomachi: topazius in ardores ſpirituales, ut ſunt auaritiæ, luxuriæ & omnes exceſſus amoris. Similis eſt inclinatio formicarum ad origanum herbam, & ad alam ueſpertilionis, & ad cor upupæ, à quorum præſentia fugiunt: eſtq; etiam origanum ſolifugis contrarium, & ſalamandris reſiſtit: & cum braſſica tam pertinaci odio diſſentit, ut alternatim ſeſe conficiant: ſic oleum oderunt cucumeres, ut in hamum ſeſe euruent, ne attingant: & dicitur quòd fel corui fugat & deterret homines à loco ubi abſconditum fuerit cum quibuſdam aliis rebus: ſic adamas diſſidet cum magnete, ut iuxta poſitus non ſinat ferrum abſtrahi: & apium raninum fugiunt oues tanquam mortiferum: & quod mirabilius eſt, ſignum huius mortis natura pinxit in hepatibus ouium, in quibus figura apii ranini deſcripta naturaliter apparet: ſimiliter capræ ſic odiũt ocimum, ut nihil ſibi ducant peſtilentius. Rurſus inter animalia diſſentiunt mures & muſtelæ: unde caſeos, ſi cerebrum muſtelæ coagulo addatur, negant à muribus attingi, nec corrumpi præterea uetuſtate: ſic ſcorpionibus contrarius eſt ſtellio intantum, ut uiſu quoque pauorem eis afferat, & torporem frigidi ſudoris: itaq; in oleo putrefaciunt, & interficiunt cum eo ictus inungentes ſcorpionum. Eſt etiã inimicitia inter ſcorpiones & mures: quare etiam mus ſuppoſitus puncturæ ſcorpionis, curare eam traditur. Inimicantur etiã ſcorpius & ſtalabores, aſpides & ichneumones. Fertur quoq; ſerpentibus nihil æque aduerſari quàm cancros, ſuesq; percuſſas hoc pabulo ſibi mederi. Sol etiam cum ſit in cancro torqueri ſerpentes. etiam ſcorpius & crocodilus ſe mutuo perimunt: & ſi quis crocodilum ibidis penna tangat, immobilẽ redet: otidis auis euolat uiſo equo, & ſeruus fugit uiſo ariete: fugit etiã uiſa uipera: elephas audito grunnitu ſuis, & leones uiſo gallo timent: & pantheræ non attingunt peruncto s iure gallinarum, præcipue ſi allium ei fuerit inco ctum. Eſt etiã inimicitia inter uulpes, cygnos, tauros & cornices. Inter aues quoq; perpetuum bellum gerunt cornices & noctuæ, miluius & coruus, pitalles & turtures, bicuthus & pagrus, clorius & turtur, ægepii & aquilæ, cerùi & dracones. Inter aquatilia etiam inimici ſunt, delphines & balenę, ceſtris & lupus, muręna & congrus. Item polypũ intantum locuſta pauet, ut ſi iuxta uideat, omnino moriatur. Locuſtam congri, rurſus polypum congri lacerant: pantheris quoq; eſſe in metu hyæna dicitur, ut ne conetur quidem reſiſtere, & aliquid de corio earũ attingere: & ſi pelles utriuſq; cõtrarie ſuſpendantur, ferũt decidere pilos pantheræ. dicitq; Orus Apollo in hieroglyphicis, ſi quis hyænæ pelle ſuccinctus medios feratur in hoſtes, à nullo lędi tur, & intrepide præterit. Similiter habet agnus inimicitias & noxietatem lupi

contra ſe,& horret & fugit ipſum,atq; timet. Et dicunt quòd ſi ſuſpendatur cauda,uel pellis,uel caput lupi ſupra præſepe,triſtãtur oues,nec comedunt aliquid præ nimio timore. Et refert Plinius, quòd eſalon parua auis ouã corui frangẽs,cuius pulli infeſtantur à uulpibus,inuicẽ hæc catulos ipſius, ipſamq; uellit: quod ubi uiderint corui contrà auxiliantur, uelut aduerſus communem hoſtem. Acanthis auicula in ſpinis uiuens,iccirco aſinos odit flores ſpinæ deuorãtes. Egithus uero auis minima intantum cum aſino diſſentire fertur,ut ſanguinem eorum conſtet non coire,quo etiã rudente egithi ouа,& pulli pereunt. Oliua quoq; cum meretrice intantũ diſſentire fertur,quòd ſi ab eadem plantata fuerit uel infructuoſa perpetuo manere, uel omnino areſcere dicitur. Nihil magis timet leo,q̃ faces ardentes, neq; ullã alia re atq; his domari creditur: & lupus neq; ferrum timet,neq; haſtam,ſed lapidem, cuius proiectu uulnere facto gignũtur lupo uermes: reformidat camelum equus, adeo ut nec quidem ſpeciem eius intueri nec ſentire ſuſtineat. Elephas furẽs uiſo ariete miteſcit: coluber nudum hominẽ timet, quẽ ueſtibus perſequitur: taurus ferociens ſi ficui alligetur conflacceſſit impetus eius. Electrum omnia trahit præter ocymum & quæ oleo perlita ſunt, cum quibus naturali quadam antipathia diſſidet.

Quomodo inueſtigandæ & experiũdæ ſunt rerum uirtutes,quæ illis à tota ſpecie inſunt,aut particulari ipſius indiuidui dono alicui rei ſunt agnatæ. Cap. XIX.

Virtutes rẽbus duplicẽter inſunt.

INſuper conſiderare debes uirtutes rerũ ineſſe quibuſdã ſecundum ſpeciem: ut audacia & animoſitas in leone & gallo, timiditas in lepore & agno, rapacitas ſeu uoracitas in lupo, inſidioſitas & fraudulentia in uulpe, adulatio in cane, auaritia in coruo & cornice, ſuperbia in equo, ira in tygride & apro, triſtitia & melancholia in cato, libido in paſſere, & ſic de ſimilibus. Maxima enim pars naturalium uirtutum ſpecies comitatur. Quædam uero inſunt rebus ſecundum indiuiduum, quẽadmodum ſunt quidam homines, qui uehementer abhorrent aſpectum cati, ita ut ſine horrore grauiſſimo aſpicere non poſſint, qui quidem horror non ineſt ipſis ſecundum ſpeciem humanam, quod manifeſtum eſt. Et narrat Auicenna, tempeſtate ſua uixiſſe hominem, quem fugerent uenenata omnia, morientibus omnibus, quæ forte mordicus illum apprehẽdiſſent, ipſo omnino illæſo: & refert Albertus ſe in Agrippina Colonia uidiſſe puellã, quæ araneas in eſcam uenabatur, eoq; cibi genere oblectata inſigniter aleretur. Sic ſunt audacia in meretrice, timiditas in ſure. Et hoc modo dicunt philoſophi, quòd indiuiduum aliquod quod nunquam paſſum ſit ægritudinem, confert omni ægritudini: ideo dicunt quòd os hominis mortui, qui nunquam habuerit febres, ſuſpenſum ſupra patientem, liberat à quartana. Inſunt etiam indiuiduis ſingulares multæ uirtutes, à coeporibus cœleſtibus infuſæ, quod ſuperius monſtrauimus.

Quod uirtutes naturales quibuſdam inſunt per totam ſuam ſubſtantiam, quibuſdam uero in certis ſuis particulis aut membris.

Caput XX.

RVrſus conſiderare debes, uirtutes rerum quibuſdam ineſſe ſecundum totum, hoc eſt, ſecundum totam ſuam ſubſtantiam, uel eius omnes partes: ſicut piſciculus ille echeneis, qui ſolo tactu fertur nauem ſiſtere, hoc non agit ſecundum aliquam prę cipuam ſuā partē, ſed ſecundū ſuā totā ſubſtantiam: Sic hyęna habet ſecūdum ſuam totam ſubſtantiam, quòd umbræ eius contactu canes obmutescant: ſic chelidonia confert uiſui, non ſecundū aliquā, ſed ſecundū oēs ſuas partes, non minus radice, q̄ foliis & ſemine: & ſic de ſimilibus. Quædā autē uirtutes inſunt rebus ſecundum aliquas eius partes, puta ſolum in lingua, uel oculis, uel aliis quibuſdam membris, ſiue partibus: ſic in oculis baſiliſci & catablepæ eſt uirtus uiolentiſſima occidendi homines, ubi ipſos uiderit: ſimilis uirtus eſt in oculis hyęnæ, quę quodcunq; animal luſtrauerit, eueſtigio hæret, ſtupeſcit, & mouere ſe nō poteſt: ſimilis uirtus eſt in oculis luporū quorūdā, qui ſi quē prius uiderint, ſtupeſcit, & rauceſcit adeo, ut ſi clamare uoluerit, nō habeat uocis miniſteriū: de hoc Vergil. meminit, ubi canit:

Vox quoq; Mœrim
Iam fugit ipſa, lupi Mœrim uidere priores.

Sic & fœminæ quædam erant in Scythia, & apud Illyricos & Triballos, quæ quoties quem iratæ aſpexerant, interemiſſe ferūtur. Similiter & Telchines Rhodi populi legūtur fuiſſe, qui omnia aſpectu ſuo in peius cōmutauerāt, propterea à Ioue ſubmerſi. Iccirco faſcinatores huiuſmodi animaliū oculis in collyriis utuntur ad ſimiles paſſiones, per faſcinationes operaturi. Similimodo formicæ fugiunt ex corde upupæ, nō ex capite, pede uel oculis: ſic fel ſtellionum in aqua tritum, fertur cōgregare muſtelas, non cauda, uel caput: & fel caprarū uaſe æneo in terrā cōcluſum, ranas congregat: & iecur caprinū papilionibus & tineis omnibus cōtrariū eſt: & cor canis habentem fugiunt canes: & uulpes gallinaceos nō attingunt qui uulpinum iecur comederint. Sic habent res plurimæ diuerſas uirtutes per diuerſas ſuas partes diuerſimode diſperſas, prout ipſis ſecundum receptibilium diuerſitatē cœlitus infunduntur: quemadmodum in corpore humano oſſa non recipiūt niſi uitam, oculi uero uiſum, & aures auditū. Et eſt in humano corpore os quoddam minimū, quod Hebræi Luz appellant, magnitudine ciceris mūdati, quod nulli corruptioni obnoxium, nec igne quidem uincitur, ſed ſemper conſeruatur illæſum: ex quo (ut dicunt) uelut planta ex ſemine, in reſurrectione mortuorum corpus noſtrum animale repullulaſcet. Et hæ uirtutes non declarantur ratione, ſed experientia.

Cur oculis et nō aliis partibus potiſſimū ut antur faſcinatores

De uirtutibus rerum quæ inſunt ipſis in uita tantum, & quæ remanent in illis etiam poſt interitum. Cap. XXI.

Cire præterea oportebit quasdã proprietates ineſſe rebus tam nunmodo in uita, quaſdam etiam permanere poſt mortem: ſic echeneis ſiſtit nauigia: & regulus, & catablepa interimũt uiſu, quando uiuunt: poſt mortem uero nihil tale agunt: ſic tradunt in torminibus anate uiua appoſita uentri trãſire morbum, anatemq; emori: ſimile eſt quod dicit Archytas: ſi accipiatur cor recenter extractũ ex animali, & adhuc calens, atq; uiuens ſuſpendatur ſupra patientem febrem quartanam, tollit eam. Sic ſi quis tranſglutit cor upupæ, uel hirundinis, uel muſtelæ, uel talpæ, eo adhuc uiuente & palpitante, confert ei ad memoriã, reminiſcẽtiam, intellectum & diuinationem. Hinc ortum eſt generale præceptum, quòd ſcilicet quæcunq; colligẽda ſunt ex animalibus, ſiue lapides, ſiue membra, ſiue excrementa, ut pili, ſtercus, ungulæ, hęc ab animalibus, illis adhuc uiuentibus, auferri debent, atq; etiã, ſi fieri poteſt, ipſis poſtea adhuc uiuis remanentibus. Vnde præcipiunt, quando colligis linguam ranæ, eam uiuam remittas in aquam: ſi colligas dentem uel oculum lupi, non interficias lupum: & ſic de ſimilibus. Sic tradit Democritus, ſi quis extrahat ranę marinę uiuenti linguam, nulla alia parte corporis adhærente, ipſaq; demiſſa in mare, imponat ſupra cordis palpitationẽ mulieri dormienti, quæcunq; interrogauerit, uera reſpõſuram. Simili modo oculos ranarum ante ſolis ortum adalligatos ægro, ita ut cæcas demittant in aquã, tertianas abigi promittunt: eoſdemq; cum carnibus luſciniæ in pelle ceruina adalligatos præſtare uigiliam ſomno fugato, tradũt. Similiter paſtinace radius adalligatus umbilico, fertur faciles partus facere, ſi uiuenti ablatus ſit, ipſaq; denuo in mare demiſſa. Sic ferunt ſerpentis oculum dextrum adalligatũ cõtra epiphoras prodeſſe, ſi ſerpens uiuus dimittatur. Et eſt quidam piſcis, ſiue ſerpens maximus nomine myrus, cui ſi eruatur oculus, & alligetur fronti patiẽtis, ophthalmiam ſanare dicitur, piſci uero oculum renaſci: ſed alterò illum capi lumine, qui uiuentem non dimiſerit. Item dẽtes omnium ſerpentum, quando uiuis exempti ſunt, ſuſpenſi ſupra patientẽ, quartanã ſanare dicuntur: ſimiliter dente talpæ uiuę exempto ea dimiſſa, ſanari dentium dolores: nec adlatrare canes, caudam muſtelæ, quæ dimiſſa ſit, habentes. Et narrat Democritus, linguam chamæleontis, ſi uiuẽti erepta ſit, ad iudicioꝝ euentũ pollere, eandemq; ſalutarem eſſe parturientibus circa domũ: cauendũ aũt, ne domo inferatur, quia eſſet perniciоſiſſimũ. Sunt adhuc proprietates poſt mortem remanẽtes: ac de his dicunt Platonici, quòd res in quibus minus mergitur idea materiæ, in his adhuc poſtquã mortuæ ſunt, & defunctæ fuerint, id quod immortale eſt, mirabilia operari non ceſſat: Sic in herbis & plantis, auulſis & arefactis adhuc uiget & operatur ipſa uirtus ab idea quondam infuſa. Inde eſt, quòd ſicut aquila in uita ſua omnes aues ſuperat & uincit: ſic etiam ea defuncta, pennæ eius omnes alias auiũ pennas & plumas deſtruunt & corrodunt: eadem ratiõe pellis leonis omnes alias pelles

Ab animalibus colligenda, illis uiuẽtibus auferri debent.

Quæ poſt mortẽ uires ſuas retinẽant.

cõsumit:& pellis hyænæ destruit pelles pantheræ:& pellis lupi corrodit pellem agni. Et quædam hæc nõ agunt solum in contactu corporeo,sed etiam quandoq; in harmonia uocali:sic tympanum factum de pelle adib, hoc est lupi,obmutescere facit tympanum de pelle agni. Simili modo tympanum factum de pelle Ericii marini,procul fugat omnia reptilia, per quamcunq; distantiam sonus eiusmodi auditus fuerit:& fides factæ ex intestinis lupi,si cum ouinis fidibus in lyra,aut cythara tensę fuerint,nullam inde fieri posse consonantiam,manifestum est.

Tympanorũ ex diuersis pellibus, diuersi effectus.

Quomodo res inferiores subsunt corporibus cœlestibus,& quomodo humanum corpus,ipsaq; hominũ exercitia & mores, stellis atq; signis distribuuntur. Cap. XXII.

MAnifestum est,quòd omnia inferiora subsunt superioribus, & quodam modo(ut inquit Proclus)sibi inuicem insunt, scilicet in infimis suprema,& in supremis infima:sic in cœlo sunt terrena,sed sicut in causa modoq; cœlesti : & in terra sunt cœlestia, sed modo terrestri, scilicet secundum effectum. Sic dicimus esse hic entia quædam solaria, quædam lunaria,in quibus sol & luna causant aliquid suæ uirtutis. Vnde res eiusmodi recipiũt plures operationes & proprietates cõsimiles operationibus stellarum & figurarum,quibus subsunt: sic cognoscimus solaria esse respectiua cordis & capitis,propter leonẽ solis domũ,& arietẽ solis exaltationẽ:sic Martialia conferũt capiti & testiculis,propter arietem,& scorpionem:hinc quibus uino inebriatis,sensus titubant & caput dolet,missis in aquam frigidam testibus,aceto' ue dilutis,præsentaneum remedium est.Sed circa ista necessarium est scire, quomodo corpus humanum distribuitur planetis atq; signis. Scias itaq; iuxta Arabum traditionẽ solem præesse cerebro,& cordi,femori,medullis,oculo dextro & spiritui uitæ: linguæ uero & ori,& cæteris instrumẽtis siue organis sensuum, tam interioꝝ q̃ exterioꝝ:insuper manibus,pedibus,cruribus, neruis,& uirtuti phantasticæ præesse Mercurium:spleni,lieni,stomacho, ueficæ, matrici ac auri dextræ, ipsiq; receptiuæ uirtuti Saturnũ:hepati & carnosiori parti stomachi:uentri quoq;,& umbilico Iouẽ:unde in Iouis Ammonii tẽplo effigiẽ umbilici repositã tradit antiquitas. Sũt præterea q illi etiã costas,pectẽ,intestina,sanguinẽ,brachia & dextrã manum,ac sinistram aurem,ac uirtutẽ naturalẽ attribuũt:sanguini autem & uenis,& renibus,& chysti fellis,naribus,& dorso, & decursui spermatis,& ui irascibili,præficiant Martem. Iterũ renibus & testiculis,uuluæ,& matrici,& genitali femini,& ui concupiscibi Venerem: insuper & carni,& pinguedini,uentri,pectini,& umbilico, & eiusmodi omnibus quæ operi Venereo inseruiunt,ut ossi sacro,& spinæ dorsi,& lumbis:præterea,capiti & ori,quo osculũ amoris pignus donatur,præesse dicitur.Luna uero etsi totũ corpꝰ,et singula mẽbra pro uarietate signoꝝ sibi uẽdicet, tñ peculiariter sibi adscribunt cerebrũ,pulmo,medulla spinæ dorsi,stomachus,

Umbilici effigies cur in templo Iouis Ammonij.

& menstrua,& omnia excrementa,atq; oculus siniſter cum crescendi uigore. Ipse uero Hermes in animalis capite septē dicit esse foramina, septē planetis distributa:uidelicet aurem dextram,Saturno:siniſtram, Iouī : narem dextram,Marti:Veneri siniſtram:oculum dextrum,Soli:siniſtrum,Lunæ: os autem Mercurio.Singula perinde signa zodiaci sua membra curant : sic Aries caput atq; faciem regit:Taurus,collum:Gemini, brachia atq; humeros:Cancer præest pectori,pulmoni,stomacho & lacertis: Leo præest corde,& stomacho,& iecori,atq; dorso:Virgo respicit intestina, & fundum stomachi:Libra gubernat renes,& femur,atq; nates:Scorpius genitalia , & uuluam,& matricē:Sagittarius dominatur femori atq; subinguinibus : Capricornus regit genua:aquarius crura & tibias: Pisces regūt pedes. Et sicut horum signorū triplicitates sibi correspondent , & conueniunt in cœlestibus: sic etiam conueniunt in membris, quod ea experiētia satis constat , quoniā ex frigore pedum dolet uenter & pectus,quæ membra eidem triplicitati respondēt. Vnde & medela uni apposita,alteri prodest : ut calefactis pedibus cessat dolor uentris. Huius itaq; ordinis memor,scias, quòd res quæ alicui planetarum subsunt,singularem quendam habent aspectum,siue inclinationem ad membra eidem planetæ,& suis præcipue domicilijs & exaltationi attributa: reliquæ enim dignitates,ut triplicitates, & termini , & facies in hoc parum habent.Hac igitur ratione Pæonia,citraria,gariophyllon,corticcs citri,amaracus,dorycnium,cinnamomum,crocus,lignum aloēs,thus, ambra,muscus,& partim myrrha,medentur capiti & cordi:propter Solem, Arietem & Leonem:sic arnoglossa herba Martis , medetur capiti & testibus propter Arietem & Scorpionem:& sic de reliquis . Præterea conferunt Saturnalia ad tristitiam & melancholiam:Iouialia ad lætitiam & dignitatē: Martialia ad audaciam,rixam & iram:Solaria ad gloriam & uictoriā & animositatem:Venerea ad amorem,libidinem & concupiscentiam:Mercurialia ad facundiā:Lunaria ad uulgarem uitam . Ipsaq; hominum exercitia & mores secundum planetas distributa sunt:nam Saturnus regit senes,& monachos,& melancholias,& thesauros absconditos, & quæ longis itineribus & cum difficultate acquiruntur:Iupiter uero habet religiosos,prælatos,reges & duces,& lucra licite acquisita:Mars tonsores,chirurgos,medicos,lectores,carnifices,macellarios,furnarios,pistores,milites,q passim Mauortii dicuntur.Similiter & reliquæ stellæ sua exercitia significant , prout hæc in Astrologorum libris descripta sunt.

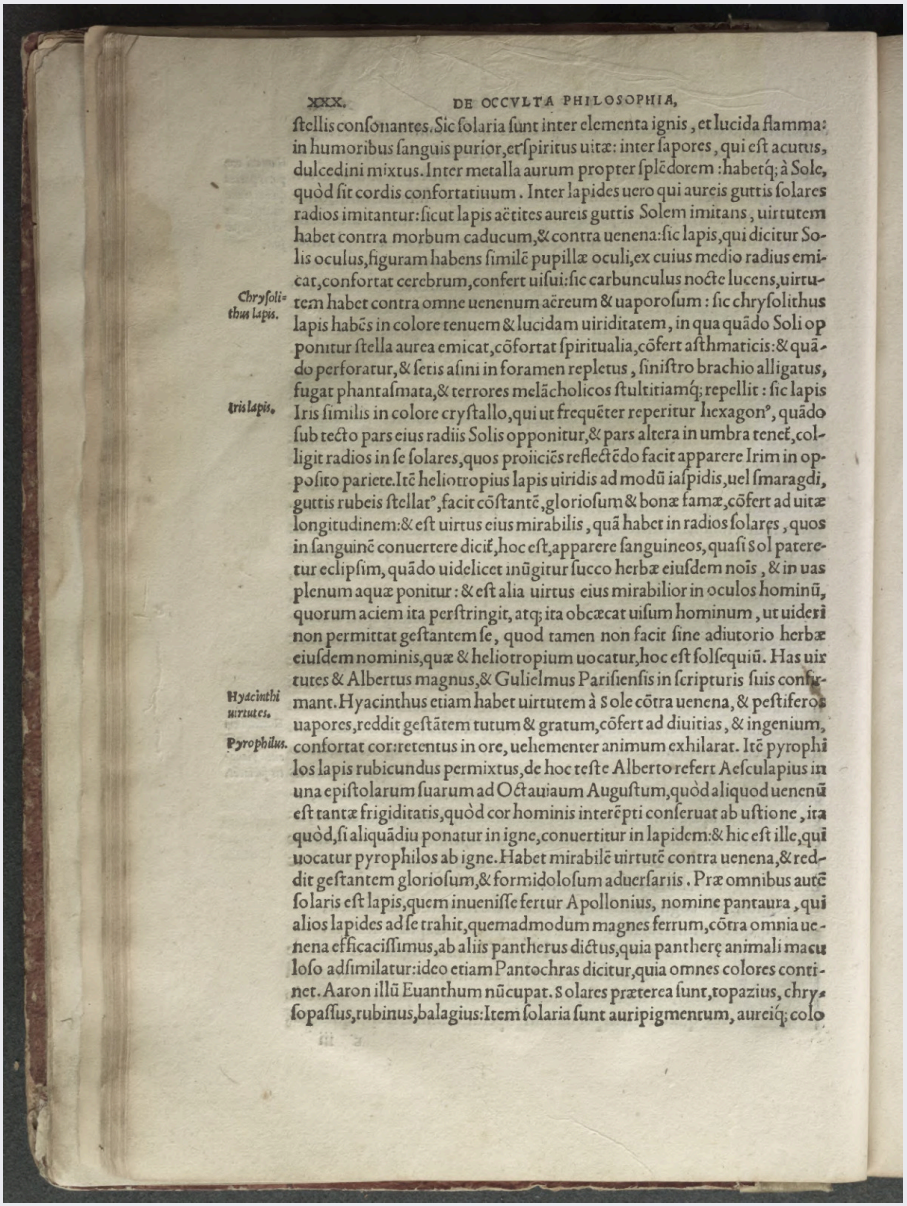
Humani corporis partes quibus planetis atq; zodiaci signis subsint.

Hominū mores & exercitia planetis subiacēt.

Quomodo cognoscendum, quibus stellis res naturales subsunt, atq; quæ res sunt solares. Caput XXIII.

Væ uero res cui stellæ uel signo subsint , cognoscere difficile est ualde:cognoscūtur tamen per imitationem radiorum, uel motus,uel figuræ superiorū: quædam etiam per colores & odores, quædā etiam per suarum operationum effectus quibusdā

ſtellis conſonantes. Sic ſolaria ſunt inter elementa ignis, et lucida flamma: in humoribus ſanguis purior, et ſpiritus uitæ: inter ſapores, qui eſt acutus, dulcedini mixtus. Inter metalla aurum propter ſplẽdorem: habetq; à Sole, quòd ſit cordis confortatiuum. Inter lapides uero qui aureis guttis ſolares radios imitantur: ſicut lapis aëtites aureis guttis Solem imitans, uirtutem habet contra morbum caducum, & contra uenena: ſic lapis, qui dicitur Solis oculus, figuram habens ſimilẽ pupillæ oculi, ex cuius medio radius emicat, confortat cerebrum, confert uiſui: ſic carbunculus nocte lucens, uirtutem habet contra omne uenenum aëreum & uaporoſum: ſic chryſolithus lapis habẽs in colore tenuem & lucidam uiriditatem, in qua quãdo Soli opponitur ſtella aurea emicat, cõfortat ſpiritualia, cõfert aſthmaticis: & quãdo perforatur, & ſetis aſini in foramen repletus, ſiniſtro brachio alligatus, fugat phantaſmata, & terrores melãcholicos ſtultitiamq; repellit: ſic lapis Iris ſimilis in colore cryſtallo, qui ut frequẽter reperitur hexagonꝰ, quãdo ſub tecto pars eius radiis Solis opponitur, & pars altera in umbra tenet, colligit radios in ſe ſolares, quos proiiciẽs reflectẽdo facit apparere Irim in oppoſito pariete. Itẽ heliotropius lapis uiridis ad modũ iaſpidis, uel ſmaragdi, guttis rubeis ſtellatꝰ, facit cõſtantẽ, glorioſum & bonæ famæ, cõfert ad uitæ longitudinem: & eſt uirtus eius mirabilis, quã habet in radios ſolares, quos in ſanguinẽ conuertere dicit, hoc eſt, apparere ſanguineos, quaſi Sol pateretur eclipſim, quãdo uidelicet inũgitur ſucco herbæ eiuſdem noĩs, & in uas plenum aquæ ponitur: & eſt alia uirtus eius mirabilior in oculos hominũ, quorum aciem ita perſtringit, atq; ita obcæcat uiſum hominum, ut uideri non permittat geſtantem ſe, quod tamen non facit ſine adiutorio herbæ eiuſdem nominis, quæ & heliotropium uocatur, hoc eſt ſolſequiũ. Has uirtutes & Albertus magnus, & Gulielmus Pariſienſis in ſcripturis ſuis confirmant. Hyacinthus etiam habet uirtutem à Sole cõtra uenena, & peſtiferos uapores, reddit geſtãtem tutum & gratum, cõfert ad diuitias, & ingenium, confortat cor: retentus in ore, uehementer animum exhilarat. Itẽ pyrophilos lapis rubicundus permixtus, de hoc teſte Alberto refert Aeſculapius in una epiſtolarum ſuarum ad Octauiaum Auguſtum, quòd aliquod uenenũ eſt tantæ frigiditatis, quòd cor hominis interẽpti conſeruat ab uſtione, ita quòd, ſi aliquãdiu ponatur in igne, conuertitur in lapidem: & hic eſt ille, qui uocatur pyrophilos ab igne. Habet mirabilẽ uirtutẽ contra uenena, & reddit geſtantem glorioſum, & formidoloſum aduerſariis. Præ omnibus autẽ ſolaris eſt lapis, quem inueniſſe fertur Apollonius, nomine pantaura, qui alios lapides ad ſe trahit, quemadmodum magnes ferrum, cõtra omnia uenena efficaciſſimus, ab aliis pantherus dictus, quia pantherę animali macu loſo adſimilatur: ideo etiam Pantochras dicitur, quia omnes colores continet. Aaron illũ Euanthum nũcupat. Solares præterea ſunt, topazius, chryſopaſſus, rubinus, balagius: Item ſolaria ſunt auripigmentum, aureiq; colo

Chryſolithus lapis.

Iris lapis.

Hyacinthi uirtutes.

Pyrophilus.

ris,& luminis plurimi.Ex plantis uero & arboribus,sunt solares,quę uertun tur ad solē,ut heliotropium,& quę implicant in se folia recedente Sole,orie te uero explicant paulatim:ut lotos,quam quidam arbusculā solarem esse, & fructuum & foliorum figura testatur:Sic Pæonia,chelidonia,citraria,zin ziber,gentiana,dictamnus,uerbena quoq; præstans uaticinium & expiatio nem,fugansq; cacodæmones.Laurus etiam Phœbo sacer,ac cedrus,palma, & fraxinus,& hedera,& uitis:& quæcūq; uenena,& fulgura repellūt & perpe tuo uirentes hyemis algores non uerentur.Item solaria sunt mēta,mastix, zedoaria,crocus,balsamus,ambra,muscus,mel flauum,lignum aloēs,gary ophyllum,cinnamomum,calamus aromaticus,piper,thus,amaracus,& Libanotis:quod Orpheus uocat solis thymiama.Inter animalia uero sola ria sunt magnanima,animosa,studiosa uictoriæ & gloriæ:ut leo ferar; rex, crocodilus,lynx,aries,caper,taurus armentorū rex,ab Aegyptiis apud He liopolim soli sacratus,quem ueritē nominār:& bos Apis in Memphi,& in Hermintho taurus nomine Pathim. Lupus etiam Apollini & Latonæ sa cer est.Præterea solaris est cynocephalus,qui per singulas horas duodecies in die latrat,& æquinoctii tempore duodecies per singulas horas mingit: idem & in nocte,unde illum in hydrologiis sculpebant Aegyptii. Item so lares sunt inter aues,phœnix auis unica,& aquila auium regina : itē uultur, olor siue cygnus : & quæ quasi quibusdam hymnis applaudunt surgēti soli, & quasi aduocāt,ut gallus & coruus,accipiter etiam,quia in Aegyptiorum theologia spiritus & lucis symbolum est,à Porphyrio inter solares nume ratur.Præterea solaria sunt quęcunq; colligunt solis operū similitudinē,ut uermiculi nocte lucētes,scarabeus quoq; quē felē uocār,forma lucida,quē etiam cantharum dicunt,qui pilulas uoluit,ac desuper incubat,aliosq; ge nerat. Appionis interpretatione hoc ipso solis operum similitudinem col ligens,cuius oculos etiam iuxta solis cursum uariari constat,solaris esse iu dicatur:& quæ ex eis sunt.Ex piscibus autē maxime solaris est uitulus ma rinus fulguri resistens,item dactylus,& pulmo nocte lucentes,& Stella ob adurentem feruorem,strombi regem secuti:similiter & margari regem ha bentes,exsiccatiq; in lapidem aurei coloris durescunt.

Cynocephalū in hydrologijs Aegyptij curpingxerint.

Quæ res subsint lunæ. Cap. XXIIII.

LVnaria uero sunt inter elementa terra,deinde aqua,tam maris quàm fluuiorū,& omnia humida,humores arborū,& anima lium,maxime albi,ut albumina ouorū,pinguedines,sudores, pituitæ & superfluitates corporū. Ex saporibus salsus & insipi dus:Inter metalla uero argentū:Inter lapides illius est crystallus,argenteæ marcasita,& omnio alba & uiridia. Item lapis selenites,id est lunaris,ex can dido transluces,melleo fulgore,motum imitans lunarem,lunæ figuram in se habens,reddensq; eam in dies singulos crescētis,minuētis ue numero. Itē margaritę,q̄ ex aquæ stillicidiis in cōchis generāt:similiter & crystallus,

Arbores & plantæ lunares.

& berillus. Inter plantas & arbores lunares sunt, selenotropion quæ uertitur ad lunam, quemadmodum heliotropion ad solem, & palma arbor ad singulum lunæ ortum, singulum ramum emittens: hyssopus etiam species rorismarini, minima arbor & maior plantarum, de utrisq; participans: est etiam lunaris agnus castus, siue casta arbor, & oliua. Similiter & herba chinostates, quæ crescit & decrescit cum luna: scilicet in substantia & numero foliorum, non solum in humore & uirtute: quod singulę plantæ quodammodo commune habent, præter cepas Martias, quæ solæ contra lunæ augmenta & decrementa minuendi & augendi uires contrarias habent: quemadmodum inter uolatilia origis Saturnia auis lunæ simul ac soli inimicissima est.

Animalia lunaria.

Animalia lunaria sunt quæ humana consuetudine gaudent, & quæ uario naturæ amore & odio pariter excellunt, ut canes omnis generis. Lunaris etiam est chamæleon, qui pro uarietate coloris obiecti similem semper induit: quēadmodum luna pro uarietate signi, in quo reperit, naturam uariat. Item lunares sunt, porcæ, ceruæ, capræ, & animalia quęcunq; quæ lunarem motum obseruant & imitantur: ut cynocephalus & panthera: fertur enim hæc in armo habere similem lunę maculam crescētem in orbes, & cornua pari modo curuantem. Lunares sunt & feles, quorum oculi ad lunæ uices ampliores aut minores fiunt: & quæ huiusmodi sunt, ut sanguis mēstruus, cum quo multa mira & monstrifica fiunt apud magos. Hyæna etiam sexū mutans, uariisq; obnoxia ueneficiis, & animalia omnia, quæ amphibia dicuntur, ut quæ terram simul cum aqua incolunt: ut castores & lutres, & quę uenantur pisces: præterea animalia omnia monstrosa, & quæ absq; manifestis seminibus aut æquiuoce generantur, ut mures ex coitu et ex terræ com

Aues lunares.

putrescentia. Inter aues lunares, sunt anseres, anates, merguli, & oēs aquatiles et piscium uenatrices, ut ardeæ, & quę æquiuoce producuntur, ut uespæ ex cadaueribus equorum: apes ex putrefactione uaccarum: muscilliones ex uino corrupto, & scarabei ex carnibus asinorum. Maxime uero lunaris est scarabeus bicornis, quem tauriformem uocant: qui pilulam defodiēs, relinquit octo & uiginti diebus, quibus luna totum zodiacū metitur, nono autem & uigesimo die, quibus luminariū cōiunctionem futuram putat, ada-

Pisces lunares.

periens in aquam proiicit, unde tūc prodeunt scarabei. Inter pisces lunares sunt ælurus, cuius oculi ad uices lunæ uariantur: & quicunq; lunæ motum obseruant, ut torpedo, echeneis, cancer, ostrea, conchylia & ranæ.

Quæ subsunt Saturno. Caput XXV.

Saturnalia sunt inter elemēta terra, & etiam aqua: inter humores atra bilis humectans, tam natiua, quàm aduentitia præter adustam: Ex saporibus acetosi, acriores, & graues. Inter metalla plumbum, et propter pōdus aurū, aureaq; Marcasita. Inter lapides onychinus, ziazaa, camoinus, sapphir°, fuscus iaspis, chalcedonius, magnes, & omnia terrea fuscā, & pōderosa. Inter plantas et arbores, aspho-

delus, ſerpentaria, ruta, cyminū, helleborus, ſilphiū, mandragora, opiū: & q̄ ſtupefaciūt, & quæ neq; ſeruntur unquā, neq; fructus ferūt, & quæ nigrantes baccas, nigros ue fructus producūt: ut ficus atra, pinus & cupreſſus arbor feralis, & non regerminās baccis, torua, ſapore amara, odore uiolenta, umbra ingrata, pice acerrima, fructu ſuperuacua, duratione incorrupta, prę terea funeſta & diti ſacra ſicut apium, quo antiquitus tumulorum thecas, antequā in illis mortuorum imponerent corpora, ſternere conſueuerunt: quamobrem in conuiuiorum coronamentis ex omnibus paſſim herbis & floribus ſerta nectere fas erat præterquam ex apio: quoniam lugubre ſit, & hilaritati non conueniat. Animalia reptilia ſegregata, ſolitaria, nocturna, triſtia, contemplatiua uel penitus bruta, auara, timida, melancholica, multi laboris, tardi motus, immundi uictus, & quæ fœtus ſuos deuorant. Ex iſtis ergo ſunt, talpa, aſinus, lupus, lepus, mulus, catus, camelus, urſus, ſus, ſimia, draco, baſiliſcus, bufo, ſerpentia omnia & reptantia, ſcorpiones, formicæ, & quæ ex putrefactione naſcuntur in terra, in aquis, in ædium ruinis, ut mures uermeſq; multiplices. Inter aues uero Saturniæ ſunt, quę ſunt longi colli & groſſæ uocis, ut grues, ſtruthiones, & pauones, Saturno & Iunoni ſacræ. Item bubo, noctua, ueſpertilio, upupa, coruus, & origis auis inuidioſiſſima. Ex piſcibus uero anguilla ſeorſum ab aliis piſcibus degens, muſipula, & canicula fœtus ſuos deglutientes. Item teſtudines, oſtreæ, conchylia, & ſpongiæ marinæ, & quæ ex eis ſunt.

Cupreſſus feralis arbor

Apium coronamentis olim interdictum.

Quæ ſunt Iouialia. Cap. XXVI.

IOuialia ſunt inter elementa aër: inter humores ſanguis, & ſpiritus uitæ, cuncta quoque ad uitæ augmentum nutrimentum'que & uegetationem ſpectantia. Ex ſaporibus, qui ſunt dulces & ſuaues. Ex metallis, ſtannum, argentum & aurum, propter temperantiam. Inter lapides, hyacinthus, berillus, ſapphirus, tuthia, ſmaragdus, iaſpis uiridis, & perpetuo uirides, aëreiq; colores. Inter plantas & arbores, barba Iouis, ocymum, bugloſſa, macis, ſpica, menta, maſtiche, inula, uiola, lolium, hyoſcyamus, populus: & quæ fœlices arbores traduntur, ut quercus, æſculus, ilex, phagus, corilus, populus, ſorbus, ficus alba, pirus, malus, uitis, prunus, fraxinus, & cornus, atq; oliua & oleum. Inſuper frumentum, hordeum, triticum, paſſulæ, liquiricia, zaccarum, & omnia quorum dulcedo eſt manifeſta & ſubtilis, participans aliquid ſtyptici & acuti ſaporis, ut ſunt nuces, amygdalę, pineę, auellanę, piſtaceę, radices pæoniæ, myrobalani, & rabarbarum, & manna. Orpheus quoq; illi attribuit ſtyracem. Inter animalia ſunt, quæ præferunt aliqualem dignitatē & ſapientiā: & quæ ſunt mitia & bonæ diſciplinæ, ac bonorū morum, ut ceruus, taurus, elephas: & manſueta quæq; animantia, ut ouis & agnus. Ex auibus autē quæ ſunt complexionis temperatæ, ut gallinæ & uitella ouorum. Item perdix, phaſianus, hirundo, pellicanus. Item cucupha & ciconia, auea

Aquila imperatorũ insigne, & iustitiæ symbolũ.

pissimæ & gratitudinis signacula: estq; ei sacrata aquila, Imperatorum insigne ac iustitię cum clementia symbolum. Inter pisces autem delphinus, anchia, silurus, propter pietatem.

Quæ referunt Martem. Cap. XXVII.

Martialia sunt inter elementa, Ignis: pari modo adusta & acuta omnia: inter humores cholera: Sapores autem amari, acres, & linguam perurentes, & qui dicuntur lachrymosi: inter metalla, ferrum, æs rubeum: & omnia ignea, rubea & sulphurea: inter lapides adamas, magnes, lapis sanguinaris, iaspis multigenius, amethystus: inter plantas & arbores, elleborus, allium, euphorbium, cartabana, armoniacum, raphanus, laureola, napellus, scãmonia, & omnia uenenosa ex caloris superabundantia: & quæ pungentibus spinis munitæ sunt uel contactu suo cutem urunt, pungunt uel ampullant, ut cardo, urtica, flammula: & quæ cõmesta lachrymas excutiũt, ut cepæ ascalonia, porrum, sinapium, castoreũ: & arbores omnes spinosæ, atq; cornus Marti sacer. Animalia autẽ quę sunt bellicosa, rapacia, audacia, & perspicuæ imaginationis, ut equus, mulus, hircus, hœdus, lupus, pardus, onager: serpẽtes quoq; & dracones ueneno infensi: & quæcunq; hominibus infesta, ut pulices & muscæ, cynocephalus, propter iracundiam. Aues omnes rapaces, carniuoræ, ossifragæ, ut aquila, falco, accipiter, uultur: & quæ diræ & ferales aues dicuntur, noctuæ, ululæ, tinnunculi, miluii: & quæ semper famelicæ ac rapacissimæ sunt: & quę glutiũt, & quasi uocem strangulantis emittunt, ut corui & cornices, & picus præcæteris Marti sacer est. Ex piscibus habet lucium, mullum, pastinacam, arietem, hircum, lupum, Glaucum, qui uoracissimi simul ac rapacissimi sunt.

Quæ sint Venerea. Cap. XXVIII.

Venerea sunt inter elementa, aër atq; aqua: inter humores pituita cum sanguine, spiritu ac semine genitali: inter sapores habet dulcem, unctuosum & delectabilem: inter metalla habet argentum, & æs croceum atq; rubeum: inter lapides conueniunt illi berillus, chrysolithus, smaragdus, sapphirus, iaspis uiridis, corneola, lapis aëtites, lapis lazuli, corallus, omnesq; pulchri, uarii, albi uel uiridis coloris. Inter plantas & arbores, uerbena, uiola, capillus Veneris, herba lucia, siue Valeriana quæ Arabice dicitur phu. Item thymus, ladanũ, ambra, muscus, sandalum, coriandrum, & omnia thymiamata, & fructus delectabiles & suaues, ut pira dulcia, ficus, & mala Punica, quæ poëtæ dicunt in Cypro à Venere primo sata. Præterea dedicata illi sunt Luciferi rosa, Hesperi etiam myrtus. Animalia habet luxuriosa, delicioſa, fortis amoris, ut catuli, cuniculi, fœtosæ oues, capræ, & hircus cæteris animantibus citius generans, quẽ etiã post septimum diem ab ortu coire dicunt. Item taurus propter fastum, & uitulus propter lasciuiam, etiam Venerei sunt. Ex auibus uero cygnus, motacilla, hirundo, pellicanus, & chenalopex, pullorum maxime amantes. Itẽ

Hirci salaci, &c.

coruus & columba Veneri ſacra,& turtur, quarum auium alterutra offerri iubebatur in purificationem partus:paſſer etiam Veneri ſacer, qui iubente lege dabatur in purificationem lepræ Martii mali,quo nil æque proficuum reſiſtit: Aquilam etiam Aegyptii Venerem uocãt,quòd ſit in Venerẽ prona,terdecies enim in die oppreſſa,ſi mas uocet,denuo accurrit. Ex piſcibus uero Venerei ſunt,grues libidinoſi,ſcari ſalaciſſimi, merulæ ob fœtus amorem,& cancharus pro coniuge pugnans, & tithymallus ob odoris fragrantiam & ſuauitatem.

Quæ ſequuntur Mercurium. Cap. XXIX.

Mercurialia ſunt inter elementa aqua, licet indiſtincte omnia moueat:ſimiliter & humores,præcipue tamen permixtos: ſed & ſpiritum animalem regulat, ſaporesq; uarios & peregrinos permixtosq;:ex metallis illius ſunt,argentum uiuum,ſtannũ, marcaſita argentea. Inter lapides,ſmaragdus lapis,achates,porphyrites,topazius,& qui ſunt diuerſorum colorum,& quibus figuræ uariæ à natura inſitæ,aut qui ab arte factitii ſunt,ut uitrum,& quæ croceum cũ uiridi miſcẽt. Inter plantas & arbores,corilus, pentaphyllon, Mercurialis, fumus terræ, pimpinella, maiorana, petroſelinũm, & quæ breuiores & minores in foliis ſunt, mixtisq; naturis & uario colore compoſitæ. Animalia ſagacia, ingenioſa,ſtrenua,uerſatilis ingenii,uelocis curſus, & facilem conſuetudinem cũ hominibus habẽtia,ut canes,ſimiæ,uulpes,muſtelæ, ceruus & mula:& animalia Hermaphroditica,& quæ utrunq; ſexum uiciſſim mutant,ut lepus,et hyæna & ſimilia.Inter aues quæ à natura ingenioſæ, canoræ & muſicæ ſunt & uerſatiles,ut carduelis,ficedulæ,merula,turdus,alauda,philomela, calandris,pſitacus,pica,ibis,porphyrio,& ſcarabeus unicornis. Inter piſces uero trochus qui ſeipſum init,quocirca maſculo fœminã uocãt.Item polypus fraudulentus & colore uerſatilis,& paſtinaca ob ſolertiam: ſimiliter & mugil cauda cibum hamo excutiens.

Quod totus ſublunaris mundus,& quæ in eo ſunt planetis diſtribuitur. Caput XXX.

Præterea quicquid in toto mũdo reperitur, iuxta planetarum dominia afficitur,uirtutemq; ſortitur:ſic in igne uiuificum lumen,Soli:calor,Marti:in terra,ſuperficies uaria Lunæ et Mercurio & ſtellato cœlo, moles autem tota Saturno. At in mediis elementis, ubi regit humor, aëreus ſubiacet Ioui, aqueus uero Lunæ, mixtus autem obtemperat Mercurio & Veneri. Simili ratione in naturæ cauſæ agentes ſequuntur Solem,materia uero Lunam,fœcunditas cauſarũ agentium Iouem,fœcunditas materiæ Venerem, expeditio uelox ad effectum Martem & Mercurium:illum propter uehementiam, hunc propter dexteritatem multiformemq; uirtutem:cũctorum aũt cõtinuatio permanens Saturno dedicatur. Sed & in uegetabilium numero omne fructum

ferens à Ioue eſt, & omne flores ferens à Venere, & omne ſemen & cortex à Mercurio, omnis aũt radix à Saturno, & lignũ omne à Marte, & folia à Luna. Hinc omnia quæ fructum ferunt & non floreſcũt, Saturni & Iouis ſunt: quæ uero floreſcunt, & ſemina, non autem fructum producunt, hæc Veneris ſunt atq; Mercurii: quæ autem ſine ſemine ſponte producuntur, à Luna & Saturno ſunt: pulchritudo omnis à Venere eſt, & robur à Marte: & unuſquiſq; planetarum regit & diſponit id, quod ei aſſimilatur. Similiter in lapidibus, pondus glutimen & ſtypticitas eſt à Saturno, beneficium & temperamentum à Ioue, durities à Marte, uita à Sole, gratia & pulchritudo à Venere, occulta uirtus à Mercurio, commune beneficium à Luna.

Qualiter prouinciæ, & regna planetis diſtribuuntur.

Caput XXXI.

IPſe etiam terrarum orbis per ſua regna & prouincias, planetis atq; ſignis diſtributus eſt: Nam Saturno cum Capricorno ſubiiciuntur Macedonia, Thracia, Illyria, India, Arriana, Gordiana: quarum regionum multæ ſunt in Aſia minori. Cum Aquario autẽ ſubſunt illi, Sauromatica regio, Oxiana, Sogdiana, Arabia, Phazania, Media, Aethiopia, & hę regiones pro maiori parte ad Aſiam interiorem pertinent. Ioui autem ſubiiciuntur cum Sagittario, Tuſcia, Celtica, Hiſpania, & fœlix Arabia. Cum piſcibus, Lycia, Lydia, Cilicia, Pamphylia, Paphlagonia, Naſamonia, & Garamantica. Mars regit cum Ariete, Britaniam, Galliã, Germaniam, Barſtaniam, concaua Syriæ, Idumæam & Iudæam. Cum Scorpione autem, Syriam, Comagenem, Cappadociam, Matagonitidem, Mauritaniam & Getuliam. Soli cum ſuo Leone ſubiectæ ſunt, Italia, Apulia, Sicilia, Phœnices, Chaldæi, Orſenii ſiue Orchenii. Venus cum tauro habẽt Cyclades, maritima paruæ Aſiæ, Cyprum, Parthiam, Mediam & Perſidem. Cum Libra autem imperat, Bactrianis, Caſpiis, Sericæ, Thebaidi, Oaſidi & Troglodytis. Mercurius cum Geminis tenet Hircaniam, Armeniam, Mantianam, Cyrenaicam, Marmaricam & inferiorem Aegyptum. Cum Virgine uero, Græciam, Achaiam, Cretam, Babylonem, Meſopotamiam, Aſſyriam, & Elam, unde Elamitę in ſcriptura dicti ſunt. Lunam cum Cancro ſequuntur, Bithynia, Phrigia, Colchica, Numidia, Aphrica, Carthago, & tota Carchedonia. Hæc ita ex Ptolomæi ſententia collegimus: quibus iuxta aliorum aſtrologorum ſcripta alia multa addi poſſent. Verum qui has prouinciarum partitiones ſupra ſyderalem hanc diſtributionem cum regentium intelligentiarum miniſteriis, ac Iſraeliticorum tribuum benedictionibus, apoſtolorum ſortionibus, ac ſacrarum literarum typicis ſignaculis conferre nouerit, grandia, quin & prophetica ſuper unamquamq; regionem elicere poterit, futurorum oracula.

Quæ ſubſunt ſignis, ac ſtellis fixis, earumq; imaginibus.

Caput XXXII.

Imilis est per omnia ratio de figuris stellarum fixarum habẽda: sic Arieti cœlesti uolũt subiici arietem terrestrem, & Tauro cœlesti, taurum atq; bouem terrestrem: sic Cãcro cancros, Leoni leones, Virgini uirgines, & Scorpionem præsidere scorpionibus, & Capricornũ capricornis, & Sagittarium equis, & signo Piscium subesse pisces. Similiter Vrsa cœlestis præsidet ursis: Hydra serpentibus, & cani subsunt canes: & sic de singulis. Ipse uero Apuleius signis atq; planetis, præcipuas ueluti proprias quasdam herbas distribuit, uidelicet Arieti eleliſphacon, Tauro peristereona orthion, Geminis peristereona hyption, Cãcro symphyton, Leoni cyclaminũ, Virgini calamynthũ, Libræ scorpiuron, Scorpioni arthemisiã, Sagittario anagallidẽ, Capricorno lapathũ, Aquario draconteã, Piscibus aristolochiã. Planetis uero, Saturno semperuiuum, Ioui eupatorium, Marti peucedanum, Soli heliotropium. Veneri panacem, siue callitrichum, Mercurio phlomum, Lunæ agloophotim. Verũ Hermes, quem sequitur Albertus, Planetis dat Saturno asphodelũ, Ioui hyoscyamum, Marti arnoglossam, Soli polygoniam, Veneri uerbenã, Mercurio pentaphyllon, Lunæ chenostacen. Iamq; etiam experientia cognoscimus, asparagos subesse Arieti, & basilicon Scorpioni. Nam seminata rasura cornu arietis, nascuntur asparagi, & basilicon contritum inter duos lapides gignit scorpiones. Præterea ex stellis insignioribus, iuxta Hermetis, & Thebit doctrinam, hic aliquot enumerabo, quarum prima dicitur caput Algol, & præest ex lapidibus adamanti: ex plantis elleboro nigro & Arthemisiæ. Sequuntur Pleiades, præsidentes ex lapidibus crystallo & diodoco: ex plantis herbæ diacedon, & thuri, & fœniculo: præterea subesse sibi uolunt ex metallis argẽtum uiuum. Tertia Aldeboran habet sub se ex lapidibus, carbunculum & rubinum: ex plãtis tithymallum, & matrisyluam. Quarta dicitur Hircus, hic tenet ex lapidibus, sapphirũ: ex plantis, marrubium siue prasiũ, mentam, Arthemisiam & mandragoram. Quinta Canis maior, hic habet ex lapidibus sub se berillum: ex plantis sauinam, Arthemisiam & draconteam: ex animalibus linguam colubri. Sexta canis minor, habet ex lapidibus achatem: ex plantis florem heliotropii & pulegii. Septima cor Leonis, habet ex lapidibus granatum: ex plantis chelidoniam cum Arthemisia, & mastyche. Octaua cauda Vrsæ maioris, habet ex lapidibus magnetem: ex plantis cichorium, cuius folia & flores uoluuntur ad septentrionem, et Arthemisiam cum flore peruincę: ex animãtibus dentem lupi. Nona dicitur Ala corui, huic subest ex lapidibus onychinus niger: ex plantis lappacium, quadrigenum, hyoscyamus, & consolida: ex animãtibus uero, lingua ranæ. Decima spica, habet sub se ex lapidibus, smaragdum: ex plantis, saluiam, trifolium, peruincam seu promarullam, Arthemisiam & mandragoram. Vndecima dicitur Alchamech, præest ex lapidibus, iaspidi: ex plantis, plantagini. Duodecima Elpheia, huic subest ex lapidibus, topazius: ex plãtis prçest,

Asparagorũ satio mira.

Scorpionũ productio.

d

rorimarino, trifolio & hederæ. Decimatertia dicitur cor Scorpionis, huic ſubeſt ex lapidibus, ſardonius, & amethyſtus: ex plantis ariſtolochia longa, & crocus. Decimaquarta uultur cadens, huic ſubeſt ex lapidibus chryſolithus: ex plantis ſatureia, & fumus terræ. Decimaquinta, cauda capricorni dicitur, hęc tenet ex lapidibus chalcedonium: ex plantis maioranam, Arthemiſiam, nepetam, & quam calaminthàm dicunt, pulegio ſimilem, & radicẽ mandragorę. Illud præterea ſciendum eſt, non quamlibet, aut lapidem, aut plantam, aut animal, aut aliud uno ſolo ſydere regi, ſed multa etiam à pluribus recipere influxum, & non tam ſeparatum, q̃ coniunctum: ſic inter lapides chalcedonius ſubeſt Saturno & Mercurio, cum cauda Scorpionis, & Capricorni: ſapphirus autem Ioui & Saturno, & ſtellæ Alhaioth: Tuthia Ioui & luminaribus: ſmaragdus Ioui, Veneri & Mercurio, ac ſpicæ: Amethyſtus autore Hermete, ſubeſt Marti cum Ioue & corde Scorpionis: iaſpis multigenus Marti, & Ioui, ac ſtellę Alchamech: chryſolithus Soli, Veneri & Mercurio, & ſtellæ quæ dicitur unltur cadens: topazius Soli, & Elpheiæ: adamas Marti & capiti algol. Simili modo ex uegetabilibus herba ſerpentaria ſubeſt Saturno & ſerpentario cœleſti: maſtyche & menta Ioui atq; Soli, ſed maſtyche etiam cordi Leonis, & menta hirco adhærent: ſic elleborus Marti & capiti algol. Muſcus & ſandali, Soli cum Venere: coriandrum Veneri cum Saturno dicata ſunt. Ex animalibus etiam uitulus marinus ſubeſt Soli ac Ioui. Vulpes & ſimiæ Saturni ſunt & Mercurii, & canes domeſtici Mercurii ſunt, & Lunæ. & iam plura ex iſtis in ſuperioribus docuimus.

De ſignaculis & characteribus rerũ naturaliũ. Cap. XXXIII.

OMnes ſtellæ ſuas proprias habent naturas, proprietates, conditiones: quorum ſignacula & characteres per ſuos radios etiã in iſtis inferioribus producunt, in elemẽtis, in lapidibus, in plãtis, in animalibus & eorum membris. Vnde unaquæq; res à diſpoſitione harmonica, & à ſua ſtella ipſam irradiante ſortitur ſpeciale aliquod ſignaculum, ſeu characterem ſibi impreſſum, illius ſtellę ſiue harmoniæ ſignificatiuum, ac ſpecialem in ſe continentem uirtutem, ab aliis differentem uel genere, uel ſpecie, uel numero præiacentis materię. Habet itaq; quælibet res ſuum characterem ad aliquem peculiarem effectum ſibi à ſua ſtella impreſſum, maxime ab illa quæ in ipſa præ cæteris obtinet principatum: & hi characteres has ſtellarum ſuarum proprias naturas, uirtutes & radices in ſe continent atque retinent, earumq; conſimiles operationes in res alias, ſuper quas reflectuntur, producunt, & ſtellarum ſuarum influxus prouocant adiuuantq;, ſiue planetarum, ſiue etiam ſtellarum fixarum, & imaginum, & ſignorum cœleſtium, quoties uidelicet in debita materia, ſuo tempore debitisq; ſolennitatibus fuerint fabricati. Quod conſiderantes antiqui ſapientes, qui ad inueſtigandas occultas rerum conditiones plurimũ laborauerunt, ſtellarum imagines, figuras, ſignacula, ſigilla, characteres

Res quæli bet ſuũ habet characterẽ.

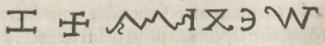
adnotarunt, quos natura ipſa per ſtellarum radios in iſtis inferioribus depinxit, alios in lapidibus, alios in plãtis, & ramuſculorum iuncturis atq; nodis, alios in animalium membris diuerſis: Nam laurus, lotus, heliotropiũ, plãtæ ſolares in ſuis radicibus ac nodis præciſis, Solis characteres oſtendũt: ſic & in animalium oſſibus, & ſpatulis: unde Spatularia diuinationis ſpecies proceſſit, atq; in lapidibus, & lapidicinis, characteres & imagines cœleſtium non raro inuentæ ſunt. Sed cum in tanta rerum diuerſitate non ſit tradibilis ſcientia, niſi in paucis, quæ humana prudẽtia percipi poſſunt, iccirco relinquentes nunc ea, quæ in plantis & lapidibus, cæteriſq; rebus, & multorũ animalium membris inueſtigari poſſunt, in ſola humana natura gradum ſiſtamus: quæ cum ſit totius uniuerſi completiſſima imago, in ſeipſa omnẽ cœleſtem continens harmoniam, proculdubio in ea ipſa omnium ſtellarũ, cœleſtiumq; influxuum ſignacula characteresq; abunde reperimus: & illa quidem eo efficaciora, quo à cœleſti natura minus ſunt remota. Verum ſicut ſtellarum numerus ſoli deo cognitus eſt, ſic etiam eorum circa hæc inferiora effectus & ſignacula: quare nullus humanus intellectus ad ea cognoſcenda aſcendere poteſt. Vnde ualde pauca innotuerunt, quæ ueteres Philoſophi & Chiromantici partim ratione, partim experiẽtia ſunt adſecuti, & multa adhuc in naturæ theſauris deliteſcunt occluſa. Igitur pauca quædam planetarum ſignacula, ſiue characteres hic adnotabimus, quos ueteres Chiromantici in hominum manibus cognouerũt. Has Iulianus ſacras, ſiue diuinas literas uocat, quum iuxta uerbum ſcripturę ſacræ, per illas ſcripta ſit uita hominum in manibus eorum: ſuntq; ubilibet nationum & linguarum ſemper eædem atq; ſibi conſimiles permanentesq;: quibus adinuenerunt poſtea multas alias, cum ueteres, tum recentiores Chiromantici: quas qui noſſe uelit, eorum uolumina requirat. Satis hic eſt oſtendiſſe unde nam characteres naturę ſuam ducãt originem, atq; in quibus rebus ſunt perquirendi.

Spatularia unde proceſſerit.

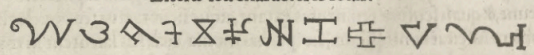
In humana natura cœleſtium influxuũ ſignacula abunde reperiũ.ur.

SEQVVNTVR FIGVRAE LITERARVM DIVINARVM.

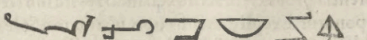
Literæ ſiue characteres Saturni.

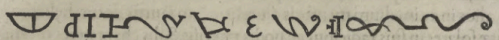
Literæ ſeu characteres Iouis.

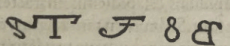
Literæ ſeu characteres Martis.

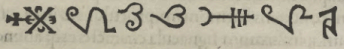
Literæ ſiue characteres Solis.

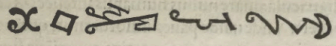
Literæ ſiue characteres Veneris.

Literæ ſiue characteres Mercurii.

Literæ ſiue characteres Lunæ.

Quomodo per res naturales earumq; uirtutes, poſſumus allicere & attrahere influxus atq; uirtutes corporum cœleſtium. Cap. XXXIIII.

NVnc ſi optas ex aliqua mundi parte ſtella'ue uirtutem accipere, adhibitis quæ ad ſtellam hanc attinent, eius proprium ſubis influxum, uelut lignum per ſulphur, picem & oleum, paratum ad ſuſcipiendum flammam. Nihilominus quando cuidam rerum ſpeciei uel indiuiduo rite adhibes multa, quę ſparſa ſunt eiuſdem inter ſe ideæ ac ſtellæ conformia, mox per materiam hanc ita opportune paratã ſingulare munus ab idea infunditur per rationem animæ mundi. Dico autem opportune paratã, ſcilicet ſub harmonia ſimili harmoniæ, quæ quandam uirtutem infuderat materiæ. Nam licet res uirtutes aliquas, quales diximus, habeant: tamen illæ uirtutes ita deliteſcentes ſunt, quòd raro opus aliquod ab illis tali uirtute perfectum extat: ſed ſicut in grano ſinapis contuſio latentem excitat acuitatem: & ſicut calor ignis literas ſcriptas ſucco cepæ uel lacte, producit in aſpectum prius deliteſcentes: & literæ hirci adipe lapidi inſcriptæ, & prorſus occultæ, quãdo ſubmergitur lapis, aceto prodeunt, & quaſi ſculptæ eminentes extant, atque ſicut tactus ſcopę uel arbuti rabiem ſuſcitat conſopitam, ſic ipſa harmonia cœleſtis latentem in materia uirtutem prodit, excitat, corroborat, & manifeſtam efficit, atque ut ita loquar, de potentia producit in actum: quando res illi ſub cœleſti opportunitate rite exponũtur. Exẽpli gratia: ſi cupis uirtutem à Sole attrahere, quęre quæ ſunt ſolaria: inter uegetabilia, plantas, metalla, lapides, & animantia:

Simile.

hæc ſunt adhibenda, hæc ſumenda, potiſſime uero quę in ordine ſolari ſunt ſuperiora: hęc enim magis conferunt: ſic ſingulare munus à Sole trahes per radios Solis ſimul opportune ſuſceptos, perq; ſpiritum mundi.

De commixtionibus rerum naturalium ad inuicem, earūq; utilitate. Cap. XXXV.

Compertum habemus in natura inferiori, non inueniri in unō quodam comprehēſas cunctas ſuperiorum corporum dotes, ſed perplures apud nos ſpecies eſſe diſperſas, ſicut ſunt plures res ſolares, quarum tamen unaquæq; non cunctas Solis complectitur uirtutes: ſed alia alias habet à Sole proprietates. Quare aliquando neceſſe eſt, in operationibus fieri mixtiones, ut ſi centum uel mille Solis uirtutes per tot plātas, animalia & ſimilia ſparſæ fuerint, poſſumus has ſimul cōflare & in unam redigere formam, in qua dictas uirtutes iam omnes unitas uidebimus contineri. Eſt autem in commixtione uirtus duplex: una uidelicet, quæ partibus ſuis prius inſita eſt, & cœleſtis: alia, per certam & artificioſam multarum rerum inuicem confuſarum, & ſecundum certas proportiones commiſtionum, quales cum cœlo conſentiant ſub certa conſtellatione acquiſita: & hęc uirtus deſcendit per ſimilitudinem & habitudinem quandam rerum ad inuicem cum ſuperioribus, inquantum ſequentes uirtutes antecedētibus gradatim correſpondent, ubi præſertim patiens ad ſuū inſuper agens accōmodatur: ſic ex certa quadam herbarum, uaporum & ſimilium compoſitione, cum phyſicè, tum aſtronomicè confecta, reſultat quædam communis forma, pluribus ſyderum dotata muneribus: ſicut in melle apum, quod ex innumerabilium florum ſuccis exceptum & in unam formam redactum, omnium continet uirtutem, diuino propè & admirabili muſcarum artificio. Quo tamen haud minus mirandum eſt, quod Eudoxus Gnidius refert de melle factitio, quod gigantum in Libya gens quædā ex floribus conficere nouit optimum, adeo ut ab apum melle minimum diſtare uideatur. Omnis autem commixtio, quę conſtat ex pluribus, tunc eſt perfectiſſima, quando ita ex ſuis partibus conglutinatur, ut unum fiat, undiq; ſibi conſtet, neq; facile diſſipetur: ſicut uidemus aliquando lapides & corpora diuerſa, ui quadā naturali ſic conglutinari & uniri, ut penitus unū uideantur: ſicut duæ arbores per inſitionē, & oſtreæ cum lapidibus ui quadam naturæ occulta: uiſaq; ſunt animalia in lapides uerſa, atq; ſic cum lapidis ſubſtantia unita, ut iam unum corpus, & illud homogeneum efficere uiderentur. Sic hebenus in arborum genere, modo lignum, modo lapis eſt. Quando itaq; aliquis commixtionem fabricat ex multis materiis ſub cœleſtibus influxibus, tūc uarietas illinc quidē cœleſtiū actionum, hinc uero potentiarū naturaliū cōgregata, facit q̄dā mirabilia, per unguēta, per collyria, per ſuffumigationes, per ſimilia, qualia uidelicet legūtur in libris Chiramidis, Archytæ, Democriti & Hermetis q̄ Alchorat inſcribit, & aliorū pluriū.

Duplex in cōmixtione uirtus.

De unione rerum commixtarum, atq; introductione nobilioris formæ uitæq; sensibilis. Cap. XXXVI.

CIendum uero, quo alicuius rei nobilior forma est, eo res ipsa promptior est, & propẽsior ad recipiendũ, eo etiã potẽtior ad agendũ. Reddunturq; itaq; incõprehensibilia res, mirabilia quã do scilicet materiis commixtis, opportunisq; tẽporibus præparatis, ad uiuificandum ponuntur, uitam illis ex stellis, animamq; sensibilem, tanquam nobiliorem formam conciliando. Tanta quippe est in materiis præparatis potentia, quas tunc uitam adipisci uidemus, quando qualitatum perfecta commixtio priorem iam contrarietatem fregisse uidetur: perfectiorem uero adeptæ sunt uitam, quatenus complexio à contrarietate est remotior. Cœlum uero causa prępotens ab initio cuiusq; rei generandæ, concoctione materiæ & digestione perfecta, cœlestes influxus dotesq; mirificas cũ uita simul largitur, quatenus in ipsa uita animaq; sensibili est cõprehensio ad nobiliores uirtutes ac sublimiores cõcipiendas. Virtus prę terea cœlestis alibi quidẽ sopita iacet, ceu sulphur à flãma remotũ: in uiuentibus autem corporibus sæpe flagrat, sicut sulphur accensum: tum uapore suo proxima omnia complet: sic miranda quædam opera procreãtur, qualia legũtur in libro Nemith, qui & legum Plutonis inscribitur: quia eiusmodi generationes monstrosæ sunt, neq; secundum leges naturæ producũtur. Nos enim scimus, quòd ex uermibus generantur culices, ex equo uespę, ex uitulo & boue apes, ex cãcro ablatis pedibus inhumato generatur scorpius, ex anate tosta donec in puluerem teratur, illo in aquam proiecto, generantur ranæ: si autem in pastillo cocta & per fruſtra incisa in loco humido & subterraneo dimittatur generantur bufones: ex basilicone herba inter duos lapides trita, generantur scorpiones: & ex capillis mulieris menstruatæ sub fimo locatis, fiunt serpentes: & pilus ex cauda equi in aquam proiectus, uitã concipit, & trãsit in uermem pernicioſum. Et est artificium, quo in ouo excubante gallina generatur forma similis homini, qualem ego uidi, & componere noui, quam magi mirandis uirtutibus efficacem perhibent, & hanc ueram mandragoram dicunt. Oportet igitur cognoscere, quę & quales materiæ, siue natura siue arte inchoatæ uel perfectæ, siue ex pluribus aggregatę, quales cœlitus influxus suscipere possunt. Congruitas enim rerum naturalium ad cœlestia sufficit, ut ab illis hauriamus influxum: quia cum nihil prohibeat ad inferiora cœlestia lumen suum diffundere, materiã nullã permittunt expertem fore suæ uirtutis. Quapropter quantumcunq; materiæ perfectum ac purum est, ad cœlestem influxum nõ ineptum est. Ea enim est colligantia & continuitas materiæ ad animam mundi, quæ quotidie influit super naturalia, & super omnia quæ natura præparauit, ut impossibile sit præparata materia non influi uitam aut nobiliorem quandam formam.

Varia utriusq; animaliũ procreatio.

Materiæ ad animã mũdi colligãtia.

Quomodo certis quibuſdam præparamentis naturalibus & artificialibus, cœleſtia quædã & uitalia dona deſuper trahimus. Cap. XXXVII.

DIcunt Academici ſimul cum Triſmegiſto, & Iarchas Brachmanus, atq; Hebræorum Mecubales fatẽtur, omnia quæ ſunt ſub lunari globo in hoc inferiori mundo generationi, & corruptioni ſubiecta. Eadem etiam eſſe in cœleſti mũdo, ſed modo quodam cœleſti, deinde etiam in mundo intellectuali, ſed multo perfectiori, & meliori nota, perfectiſſimo tandem in archetypo. Atq; hac ſerie unumquodq; infernum ſuo ſuperiori, & per hoc ſupremo, pro ſuo genere reſpondere: & ab eiſdem ſuſcipere, è cœlis quidem uim illam cœleſtem, quam quinta eſſentiam, ſiue ſpiritum mundi, ſiue mediam naturam uocant: ab intellectuali autem mundo ſpiritualem, uiuentemq; uigorem, omnem qualitatiuam uirtutem tranſcendentem: ab archetypo deniq; per hæc intermedia pro gradu ſuo originalem uim totius perfectionis. Hinc ab iſtis inferioribus ad ſydera, ab illis ad eorundem intelligentias, & inde ad archetypum unaquæq; res aptè reduci poteſt: ex quarum ſerie tota magia, & omnis occultior philoſophia emanat. Trahitur enim quotidie aliquid naturale per artem, trahitur quotidie diuinum aliquod per naturam, quod intuentes Aegyptii, naturam magam uocauere, hoc eſt, uim ipſam magicam, in attractu ſimilium per ſimilia, & conuenientium per cõuenientia. Attractus autem huiuſmodi, per rerum mutuam conuenientiam ad ſeinuicem ſuperiorum cum inferioribus, Græci συμπάθειαν uocauerũt: ſic cõuenit cum terra aqua frigiditate, aqua cum aëre humore, aër cum igne calore, ignis conuenit cum cœlo in materia: nec miſcetur ignis cũ aqua, niſi per aërem, nec aër cum terra, niſi per aquam. Sic nec miſcetur anima corpori, niſi per ſpiritum: nec intellectus ſpiritui, niſi per animam. Sic uidemus, cum natura fœtus corpus humanum figurauerit, hoc ipſo præparamẽto, ſpiritum ſtatim ab uniuerſo deducit: ſpiritus hic fomes eſt in ſpiritu corporeq; ad intelligẽtiam, mentemq; diuinitus conſequendam: ſicuti in ligno ſiccitas parata eſt ad penetraturũ oleum: oleum huic imbibitum eſca eſt ad ignem: ignis ipſe luminis eſt uehiculum. His exemplis uidemus quomodo certis quibuſdã præparamentis naturalibus & artificialibus, cœleſtia quædam dona deſuper ſuſcipere poſſumus. Conueniunt enim lapides & metalla cum herbis, & hæ cum animalibus, hæc uero cum cœlis, & hi cum intelligentiis, & iſtæ cum diuinis proprietatibus & attributis, atque cum ipſo deo, ad cuius ſimilitudinem, & imaginem omnia creata ſunt. Prima autẽ dei imago, mundus: mundi homo, hominis animal, animalis zoophytũ, illius uero planta, plantæ autem metalla, & horum lapides ſimilitudines imagines q; repræſentant. Rurſus in ſpiritualibus conuenit planta cum bruto uegetatione, brutum cum homine ſenſu, hic cum dæmone intellectu, illi cum deo im-

Magia unde emanet.

Naturæ mira colligantia.

mortalitate. Iungũtur, diuinitas menti, mens intellectui: hic intẽtioni, hæc imagini: illa sensationi, ea sensibus, ipsi tandẽ rebus. Ea enim est naturæ colligantia & continuitas, ut omnis uirtus superior per singula inferiora longa & continua serie radios suos dispertiendo usq; ad ultima fluat: & inferiora per singula sua superiora ad suprema perueniãt. Sic enim inferiora ad superiora inuicem cõnexa sunt, ut influxus ab eorum capite prima causa, tanquam chorda quædam tensa, usq; ad infima procedat: cuius si unum extremum tangatur, tota subito tremat, & tactus eiusmodi usq; ad alterum extrẽmum resonet, ac moto uno inferiori, moueatur & superius, cui illud correspõdet, sicut nerui in cythara bene cordata,

Quomodo dona, nõ solũ cœlestia & uitalia, uerũetiam intellectualia quędam & diuina desuper susc ipere possumus. Cap. XXXVIII.

Radunt Magi per inferiora superioribus conformia, posse opportunis cœli influxibus cœlestia dona trahi: atq; sic quoq; per hæc cœlestia cœlestes dæmones, quatenus stellarũ pedisse quos nobis cõciliari & insinuari. Quare certis quibusdam materiis naturalem uim diuinitatis habentibus, hoc est, quæ naturaliter superis cõsentaneæ sunt, rite collectis, partim physicè, partim astronomicè, undiq; opportune conflatis, dona non solum cœlestia aut uitalia uerumetiã intellectualia, quædam dæmoniaca & diuina desuper susc ipi posse, Iamblichus, Proclus, atq; Synesius, cum tota Platonicorum schola confirmant: & Mercurius Trismegistus scribit ex propriis certisq; rebus certo cuidam dæmoni congruentibus, compositam rite statuam, confestim per dæmonem cõgruum animari. Cuius etiam meminit Augustinus de ciuitate dei libro octauo. Ea enim est mundi concordia, ut etiam supercœlestia trahantur à cœlestibus, & supernaturalia à naturalibus cõspirent ac trahãtur: quia una uirtus opifex & specierum participatio per omnia diffunditur: quę quidem uirtus opifex, sicut ex occultis rationibus manifesta producit, ita magus assumit manifesta, occulta ut attrahat: puta, per stellarũ radios, per suffumigationes, per lumina, per sonos, per res naturales cœlestibus congruas: quibus ultra corporeas qualitates insunt etiam rationes, & sensus, & numeri, & mensuræ incorporeæ atq; diuinę. Sic legimus antiquos certis rebus naturalibus sæpe diuinum aliquod & mirandum susc ipere solitos: sic lapis qui nascitur in pupilla oculorum hyænæ, sub lingua retentus, diuinationem præstare dicitur. Idem fertur selenites lapis lunaris, efficere: sic anchitide dicunt euocari imagines deorum, synochitide umbras inferorum euocatas teneri: similia aglaoptis herba, quæ & marmoritides uocatur, in marmoribus Arabiæ nascens Persico latere, efficit, ut narrat Plinius, atq; magos ea uti, cum uelint deos euocare: essęq; herbam theangelidam nomine, qua pota magi diuinent. Præterea etiam esse herbas quasdam, quibus mortui reuocẽtur ad uitam, unde Xanthus historicus narrat herba quadã nomine bali,

Magus per manifesta, occulta attrahit.

occiſum draconis catulum, uitæ reſtitutum à parente, eadem q; Tillonem quendã, quem draco occiderat, reſuſcitatũ. Et Iuba refert, in Arabia herba quadam hominem reuocatum ad uitam. Verum an poſſint talia re uera fieri ui herbarũ, uel cuiuſuis alterius rei naturalis in hominem, in ſequentibus diſſeremus: poſſe autem fieri in cæteris animantibus certũ & manifeſtum eſt. Sic muſcæ ſubmerſæ ſi ponãtur in cineribus tepidis, reuiuiſcunt: & apes ſubmerſæ ſimiliter uitam recuperant in ſucco nepetæ, & anguillæ defectu aquæ mortuæ, ſi corpore integro exiſtente ponãtur ſub fimo in aceto, & addatur de ſanguine uulturis, poſt paucos dies oẽs recuperãt uitã. Echeneim ſi quis in fruſta diſcerpſerit, & in mare proiecerit, paulo poſt partes conuenire, & reuiuiſcere aiunt. Scimus quoq; pellicanum necatos pullos ſuos reuocare ad uitam proprio ſanguine.

Quòd certis quibuſdam mundi materiis mundana numina, & horũ numinũ miniſtros dæmones allicere poſſumus. Cap. XXXIX.

NEmo ignorat malos dæmones malis ac prophanis artibus allici poſſe quemadmodũ narrat Pſellus Gnoſticos magos cõſueuiſſe, quos penes execrandæ & abominabiles turpitudines exequebantur, quales olim in ſacris Priapi, & in ſeruitio idoli quod uocabatur Panor: cui pudendis diſcoopertis ſacrificabatur. Neq; iſtis diſſimile eſt, ſi modo ueritas & non fabula eſt, quod legitur de Tlemplariorum deteſtanda hæreſi, & ſimilia hoꝝ de maleficis mulieribus cõſtant: q̃ quidẽ anilis demẽtia ſæpe in eiuſmodi flagitiis errare deprehẽdit. His igit & hoꝝ ſimilibus mali dæmones alliciuntur, atq; conſpirant: quẽadmodum malignus dæmon de Cynope mago ad Ioannem: omnis, inquit, poteſtas ſatanæ illic inhabitat, & coniurationẽ init cũ uniuerſis principatibus, & pariter noſipſi cũ eo, & obedit nobis Cynops, & nos uiciſſim obedimus illi. Nemo rurſus ignorat ecõuerſo bonis operibus, pura mente, myſticis orationibus, deuotis ſuppliciis & ſimilibus, ſupercœleſtes angelos nobis cõciliari. Nemo igitur dubitet ſimili modo certis quibuſdã mũdi materiis mũdana numina quoq; allici poſſe, uel ſaltẽ dæmones hoꝝ numinũ miniſtros ſiue pediſſequos, ut inquit Mercurius, dæmones aëreos, non ſupercœleſtes, nedũ ſublimiores. Sic legimus ueteres ſacerdotes feciſſe ſtatuas & imagines futura prænũciãtes, ſpiritusq; ſtellarum ipſis infudiſſe, non tam materiis certis cohibitos, q̃ eiſdẽ gaudentes: quatenus uidelicet eiuſmodi materias ipſi ſibi congruas dignoſcentes, ſemper libenterq; habitant in eiſdem, perq; illas loquuntur efficiuntq; mirabilia, non ſecus atq; ſoleant dæmones humana corpora occupantes.

De ligationibus cuiuſmodi ſunt, & quibus modis ſoleant fieri. Cap. XL.

DIctum eſt de uirtutibus & mirabili efficacia rerum naturalium. Reſtat nunc uidere rem magnæ mirabilitatis, & ipſa eſt ligatio hominum in amorem uel in odium, in ægritudines & ſanitates, & eiuſmodi. Item ligatio furum & latronũ, ut in aliquo loco

furari non possint: ligatio mercatorum, ut in aliquo loco emere uel uendere nequeant: ligatio exercitus, ut metam aliquam transire nō possit: ligatio nauium, ut nulla ui uentorum, etiam infinitis uelis per uentum tensis portum egredi minime ualeant. Item ligatio molēdini, ut nullo impetu uolui possit: ligatio cisternæ, uel fontis, ut aqua exinde hauriri nequeat: ligatio agri, ut fruges in eo produci nequeant: ligatio loci alicuius, ut in eo ædificari nihil possit: ligatio ignis, ut in aliquo loco accendi non possit: & quod aliquod combustibile apposito fortissimo igne non ardeat. Item ligatio fulgurum & tempestatum, ut nocere non possint. Item ligatio canum, ut latrare non possint: ligatio auium & ferarum, ut uolare uel fugere nequeant: & horum similia uix credibila, quæ tamen sæpius experiētia cognita sunt: Fiunt autem ligationes huiusmodi per ueneficia, per collyria, unguenta, potiōes siue philtra, per alligationes & suspensiones, per annulos, per fascinationes, per fortes imaginationes & animi excessus, per imagines & characteres, per incantationes & imprecatiōes, per lumina, per sonos, per numeros, per uerba & nomina, inuocationes, sacrificia, adiurationes, exorcismata, consecratiōes, deuotiōes, perq; uarias superstitiōes & obseruatiōes, horumq; similia.

Ligationes per quæ fiāt

De ueneficiis, earundemq; potentia. Cap. XLI.

VEneficiorum tanta narratur esse potentia, ut credantur omnia inferiora subuertere, & tabescere & permutare posse, quemadmodum canit Vergilius:

Has herbas, atq; hæc Ponto mihi lecta uenena
Ipse dedit Mœris. nascuntur plurima Ponto:
His ego sæpe lupum fieri, & se condere syluis
Mœrim, sæpe animas imis exire sepulchris,
Atq; satas alio uidi traducere messes.

Item alibi de sociis Vlyssis:

Quos hominum ex facie dea sæua potentibus herbis
Induerat Circe, in uultus, ac terga ferarum.

Et paulo post:

Picus equum domitor, quem capta Cupidine coniunx,
Aurea percussum uirga, uersamq; uenenis
Fecit auem Circe, sparsitq; coloribus alas.

Sunt autem huiusmodi ueneficiorum species, cuiusmodi recitat Lucanus de uenefica illa Thessala, manes euocante, inquiens:

Huc quicquid fœtu genuit natura siniſtro
Miscetur, non spuma canum, quibus unda timori est,
Viscera non lyncis, non duræ nodus hyænæ
Defuit, & cerui pasti serpente medulla.
Non puppim retinens Euro tendente rudentes
In mediis echeneis aquis, oculiq; draconum.

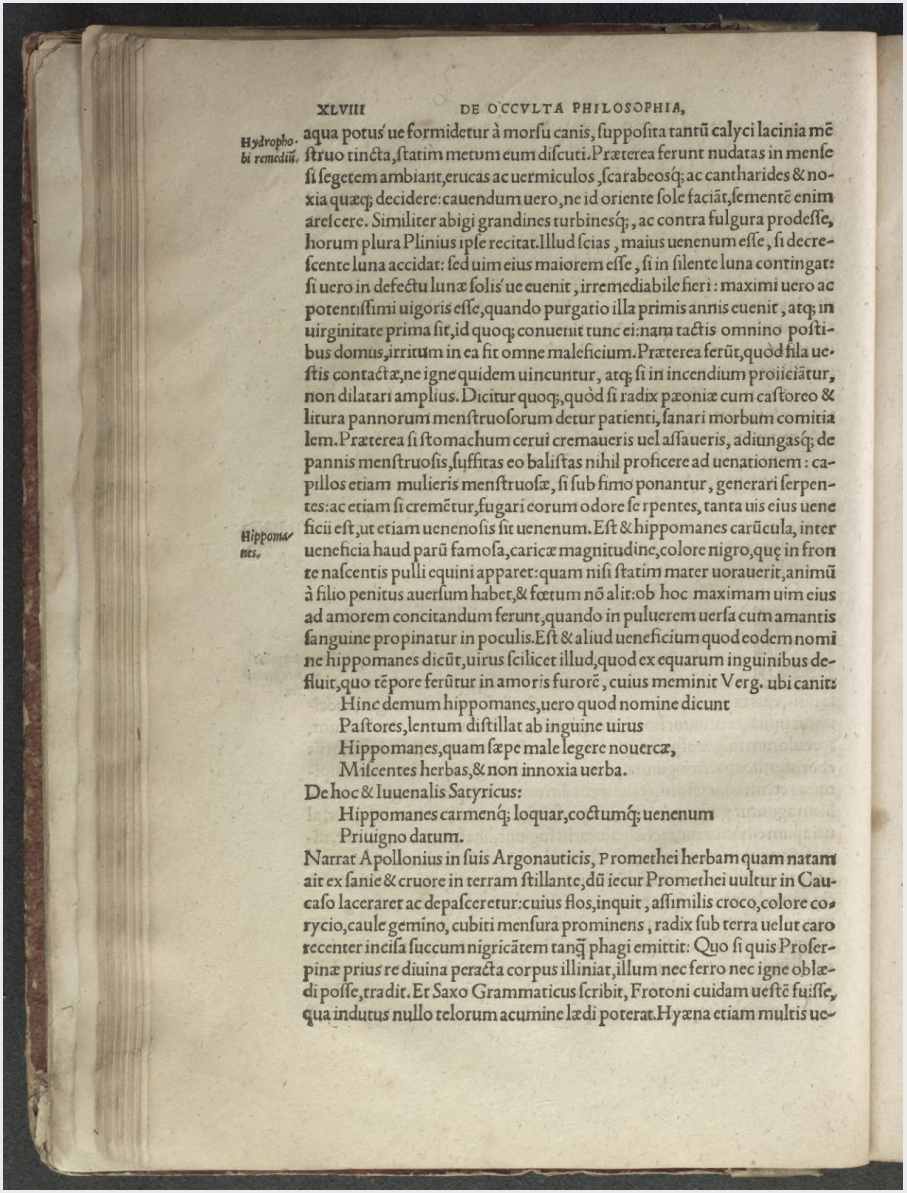
Et qualia narrat Apuleius de Pamphila illa uenefica ad amorem operante: cui Fotis ancilla pilos caprinos ab inflatis utribus detõſos, pro Bœotii adoleſcentis capillis, attulit Pamphilæ, inquiens: Iam uecors animi, tectum ſcã dulare conſcendit, quod altrinſecus ædium patore perflatili nudatum, ad omnes orientales cæteroſq; aſpectus peruium maxime his artibus ſuis cõmodatum, ſecreto colit, priuſq; apparatu ſolito inſtruxit feralem officinã, omne genus aromatis, ignorabiliter laminis literatis, & infelicium nauium durantibus clauis defletorum, ſepultorũ etiam cadauerum expoſitis multis admodum membris: hic nares & digiti, illic carnoſi claui pendentium, alibi trucidatorum ſeruatus cruor, & extorta ferarum dentibus trunca caluaria, tunc decantatis ſpirantibus fibris litat uario latice, nũc rore fontano, nunc lacte uaccino, nunc melle montano libat & mulſa: ſic illos capillos in mutuos nexus obditos atq; nodatos, cum multis odoribus dat uiuis carbonibus adolendos, tunc protinus inexpugnabili magicæ diſciplinæ poteſtate, & cæca numinum coactorum uiolentia, illa corpora quorum fumabant ſtridentes capilli, ſpiritum mutuantur humanum, & ſentiunt, & audiunt, & ambulant, & quo nidor ſuarum ducebat exuuiarum ueniunt, & pro illo iuuene Bœotio aditum geſtientes fores inſiliũt. Auguſtinus quoq; perhibet ſe in Italia audiuiſſe mulieres quaſdam ueneficas, artibus adeo imbutas, ut dato caſeo ſtatim homines conuerterent in iumenta, quæ neceſſaria portarent, & hos finito opere in homines iterum reſtituerent.

Homines ſubitõ in iumenta uerſi.

De quorundã ueneficiorũ admirãdis uirtutibus. Cap. XLII.

NVnc uero narrabo quędam ueneficia, ut horum exẽplo ſit parata uia ad totam hanc conſiderationem. Ex eis igitur ſunt ſanguis menſtruus, qui quantas in ueneficio uires habeat, uideamus: Nam ut dicunt, aceſcunt eius ſuperuentu muſta, nouella uitis, eius tactu in perpetuum læditur, ſterileſcunt tactæ fruges, moriuntur inſitæ, exuruntur hortorum germina, & fructus arborum decidunt, ſpeculorum fulgor aſpectu ipſo hebetatur, & acies ferri in cultris tonſoriis eborisq; nitor perſtringuntur, etiam ferrum rubigine protinus corrumpitur: æs etiam contactum, graue uirus diri odoris accipit & æruginem: in rabiem aguntur guſtato eo canes, atq; inſanabili ueneno morſus infigitur, alui apum emoriuntur, tactisq; aluearijs fugiunt, linaq; cum coquuntur, nigreſcũt: equę ſi ſint grauidæ, cõtacto eo abortũ patiũtur: abortũ etiã facit illitũ prægnãtibus. Aſinæ nõ cõcipiunt tot annis, quot grana hordei eo cõtacta comederint: cinisq; pannorum mẽſtruoſorum ſi quis eum aſpergat lauandis ueſtibus purpuram mutat, floribus colorem adimit. Ferunt tertianas quartanasq; febres fugari menſtruo in lana arietis nigri in argento brachiali incluſo. Præterea tertianis quartanisq; efficaciſſimum dicitur plantas ægri cum eo ſubterlini: multoq; efficacius ab ipſa muliere etiã ignorãti: ſic & comitiales impetus morboſq; ſanari. Inter omnes autem conuenit, ſi

Sanguinis menſtrui uires.

Hydrophobi remedium.

aqua potus ue formidetur à morsu canis, supposita tantũ calyci lacinia mẽstruo tincta, statim metum eum discuti. Præterea ferunt nudatas in mense si segetem ambiant, erucas ac uermiculos, scarabeosq; ac cantharides & noxia quæq; decidere: cauendum uero, ne id oriente sole faciãt, sementẽ enim arescere. Similiter abigi grandines turbinesq;, ac contra fulgura prodesse, horum plura Plinius ipse recitat. Illud scias, maius uenenum esse, si decrescente luna accidat: sed uim eius maiorem esse, si in silente luna contingat: si uero in defectu lunæ solis ue euenit, irremediabile fieri: maximi uero ac potentissimi uigoris esse, quando purgatio illa primis annis euenit, atq; in uirginitate prima sit, id quoq; conuenit tunc ei: nam tactis omnino postibus domus, irritum in ea fit omne maleficium. Præterea ferũt, quòd fila uestis contactæ, ne igne quidem uincuntur, atq; si in incendium proiiciãtur, non dilatari amplius. Dicitur quoq;, quòd si radix pæoniæ cum castoreo & litura pannorum menstruosorum detur patienti, sanari morbum comitialem. Præterea si stomachum cerui cremaueris uel assaueris, adiungasq; de pannis menstruosis, suffitas eo balistas nihil proficere ad uenationem: capillos etiam mulieris menstruosæ, si sub fimo ponantur, generari serpentes: ac etiam si cremẽtur, fugari eorum odore serpentes, tanta uis eius uenificii est, ut etiam uenenosis sit uenenum. Est & hippomanes carũcula, inter ueneficia haud parũ famosa, caricæ magnitudine, colore nigro, quę in fronte nascentis pulli equini apparet: quam nisi statim mater uorauerit, animũ à filio penitus auersum habet, & fœtum nõ alit: ob hoc maximam uim eius ad amorem concitandum ferunt, quando in puluerem uersa cum amantis sanguine propinatur in poculis. Est & aliud ueneficium quod eodem nomine hippomanes dicũt, uirus scilicet illud, quod ex equarum inguinibus defluit, quo tẽpore ferũtur in amoris furorẽ, cuius meminit Verg. ubi canit:

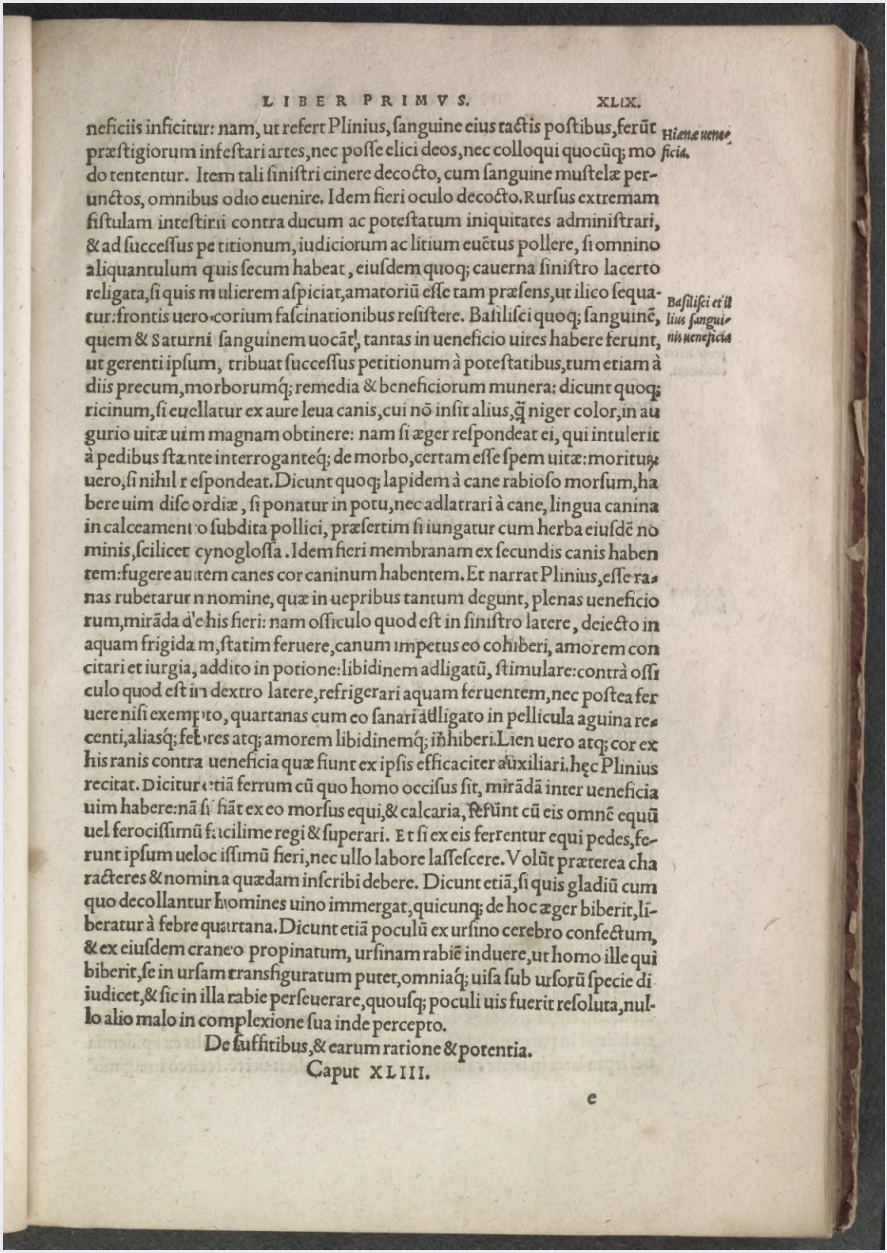
Hippomanes.

Hinc demum hippomanes, uero quod nomine dicunt
Pastores, lentum distillat ab inguine uirus
Hippomanes, quam sæpe male legere nouercæ,
Miscentes herbas, & non innoxia uerba.

De hoc & Iuuenalis Satyricus:

Hippomanes carmenq; loquar, coctumq; uenenum
Priuigno datum.

Narrat Apollonius in suis Argonauticis, Promethei herbam quam natam ait ex sanie & cruore in terram stillante, dũ iecur Promethei uultur in Caucaso laceraret ac depasceretur: cuius flos, inquit, assimilis croco, colore corycio, caule gemino, cubiti mensura prominens, radix sub terra uelut caro recenter incisa succum nigricãtem tanq; phagi emittit: Quo si quis Proserpinæ prius re diuina peracta corpus illiniat, illum nec ferro nec igne oblædi posse, tradit. Et Saxo Grammaticus scribit, Frotoni cuidam uestẽ fuisse, qua indutus nullo telorum acumine lædi poterat. Hyæna etiam multis ue-

neficiis inficitur: nam, ut refert Plinius, ſanguine eius tactis poſtibus, ferũt præſtigiorum infeſtari artes, nec poſſe elici deos, nec colloqui quoquũ; modo tententur. Item tali ſiniſtri cinere decocto, cum ſanguine muſtelæ perunctos, omnibus odio euenire. Idem fieri oculo decocto. Rurſus extremam fiſtulam inteſtinii contra ducum ac poteſtatum iniquitates adminiſtrari, & ad ſucceſſus petitionum, iudiciorum ac litium euctus pollere, ſi omnino aliquantulum quis ſecum habeat, eiuſdem quoq; cauerna ſiniſtro lacerto religata, ſi quis mulierem aſpiciat, amatoriũ eſſe tam præſens, ut ilico ſequatur: frontis uero corium faſcinationibus reſiſtere. Baſiliſci quoq; ſanguinẽ, quem & Saturni ſanguinem uocãt, tantas in ueneficio uires habere ferunt, ut gerenti ipſum, tribuat ſucceſſus petitionum à poteſtatibus, tum etiam à diis precum, morborumq; remedia & beneficiorum munera: dicunt quoq; ricinum, ſi euellatur ex aure leua canis, cui nõ inſit alius, q̃ niger color, in augurio uitæ uim magnam obtinere: nam ſi æger reſpondeat ei, qui intulerit à pedibus ſtante interroganteq; de morbo, certam eſſe ſpem uitæ: moritur uero, ſi nihil reſpondeat. Dicunt quoq; lapidem à cane rabioſo morſum, habere uim diſe ordiæ, ſi ponatur in potu, nec adlatrari à cane, lingua canina in calceamento ſubdita pollici, præſertim ſi iungatur cum herba eiuſdẽ nominis, ſcilicet cynogloſſa. Idem fieri membranam ex ſecundis canis habentem: fugere autem canes cor caninum habentem. Et narrat Plinius, eſſe ranas rubetarum nomine, quæ in uepribus tantum degunt, plenas ueneficiorum, mirãda de his fieri: nam oſſiculo quod eſt in ſiniſtro latere, deiecto in aquam frigidam, ſtatim feruere, canum impetus eo cohiberi, amorem concitari et iurgia, addito in potione: libidinem adligatũ, ſtimulare: contrà oſſiculo quod eſt in dextro latere, refrigerari aquam feruentem, nec poſtea feruere niſi exemptio, quartanas cum eo ſanari alligato in pellicula aguina recenti, aliaſq; febres atq; amorem libidinemq; inhiberi. Lien uero atq; cor ex his ranis contra ueneficia quæ fiunt ex ipſis efficaciter auxiliari. hęc Plinius recitat. Dicitur etiã ferrum cũ quo homo occiſus ſit, mirãdã inter ueneficia uim habere: nã ſi fiãt ex eo morſus equi, & calcaria, refrũnt cũ eis omnẽ equũ uel ferociſſimũ facilime regi & ſuperari. Et ſi ex eis ferrentur equi pedes, ferunt ipſum uelociſſimũ fieri, nec ullo labore laſſeſcere. Volũt præterea characteres & nomina quædam inſcribi debere. Dicunt etiã, ſi quis gladiũ cum quo decollantur homines uino immergat, quicunq; de hoc æger biberit, liberatur à febre quartana. Dicunt etiã poculũ ex urſino cerebro confectum, & ex eiuſdem craneo propinatum, urſinam rabiẽ induere, ut homo ille qui biberit, ſe in urſam transfiguratum putet, omniaq; uiſa ſub urſorũ ſpecie diiudicet, & ſic in illa rabie perſeuerare, quouſq; poculi uis fuerit reſoluta, nullo alio malo in complexione ſua inde percepto.

Hienæ uenefícia.

Baſiliſci etiã lius ſanguinis ueneficia

De ſuffitibus, & earum ratione & potentia.

Caput XLIII.

e

VFfumigationes etiam quædam ad ſtellas accommodatæ plurimum poſſunt, quatenus aërem ſpiritumq; uehementer afficiunt ad dotes cœleſtes opportune ſub ſtellarum radiis capeſſendas: ſpiritus enim noſter ab huiuſmodi uaporib⁹ plurimū tranſmutatur, ſiquidem uterq; ſit uapor quidam alterius ſimilis. Aër etiam per dictos uapores inferiorū & cœleſtium qualitatibus facilime affectus, in præcordia aſſidue & repente penetrās, ad ſimiles nos mirabiliter redigit qualitates: quare uaticinaturo adhiberi ſolent ſuffumigationes ad phantaſiam afficiendam, quæ quidem certis numinibus conſentaneæ ad diuinam inſpirationem ſuſcipiendam nos accōmodant: ſic dicūt quòd ſuffitus ex ſemine lini, & ſemine pſyllii, & radicibus uiolæ & apii, facit uidere res futuras, & confert ad prophetiam. Quātum uero ſuffumigationes in aërem poſſint nemo miretur, qui ſentiat cum Porphyrio certis quibuſdā uaporibus à propriis ſuffumigationibus exhalantibus, aëreos dæmones ſtatim allici & inſinuari, tonitrua, & fulmina induci & ſimilia: quemadmodum iecur chamæleontis in ſummis tegulis uſtum, conſtat imbres & fulmina incitare: ſimiliter caput & guttur, ſi roboreis lignis accēdatur, imbrium & tonitruum cōcuſſus facere. Fiunt etiam ſuffumigationes ſub opportunis ſtellarum influxibus, facientes dæmonum idola in aëre uel alibi protinus apparere. Sic inquiunt, ſi ex coriandro, & apio ſiue hyoſcyamo cum cicuta fumigium fiat, dæmones ſtatim congregari: hinc illas herbas ſpirituum uocant. Similiter dicunt, ſi ex radice cannæ ferulæ cum ſucco, cicutæ & hyoſcyami, & taſſi, baſſi, & ſandalo rubeo ac papauere nigro, facta confectione fiat ſuffitus, facit apparere dæmones & figuras extraneas: & ſi iſtis additum fuerit apium, fugat dæmones & omni loco, & deſtruit idola illorum. Simili modo ſuffitus factus ex calaminto, pæonia, menta & palma Chriſti, omnes malos ſpiritus & noxia phantaſmata propellit. Præterea certis ſuffumigiis, quædam animalia cōgregari, uel fugari tradunt, ſicut de lipare ſuffito refert Plinius, omnes beſtias euocari: ſic è ſummo gutture cerui uſtis oſſibus congregari ſerpentes, cornu uero ceruino ſuffito fugari. Idem faciunt pennæ pauonū ſuffitæ. Similiter accenſo pulmone aſini, uenenata oīa fugere: ungula equi ſuffita in domo aliqua, effugari mures. Idem fieri ex ungula mulæ. Muſcas quoq; ea fugari, ſi de ſiniſtro pede fuerit. & dicunt, quòd ſi ſuffumigetur domus aut locus aliquis cum felle ſepiæ, confecto cum thymiamate, & roſis, & ligno aloës, ſi tunc proiiciatur in loco illo aliquid de aqua marina, aut de ſanguine, uidebitur tota domus plena aqua aut ſanguinis: & ſi proiiciatur ībi terra arata, uidebitur terra tremere. Vapores autē eiuſmodi corpus aliquod efficere, & uirtutē huic infundere atq; diutiſſime pſeuerare, non ſecus arbitrādū eſt, atq; cōtagioſus aliquis aut uenenoſus peſtilētiæ uapor etiā ultra biēniū in pariete dom⁹ ſeruatus, habitātes inficit, ac qualis ex epidemia uel lepra latēs in ueſte calamitas, diu poſtea inficit utētē. Iccirco imaginib⁹

Suffitus ad prophetiam conducens.

Spirituum herbæ.

& annulis,& ſimilibus magiæ inſtrumentis,& theſauris abſcõditis ſuffumigationes certæ adhibentur,quas haud parum cõferre Porphyrius teſtatur. Sic dicunt,ſi quis defoderit aurum uel argentum uel aliquod pretioſum,luna ſoli coniuncta in imo cœli,& ſuffumigauerit locũ cum coriandro,& croco,& hyoſcyamo,& apio,& papauere nigro,æquis ponderibus cõtuſis,& cũ ſucco cicutæ diſtẽperatis,nũquã inueniri aut auferri poterit quod ſic abſcõditũ eſt,ſemperq; dæmones cuſtodiẽt illud: & ſi qs nitatur inde aliquid auferre,infeſtabit ab illis,& incidet in phreneſim. & dicit Hermes,quòd ſperma ceti in ſuffitu non habet ſibi par ad alliciendos dæmones: quare ſi ex eo & ligno aloës,coſto,muſco,croco,thymiamate,cũ ſanguine upupæ diſtẽperatis fiat ſuffitus,ualde cito cõgregat ſpiritus aëreos:& ſi ex eo ſuffumigetur circa ſepulchra mortuorũ, congregat manes & umbras mortuorũ. Sic quoties ad ſolem opus aliquod dirigimus, ſuffumigamus cum ſolaribus:ſi ad lunam,cũ lunaribus,& ſimiliter de cęteris faciebant.Et eſt ſciendũ,quòd ſicut cõtrarietas & inimicitia eſt in ſtellis & ſpiritibus,ita etiã in ſuffumigiis ad eoſdẽ:ſic cõtrariantur inuicem lignum aloës & ſulphur:thus,& argentũ uiuum:& ſpiritus inducti per ſuffitũ ligni aloës, accenſo ſulphure fugiunt. Quemadmodum exemplificat Proclus ſpiritum ſolitum apparere in forma leonis,obiecto gallo,mox diſparuiſſe, quia gallus contrariatur leoni,& ſic de ſimilibus conſiderandum & practicandum eſt.

Cõpoſitio quorundã ſuffituũ planetis accõmodatorũ. Cap. XLIIII

Ic cõficimus pro Sole ſuffumigationem,ex croco,ambra, muſco,ligno aloes,ligno balſami,& ex fructibus lauri, cum garyophyllis,& myrrha,& thure, quæ omnia contuſa & certa proportione commixta, ea uidelicet quæ ſuauiorem reddat odorem,incorporãtur cum cerebro aquilæ, uel ſanguine galli albi, in modum pilularum uel trochiſcorum.

Lunarem uero ſuffumigationem conficimus ex capite ranæ arefacto,& oculis tauri,& ſemine papaueris albi cũ thure & camphora,quæ incorporabuntur cum ſanguine menſtruo,uel ſanguine anſeris.

Pro Saturno capitur ſemen papaueris nigri,ſemen hyoſcyami,radix mãdragoræ,lapis magnes & myrrha,& conficiuntur cum cerebro cati, uel ſanguine ueſpertilionis.

Pro Ioue accipitur ſemen fraxini, lignum aloës,ſtorax,gummi benzae, lapis lazuli,& de ſummitate pennarum pauonis,& incorporantur cum ſanguine iconiæ,uel hirundinis,uel cerebro ceruino.

Pro Marte capimus euphorbium,bdelliũ,armoniacũ,radices utriuſque ellebori,lapidem magnetis & parum ſulphuris,& incorporantur omnia cũ cerebro corui,ſanguine humano,& ſanguine cati nigri.

Pro Venere cõficimꝰ fumigiũ ex muſco,ambra,ligno aloës,roſis rubeis, & corallo rubeo, & cõficiuntur cũ cerebellis paſſerũ & ſanguine colũbarũ.

Pro Mercurio fit ſuffumigium,ex maſtyche,thure garyophyllis & herba pentaphyllo,ac lapide achate,& incorporantur omnia cum cerebro uulpis uel muſtelæ,& cum ſanguine picæ.

Sunt præterea ſuffitus Saturni, omnes odoriferæ radices, ut coſti & herbæ thuris. Iouis ſuffitus,odoriferi quiq; fructus,ut nux muſcata,ut garyophylli. Martis,omne odoriferum lignum,ſandalorum,cupreſſi,balſami,& ligni aloës. Solis omne gũmi,thus,maſtyche,benzae,ſtorax,ladanũ, atq; ambra & muſcus. Veneris ſunt flores,roſę,uiolę,crocus,& conſimiles. Mercurii oẽs cortices lignorũ & fructuũ,ut cinnamomũ,caſſia lignea,macis, cortices citri & lauri grana,& quæq; etiã odorifera ſemina. Luna habet pro ſuffitu uegetabiliũ omnium folia,ut foliũ Indum,& folia myrti,& lauri. Scias præterea iuxta magorum ſententias,quòd in omni opere bono, ut ſunt amor,beneuolentia & ſimilia,ſuffumigium debet eſſe bonum,redolẽs,& pretioſum In malo aũt opere,ut ſunt odiũ,ira, calamitas & ſimilia,ſuffumigium debet eſſe fœtidum & uile. Habẽt etiam duodecim ſigna Zodiaci ſuos ſuffitus,ut Aries,myrrham: Taurus,coſtũ: Gemini,maſtychen: Cãcer,cãphorã: Leo, thus: Virgo,ſandalos: Libra,galbanum: Scorpius,opopanacẽ: Sagittarius, lignum aloës: Capricornus,aſam: Aquarius,euphorbium: Piſces,thymiama. Potẽtiſſimum aũt ſuffituum deſcribit Hermes,ex ſeptem aromatibus, iuxta ſeptem planetarum uires conflatum: recipit nanq; à Saturno coſtũ,à Ioue nucem muſcatam,à Marte lignum aloës,à Sole maſtychem,à Venere crocum,à Mercurio cinnamomum,à Luna myrtum.

De Collyriis, unctionibus, philtris, eorũq; uirtutibus. Cap. XLV.

COllyria etiam & unguenta naturalium cœleſtiumq; uires conſpirantia circa ſpiritum noſtrum, poſſunt eum multiplicare, tranſmutare,transfigurare,transformare,alias aliter: iam uero & tranſpoſitionem inducere potẽtiarum illarum,quæ ſibi inſunt,ut iam non ſolum poſſit in proprium corpus agere, ſed etiam in propinquũ, atq; illud per radios uiſuales, per faſcinationes, perq; cõtactus quadam ſimili afficere qualitate: ſpiritus autẽ noſter, quia uapor eſt ſanguinis ſubtilis, purus, lucidus,aëreus, atq; unctuoſus: iccirco conducit collyria ex ſimilibus uaporibus conficere, qui cum ſpiritu noſtro magis conſonant in ſubſtantia,tum propter ſimilitudinem magis alliciunt,attrahunt ſpiritũq; transformant. Similes uirtutes unguenta quædam & alię confectiones poſſident: hinc per contactus quãdoq; ægritudines,ueneficia uel amores inducuntur quibuſdam rebus manibus uel ueſtibus inunctis: ſimiliter per oſcula quibuſdam rebus in ore retentis amores inducuntur,ut apud Vergilium legimus Venerem Cupidinem precatam eſſe:

Vt cum te gremio accipiat lætiſſima Dido
Regales inter menſas,laticemq; Lyæum
Et dabit amplexus,atq; oſcula dulcia figet,

Occultum inſpires ignem, fallasq; ueneno.

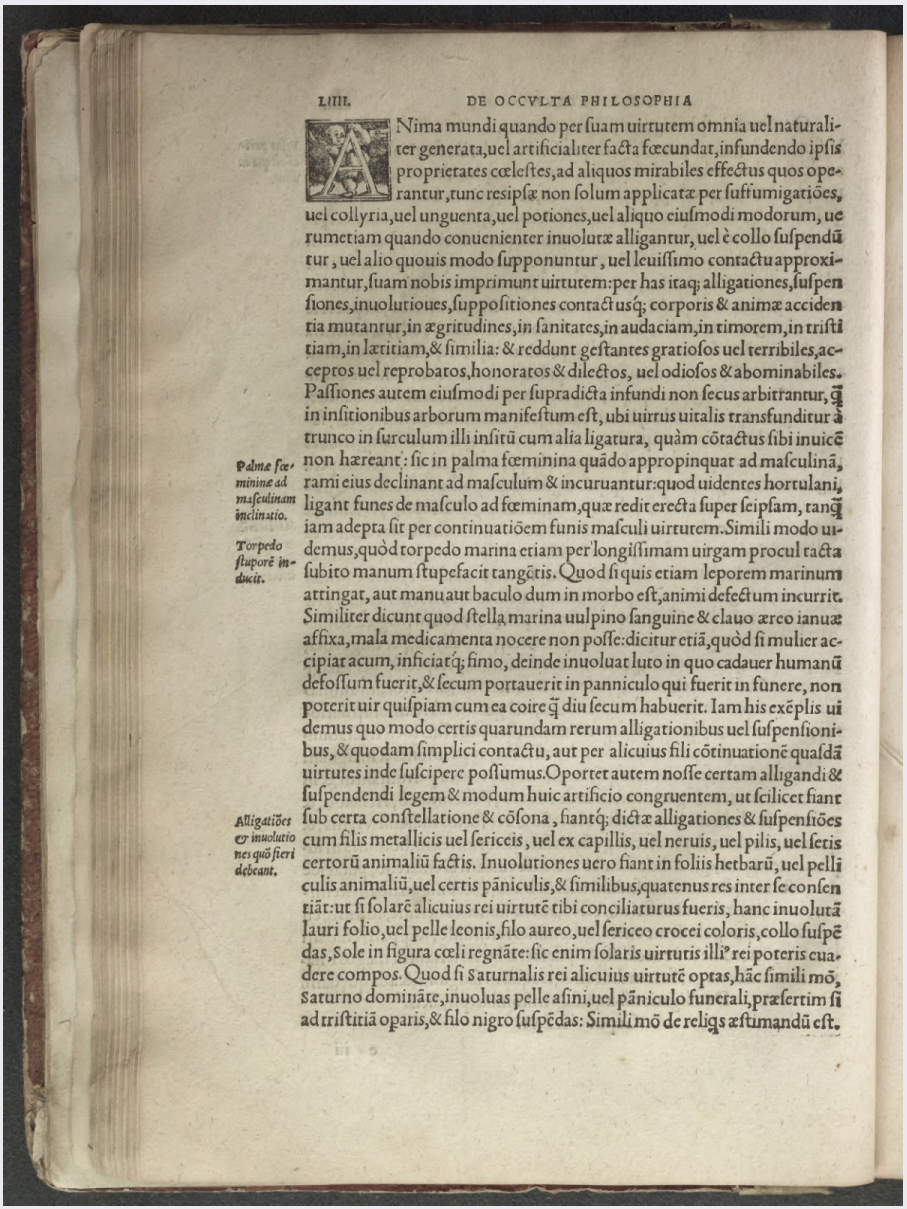
Viſus autem quia eſt purius, & reliquis ſenſibus clarius ſentiens, acutiusq; ac altius nobis rerum notas infigens, maxime ac plus aliis conuenit cũ ſpiritu phantaſtico, quod apparet in ſomniis, ubi ſępius nobis uiſa ſeſe offerũt quàm audita, uel reliquæ ſenſationes. Iccirco collyria quando uiſuales ſpiritus transformant, ſpiritus ille imaginationem facile afficit, quæ quidem diuerſis ſpeciebus ac formis affecta, ipſas per eundem ſpiritum tranſmittit ad ſenſum exteriorem uiſus, quo caſu cauſatur in eo talium ſpecierũ ac formarum ſenſatio ſuo modo, ac ſi ab exteris obiectis moueretur, ut putet ſe uidere imagines terribiles, dæmones, & ſimilia: ſic fiunt collyria facientia nos dæmonũ umbras in aëre uel alibi protinus aſpicere, quale ego noui ex felle hominis & oculis catti nigri, & ex quibuſdam aliis rebus cõficere. Simile huic etiam ex ſanguine upupæ, ueſpertilionis & hirci conficitur: & dicũt, ſi inungatur ſpeculum chalybeum cum ſucco arthemiſiæ, & fumigetur, facit in eo uidere inuocatos ſpiritus. Sic fiũt etiam quędam ſuffumigationes uel inunctiones, quæ faciant dormientes loqui, ambulare & exercere opera uigilantium, atq; etiam quãdoq; quæ uigilãtes uix poſſint uel auſint. Quædam nos faciunt audire ſonos horrendos, uel delectabiles nusq; preſentes & ciuſmodi. Hæc eadem cauſa eſt cur maniaci ac melancholici credunt ſe ea uidere uel audire extrinſecus, quæ non niſi intrinſecus imaginatio phantaſticatur, hinc timent nõ timenda, & in ſuſpiciones mirabiles, ac falſiſſimas incidunt, & fugiunt nemine perſequente, traſcũtur & luctãtur nemine præſente, timent ubi non eſt timor: cuiuſmodi paſſiones etiam magicæ confectiones inducere poſſunt, per ſuffumigationes, per collyria, per unguenta, per potiones, per ueneficia, per lampades & lumina, per ſpecula, per imagines, incantamenta & carmina, per ſonos & concentus, ex certorum animalium neruis certa harmonia conſtantibus, etiã per uarios ritus, obſeruationes, ceremonias, religiones, & ſuperſtitiones, ſicut hæc ſuis locis tractabuntur. Neq; ſolum his artificiis eiuſmodi paſſiones, apparitiones & imaginationes inducuntur, ſed etiam res ipſę atq; homines reuera permutantur, & in uarias formas transfigurantur, ſicut de Proteo, Periclimeno, Acheloo, & Metra Eriſichthonis filia narrãt poętæ: ſic Circe ſocios mutauit Vlyſſis: & quondam in Iouis Lycæi ſacris guſtatis ſacrificiorum extis, homines in lupos uertebantur, quod dicit Plinius accidiſſe cuidam Demarcho, putat idẽ Auguſtinus. Narrat etiam ſe dum eſſet in Italia, accepiſſe quaſdam fœminas, dato uiatoribus ueneficio in caſeo, eos in iumenta uertiſſe, rurſusq; cũ portaſſent, quæ uoluiſſent onera, in homines reſtituiſſe, idq; patri cuidam Præſtantii nomine tunc accidiſſe: & ipſæ ſacræ literæ teſtantur magos Pharaonis mutaſſe uirgas ſuas in dracones, & aquã in ſanguinẽ, & alia quędam.

Viſus purior eſt quã cæteri auditus.

Maniacorũ & melãcholicorũ affectiões unde.

De alligationibus, & ſuſpenſionibus phyſicis.

Caput XLVI.

ANima mundi quando per ſuam uirtutem omnia uel naturaliter generata, uel artificialiter facta fœcundat, infundendo ipſis proprietates cœleſtes, ad aliquos mirabiles effectus quos operantur, tunc reſipſæ non ſolum applicatæ per ſuffumigatiões, uel collyria, uel unguenta, uel potiones, uel aliquo eiuſmodi modorum, uerumetiam quando conuenienter inuolutæ alligantur, uel è collo ſuſpendũtur, uel alio quouis modo ſupponuntur, uel leuiſſimo contactu approximantur, ſuam nobis imprimunt uirtutem: per has itaq; alligationes, ſuſpenſiones, inuolutiones, ſuppoſitiones contactuſq; corporis & animæ accidentia mutantur, in ægritudines, in ſanitates, in audaciam, in timorem, in triſtitiam, in lætitiam, & ſimilia: & reddunt geſtantes gratioſos uel terribiles, accepros uel reprobatos, honoratos & dilectos, uel odioſos & abominabiles. Paſſiones autem eiuſmodi per ſupradicta infundi non ſecus arbitrantur, q̃ in inſitionibus arborum manifeſtum eſt, ubi uirtus uitalis transfunditur à trunco in ſurculum illi inſitũ cum alia ligatura, quàm cõtactus ſibi inuicẽ non hæreant: ſic in palma fœminina quãdo appropinquat ad maſculinã, rami eius declinant ad maſculum & incuruantur: quod uidentes hortulani, ligant funes de maſculo ad fœminam, quæ redit erecta ſuper ſeipſam, tanq̃ iam adepta ſit per continuatiõem funis maſculi uirtutem. Simili modo uidemus, quòd torpedo marina etiam per longiſſimam uirgam procul tacta ſubito manum ſtupefacit tangẽtis. Quod ſi quis etiam leporem marinum attingat, aut manu aut baculo dum in morbo eſt, animi defectum incurrit. Similiter dicunt quod ſtellã marina uulpino ſanguine & clauo æreo ianuæ affixa, mala medicamenta nocere non poſſe: dicitur etiã, quòd ſi mulier accipiat acum, inficiatq; ſimo, deinde inuoluat luto in quo cadauer humanũ defoſſum fuerit, & ſecum portauerit in panniculo qui fuerit in funere, non poterit uir quiſpiam cum ea coire q̃ diu ſecum habuerit. Iam his exẽplis uidemus quo modo certis quarundam rerum alligationibus uel ſuſpenſionibus, & quodam ſimplici contactu, aut per alicuius fili cõtinuationẽ quaſdã uirtutes inde ſuſcipere poſſumus. Oportet autem noſſe certam alligandi & ſuſpendendi legem & modum huic artificio congruentem, ut ſcilicet fiant ſub certa conſtellatione & cõſona, fiantq; dictæ alligationes & ſuſpenſiões cum filis metallicis uel ſericeis, uel ex capillis, uel neruis, uel pilis, uel ſetis certorũ animaliũ factis. Inuolutiones uero fiant in foliis hetbarũ, uel pelliculis animaliũ, uel certis pãniculis, & ſimilibus, quatenus res inter ſe conſentiãt: ut ſi ſolarẽ alicuius rei uirtutẽ tibi conciliaturus fueris, hanc inuolutã lauri folio, uel pelle leonis, filo aureo, uel ſericeo crocei coloris, collo ſuſpẽdas, Sole in figura cœli regnãte: ſic enim ſolaris uirtutis illi⁹ rei poteris cuadere compos. Quod ſi Saturnalis rei alicuius uirtutẽ optas, hãc ſimili mõ, Saturno dominãte, inuoluas pelle aſini, uel pãniculo funerali, præſertim ſi ad triſtitiã oparis, & filo nigro ſuſpẽdas: Simili mõ de reliqs æſtumandũ eſt.

Palmæ fœminæ ad maſculinam inclinatio.

Torpedo ſtuporẽ inducit.

Alligatiões & inuolutiones quõ fieri debeant.

De annulis & eorum compositionibus. Cap. XLVII.

ANnuli etiã quos ſemper magnifecit antiquitas, quando opportune fabricantur, ſimili modo ſuam in nobis promunt uirtutẽ, quatenus geſtãtem, eiuſq; ſpiritum afficiunt lætum, uel triſtem, manſuetum uel terribilem, audacem uel timidum, amabilẽ uel odioſum: etiam quatenus muniunt nos contra ægritudines, uenena, hoſtes cacodæmones, & contra quæuis alia noxia, uel nos obligãt eiſdem. Modus autem conſtruendi annulos eiuſmodi, talis eſt: quando uidelicet ſtella aliqua aſcẽdit fortunata, & à Luna fœliciter aſpecta, uel ſibi cõiuncta, debemus lapidem herbamq; huic ſtellæ ſubditam accipere, atq; annulum ex metallo huic ſtellæ cõformi fabricare, & in eo lapillum infigere herba uel radice ſub iecta: deniq; inſcriptiões imaginum, nominum, characterum, præterea ſuffumigationes non prætermittere: ſed hæc alibi diſcutiemus, ubi de imaginibus & characteribus tractandum erit. Sic legimus apud Philoſtratum Iarcham ſapientum Indorum principem, ſeptem annulos hac lege confectos & ſeptem planetarum uirtutibus, ac nominibus inſignitos tradidiſſe Apollonio, quos ille ſingulis diebus ſingulos geſtauerit, iuxta dierum nomina diſtinguens, quorum beneficio ipſe ſupra annum cẽteſimum ac triceſimum uixerit, inſuper & iuuentæ nitorem ſemper retinens. Simili modo Moſes Hebræor⁹ legiſlator ac princeps, in Aegypto magia imbutus, annulos amoris & obliuionis confeciſſe legitur apud Ioſephum. Erat etiam, narrãte Ariſtotele, apud Cireneos annulus Batti, gratitudinis atq; honoris habẽs argumentum. Legimus inſuper Eudamum quendam philoſophum annulos contra ſerpentũ morſus, faſcinationes atq; dæmonia confeciſſe. Idem de Salomone narrat Ioſephus. Quin & apud Platonẽ legimus Gygi Lydor⁹ regi annulum fuiſſe mirandæ ac inuſitatę uirtutis, cuius ſigillum cum ille in palmã conuertiſſet, à nullo uidebatur, ipſe omnia uidens: qua annuli opportunitate fretus, reginæ ſtuprum intulit, regem dominum occidit, & quoſcũq; ſibi obſtare arbitrabatur interemit, atq; in his eum facinoribus nullus uidere poterat, tandem eo annuli beneficio rex Lydiæ factus eſt.

Annulorum compoſitio.

De locor⁹ uirtutib⁹, & q̃ loca cuiq; ſtellæ correſpondẽt. Ca. XLVIII.

VNt & locorum mirandæ uirtutes, aut à rebus locatis, aut ab influxibus ſtellarũ illa comitantes, aut alio quouis modo aduentitiæ: Nã, ut refert Plinius de cuculo, quo quis loco primũ audiat alitem illã, ſi dexter pes circũſcribat, ac ueſtigium id effodiatur, nõ gigni pulices ubicunq; ſpargatur. Sic ferunt puluerẽ è ueſtigio anguium collectum, ſi cũ eo reſpergantur apes, in alueare reuerti: ſimiliter puluerem in quo ſe mula uolutauerit inſperſum corpori, mitigare ardores amoris: puluerẽ aũt in quo ſe accipiter uolutauerit, ſi alligeẽt linteolo rutilo, ferũt ipſum quartanis remedio eſſe: ſic & è nido hirũdinũ lapillus collect⁹, recreare cõfeſtim dicit comitiales: & adalligatus, perpetuo tueri, pötiſſime

si sanguini uel cordi hirundinum fuerit inuolutus: & fertur, si quis incisa uena & ieiunus transierit super locum ubi recenter ceciderit corruens morbo comitiali, in eum trâsire morbum. & narrat Plinius, quòd clauum ferreum defigere in quo loco primum caput defixerit corruẽs morbo comitiali, absolutorium eius mali fore. Sic herbam in capite statuæ natam collectamq; alicuius, in uestis panno adalligatam lino ruffo, capitis dolorem cõfestim sedare tradunt: & herbam quamcunq; è riuis, aut fluminibus collectam ante solis ortum, ut nemo colligentem uideat, tertianam leuo brachio, ita, ut æger quid sit illud ignoret. Ex locis uero quę stellis appropriata sunt, Saturno correspondent loca quęuis fœtida, tenebrosa, subterranea, religiosa & funesta, ut cœmiteria, busta, & hominibus deserta habitacula, & uetustate caduca, loca obscura, & horrenda, & solitaria antra, cauernæ, putei. Præterea picinæ, stagna, paludes, & eiusmodi. Ioui adscribũtur loca quæuis priuilegiata, purpuratorum consistoria, tribunalia, cathedræ, gymnasia, scholæ, & omnia loca nitida, munda, uariis suauibus odoramentis respersa. Mars tenet loca ignea & sanguinolenta, fornaces, pistrinas, macella, cruces, patibula, & loca in quibus bellorũ strages, cędesq; factæ sunt, & carnificinas, & eiusmodi. Ad Solem pertinent lucida, aër serenus, palatia regum, & principum aulæ, pulpita, theatra, throni, & omnia regia, & magnifica quæq;. Venus autem incolit fontes amœnos, uiridantia prata, floridos hortulos, ornata cubilia, & lupanaria (& ut Orpheo placet) cęrulea, littora, & balnea, chorearum palęstras, & multebria cuncta. Mercurius obtinet officinas, scholas, tabernas, mercatorum foros & consimilia. Luna habitat deserta, syluas, rupes, & immania saxa, montes, nemora, fontes, aquas, flumina, maria, littora, naues: dicitur quoq; uarios lucos inerrans, possidetq; uias publicas, & reconditoria frugum, & similia. Hac ratione ad amorem operaturi, solẽt suæ artis instrumenta, siue annulos, siue imagines, siue specula, seu alia per aliquod certum tempus sepelire, aut abscondere in lupanari, quo ex loco illo Venerea quadam facultate adficiantur: quod non secus fieri putant, quàm res quæ stant in loco fœtido, efficiuntur fœtidæ: & quæ in loco aromatico, fiunt aromaticæ & redolentes. Ipsi etiam mundi situs huc pertinẽt. Hinc collecturos herbam Saturnalem, uel Martialem, uel Iouiam, iubent ad orientem spectare, uel ad meridiem. Primum, quia gaudent esse orientales à Sole: alterum, quia principalia eorum domicilia, scilicet, Aquarius, Scorpius, Sagittarius, signa sunt meridionalia: similiter Capricornus & Pisces. Collecturos uero rẽ Veneream, Mercurialem uel Lunarem, spectare iubent uersus occidentẽ, quia gaudent esse occidentales: uel contra septentrionem, quia domicilia eorum principalia, quæ sunt, Taurus, Gemini, Cancer, Virgo, signa sunt septentrionalia: sic in opere solari spectandum est contra orientem, uel meridiẽ, quia potius semper ad ipsum solare corpus atq; lumen.

Loca Planetis respondẽtia.

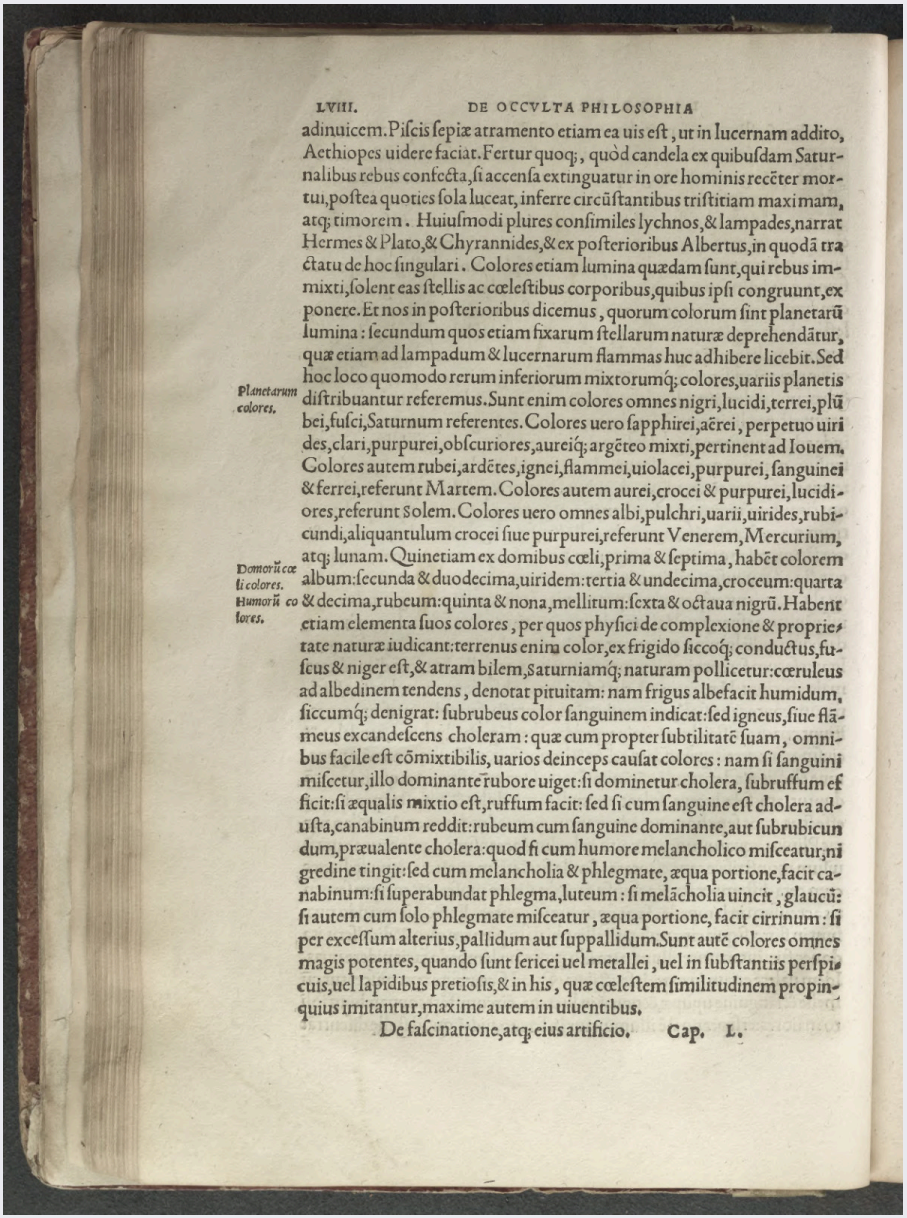
Mũdi plagæ planetis subiectæ.

De lumine & coloribus, de lychnis & lampadibus,

quibus ſtellis, domibus & elementis diſtribuantur. Cap. XLIX.

VMen etiam qualitas multum formalis,& ſimplex actus intelligentiæ,& imago: primo à diuina mente in omnia diffuſa,ſed in ipſo deo patre,qui eſt pater luminũ,eſt prima uera lux: deinde in filio illius illuſtrans ſplendor & exuberans: in ſpiritu ſancto ardens fulgor,ſuperans omnem intelligentiam etiam,ut inquit Dionyſius,ſeraphinorum. In angelis itaq; diffuſa fit ſplendens intelligentia,profuſumq; gaudium ſupra omnis rationis terminos, diuerſis tamen gradibus ſecundum ſuſcipientis intelligentiæ naturã ſuſcepta: deſcẽdit deinceps in cœleſtia,ubi fit copia uitæ & efficax propagatio,etiã uiſibilis ſplendor: In igne uero naturalis quidã uigor à cœleſtibus inſitus:In hominibus deniq; fit lucidus rationis diſcurſus,& rerum diuinarum cognitio,totaq; rationalis:ſed & hæc multiplex,aut diſpoſitione corporis,ut uolũt Peripatetici, aut quod uerius eſt,pro libito cauſæ largientis, qui diuidit ſingulis prout uult:tranſit inde ad phantaſiam, ſupra ſenſum tamen: ſed ſolum imaginabilis tandẽ ad ſenſum,maxime uero oculorum. In eo fit uiſibilis claritas,porrigiturq; alternis perſpicuis corporibus, in quibus fit color & pulchritudo renitens: in opacis autem uirtus quædam benefica & generans, penetratq; uſq; ad centrum,ubi radiis eius in anguſtum collectis,fit caliginoſus calor, crucians & exæſtuans,adeo omnia lucis uigorem,pro eoꝝ capacitate perſentiunt,quæ cuncta ad ſe uiuifico calore cõnectens,tum cuncta permeans entia,earum qualitates uirtutesq; conducit per omnia. Iccirco uetant magi umbra cuiuſq; infirmi aſpergi,uel infirmi alicuius urinam cõtra ſolem lunam ue nudari:quia radii luminis penetrantes,ſubito morboſum corpus noxias qualitates ſecum ferentes,traiiciunt in aduerſum, atq; illud eiuſmodi qualitate male afficiunt: Hæc ratio eſt,cur faſcinantes obſeruant,ut umbra ſua faſcinatum contegant:ſic hyæna umbræ ſuæ contactu facit obmuteſcere canes. Fiunt etiam artificialiter lumina quædam per lãpades,lychnos,candelas,& eiuſmodi ex certis quibuſdam rebus & liquoribus, ad ſtellas normã opportune electis,& ad eorundẽ cõgruitatẽ inter ſe compoſitis, quæ quando accẽduntur, atq; ſolæ lucent, ſolent nonnullos mirabiles & cœleſtes producere effectus,quos ſæpe homines admirantur,quemadmodum ex Anaxilao narrat Plinius,equarum uirus à coitu in lychnis accenſum, equinorum capitũ uiſum monſtrifice repræſentare: ſimile fieri etiam ex aſinis. & muſciliones cum cera diſtemperatæ & accenſæ,faciunt uidere muſcas: & corium ſerpentis accenſum in lampade, facit apparere ſerpentes. Et dicunt quando uuæ ſunt in flore,ſi quis circumligarit illis phialam plenam oleo,& dimiſerit ita donec fuerint maturę,illuminato illo poſtea in lampade,facit uidere uuas. Idem ualere etiam in cæteris fructibus. Quod ſi centaurea permiſceatur cũ melle & ſanguine upupæ,& ponat in lucerna, circumſtãtes apparebunt ſolito maiores:etſi per noctẽ illuminetur in ſereno,uidet,quòd ſtellę diſcurrãt

adinuicem. Piſcis ſepiæ atramento etiam ea uis eſt, ut in lucernam addito, Aethiopes uidere faciat. Fertur quoq;, quòd candela ex quibuſdam Saturnalibus rebus confecta, ſi accenſa extinguatur in ore hominis recèter mortui, poſtea quoties ſola luceat, inferre circūſtantibus triſtitiam maximam, atq; timorem. Huiuſmodi plures conſimiles lychnos, & lampades, narrat Hermes & Plato, & Chyrannides, & ex poſterioribus Albertus, in quodā tractatu de hoc ſingulari. Colores etiam lumina quædam ſunt, qui rebus immixti, ſolent eas ſtellis ac cœleſtibus corporibus, quibus ipſi congruunt, exponere. Et nos in poſterioribus dicemus, quorum colorum ſint planetarū lumina: ſecundum quos etiam fixarum ſtellarum naturæ deprehendātur, quæ etiam ad lampadum & lucernarum flammas huc adhibere licebit. Sed hoc loco quomodo rerum inferiorum mixtorumq; colores, uariis planetis diſtribuantur referemus. Sunt enim colores omnes nigri, lucidi, terrei, plūbei, fuſci, Saturnum referentes. Colores uero ſapphirei, aërei, perpetuo uiridis, clari, purpurei, obſcuriores, aureiq; argēteo mixti, pertinent ad Iouem. Colores autem rubei, ardētes, ignei, flammei, uiolacei, purpurei, ſanguinei & ferrei, referunt Martem. Colores autem aurei, crocei & purpurei, lucidiores, referunt Solem. Colores uero omnes albi, pulchri, uarii, uirides, rubicundi, aliquantulum crocei ſiue purpurei, referunt Venerem, Mercurium, atq; lunam. Quinetiam ex domibus cœli, prima & ſeptima, habēt colorem album: ſecunda & duodecima, uiridem: tertia & undecima, croceum: quarta & decima, rubeum: quinta & nona, mellitum: ſexta & octaua nigrū. Habent etiam elementa ſuos colores, per quos phyſici de complexione & proprietate naturæ iudicant: terrenus enim color, ex frigido ſiccoq; conductus, fuſcus & niger eſt, & atram bilem, Saturniamq; naturam pollicetur: cœruleus ad albedinem tendens, denotat pituitam: nam frigus albefacit humidum, ſiccumq; denigrat: ſubrubeus color ſanguinem indicat: ſed igneus, ſiue flāmeus excandeſcens choleram: quæ cum propter ſubtilitatē ſuam, omnibus facile eſt cōmixtibilis, uarios deinceps cauſat colores: nam ſi ſanguini miſcetur, illo dominante rubore uiget: ſi dominetur cholera, ſubruffum efficit: ſi æqualis mixtio eſt, ruffum facit: ſed ſi cum ſanguine eſt cholera adūſta, canabinum reddit: rubeum cum ſanguine dominante, aut ſubrubicundum, prævalente cholera: quod ſi cum humore melancholico miſceatur, nigredine tingit: ſed cum melancholia & phlegmate, æqua portione, facit canabinum: ſi ſuperabundat phlegma, luteum: ſi melācholia uincit, glaucū: ſi autem cum ſolo phlegmate miſceatur, æqua portione, facit cirrinum: ſi per exceſſum alterius, pallidum aut ſuppallidum. Sunt autē colores omnes magis potentes, quando ſunt ſericei uel metallei, uel in ſubſtantiis perſpicuis, uel lapidibus pretioſis, & in his, quæ cœleſtem ſimilitudinem propinquius imitantur, maxime autem in uiuentibus.

Planetarum colores.

Domorū cœli colores.

Humorū colores.

De faſcinatione, atq; eius artificio. Cap. L.

RAscinatio est ligatio, quæ ex spiritu fascinãtis per oculos fascinati ad cor ipsius ingressa peruenit. Fascinationis autẽ instrumẽtum spiritus est, scilicet uapor quidam purus, lucidus, subtilis, à cordis calore ex puriori sanguine generatus: hic similes sibi radios per oculos semper emittit: radii isti emissi uaporẽ spiritalẽ secũ ferunt, uapor ille sanguinem, sicut apparet in lippis ac rubentibus oculis, cuius radius usq; ad obuios spectantis oculos emissus uaporem unà secũ corrupti sanguinis trahit, cuius contagione cogit spectantis oculos morbo simili laborare. Sic patefactus, & in aliquem intentus oculus cum forti imaginatione pro suorũ radiorum aculeis, qui spiritus uehicula sunt, ipsos in aduersos oculos iaculatur: qui quidẽ lentus spiritus fascinati diuerberans oculos, cũ à percutientis corde incitatur, percussi præcordia, tanq; regionẽ propriam fortitus, cor uulnerat, & spiritum inficit peregrinus hic spiritus. Vnde Apuleius: Isti, inquit, oculi tui p meos oculos ad intima delapsi præcordia acerrimũ meis medullis cõmouent incendiũ. Scias itaq; homines tum maxime fascinari, quãdo frequẽtissimo intuitu aciẽ uisus ad aciẽ dirigẽtes, oculi oculis reciproce inhiant, radii radiis copulantur, & lumina luminibus iũguntur: tunc spiritus spiritui iũgitur, & scintillas defigit, sic fortissimę ligationes, sic amores acerrimi solis oculorũ radiis accenduntur, etiã uel repenti no quodã intuitu, ueluti iaculo seu ictu totũ corpus penetrante: unde tunc spiritus & sanguis amatorius sic uulnerati, non aliter in amantẽ & fascinantẽ feruntur, quàm sanguis & spiritus uindictæ alicuius cęsi prolabũtur in cædentem: unde Lucretius de his amatoriis fascinationibus cecinit:

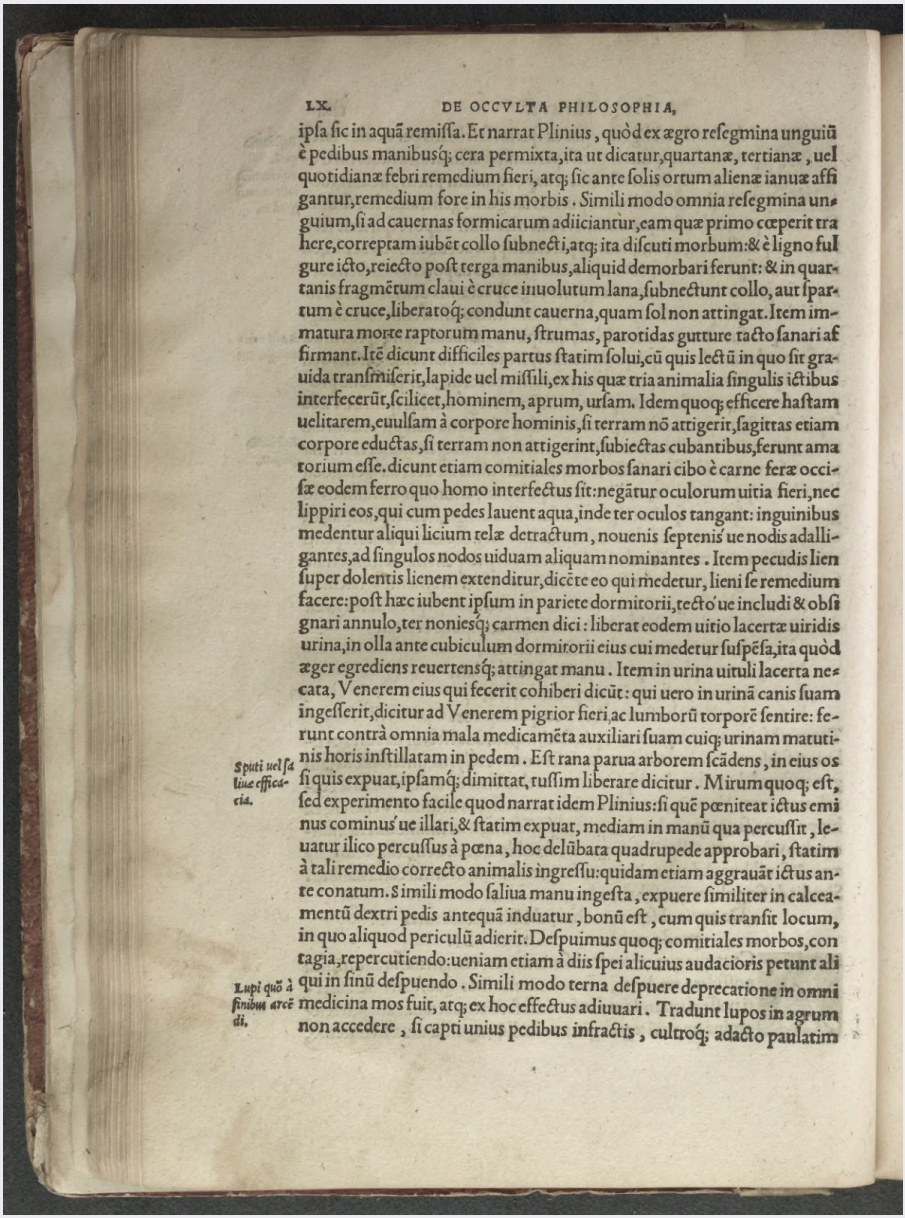
Idq; petit corpus mens unde est saucia amore,
Nanq; omnes plerunq; cadunt in uulnus, & illam
Emicat in partem, sanguis quaq; icimur ictu,
Et si cominus est, hostem rubor occupat humor.

Tanta est fascinationis potentia, præsertim quando affectui uapores oculorum subseruiunt. Iccirco utuntur fascinantes collyriis, unctionibus, alligationibus & huiusmodi, ad spiritum tali uel tali modo afficiendum & corroborandum. Vt ad inducendum amorem collyriis utuntur Venereis, ex hippomane, sanguine columbarum uel passerum, & ex similibus. Ad inducendum timorem, collyriis utuntur Martialibus, ut ex oculis luporum, hyænæ, & similibus. Ad calamitatem uel ægritudinem, utuntur Saturnalibus. Similis de singulis ratio est habenda.

Fascinatiõ quid.
Fascinatiõis instrumentũ spiritus.
Radij uehicula spiritum
Fascinatio quõ fiat.

De certis obseruationibus, admirandas uirtutes producentibus. Caput LI.

ACtus quoque certos & obseruationes, certam naturalium uim possidere tradunt, ut credant morbos quosdam sic auferri posse aliquando, uel inferri: sic ferunt quartanas abigi, si resegmina unguiũ ægri ligẽtur ad collũ anguillæ uiuæ in linteolo,

ipſa ſic in aquã remiſſa. Et narrat Plinius, quòd ex ægro reſegmina unguiũ è pedibus manibuſq; cera permixta, ita ut dicatur, quartanæ, tertianæ, uel quotidianæ febri remedium fieri, atq; ſic ante ſolis ortum alienæ ianuæ affigantur, remedium fore in his morbis. Simili modo omnia reſegmina unguium, ſi ad cauernas formicarum adiiciantur, eam quæ primo cœperit trahere, correptam iubẽt collo ſubnecti, atq; ita diſcuti morbum: & è ligno fulgure icto, reiecto poſt terga manibus, aliquid demorbari ferunt: & in quartanis fragmẽtum claui è cruce inuolutum lana, ſubnectunt collo, aut ſpartum è cruce, liberatoq; condunt cauerna, quam ſol non attingat. Item immatura morte raptorum manu, ſtrumas, parotidas gutture tacto ſanari affirmant. Itẽ dicunt difficiles partus ſtatim ſolui, cũ quis lectũ in quo ſit grauida tranſmiſerit, lapide uel miſſili, ex his quæ tria animalia ſingulis ictibus interfecerũt, ſcilicet, hominem, aprum, urſam. Idem quoq; efficere haſtam uelitarem, euulſam à corpore hominis, ſi terram nõ attigerit, ſagittas etiam corpore eductas, ſi terram non attigerint, ſubiectas cubantibus, ferunt amatorium eſſe. dicunt etiam comitiales morbos ſanari cibo è carne feræ occiſæ eodem ferro quo homo interfectus ſit: negãtur oculorum uitia fieri, nec lippiri eos, qui cum pedes lauent aqua, inde ter oculos tangant: inguinibus medentur aliqui licium telæ detractum, nouenis ſeptenisue nodis adalligantes, ad ſingulos nodos uiduam aliquam nominantes. Item pecudis lien ſuper dolentis lienem extenditur, dicẽte eo qui medetur, lieni ſe remedium facere: poſt hæc iubent ipſum in pariete dormitorii, tecto ue includi & obſignari annulo, ter noniesq; carmen dici: liberat eodem uitio lacertæ uiridis urina, in olla ante cubiculum dormitorii eius cui medetur ſuſpẽſa, ita quòd æger egrediens reuertensq; attingat manu. Item in urina uituli lacerta necata, Venerem eius qui fecerit cohiberi dicũt: qui uero in urinã canis ſuam ingeſſerit, dicitur ad Venerem pigrior fieri, ac lumborũ torporẽ ſentire: ferunt contrà omnia mala medicamẽta auxiliari ſuam cuiq; urinam matutinis horis inſtillatam in pedem. Eſt rana parua arborem ſcãdens, in eius os ſi quis expuat, ipſamq; dimittat, tuſſim liberare dicitur. Mirum quoq; eſt, ſed experimento facile quod narrat idem Plinius: ſi quẽ pœniteat ictus eminus cominus ue illari, & ſtatim expuat, mediam in manũ qua percuſſit, leuatur ilico percuſſus à pœna, hoc delũbata quadrupede approbari, ſtatim à tali remedio correcto animalis ingreſſu: quidam etiam aggrauãt ictus ante conatum. Simili modo ſaliua manu ingeſta, expuere ſimiliter in calceamentũ dextri pedis antequã induatur, bonũ eſt, cum quis tranſit locum, in quo aliquod periculũ adierit. Deſpuimus quoq; comitiales morbos, contagia, repercutiendo: ueniam etiam à diis ſpei alicuius audacioris petunt ali qui in ſinũ deſpuendo. Simili modo terna deſpuere deprecatione in omni medicina mos fuit, atq; ex hoc effectus adiuuari. Tradunt lupos in agrum non accedere, ſi capti unius pedibus infractis, cultroq; adacto paulatim

Sputi uel ſaliuæ efficacia.

Lupi quõ à finibus arcẽdi.

ſanguis circa fines agri ſpargatur,atq; ipſe fodiatur in eo loco, à quo cœperit primo trahi. Methanenſes Trezeniorum oppidani contra Noti iniuriã ad præſeruandas uites præſentaneũ remediũ certiſſimo ſemper experimento cõpertũ habuerunt,ſi flante adhuc uento , gallũ gallinaceũ albũ duo uiri diuerſum trahentes diſcerperent mediũ, & uterq; ſuã partẽ retinens uineta perluſtrarẽt,quouſq; circuitu peracto ad eum ex quo mouerãt loco, ambo ſibi obuii rediiſſent,tũcq; eo loci gallinacei fruſta defodiſſent. Tradũt etiã ſi quis uiperã in uaporem baculo ſuſtineat,eum futura præcinere,baculum quoq; quo angui rana excuſſa ſit parturiẽtibus auxiliari. hæc Plinius ipſe recitat. Iubent etiam in colligendis radicibus & herbis tribus circulis ante gladio circunſcribere , poſtea effodere, cauere præterea contrarium uentum. Item dicitur,quòd ſi quis menſurauerit hominem mortuum cum fune,primo à cubito ad maiorem digitum,deinde ab humero ad eundem digitum, & poſtea à capite uſq; ad pedes,faciendo ter omnes iſtas menſurationes , ſi alius quiſpiam poſtea cum eodem fune ſimili modo menſuretur,ferunt illum improſperari,& infortunari,ac cadere in calamitatem & triſtitiam. Et narrat Albertus ex Chyrannide, quòd ſi qua mulier te ligauit maleficiis in amorem ſuum,accipe camiſiam ſuam, & per capucium , & per manicã eius dextram minge foras & diſſoluetur maleficium. Et narrat Plinius, quòd ad ſidere grauidis,uel cum remedium alicui adhibetur , digitis pectinatim inter ſeſe complexis,ueneficium eſſe,idq; compertum Alcumena Herculem pariente : peius autem fore, ſi circa unum ambo ue genua id fiat . Similiter poplites alternis genibus imponere ueneficium eſt : ideoq; hæc in conſiliis ducum poteſtatumq; fieri uetitum,uelut omnes actus impedientia: & dicitur ſi quis ante oſtium ſtans nomine uocet cum muliere iacentem, atq; ille reſpondeat,ſi tunc aut cultrum , aut acum infigat oſtio , frangatq; acie dimiſſa,non poterit iacens coire cum illa,quam diu hæc ibi fuerint.

De uultu,ac geſtu,corporisq; habitudine & figura , & q̃ ex his quibus ſtellis reſpondeãt,unde phyſiognomonia,& metopoſcopia , & chiromãtia,diuinationũ artificia,ſua fundamẽta habeant. Caput LII.

VLtus uero ac geſtus,corporisq; motus & ſitus,& figuræ nobis inſuper adhibitæ , ad cœleſtia munera capienda conducunt, nosq; ſuperis exponũt , certosq; in nobis effectus producunt, non ſecus atq; in elleboro , quam quidem herbam colligens, ſi ue folium ſurſum trahat,ſiue deorſum,hoc ipſo motu cauſat , ut humores ſurſum trahat,uel deorſum. Quãtum etiam uultus atq; geſtus,uiſum,imaginationem ſpiritumq; animalem afficiunt,nemo ignorat: ſic coeuntes ad prolem, plerunq; uultus quos ipſi tunc uel agunt,uel imaginantur, ſolent naſcituris filiis imprimere: ſic clemens ac lætus in urbe principis uultus lætificat populum: ferox uel triſtis,repente perterret: ſic facile miſericordiam mouet geſtus ac figura lugẽtis: ſic facile amorem excitat amabilis perſonæ

Vultus at q; geſtus ẽtiam imaginationẽ afficiunt.

f

figura . Scire autem debes huiuſmodi geſtus ac figuras tanquam corporis harmonias ipſum non ſecus exponere cœleſtibus,quàm odores & medicinæ ſpiritum,atq; paſſiones interiores animam. Nã quemadmodũ medicinæ & paſſiones animi certis cœli diſpoſitionibus coaleſcũt:ſic etiam geſtus ac motus corporis certis cœleſtium influxibus efficaciã nanciſcũtur . Sunt autem geſtus Saturnum referentes,qui ſunt triſtes ac mœſti, ut ſunt planctus,capitis ictus:item religioſi,ut genuflexio aſpectu deorſum fixo,ueluti deprecantis:pectoris ictus uultuſq; cõſimiles, & auſteri ac Saturnini hominis,qualem deſcribit Satyricus:

Qui geſtus, quoſnã referãt planetas.

Obſtipo capite,& figentem lumina terra,
Murmura cum ſecum,& rabioſa ſilentia rodit,
Atq; exporrecto trutinatur uerba labello.

Iouem uero referunt,uultus hilares & honeſti,geſtus honorifici, manuum coniunctio,quaſi plaudentis,ſiue laudantis: item genuflexio capite ſurſum eleuato tanquam adorantis. Martem referunt,geſtus acres,feroces,crudeles,iracundi,truces,uultuſq; conſimiles . Solares ſunt animoſi, honorifici, uultuſq; conſimiles : item deambulationes & genuflexio, unico genu tanquam honorantis regem . Venerei ſunt,ut choreæ,amplexus,riſus,uultus amabiles ac læti. Mercuriales ſunt inconſtabiles,ſtrennui, lubricoſi & huiuſmodi,uultuſq; cõſimiles. Lunares ſunt mobiles,uenefici,pueriles & eiuſmodi. Et quemadmodum de geſtibus loquuti ſumus,ſic etiam hominum figuræ diſcretæ ſunt:Saturnus enim hominem indicat,colore inter nigrum & croceum,macrum,recuruum,cute aſpera,eminentibus uenis,corpore piloſum,paruis oculis,iunctis ſuperciliis,rara barba,groſſis labris, aſpectu in terram demerſo,ponderoſo inceſſu,confricantem pedes ambulando,calliidum,ingenioſum,ſeductorem,interfectorem. Iupiter uero hominẽ ſignificat colore album,rubore ſuffuſum,pulchri corporis,bonæ ſtaturæ, caluũ, habẽtem oculos maiuſculos,nõ prorſus nigros,pupillã latã, nares breues, non æquales,dentes anteriores maiuſculos,barbam criſpam , boni animi & bonorũ morũ. Mars hominẽ facit rubeũ,capillitio ruffo,facie rotũda,oculis croceis,horribilis & acuti proſpectus,audacẽ,feſtiuũ,ſuperbũ, callidum. Sol hominem ſignificat colore fuſcum,inter croceum & nigrum , cum rubore ſuperfuſum,ſtaturæ breuioris pulchri tamẽ corporis , corpore caluũ, & criſpum,oculis croceis,ſapientem,fidelem,laudis cupidũ. Venus hominẽ ſignificat album,tendentem ad nigredinem,plus tamen albũ,& rubore adornatum,pulchro corpore,pulchra facie & rotũda,pulchro capillitio, pulchris oculis,quorum nigredo eſt intenſior, bonorum morum , boni amoris,beneuolum,patientem & iocundum. Mercurius ſignificat ex figuris hominem non multum album , neq; nigrum , facie oblonga , fronte eleuata, pulchris oculis,nõ ex toto nigris,naſo recto & longiuſculo,rara barba,& lõgos habentẽ digitos,ingenioſum , ſubtilẽ inquiſitorẽ , uerſipellem & uariis

Figuræ quibus planctis reſpondẽt.

fortunis ſubiectum. Luna uero ſignificat hominẽ colore albũ, mixto rubore, pulchra ſtatura, facie rotũda, & ſæpe ſignata, oculis non ex toto nigris, iũctisq; ſuperciliis, beneuolũ, facilem & ſociabilem. Habent etiã ſigna, & faciles ſignorũ ſuas figuras, quas qui ſcire uelit in Aſtrologorũ libris eas requirat. Ex iſtis deniq; figuris & geſtibus, phyſiognomonia, & metopoſcopia, diuinationũ artes dependent: ipſaq; etiã chiromantia, prædicẽtes futuros euẽtus, non ut cauſæ, ſed ut ſigna per effectus cõſimiles, ab eadẽ cauſa cauſatos: & licet hæ diuinationũ ſpecies per inferiora & debiliora ſigna uaticinari uideantur, non tamẽ aſpernanda nec damnanda ſunt eorũ iudicia, quando nõ ex ſuperſtitione, ſed ex partiũ omnium corporis harmonica correſpondentia prognoſticanẽ. Quicunq; aũt nunc natura, ſtudio, actione, motu, geſtu, uultu, animi affectibus temporisq; opportunitate cœleſtia melius imitaẽ, ĩs tanquàm, ſuperis illis ſimilior, ampliores inde poteſt recipere dotes.

De diuinatione auſpiciorum, & auguriorum. Cap. LIII.

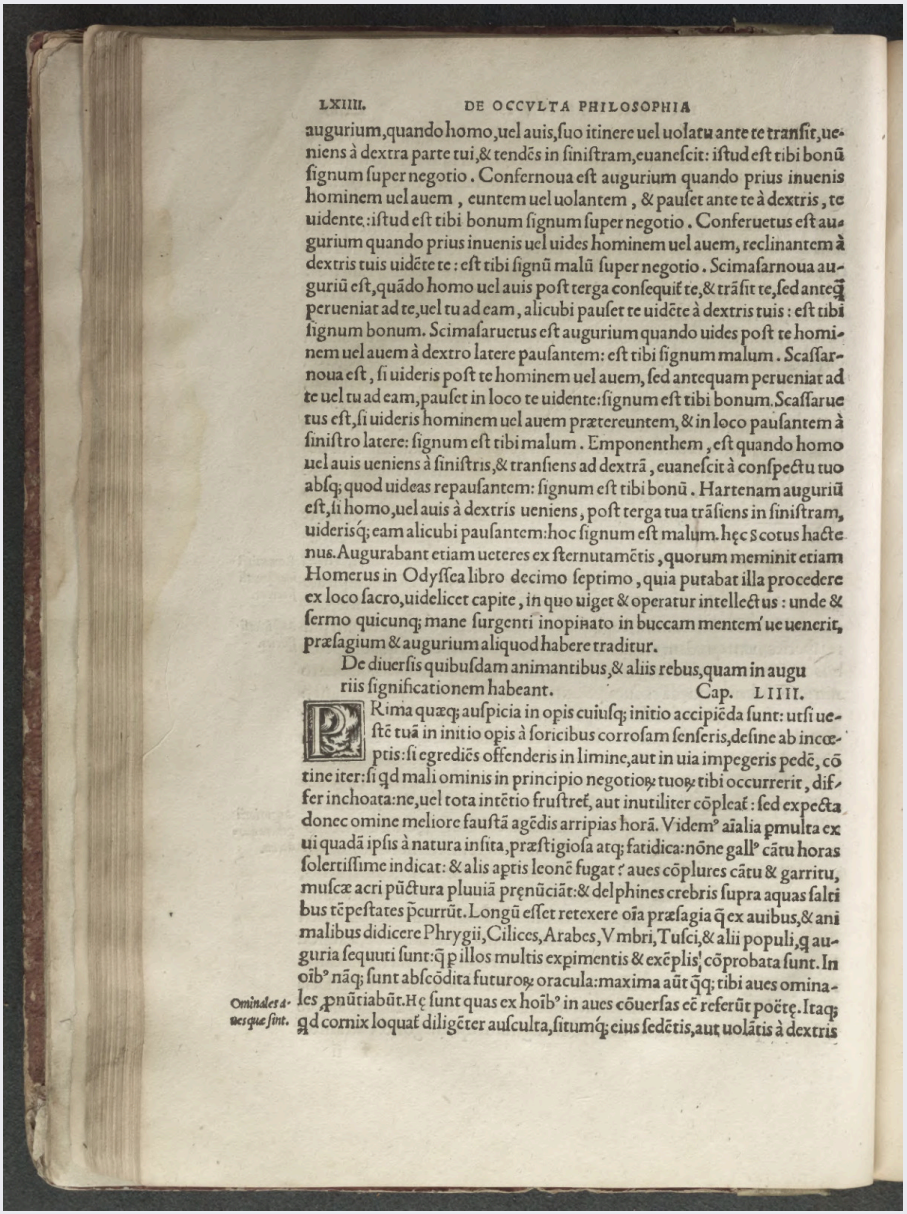

VNt quædam alia diuinationũ genera à naturalibus cauſis dependentia, quæ ſua arte & experientia conſtãt in uariis rebus: quibus medici, agricolæ, paſtores, nautæ, unuſquiſq; ex probabilibus ſignis prognoſticantur: quorũ multa tradidit Ariſtoteles libro de temporibus. Inter quæ diuinationum genera, auſpicia & auguria, principatum tenent: quæ tanto olim apud Romanos in pretio fuerunt, ut nihil eorum, quæ ad publica uel priuata negotia pertinerent, inauſpicate perfecerint: populum uero Hetruſcũ hoc artificio maxime præſtitiſſe, Cicero in libro Diuinationum, copioſe declarat. Sunt uero auſpiciorum plures ſpecies: nam quædam dicuntur pedeſtria, quæ uidelicet ex quadrupedibus capiuntur: quædam auguria, quæ ex auibus: quędam cœleſtia, quæ ex tonitruis & fulmine: quędã caduca, ut cum in templo uel alibi, quid decidiſſet: quædam ſacra, quæ ex ſacrificiis capiebantur. Horum quædam dicebantur piacula & triſtia auſpicia, ut cum hoſtia profugiſſet ab ara, uel percuſſa mugitum dediſſet, uel in aliam partem corporis, quàm oportet cõcidiſſet. His ſuperadditur Exauguratio, quando uidelicet è manu augurantis uirga decidiſſet, qua contemplari & auſpicium capere mos fuit. Michael Scotus duodecim recitat auguriorum genera, ſex uidelicet à dextris, quorum nomina dicit, fernoua, feruetus, confert, emponẽthem, ſonnaſarnoua, ſonnaſaruetus: & alia ſex à ſiniſtris, quorum nomina ſunt, confernoua, conferuetus, uiaram, herrenã, ſcaſſarnoua, ſcaſſaruetus: deinde exponens ea nomina inquit: Fernoua eſt augurium, quando tu exiueris domum tuam cauſa faciẽdi aliquid, & eundo uides hominem uel auem, eundo uel uolando, ita quòd ſe ponat ante te in ſiniſtra parte tui: iſtud eſt tibi ſignum bonæ ſignificationis ſuper negotiũ. Feruetus eſt auguriũ, quãdo tu exiueris domũ cauſa faciẽdi aliquid, & eundo prius inuenis uel uides auẽ, uel hoĩem pauſantẽ ante te ĩn ſiniſtra parte tui: iſtud eſt tibi malum ſignum ſuper negotio. Viaram eſt

Romani nil inauſpicatũ fecerunt.

Auſpiciorũ ſpecies.

Auguriorũ genera duodecim.

augurium,quando homo,uel auis,ſuo itinere uel uolatu ante te tranſit,ueniens à dextra parte tui,& tendẽs in ſiniſtram,euaneſcit: iſtud eſt tibi bonũ ſignum ſuper negotio. Confernoua eſt augurium quando prius inuenis hominem uel auem, euntem uel uolantem, & pauſet ante te à dextris, te uidente: iſtud eſt tibi bonum ſignum ſuper negotio. Conferuetus eſt augurium quando prius inuenis uel uides hominem uel auem, reclinantem à dextris tuis uidẽte te: eſt tibi ſignũ malũ ſuper negotio. Scimaſarnoua auguriũ eſt,quãdo homo uel auis poſt terga conſequit̃ te,& trãſit te,ſed anteqũ peruenĩat ad te,uel tu ad eam, alicubi pauſet te uidẽte à dextris tuis: eſt tibi ſignum bonum. Scimaſaruetus eſt augurium quando uides poſt te hominem uel auem à dextro latere pauſantem: eſt tibi ſignum malum. Scaſſarnoua eſt, ſi uideris poſt te hominem uel auem, ſed antequam perueniat ad te uel tu ad eam, pauſet in loco te uidente: ſignum eſt tibi bonum. Scaſſaruetus eſt, ſi uideris hominem uel auem prætereuntem, & in loco pauſantem à ſiniſtro latere: ſignum eſt tibi malum. Emponenthem, eſt quando homo uel auis ueniens à ſiniſtris,& tranſiens ad dextrã, euaneſcit à conſpectu tuo abſq; quod uideas repauſantem: ſignum eſt tibi bonũ. Hartenam auguriũ eſt, ſi homo,uel auis à dextris ueniens, poſt terga tua trãſiens in ſiniſtram, uideriſq; eam alicubi pauſantem:hoc ſignum eſt malum. hęc Scotus hactenus. Augurabant etiam ueteres ex ſternutamẽtis, quorum meminit etiam Homerus in Odyſſea libro decimo ſeptimo, quia putabat illa procedere ex loco ſacro,uidelicet capite, in quo uiget & operatur intellectus: unde & ſermo quicunq; mane ſurgenti inopinato in buccam mentem̃ ue uenerit, præſagium & augurium aliquod habere traditur.

De diuerſis quibuſdam animantibus,& aliis rebus,quam in auguriis ſignificationem habeant. Cap. LIIII.

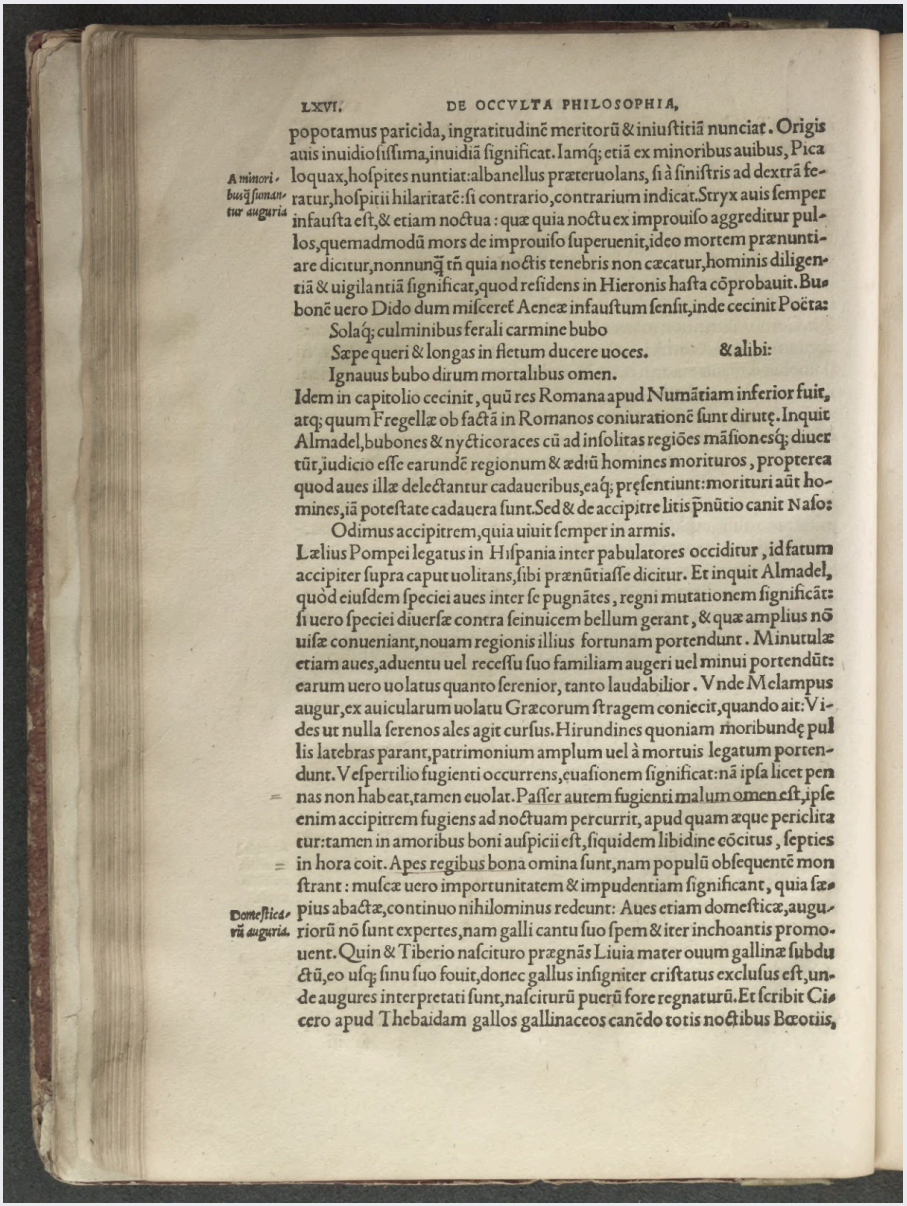
PRima quæq; auſpicia in opis cuiuſq; initio accipiẽda ſunt: utſi ueſtẽ tuã in initio opis à ſoricibus corroſam ſenſeris,deſine ab incœptis: ſi egrediẽs offenderis in limine,aut in uia impegeris pedẽ, cõtine iter: ſi q̃d mali ominis in principio negotioꝝ tuoꝝ tibi occurrerit, differ inchoata: ne,uel tota intẽtio fruſtret, aut inutiliter cõpleat: ſed expecta donec omine meliore fauſtã agẽdis arripias horã. Videm⁹ aĩalia ꝓmulta ex ui quadã ipſis à natura inſita, præſtigioſa atq; fatidica: nõne gall⁹ cãtu horas ſolertiſſime indicat: & alis aptis leonẽ fugat? aues cõplures cãtu & garritu, muſcæ acri pũctura pluuiã prẽnũciãt: & delphines crebris ſupra aquas ſaltibus tẽpeſtates p̃currũt. Longũ eſſet retexere oĩa præſagia q̃ ex auibus,& animalibus didicere Phrygii, Cilices, Arabes, Vmbri, Tuſci,& alii populi,q̃ auguria ſequuti ſunt:q̃ ꝑ illos multis expimentis & exẽplis, cõprobata ſunt. Inoĩb⁹ nãq; ſunt abſcõdita futuroꝝ oracula: maxima aũt q̃q; tibi aues omina-

Omindet aues quæ ſint.

les ꝓnũtiabũt. Hę ſunt quas ex hoĩb⁹ in aues cõuerſas eẽ referũt poẽtę. Itaq; q̃d cornix loquat̃ diligẽter auſculta, ſitumq; eius ſedẽtis, aut uolãtis à dextris

an à ſiniſtris,loquax an clamoſa an ſilens,prędedat an ſequatur, tranſeun-
tis ue expectet aduentum,an fugiat,quo ue diſcedat,omnia diligēter atten-
de. Dicit Orus Apollo in hieroglyphicis: Geminæ cornices nuptias ſigni-
ficāt:quoniā hoc animal duo oua parit, ex quibus marem & fœminam ge-
nerari oportet:ſi autē,quod rariſſime euenit,duo mares generētur, aut duæ
fœminæ,iugatæ mares cum fœminis alteri cornici non admiſcētur:itidem
neq; fœminæ alteri mari,ſed diſſociatæ,ſolæ degunt:Ideo unicæ cornici oc-
currentes,augurantur futurum, ut uiduali uita ſibi uiuēdum ſit. Idē etiam
portendit columba nigra:hæc enim poſt maris interitum, ſemper ſola de-
git. Coruos autem non minore diligentia obſeruabis,hos nanq; rebus ma-
ioribus præferri,& cornici præiudicare dicūt:& ſenſit Epictetus Stoicus phi
loſophus & grauis autor,ſi cui coruus aduerſum crocitaret, uel corpori uel
fortunę,uel honori,uel uxori,aut natis aduerſa portēdere. Deinde cygnos,
qui aquarum ſecreta prænoſcunt conſiderabis, eorum nanq; hilaritas non
modo nautis,ſed quibuſq; pręterea peregrinātibus felices præſagiunt euen-
tus,niſi fortioris ſuperentur ſuperuentu, utputa aquilæ, quæ potentiſſima
imperii ſui maieſtate,omnium auium fidem, ſi contra loquatur, euacuat:
cunctis ſiquidem auibus altius uolat,profundiusq; perſpicit,& ab ipſius Io-
uis arcano nunq; excluditur:altitudinem & uictoriā, ſed per ſanguinē por-
tendit:quia non aquam,ſed ſanguinem bibit. Locrenſibus aduerſus Croto
nienſes dimicantibus, aquila ſuperuolans contulit uictoriam. Hieroni,ad
prima belli egredienti, aquila ex improuiſo reſidēs in clypeo, regem illum
futurum prænunciauit. Naſcente Alexandro Macedone duæ aquilæ tota
die ſupra domū ſedentes,omen duplicis imperii Aſiæ & Euporæ ei porten-
derunt. Eadem Lucio Tarquinio Priſco Demarathi Corinthii filio ob ſedi
tionem domo profugo,& in Hetruriam profecto Romamq; petenti,pileū
auferens ac alte uolās rurſum capiti reponens, Romanorum regnū illi por
tendit. Iam uero & uultures ſignificant difficultatem,duritiem,& rapacita-
tem,quod in origine urbis cōdendæ experictia uerificatū eſt: futuræ quoq;
ſtragis loca oſtendunt ſeptem diebus præuenientes:& quoniam in eam par
tem reſpiciūt,in qua alteta pars inferior futura eſt,tanquā inhiātes occiden
dorum maiori numero, ideo ſolebant antiqui reges ſpeculatores mittere,
qui renunciarent,quam in partem uerſi reſpicerent uultures. Phœnix autē
ſingularis fœlicitatis ſucceſſus pollicetur,qua uiſa noua Roma,melioribus
auſpiciis condita eſt. Pellicanus,quia filiorum cauſa periclitatur,ſignificat
hominem amicitiæ ſuæ pietati ſubiturum diſcrimen. Picta auis Pictauorū
urbi nomen dedit,ac gētis lenitatem colore & uoce præfigurauit. Ardea re-
rum arduarum auſpicium eſt. Ciconia,concordiæ auis,concordiam facit.
Grues à gruere antiquo uerbo, quaſi congruere dicti, ſemper adferūt quòd
expedit,atq; inimicorum inſidias cauere faciunt. Cucupha gratitudinē in-
dicat,ſola enim hæc parentibus ſenio confectis gratiam refert:contra Hip-

Auguria à maioribus auibus ſumenda.

popotamus paricida, ingratitudinē meritorū & iniuſtitiā nunciat. Origis auis inuidioſiſſima, inuidiā ſignificat. Iamq; etiā ex minoribus auibus, Pica loquax, hoſpites nuntiat: albanellus præteruolans, ſi à ſiniſtris ad dextrā feratur, hoſpitii hilaritatē: ſi contrario, contrarium indicat. Stryx auis ſemper infauſta eſt, & etiam noctua: quæ quia noctu ex improuiſo aggreditur pullos, quemadmodū mors de improuiſo ſuperuenit, ideo mortem prænuntiare dicitur, nonnunq; tñ quia noctis tenebris non cæcatur, hominis diligentiā & uigilantiā ſignificat, quod reſidens in Hieronis haſta cōprobauit. Bubonē uero Dido dum miſceret Aeneæ infauſtum ſenſit, inde cecinit Poëta:

A minoribus auibus ſumantur auguria

Solaq; culminibus ferali carmine bubo
Sæpe queri & longas in fletum ducere uoces. &alibi:
Ignauus bubo dirum mortalibus omen.

Idem in capitolio cecinit, quū res Romana apud Numātiam inferior fuit, atq; quum Fregellæ ob factā in Romanos coniurationē ſunt dirutę. Inquit Almadel, bubones & nycticoraces cū ad inſolitas regiōes māſionesq; diuertūt, iudicio eſſe earundē regionum & ædiū homines morituros, propterea quod aues illæ delectantur cadaueribus, eaq; præſentiunt: morituri aūt homines, iā poteſtate cadauera ſunt. Sed & de accipitre litis p̄nūtio canit Naſo:

Odimus accipitrem, quia uiuit ſemper in armis.

Lælius Pompei legatus in Hiſpania inter pabulatores occiditur, id fatum accipiter ſupra caput uolitans, ſibi prænūtiaſſe dicitur. Et inquit Almadel, quōd eiuſdem ſpeciei aues inter ſe pugnātes, regni mutationem ſignificāt: ſi uero ſpeciei diuerſæ contra ſeinuicem bellum gerant, & quæ amplius nō uiſæ conueniant, nouam regionis illius fortunam portendunt. Minutulæ etiam aues, aduentu uel receſſu ſuo familiam augeri uel minui portendūt: earum uero uolatus quanto ſerenior, tanto laudabilior. Vnde Melampus augur, ex auicularum uolatu Græcorum ſtragem coniecit, quando ait: Vides ut nulla ſerenos ales agit curſus. Hirundines quoniam moribundę pullis latebras parant, patrimonium amplum uel à mortuis legatum portendunt. Veſpertilio fugienti occurrens, euaſionem ſignificat: nā ipſa licet pennas non habeat, tamen euolat. Paſſer autem fugienti malum omen eſt, ipſe enim accipitrem fugiens ad noctuam percurrit, apud quam æque periclitatur: tamen in amoribus boni auſpicii eſt, ſiquidem libidine cōcitus, ſepties in hora coit. Apes regibus bona omina ſunt, nam populū obſequentē monſtrant: muſcæ uero importunitatem & impudentiam ſignificant, quia ſæpius abactæ, continuo nihilominus redeunt: Aues etiam domeſticæ, auguriorū nō ſunt expertes, nam galli cantu ſuo ſpem & iter inchoantis promouent. Quin & Tiberio naſcituro prægnās Liuia mater ouum gallinæ ſubductū, eo uſq; ſinu ſuo fouit, donec gallus inſigniter criſtatus excluſus eſt, unde augures interpretati ſunt, naſcirurū puerū fore regnaturū. Et ſcribit Cicero apud Thebaidam gallos gallinaceos canēdo totis noctibus Bœotiis,

Domeſticarū auguria.

aduersus Lacedæmones præsagisse victoriam: quod augures ita interpretati sunt, quoniã auis illa victa silet, canit autẽ si uicerit. Simili ratione etiã ab animalibus & bestiis, euentuũ omina capiuntur, nã occursus mustelæ omi nosus est. Leporis occursus, itinerãti timẽdus est, nisi captũ cęperit. Mulus quoq; infensus est, quia sterilis est. Porcus uero pernicosus, talis est enim eius natura, ideo pernicioſos homines significat. Equus iurgioq; & pugnę ra tionem habet: Vnde apud Vergilium uisis equis albis exclamat Anchises:

Bellum ò terra hospita portas,
Bello armantur equi, bella hæc armenta minantur.

Ab animalibus omina sumuntur.

Tamen quando curru iuncti occurrunt, quia concordi iugo trahunt, pacẽ significant sperandam. Asinus inutilis est: profuit tamen Mario, qui cum hostis patriæ pronunciatus, uidit asinum oblatum pabulum spernentẽ, ad aquam properantem, quo augurio ostensam sibi salutis uiam ratus, auxiliarem amicoq; turbã orauit hoc unũ auxilii genus exhiberent, & se ad mare coducerẽt, quo impetrato, paruæ superimpositus carinæ Syllæ uictoris mi nas euasit: utcunq; tamen asellus in augurio occurrat, semper laborẽ, patiẽ tiam impedimenta significat. Lupus uero obuius bonus nuncius est, cuius efficacia uisa est in Hierone Siculo, cui lupus in literario ludo tabulam eripiens, successum regni firmauit: tamẽ eius quẽ ante uiderit uocẽ præcludit. P. Africano & C. Fuluio Coss. Minturnis lupus uigilem laniauit, quando Romanus exercitus in Sicilia à fugitiuis superatur. Quin & perfidos signifi cat, & malæ fidei homines: quod notum est in Romuli progenie: nam fides quam matre lupa olim suxerunt, & sibi inuicem ab initio seruauerũt, uelut lege quadam naturæ, manauit ad posteros. Leoni occurrere, cũ sit hoc animal inter cætera fortissimũ, omnibus terrorem incutiens, bonũ est: sed leę nam mulieri occurrere, malum est, quia conceptũ impedit, nam lęna non parit secundario. Ouibus & capris occurſare bonum est. Legitur quoq; in Ostentario Tuscorum, si hoc animal insolito colore fuerit indutum, portẽ di imperatori rerum omnium cum felicitate largitatẽ: Vnde Vergilius ad Pollionem canit:

Ipse sed in pratis aries iam suaue rubenti
Murice, iam croceo mutabit uellera luto.

Bonum etiã est occurrere bobus triturantibus, sed melius arantibus, qui etsi uiam rumpentes iter tardant, moram tamen hanc hospitii gratia compensant. Canis in itinere faustus est, quod Cyrus expositus in syluis, à cane ad regnũ enutritus est: quẽ & angelus, Tobię socius, nõ est aspernatus comitẽ. Castor quia uenatoribus testiculos suos demordens, abiectos relinquit, ma li ominis est, & homini sibiipsi damnũ illaturũ portendit. Iamq; etiã ex minutis animalibus mures dãnũ significãt: quæ quũ in capitolio aurũ roserũt, eodẽ die ambo cõsules iuxta Tarẽtum insidiis ab Annibale intercepti sunt. Locusta quasi loco stare faciẽs, aut loca exurẽs, uota præpedit, & mali omi-

Minutorum omina animalium.

nis est: contrà cicadę iter promouent, & bonum rerum nunciant euentum. Aranea à superioribus filum ducens, spem uenturæ pecuniæ nunciare dicitur. Similiter & formicę, quia norunt sibi prouidere, & tutas parare latebras, ideo securitatem & diuitias portendũt, multitudinisq; exercitũ significãt. Hinc cum Tiberii Cæsaris mãsuefactum draconem formicæ deuorassent, responsum fuit, ut caueret multitudinis tumultum. Si tibi ocurrat anguis, caue à maledico inimico: nam hoc animal nullo alio mẽbro pollet, quàm ore. Anguis in regiam irrepens, Tarquinio casum suum augurata est. Duo angues in lecto Sempronii Gracchi reperti sunt, dictum illi ab aruspice, si marem aut fœmellam emitteret, aut sibi aut uxori breui moriendũ: ille uxoris uitam suæ præferẽs, occiso mare fœmellam emisit, paucisq; post diebus uita excessit. Sic uipera mulieres prauas scelestosq; filios significat, & anguilla hominem significat omnibus infensum: hæc enim seorsum ab aliis piscibus degit, nec iuncta cum aliis inuenitur. Inter omnia autẽ auspicia & omina, nullum homine efficacius est, nullum potentius, nullum quod euidentius ueritatem exponat: eius igitur occursantis conditionem, ætatem, sexũ, professionem, situm, gestum, motum, exercitium, complexionem, habitũ, nomen, uerba sermonemq;, omnia diligenter notabis, & requires: nam cum cæteris animalibus tam multa insunt præsagiorum lumina, non dubiũ est, hæc multo efficaciora clariorąq; humanæ animæ esse infusa, quod & Tullius ipse testatur inquiens, humanis animis naturaliter quoddam auspiciũ inesse suæ æternitatis, ad omnes rerum series, & causas cognoscendas. In fundamentis Romanæ urbis caput hominis integra facie repertum, magnitudinem imperii præsagiuit, & monti capitolii nomen indidit. Brutiani milites contra Octauium & M. Antonium præliaturi, in castrorum porta Aethiopem offenderunt: quem licet ut aduersę rei augurium, ilico trucidarẽt, tamen infeliciter pugnatũ est, atq; Brutus & Cassius ambo duces interiere. Ipse etiam monachorum occursus uulgo ominosus habetur, magis autem si matutinus fuerit: quia id hominum genus plurimum è mortuario ueluti uultures ex morticiniis uictitat.

Efficaciſſimũ ab homine auſpiciũ.

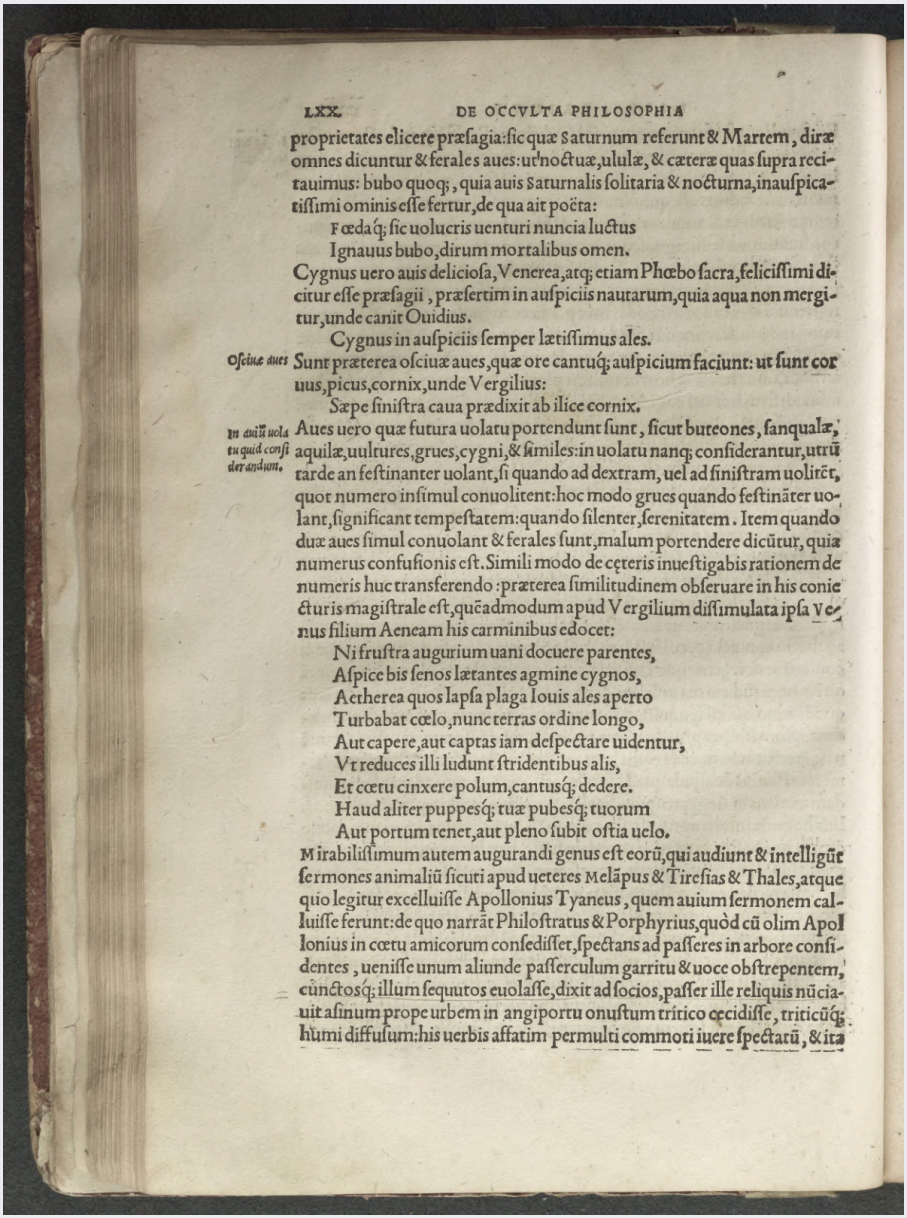
Quomodo uerificantur auspicia per lumen sensus naturæ, ac de eius experiundæ aliquot regulis. Cap. LV.

AVspicia & auguria, quæ ex animantibus & auibus futura prædocent, Orpheum illum theologum primo monstrasse legimus, quæ postea apud omnes gentes magni habita sunt. Verificantur autem ipsa per luminositatem sensus naturæ, quasi ab hoc quædã lumina diuinationis descendant super quadrupedia, uolatilia & alia animantia, per quæ habeant nobis de euentibus humanis præsagire: quod etiam sentire uidetur Vergilius ubi canit:

Haud equidem credo, quia sit diuinius illis
Ingenium, aut rerum fato prudentia maior.

Eiusmodi aũt sensus naturæ, ut inqt Gulielmus Parisiẽsis, ipse est omni humana apprehẽsione sublimior, & prophetiæ uicinissimus uehemẽterq; similis. Ab hoc sensu mirabilis quidã diuinationis splẽdor aliqbus animalibus naturaliter inditus est: quẽadmodum in quibusdã cambus manifeste appa ret, qui latrones & occultos homines, & sibi & hominibus penitus incognitos, huiusmodi sensu agnoscunt, inueniunt, inuestigãt, cõprehendũt, in eos faucibus & dentibus irruẽtes. Simili sensu uultures futuras præuident strages ex præliis, & cõgregantur in locis ubi futuræ sunt, tanquam præuideãt sibi futurã escã cadauerũ. Eodẽ sensu perdices cognoscunt matrẽ suã, quam nunq̃ uiderũt, & relinquũt perdicẽ quæ furatur oua matris, & fouet ea. Hoc eodẽ sensu, omnino ignorante anima humana sentiuntur quædã nociua & terrifica, unde terror & horror inuadit plurimũ homines nihil de rebus huiusmodi sentiẽtes uel cogitantes. Sic latro latens in domo aliqua, q̃ cũ omni no ibi esse nesciatur uel cogitetur, horrorẽ, timorẽ & cordis inquietudinem incutit eiusdẽ domus habitatoribus, fortasse non omnibus, quia huiusmodi splendor non omnibus hominibus ineſt, sed paucis. Sic meretrix abscondita in domo aliqua amplissima, aliquãdo ab aliquo omnino ignorante, ibi esse sentitur. Proditũ est historiis, Heraiscũ quendã Aegyptiũ, diuinæ naturæ uirũ, immundas mulieres nõ oculis tantũ sed uoce procul audita cognouisse, statimq; capitis dolore eam ob rẽ nõ mediocriter affectũ. Refert quoque Gulielmus Parisiensis, mulierẽ quãdam suo tẽpore, uiq; quẽ adamabat, quando adiret locũ in quo ipsa morabatur, eiusmodi sensu longe à duobus miliaribus præsensisse uenientẽ. Refert etiam tẽpore suo ciconiam quandã adulterio conuictã per olfactũ masculi cõgregata à masculo multitudine ciconiarũ ac detegente ipso crimen fœmellę, ipsam à tota illa multitudine tã quã omniũ iudicio reã iudicatã, deplumatã ac laceratã fuisse. Recitat etiã de quodã equo, qui cũ ignorans cũ matre sua cõcubuerat, postea id deprehendens, ipsum sibi propriis dentibus, genitalia abscidisse, tanquam uindicantẽ in se incestum. Similia de equis recitant Aristoteles, Varro & Plinius. Narrat ipse Plinius de aspide quadã simile factum, quæ cum ad mensam cuiusdam ueniens in Aegypto quotidie aleretur, enixa catulos quorum ab uno filius hospitis interemptus est, illa reuersa & cognita culpa, necem intulisse catulo, nec postea in tectũ id reuersam fuisse. Iam his exemplis uidem⁹, quo modo super animantia quædam præsagiorũ lumina descendere possunt, uelut signa rerũ in eorũ gestu, motu, uoce, uolatu, incessu, cibo, colore, & eiusmodi cõstituta. Nam iuxta Platonicorũ doctrinam, est rebus inferioribus uis quædam insita, per quam magna ex parte cũ superioribus cõueniũt, unde etiam animaliũ taciti cõsensus cũ diuinis corporibus consentire uidentę, atq; his uiribus eorum corpora & affectus affici, quarũ nomine suis adscribuntur numinibus. Considerare igitur oportet quæ animantia sunt Saturnalia, quæ referunt Iouem, quæ Martem, & sic de singulis, & secũdum eorũ

Sensus naturæ sublimitas.

proprietates elicere præſagia: ſic quæ Saturnum referunt & Martem, diræ omnes dicuntur & ferales aues: ut noctuæ, ululæ, & cæteræ quas ſupra recitauimus: bubo quoq;, quia auis Saturnalis ſolitaria & nocturna, inauſpicatiſſimi ominis eſſe fertur, de qua ait poëta:

Fœdaq; ſic uolucris uenturi nuncia luctus
Ignauus bubo, dirum mortalibus omen.

Cygnus uero auis delicioſa, Venerea, atq; etiam Phœbo ſacra, feliciſſimi dicitur eſſe præſagii, præſertim in auſpiciis nautarum, quia aqua non mergitur, unde canit Ouidius.

Cygnus in auſpiciis ſemper lætiſſimus ales.

Oſciuæ aues Sunt præterea oſciuæ aues, quæ ore cantuq; auſpicium faciunt: ut ſunt coruus, picus, cornix, unde Vergilius:

Sæpe ſiniſtra caua prædixit ab ilice cornix.

In auiũ uolatu quid conſiderandum. Aues uero quæ futura uolatu portendunt ſunt, ſicut buteones, ſanqualæ, aquilæ, uulrures, grues, cygni, & ſimiles: in uolatu nanq; conſiderantur, utrũ tarde an feſtinanter uolant, ſi quando ad dextram, uel ad ſiniſtram uolitẽt, quot numero inſimul conuolitent: hoc modo grues quando feſtinãter uolant, ſignificant tempeſtatem: quando ſilenter, ſerenitatem. Item quando duæ aues ſimul conuolant & ferales ſunt, malum portendere dicũtur, quia numerus confuſionis eſt. Simili modo de cęteris inueſtigabis rationem de numeris huc transferendo: præterea ſimilitudinem obſeruare in his coniecturis magiſtrale eſt, quẽadmodum apud Vergilium diſſimulata ipſa Venus filium Aeneam his carminibus edocet:

Ni fruſtra augurium uani docuere parentes,
Aſpice bis ſenos lætantes agmine cygnos,
Aetherea quos lapſa plaga Iouis ales aperto
Turbabat cœlo, nunc terras ordine longo,
Aut capere, aut captas iam deſpectare uidentur,
Vt reduces illi ludunt ſtridentibus alis,
Et cœtu cinxere polum, cantuſq; dedere.
Haud aliter puppesq; tuæ pubesq; tuorum
Aut portum tenet, aut pleno ſubit oſtia uelo.

Mirabiliſſimum autem augurandi genus eſt eorũ, qui audiunt & intelligũt ſermones animaliũ ſicuti apud ueteres Melãpus & Tireſias & Thales, atque quo legitur excelluiſſe Apollonius Tyaneus, quem auium ſermonem calluiſſe ferunt: de quo narrãt Philoſtratus & Porphyrius, quòd cũ olim Apollonius in cœtu amicorum conſediſſet, ſpectans ad paſſeres in arbore conſidentes, ueniſſe unum aliunde paſſerculum garritu & uoce obſtrepentem, cũctosq; illum ſequutos euolaſſe, dixit ad ſocios, paſſer ille reliquis nũciauit aſinum prope urbem in angiportu onuſtum tritico cęcidiſſe, triticũq; hũmi diffuſum: his uerbis affatim permulti commoti iuere ſpectatũ, & ita

factum esse ut Apollonius dixerat, mirabundi inuenerunt: Porphyrius autem Platonicus libro tertio de sacrificiis hirundinē fuisse dicit. Certū enim est, quia omnis uox cuiuscūq; animalis significatiua est alicuius animæ suæ passionis, uel affectus læti, uel tristis, uel iracūdi, quas uoces ab hominibus circa has exercitatis intelligi posse non est adeo mirandum. Verum Democritus ipse, hanc artem tradidit, ut ait Plinius nominando aues, quarum cōfuso sanguine serpens gignatur: quē quisquis ederit, intellecturus sit auium colloquia. Et ait Hermes, Si quis certo die kalendarū Nouēbriū egressus ad uenādum, primam auem quā ceperit coxerit cum corde uulpis, omnes qui ex hoc ederint, auium cæterorumq; animalium uoces intellecturos. Tradiderunt etiam Arabes, eos brutorum callere sensa, qui cor aut epar draconū comedissent, ipseq; Proclus Platonicus credidit traditq;, cor talpæ ad præsagia cōferre. Erant etiā diuinationes & auspicia, quæ ab extis, & fibris sacrificiorū capiebantur, quarum inuentor fuit Tages, de quo Lucanus cecinit:

Animalium uoces, passionum animæ significatiuæ sunt.

Et fibris sit nulla fides, sed conditor artis
Finxerit illa Tages.

Extorum caput Romanos religio putauit iecur. Hinc aruspices in extis futura perquirentes, iecur primū inspiciebant, duobus in eo cōstitutis capitibus, quorū unū ciui, alterū hosti nūcupabant, collatisq; capitibus huius aut alterius partis pronūtiabāt uictoriā, quēadmodū apud Lucanū Pōpeianos cædem, ac Cæsareanos uictoriā exta significasse legimus in his uersibus:

Iecur extorum caput.

Quodq; nefas nullis impune apparuit extis,
Ecce uidit capiti fibrarum increscere molem,
Alterius capitis pars ægra & marcida pendet,
Pars micat, & celeri uenas mouet improba pulsu.

Deinde perfectis uisceribus cor perquirebant. Quod si hostia sine corde reperta esset, aut caput in iocinore defuisset, pestifera hæc erāt auspicia, & piacularia dicebātur: Similiter etiam si hostia ab ara profugisset, aut percussa mugitum dedisset, aut in aliā quàm oporteret corporis partē cecidisset. De his legimus, Iulio Cæsari quo die uestē purpurea processit, & in sella aurea sedit sacrificāti cor in extis bis defuisse. Et C. Mario Vticæ immolāti, iecur in extis defuit. Similiter & Caio principi, & M. Marcello, C. Claudius & L. Petellius Coss. cum immolassent uictimas, iecur subito tabuit: nec multo post hic morbo, alter Ligurū armis interiit, extis ita prædicētibꝰ: quòd profecto aut deorum uirtute, aut dæmonum opera fieri putatur. Hinc maximi semper apud ueteres momēti habitum est, quoties insolitū quid in extis appareret: quemadmodum Syllę apud Laurentum sacrificanti similitudo coronæ in capite iecoris apparuit: quod Posthumius aruspex illi uictoriam cum regno portēdere interpretatus est, admonuitq; iccirco, ut solus Sylla extis illis ueiceretur. Ipse etiam extorum color suam considerationem habet. De istis meminit Lucanus:

Terruit ipſe color uatem, nam pallida tetris
Viſcera tincta notis, gelidoq; infecta cruore,
Plurimus aſperſo uariabat ſanguine liuor.

Tanta olim ueneratio fuit harum artium, ut potentiſſimi & ſapientiſſimi quiq; uiri illas ſectarentur, imò ſenatus atq; reges nihil inauſpicate agerent. Sed hæc omnia hodie cum negligentia hominum, tum autoritate patrum abolita ſunt.

De aruſpicina fulgurum & fulminum, & quomodo portenta & prodigia interpretanda ſunt. Cap. LVI.

CAeterum autem in augurio fulgurum & fulminum oſtentorumq;, & quomodo portenta & prodigia interpretanda ſunt, Hetruſci uates, & ſacerdotes ſcientiam tradiderunt. Statuerunt enim ſexdecim cœli regiões, & cuiq; ſua numina adſcripta: præterea undecim fulminum genera: & nouem deos qui ea iacularentur, rationes prodendo quid ex quaq; parte ſignificẽt. Portenta uero, & prodigia, oſtẽtaq; quotieſcunq; contingunt, ſemper aliquid magnum prænuntiare certũ eſt. Oportet autem illorum interpretem eſſe ſimilitudinum optimum cõiectorem ſimul ac curioſum indagatorem, eorum quæ in tempore illo uerſantur principum prouinciarumq; negotia. Solorum ſiquidem principũ, & populorũ, prouinciarumq;, ea cœleſtium cura eſt, ut præ cæteris per aſtra, per ſydera, per portenta, perq; prodigia præfigurentur, admoneanturq;. Quod ſi etiam præteritis ſæculis idem aliquod, uel cõſimile quid apparuerit, idipſum quoq; & quid inde ſecutũ ſit conſiderare oportebit, & iuxta hęc, uel eadem, uel conſimilia prædicere, quia eadem ſunt ſigna rebus eiſdem, ſimiliaq; ſimilibus. Sic multos excellẽtes uiros & reges, prodigia præuenerũt in ortu aut obitu: ut de Mida puero refert Cicero, cui dormienti formicæ tritici grana in os coniecere quod omen fuit magnarum diuitiarũ. Sic Platoni cum in cunis dormienti apes in ore conſediſſent, orationis ſuauitas prænunciata eſt. Hecubæ Paridem parituræ, uiſum fuit parere ardentem facem, quæ Troiam & totam Aſiam incenderet. Matri Phialaridis uiſum fuit Mercurii ſimulachrum ſanguinem in terram effundere, quo tota domus inundaret. Genitrici Dionyſii uiſum fuit parere ſatyriſcum, quæ prodigioſa ſomnia, ipſe euentus ſecutus eſt & comprobauit. Tarquinii Priſci uxor uidẽs flammam lambere Seruii Tullii caput, regnum illi prędixit. Simili modo poſt captam Troiam diſceptante Aenea cum Anchiſa patre de fuga, apparuit flamma uerticem lambens Aſcanii, nullamq; illi inferens læſionem: quod cum Aſcanio regnum portenderet, diſcedere perſuaſit, omnes & inſignes clades portentis & prodigiis præuentæ ſunt. Sic legimus apud Plinium: M. Attilio & C. Portio conſulibus lac & ſanguinem pluiſſe, quod ſequenti anno peſtem ualidam Romam inuaſuram prænunciauit. Item in Lucanis pluit ferrum ſpongiarum fere ſimile anno antequã M. Craſſus in Parthis

Prodigiorũ interpretem qualem eſſe oporteat.

interemptus est: omnesq; Lucani milites, quorũ magnus numerus in exercitu erat, cum eo occisi sunt. Item L. Paulo, & C. Marcello consulibus lana pluit circa castellum Corisanum, iuxta quod post annum T. Annius Milo occisus est. Item Cimbricis bellis armorũ crepitus & tubę sonitus è cœlo auditus est, & Liuius de bello Macedonico, Anno inquit quo discessit Annibal per biduum pluit sanguis. Idem de secundo bello Punico, refert aquam sanguini permixtam de cœlo descẽdisse in modum pluuiæ, tẽpore quo Annibal lacerabat Italiam. Lacedæmoniis paulo ante Leuctricam calamitatẽ in phano Herculis arma sonuerunt, & eodẽ tẽpore Thebis in tẽplo Herculis ualuæ clausæ repagulis seipsas aperuerunt, & arma parietibus adfixa humi inuenta sunt. Similes euentus de similibus prognosticare cõuenit, quẽadmodũ diuersis tẽporibus olim ex illis aliqd prædiuinatũ est. Sed & oportet circa ista etiam cœlestium influxuum iudicia nõ negligere, de quibus latius loquemur in posterioribus.

De Geomantia, Hydromantia, Aëromantia, Pyromantia quatuor elementorum diuinationibus. Cap. LVII.

Amq; etiã ipsa elemẽta nos fatales euẽtus edocent, unde quatuor illa famosa diuinationũ genera, Geomãtia, Hydromãtia, Aëromantia, Pyromãtia, nomen adepta sunt, de quibus apud Lucanum uenefica illa sese iactare uisa est quando inquit:

Ad uerum tellus, aërq;, ætherq;, chaosq;,
Equoraq;, & campi, Rhodopeiaq; saxa loquentur.

Geomantia.

Prior itaq; Geomantia, ex terræ motibus, crepitu, tumore, tremore, scissura, uoragine, exhalatione, cęterisq; impressionibus suis futura pręmõstrat: cuius artem tradidit Almadel Arabs. Sed est & alia Geomãtiæ species, quæ per punctaui quadam, aut casu terræ inscripta diuinatur, quæ præsentis speculationis non existit, sed de illa inter sortes dicemus in sequẽtibus. Hydromantia autem uaticinia præstat, per impressiones aqueas, illarumq; fluxus & refluxus, excrescentias & depressiones, tempestates, & colores & similia: cui iunguntur etiam uisiones, quæ in aquis fiunt: Genus diuinationis à Persis repertum, qualem refert Varro puerum uidisse in aqua Mercurii effigiẽ quæ centum quinquaginta uersibus omnem Mithridatici belli euentũ prænunciauit. Legimus etiam Numam Pompilium hydromantiam exercuisse: in aqua enim deorũ imagines eliciebat, & ab illis futura discebat. Quod artificium etiam Pythagoras longo tempore post Numam exercuit. Erat etiam olim apud Assyrios in magno pretio hydromantiæ species, Lecanomãtia nũcupata, à pelui aquæ plena: cui imponebant aureæ & argenteæ laminæ, & lapides pretiosi, certis imaginibus, nominibus & characteribus inscriptæ: ad quam etiã referri potest artificiũ, per quod plũbo aut cera liquefactis, & in aquã proiectis, rẽ quã scire cupimus, manifestis exprimũt imaginum notis. Erant etiam olim fontes fatidici, sicut Patris fons Achaiæ, &

Lecanomantia Hydromantiæ species.

quę dicebatur aqua Iunonis apud Epidaurū, de quibus plura in ſequentibus ubi de oraculis loquemur. Verum huc etiam referri poterit Aruſpicina piſcium, cuiuſmodi olim apud Lycios capiebatur in loco qui Dina dicebatur iuxta mare in ſacro Apollinis luco ſiccā in arena excauatus, in quem cōſulturus de futuris aſſatas carnes demittēs, ſubito locus ille aquis replebatur, magnaq; piſcium multitudo ac admirabilium figurarum hominibus ignorantibus apparebat, è quorum formis uates quod futurum eſſet prædicebat. Hæc latius ex Polycharmo in Lyciorum hiſtoriis refert Atheneus: Simili modo Aëromantia prognoſtica præbet, per impreſſiōes aëreas, per uentos flatq;, p irides, per halones, p nebulas & nubes perq; imaginatiōes in nubib⁹, & uiſiōes in aëre. Ita etiā Pyromātia diuinaē per impreſſiōes igneas, per ſtellas caudatas, per igneos colores, perq; uiſiones & imaginationes in igne. Sic Ciceronis uxor illum ſequenti anno conſulem futurum prædixit, eo quod cum quædā poſt peractum ſacrificium in cineribus conſpicere uellet, flamma repēte exiluit. Huius generis ſunt quæ dicit Plinius, quod terreni ignes pallidi murmurantesq;, tempeſtatum nuntii ſentiuntur: pluuię etiam, ſi in lucernis fungi: ſi flexuoſe uoliter flamma, uentum portendi: & lumina cum præ ſe flammas elidunt aut uix accendunt: item cum in eo pendētes coacer uantur ſcintillæ, uel cum tollentibus ollas carbo adhæreſcit, aut cū contentus ignis è ſe fauillā diſcutit, ſcintillam' ue emittit, uel cum cinis in foco concreſcit, & cum carbo uehementer perlucet. His adiungitur Capnomantia, à fumo ſic dicta', quia flammā & fumum ſcrutatur, eorumq; colores, ſonos & motus: quando in rectum protenditur, uel in obliquum fertur, ſiue in orbem uoluitur, quemadmodum de his legitur apud Statium his uerſibus:

Vincatur pietas, pone eia altaria uirgo,
Quæramus ſuperos, facit illa acieq; ſagaci
Sanguineos flammarum apices, genitumq; per auras
Ignem, & clara tamen mediæ faſtigia lucis
Orta, docet tunc in ſpeciem ſerpentis inanem
Ancipiti gyro uolui, frangiq; rubore.

Iam uero etiā in Aethnęis crateribus atq; in Nympheis campis apud Apolloniatas auguria ab igne & flammis capiebantur lęta quidem, ſi quę iniecta fuiſſent corriperent: triſtia, ſi reſpuiſſent. Atq; de his etiam in poſteriorib⁹ inter oraculorum reſponſa dicemus.

De mortuorū reuiuiſcentia, de longæua dormitione atq; inedia. Ca. LVIII.

Onueniunt philoſophi Arabes, quod aliqui homines poſſunt ſe eleuare ſupra uires corporis & ſupra uires ſenſitiuas, illisq; ſuperatis perfectione cœli & intelligentiarum diuinum in ſe recipere uigorē. Cum itaq; animæ hominū omnes perpetuę ſint, perfectis quoq; animis omnes ſpiritus obediunt, putant magi perfectos homines per ſuæ animę uires alias inferiores animas iam quodammodo ſepa

ratas moribundis corporibus ſuis poſſe reſtituere, rurſuſq; inſpirare, nō ſecus atq; muſtela interempta ſpiritu & uoce parētis reuocatur in uitam: atq; leones inanimem partum inhalando uiuificant: & quoniā, ut aiunt, omnia ſimilia ſimilibus applicata ſimiliū naturaꝝ efficiuntur, & omne patiens & actum alicuius agentis in ſe recipiens etiā, agentis illius natura induitur atque connaturatur: hinc putant ad hanc uiuificationē haud parū conferre, etiā herbas quaſdā & magicas confectiones, quales ex cinere Phœnicis & ſerpentum exuuiis confici tradunt, quod tamen pleriſq; fabuloſum & multis etiā impoſſibile uideri poſſet, niſi hiſtorica fide haberetur cōprobatum. Nam pleroſq; aqua ſubmerſos, alios ignibus iniectos, & rogo impoſitos, alios in bello occiſos, alios aliter exanimatos poſt plures etiā dies reuixiſſe legimus, quēadmodum de Auiola uiro conſulari, de L. Lamia, Cælio Tuberone, Corſidio, Gabieno, & pleriſq; aliis teſtatur Plinius. Similiter Aeſopū fabulatorem, Tindoreum quoq; & Herculem, atq; Palicos Iouis & Thalię filios mortuos iterum reuixiſſe legimus: plurimos etiam per magos & medicos in uitā reuocatos, ſicut de Aeſculapio ab hiſtoriis proditum eſt, & nos ſuperius narrauimus ex Iuba & Xantho, & Philoſtrato, de Tillone & Arabe quodam, atq; Apollonio Tyaneo. Legitur etiā Glaucus quiſpiā mortuus, quem præter omnium expectationem accurrentibus medicis, herba quam draconem uocant uitæ reſtitutum dicunt: alii guſtato mellito pharmaco reuixiſſe aiūt, unde ortū eſt adagium: Glaucus poto melle reſurrexit. Apuleius etiam ritum huiuſmodi reuocationū referēs, de Zachla Aegyptio propheta inquit: Propheta ſic propitiatus herbulam quampiā ob os corporis, & aliam pectori eius imponit, tunc orientē obuerſus, uel incremēta ſolis aut guſti tacitus imprecatus, uenerabili ſcena facies ad ſtudia præſentiū tantū miraculum certatim adrexit, iam tumore pectus extolli, iam ſalubris uena pulſari, iam ſpiritu corpus impleri, & adſurgit cadauer, & profatur adoleſcens. Quæ ſi uera eſſe debeant, oportet moribūdas animas nonnunquam in corporibus ſuis latere uehementioribus extaſibus oppreſſas, & ab omni corporea actione ſolutas: ſic ut uita, ſenſus, motus, corpus omne deſerāt, ita tamen, quod homo uere nondū mortuus ſit, ſed iaceat exanimis, & tanquā mortuus, etiam per diuturnum tempus. Atq; id fæpiſſime compertum eſt, peſtilentiarum temporibus, multos uidelicet qui pro mortuis tumulandi ferebantur, in ſepulchris reuixiſſe: multoties etiam mulieribus accidiſſe legimus ex ſuffocatione matricis laborantibus: & narrat Rabi Moyſes ex libro Galeni, quē tranſtulit Patriarcha, quod accidit homini ſuffocatio quæ durauit diebus ſex, nec comedit, nec bibit, & redduntur eius arteriæ durę. Et dixit in eodem libro, quod accidit homini repletio ex qua amittitur pulſus totius corporis, & nō mouetur cor, & iacet ſicut mortuus. Et dicit quod accidit ex caſu à loco alto, uel clamore magno, uel ex longa mora ſub aqua ſyncopis, durans quadraginta octo horis, & iacet homo ſicut mortuus,

Suffocationis & extaſis mira exempla.

in cuius facie surgit puluis uiriditas. Et refert in eodem libro, de eo qui sepeliuit mortuum ante septuaginta duas horas post mortem ipsius, & interfecit eum, quia sepeliuit eum uiuum, & dedit ibi signa quibus cognoscitur, quod isti sint uiui licet iaceant similes mortuis, & certo moriantur, nisi succurratur illis, aut per phlebotomiam, aut alias curationes: & hæc sunt ex his quæ ualde raro contingunt. Et hic est modus per quem intelligimus magos & medicos suscitare mortuos, sicut qui serpentum ictu exanimati olim per Marsorum & Psillorum gentem uitæ restituebãtur. Posse autem huiusmodi extases longo tempore durare, absq; hoc quod homo uere mortuus sit, non secus arbitrãdum est, atq; in gliribus & crocodilis, & plerisque serpentibus, quæ per totam hyemem sic obdormierunt, sic somno expirãt ut uix igne reuocari queant: & ego sæpe uidi dissectum glirem immobilem manere, tanquam mortuum, donec coqueretur, atq; tunc primum inbulienti aqua dissecta membra uitam commonstrasse. Similiter licet difficile creditu sit, legimus tamen apud probatos historicos, etiam homines quosdam longo quo somno plurimos annos continuos dormiuisse, interim donec euigilassent, nihil seniores effecti: quod ipse testatur Plinius, de puero quodam, quem æstu & itinere sessum in specu septẽ & quinquaginta annos dormiuisse narrat. Legimus etiã Epimenidẽ Gnosium annis quinquaginta septẽ dormiuisse in spelũca. Hinc natũ adagiũ: Vltra Epimenidem dormire. Narrat M. Damascenus suo tempore in Germania defessum rusticũ sub fœni tumulo per totũ autumnũ, sequentemq; hyemẽ continuo dormiuisse, donec æstate fœno paulatim depasto experrectus tanq̃ semimortuus, totusq; extra se positus, inuentus est. Confirmant hanc opinionẽ ecclesiasticæ historiæ de septem dormientibus, quos annos centum & nonaginta sex dormiuisse ferunt. Est in Noruegia sub eminẽti littore antrũ, ubi ut Paulus Diaconus & Methodius martyr scribunt, septem uiri dormientes iacuerunt sopiti longo tempore sine ulla corruptione, & sæpe populos ad ipsos lædendum ingressos continuo fuisse contractos: deniq; accolas pœna præsenti cautos ab ipsorum læsione destitisse aiunt. Ipse autem inter philosophos non infimi nominis Xenocrates, longæuã hanc indormitationẽ, quandã naturalẽ pœnã, certis q̃busdam animab⁹ demeritis ab æterno deputatã putauit. Ipse M. Damascenus multis rationib⁹ possibilẽ & omnino naturalẽ probat, nec absurdũ putat, quod cũ cæteris animãtibus quibusdã cõcessum est, ut sine cibo & potu, sine excretione, sine tabefactiõe & corruptione pluribus mensibus dormire possint: id etiã homini, siue id accidat illi potione aliqua uenefica, aut ægritudine soporifera, seu meticuloso quodã sopore, aut similibus de causis, pluribus diebus, aut mẽsibus, aut annis, secũdũ intentionẽ uel remissionẽ uiriũ, & passionũ aiæ suæ posse cõtingere. Et narrãt medici antidota, de q̃bus si quis minimã portiũculã ederit, diuturnã deinde posse pferre inediã, ceu quõdã Helias certo esculẽto ab angelo pastus,

Somni diuturni exempla.

ambulauit & ieiunauit in fortitudine cibi illius quadraginta dies. Et recitat Ioannes Bocatius, fuisse suo tempore uirum apud Venetias, qui in singulos annos per quadraginta dies absq; ullo cibo ageret ieiunium. Quodq; magis mirum est, fuisse eodem tempore in inferiori Germania mulierem, quæ in tricesimum annum nihil unquã cibi sumpsisset, quod quidem nobis incredibile uideri posset, nisi confirmaret hanc rem recens, & nostri seculi miraculum in fratre Nicolao de Saxo, natione Heluetio, quẽ in eremo duobus & uiginti annis, quousq; uita excessit, sine omni cibo uixisse cõstat. Mirum & illud quod prodidit Theophrastus, fuisse Philinũ quendam qui nullo sit usus potu uel cibo, præterq; lactis. Et sunt graues authores qui herbam quãdam Spartanicam describunt, qua Scythas duodecim dies durare sine cibo & potu, ea semel gustata, uel in ore retenta tradunt. *Mira ieiunia tũ exẽpla.*

De diuinatione, quæ per somnia fit. Cap. LIX.

EST etiam diuinationis species, quæ inter dormiendum fit, somniorum scilicet, & philosophorũ traditionibus, & theologorum autoritatibus historiarumq; exẽplis, & quotidiana experientia comprobata. Somnium aũt dico hic, nõ quod phantasma, uel insomnium: hæc enim uana sunt, & nihil diuinationis habẽt: sed ex uigiliarum reliquiis aut corporis turbatione nascuntur: quoties nanque oppressi corporis uel fortunæ commodis uel incommodis, tũc qualis animus uigilantem fatigauerat, talis se ingerit dormienti: uel aliquando contrarius insomnio decepti. Somnium igitur dico hic, quòd in spiritu phantastico, animo & corpore bene se habẽtibus, cœlestium causatur influxu. Huius quidem interpretãdi regula apud astrologos inuenitur, in ea parte, quæ de quæstionibus inscribitur, sed tamẽ parũ sufficiẽs, quia somnia huiusmodi diuersis hominibus, diuersimode usuueniũt, iuxta diuersam spiritus phãtastici qualitatem ac dispositionem: quapropter non potest eadem cõmunisq; regula somniorum interpretandorum singulis adhiberi: sed iuxta Synesii sententiam, cum accidentia sunt eadem rebus, eisdem similiaq;, similibus, sic qui in idem aut simile uisum sæpius inciderit, eandem aut similẽ sibi designet sententiã, passionem, fortunam, actionem, euentum deniq;, quem admodum inquit Aristoteles, sensu confirmatur memoria, ex memoria uero eiusdem rei sæpius obtẽta nascitur peritia, ex pluribus peritiis paulatim cumulatur ars & scientia: simili ratione & circa somnia oportebit incedere. Vnde iubet Synesius, unumquenq; somnia sua & suos inde obseruare euentus, scilicet, quæ uisa in quales euentus inciderint, ac huiusmodi regulas, scilicet uisa & accidentia, cum somnii, tum uigiliæ memoriæ commendare, atque sedula quadam hac obseruatione huiusmodi perplurimas regulas penes seipsum accumulare, ex qua quidem accumulatione, ars quædam diuinatoria, & suorum cuiq; somniorum interpretandorum paulatim consurgit, dum nihil dilabitur à memoria. Efficaciora autẽ sunt somnia, quan- *Somnium.*

do luna illud percurrit signum, quod fuit in nona radicis natiuitatis uel reuolutionis illius anni, uel in nono signo à signo profectionis. Verissima autem atq; certissima diuinatio, neq; natura neq; humanis artibus, sed purgatis mentibus prouenit, inspiratione diuina. Quod uero hic ad uaticinia & oracula spectat, discutiemus alibi.

De furore & diuinationibus, quę in uigilia fiunt, de melancholici humoris potentia, quo etiam dæmones nonnunquam in humana corpora illiciuntur. Cap. LX.

Furor diuinationis species.

Ontigit etiam, non modo dormientes, sed & uigilãtes nonnunquam soluto animo, suisq; stimulis impulso diuinare, quã diuinationem Aristoteles furorem uocat, & ab humore melancholico procedere docet in tractatu de diuinatione inquiens: Melancholici propter uehementiam longe bene coniectant, & cito habitũ imaginantur facillimeq; cœlestium recipiunt impressionem. Et in Problematibus ait: Sibyllas, & Bacchides, & Niceratum Syracusanum, & Amonem à naturali melancholica complexione fuisse diuinatores atq; poëtas. Causa itaq; furoris, si qua intra humanum corpus est, humor est melãcholicus: nõ quidem ille, qui atra bilis uocatur, qui adeo praua horribilisq; res est, ut impetus eius à physicis ac medicis ultra maniam, quam inducit, etiam malos dæmones ad obsidenda humana corpora illicere perhibeatur. Humorẽ igitur hic intelligimus melancholicum, quę naturalis & candida bilis uocatur: Hæc enim quando accenditur, atq; ardet, furorem concitat, ad scientiã nobis ac diuinationem conducentem, maxime autem si iuuetur influxu alicuius cœlesti, præcipue Saturni, qui cum ipse frigidus sit atq; siccus, qualis est humor melancholicus, illum quotidie influit, auget atq; conseruat. Præterea cum sit ipse arcanæ contẽplationis autor, ab omni publico negotio alienus, ac planetarum altissimus, animã ipsam cum ab externis officiis ad intima semper reuocat, tum ab inferioribus ascendere facit, trahendo ad altissima, scientiasq; ac futuros præsagia largitur: & hoc est quod intẽdit Aristoteles in lib. Problematum: Ex melancholia, inquiẽs, quidam facti sunt sicut diuini prædicentes futura, & quidam facti sunt poëtæ. Ait præterea omnes uiros in quauis scientia præstantes, ut plurimũ extitisse melancholicos: quibus etiã Democritus & Plato atteſtantur asserẽtes melancholicos nonnullos intantũ præstare ingenio, ut diuini potius quàm humani uideantur. Sic melãcholicos perplures primũ rudes, ineptos, insanos, quales extitisse aiũt Hesiodum, Ionem, Tynnichum, Calcinensem, Homer, & Lucretium, sæpe furore subito corripi, ac in poëtas euadere, & miranda quædam diuinãq; canere, etiam quæ ipsimet uix intelligãt. Vnde diuus Plato in Ione, pleriq; inquit, uates postquã furoris remissus est impetus, quæ scripserũt nõ satis intelligũt, cũ tamẽ recte de singulis artib⁹ in furore tractauerint, quod singuli harum artifices legẽdo diiudicãt. Tãtum prȩterea tradũt melãcholici hu-

Melancholici ingenio pollent.

moris imperium esse,ut suo impetu etiã cœlestes dæmones in humana corpora nonnunq; rapiant,quorum præsentia,& instinctu,homines debacchari,& mirabilia multa effari omnis testatur antiquitas: idq; sub triplici differẽtia,iuxta triplicẽ animæ apprehensionẽ,uidelicet imaginatiuã,rationalẽ & mentalem contingere putant. Dicunt itaq;,quando anima melancholico humore impulsa,nullo cohibente, habenas corporis, membrorumq; uincula transgressa, tota in imaginationẽ trãsfertur, subito efficitur inferiorũ dæmonũ habitaculũ, à quibus manualiũ artiũ sæpe miras accipit rationes. Sic uidemus rudissimum aliquem hominem subito in pictorem egregium aut architectum,uel alterius cuiusq; artis euadere magistrũ. Quando uero eiusmodi dęmones futura nobis portendunt, tunc ostendũt quę ad elemẽtorum turbationes,temporumq; uicissitudines attinent,ut futuram pluuiam, tempestatẽ, inundationem, terræmotũ, mortalitatem,famẽ,stragem & eiusmodi:quemadmodũ apud Aulũ Gelliũ legimus,Corneliũ, sacerdotem,quo tempore Cæsar & Pompeius in Thessalia confligebant,Pataui fu rore correptum,& tempus,& ordinem,& exitum pugnæ prænarrasse. Quãdo uero anima tota in rationem conuertitur,mediorum dęmonũ efficitur domicilium:hinc rerũ naturalium humanarumq; nanciscitur scientiã atq; prudentiam. Sic uidemus hominem aliquem subito in philosophum,uel medicum uel oratorem egregiũ euadere,ex futuris aũt prædicere quæ ad regnorum mutationes & seculorũ restitutiones pertinent, quemadmodũ Sibylla Romanis. Dũ uero anima tota in mẽtem assurexerit,tunc sublimiũ dæmonum receptaculũ effecta, ab illis arcana ediscit diuinorum, puta dei legem,ordines angelorum,& quæ ad æternarũ rerum cognitionem animarumq; salutem pertinent. De futuris uero præuidet, quæ diuinæ prouidentiæ adiacent,ut futura prodigia seu miracula,futurũ prophetã,uel legis mutationem. Sic de Christo Sibyllæ ante aduentum eius longo tempore uaticinatæ sunt. Sic Vergilius nascturum Christum iam in propinquo intelligens,Cumanæ Sibyllæ recordatus,ceçinit ad Pollionem:

Melancholici humoris imperium.

Vltima Cumęi iam uenit carminis ætas,
Magnus ab integro seclorum nascitur ordo.
Iam redit & uirgo,redeunt Saturnia regna,
Iam noua progenies cœlo demittitur alto.

Et paulo post innuens originalem culpam irritam fore,ait:

Te duce si qua manent sceleris uestigia nostri
Irrita,perpetuo soluent formidine terras. & subiungit:
Ille deum uitam accipiet,diuisq; uidebit
Permixtos heroes,& ipse uidebitur illis,
Pacatumq; reget patriis uirtutibus orbem.

Subditq; inde serpentis occasum, & ligni mortis, siue ligni scientiæ boni & mali uenenum sopitum iri,inquiens:

Occidet & ſerpens, & fallax herba ueneni.

Manſuram tamen originalis peccati fomitem innuit, cum dicit:

Pauca tamen ſuberunt priſcæ ueſtigia fraudis.

Tandem, qua poteſt maxima hyperbole hanc prolem acclamando dei ſobolem, adorat his uerbis:

Chara deum ſoboles magnum Iouis incrementum
Aſpice conuexo nutantem pondere mundum
Et terras, tractuſq; maris cœlumq; profundum,
Aſpice uenturo lætentur ut omnia ſeclo.
O mihi tam longe maneat pars ultima uitæ,
Spiritus & quantum ſat erit tua dicere facta.

Sunt etiam quædam prognoſtica, quæ inter confinia naturalis & tranſnaturalis diuinationis media ſunt, ut in his qui morti proximi, & ſenecta debilitati, nonnunquam futura præuident, quia ut inquit Plato, in repub. qui ſenſibus minus præpediti ſunt, eo acutius intelligunt, & quia loco quo ſunt migraturi uiciniores ſunt, & quaſi iam paululũ relaxatis uinculis, nõ omnino corpori amplius obnoxii ſunt, diuinæ reuelationis lumina facile percipiũt.

De formatione hominis, de ſenſibus exteris & intimis ac mente: de triplici animæ appetitu, ac paſſionibus uoluntatis. Cap. LXI.

EST Theologorum quorundam opinio, deum ipſum hominis primęui corpus non immediate creaſſe, ſed cœlitum adiutorio ex elementis compoſuiſſe atq; formaſſe, cui opinioni adſtipulatur etiam Alcinous ex Platonis dogmate, putans ſummum deum mundi totius deorumq; & dæmonum creatorem eſſe, atque illa iccirco immortalia eſſe, cætera autem & mortalium animantium genera iuniores deos ad mandatum ſummi dei procreaſſe: nam ſi ipſe hæc etiam genuiſſet immortalia nata fuiſſent. Dii itaq; ex terra & igne aëreq; & aqua, portiones quaſdã mutantes ligantesq; inuicem, corpus unum ex omnibus confecerũt, quod animæ ad miniſterium ſubiecerunt ſingulis illius potentiis ſingulas in eo prouincias aſſignantes, humilioribus quidem humiliores ſedes aſſignãtes: quippe iracundiæ præcordia, cupidini uterum, nobiliores autem ſenſus in caput, ueluti in totius corporis arcem: deinde ſermonis organa multifaria. Diuidunt autem ſenſus in externos & intimos: externos deinde in quinque omnibus notiſſimos partiũtur, quibus pariter quinq; organa ſiue ſubiecta, quaſi fundamenta quædam attribuuntur ſic diſpoſita, ut quæ eminentiore parte corporis collocantur, potiorem quoq; puritatis ordinem obtineant: oculi enim ſupremo loco collocati puriſſimi ſunt, ignis lucisq; naturę ſunt cognati: deinde aures ſecundum & loci & puritatis ordinem obtinentes, conparantur aëri: tertium poſſident nares, mediam inter aërem aquamq; continentes: deinceps uero guſtandi organum craſſius & aqueæ naturæ ſimillimum: poſtremo gradu tactus per totum diffuſus, terræ craſſitudini deputa

Senſus exteriores quibus elementis reſpondeant.

tur. Puriores autem sensus sunt, qui non appropinquãtes sensibilibus à lon ginquo percipiunt, ut uisus, & auditus: deinde etiam odoratus per medium aërem non appropinquantia percipit: gustus autem nõ nisi propinqua sen tit. Tactus utroq; modo se habet, nam appropinquantia corpora sentit: & quemadmodum uisus per medium aërem cernit, ita etiam tactus per me diam uirgam uel baculum, dura, mollia & humida sentit. Verum tactus so lus è sensibus omni animali communis est: certissimum autem hunc sen- *Gustu & tactu hõ reliqua præcellit animalia*
sum homo possidet, hoc namq; & gustu reliqua animalia præcellit, sed in aliis tribus sensibus à quibusdam animalibus euincitur, sicut à cane qui ho mine acutius uidet, audit, atq; olfacit, similiter acutius multis cęteris animã tibus, & hoïe uident lynces & aquilæ. Sensus uero interiores, ut uult Auer rois, in quatuor partiti sunt, quorum primus cõmunis appellatur, eo quod omnes quæ per externos sensus hauriuntur imagines primus colligit atq; perficit. Secundus uis imaginatiua, cuius officiũ est cũ ipsa nihil præsentiat, imagines à prioribus sensibus acceptas retinere, easq; tertiæ sentiendi natu ræ, quæ phantasia existimandi atq; cogitandi uis est offerre, cuius opus est, acceptis imaginibus, quid aut qualis sit id cuius illę imagines sunt, percipe re atq; iudicare, atq; ea ipsa quæ sic discreuerit, coniunxerit, perceperit, iudi cauerit quartæ potentiæ, quam memoriam dicimus, seruanda cõmendare. Etenim illius in genere uirtutes sunt, discursus, dispositiones, persecutiones & fugæ, atq; concitationes ad agendũ. At in specie intellectualiũ intellectio nes, uirtutes, disciplinæ ratio, consiliũ, electio. Hæc aũt est: quæ per somnia, nobis futura monstrat: unde phantasia aliquando nominatur intellectus phantasticus: est enim ultimũ uestigiũ intelligẽtiæ, quæ, ut ait Iamblichus, omnibus animi uiribus adnata, omnes figuras effingit, similitudines specie rũ, & operationes, uisaq;, seu impressiones uiriũ alias trãsmittit in alias: quæ quidẽ à sensu micãt, in opinionẽ excitat: quæ uero ab intellectu, secundo lo co offert opinioni, sed à seipsa ab omnibus imagines suscipit, atq; per suam proprietatẽ, secundũ assimilationẽ proprie designat, omnes actiões animę fingit, atq; externas accõmodat intimis, etiã corpori impressiões imprimit. Habẽt aũt sensus isti sua organa in capite, nã sensus cõmunis cum imagina *Sensuũ organa in capite,*
tione, priores cerebri cellulas possidet, licet Aristoteles organũ sensus com munis, posuerit in corde, cogitatiua aũt uirtus, supremum, & medium capi tis obtinet, deinde memoria postremũ. Porro organa uocis, atq; sermonis, multa sunt, siquidem interni pectoris inter latera, musculi, thorax, pulmo, trachea, arteria, fauces, & horum maxime, quod est cartilaginosum, secun dũ recurrentes neruos, & plectrũ linguæ, & omnes hę particulę & musculi, q; exufflationis organa sunt. Sermonis uero organũ propriũ, os est, in quo plasmantur, formantur, & figurantur uerba & loquelæ, lingua, & gurgulio ne, in illo plectri obtinentibus uicem, & palato sonum faciente dentium & oris apertione, ueluti in lyra chordarum similitudinem referentibus naso,

insuper ad sonoritatem bonam aut malam conferente. Supra sensibilẽ animam, quæ per corporis organa uires suas explicat, supremum locum occupat mens ipsa incorporea, & hæc geminam naturam habens: Vnam rerum earum quæ naturæ ordine continentur, causas, proprietates progressusque perquirentem, & in ueritatis contemplatione contentam, quem iccirco cõtemplatiuum intellectum uocant: Altera mentis natura siue uis, quę agenda, quæq; fugienda sint consultando discernens, tota in consultatione & actione uersatur, quem iccirco actiuum intellectum uocant. Hunc itaque ordinem potẽtiarum, natura statuit in homine, ut per exteriores sensus cognosceremus corporalia, per interiores ultra hoc similitudines corporũ, & ulterius per mentem siue intellectum abstracta quæ nec corpora sunt, nec illis similia. Et iuxta hunc triplicem potentiarum animæ ordinem tres nascuntur in anima appetitus: Primus naturalis, qui est inclinatio quædã naturæ in suũ finẽ, ut lapidis deorsum qui ineſt omnibus: alius animalis q̃ sequitur sensus, diuisus in irascibilem & cõcupiscibilem: tertius intellectiuus, qui appellatur uoluntas, in hoc differens à sensitiuo qui est per se illoꝝ, quæ possunt offerri sensibus, nihil concupiscens, nisi aliquo modo comprehensum. Voluntas uero etsi sit per se omniũ possibiliũ, quia tamẽ libera est per essentiam, potest etiã esse impossibiliũ, qualis fuit in dæmone appetente se esse æqualẽ Deo, itaq; uoluptate & dolore cõtinuo alteratur & deprauatur, dum inferioribus potentiis assentitur. Vnde quatuor ex eius deprauato appetitu nascuntur in eo passiones, qbus similiter corpus nonnunquã afficit, quarũ prima uocatur oblectatio, quæ est mentis siue uolũtatis quędã mollities atq; assentatio, qua illi quomodo sensus porrigũt suauitati libẽtissime cõsentit, paret, atq; obsequit: quam iccirco definiũt esse inclinationẽ animi ad emolientẽ uoluptatẽ. Secunda uero dicitur effusio, quæ est remissio aut dissolutio uirtutis, quando uidelicet ultra oblectationẽ tota mẽtis uis atq; intentio præsentis boni dulcedine deliquescit ac defluit, penitusq; se diffundit & effert ad eo fruendũ. Tertia dicitur iactantia, scilicet elatio gestiens, ex istimans se maximum quoddam bonum consequutum, cuius possessione se insolentius efferẽs, exultat & inaniter gloriatur. Quarta & ultima est maleuolentia, uoluptas quædam ex malo alterius sine suo emolumento. Dicitur aũt sine emolumento suo, quia si quis ob utilitatem suam ex malo alterius gaudeat, hoc erit potius ex beneuolentia in seipsum, quàm ex maleuolentia in alios: Atq; his quatuor passionibus ex deprauato uoluptatis appetitu genitis, totidem contrarias passiones generat ipse dolor, puta horrorẽ, tristitiam, metum, & de bono alterius sine suo detrimento dolorem, quam dicimus inuidiam, hoc est, in alienis bonis tristitiam, quemadmodum misericordia tristitia quædam est in alienis malis.

Mẽtis gemina natura.

Triplex in anima appetitus.

De passionibus animi, & earum origine, differentia & speciebus. Cap. LXII.

PAssiones animi nihil aliud sunt, quàm quidam motus siue inclinationes prouenientes ex apprehensione alicuius rei, tanquam boni uel mali, conuenientis uel disconuenientis. Apprehensiones autem huiusmodi sunt triplices, uidelicet sensuales, rationales, mentales. Et secundum has triplices sunt in anima passiones: nam quandoq; sequuntur apprehensionem sensitiuam, & tunc respiciũt bonum aut malum temporale, sub ratione cõmodi uel incõmodi, delectabilis & offensiui, & dicuntur passiones naturales siue animales: quandoq; sequuntur apprehensionem rationalem, & sic respiciunt bonum aut malum sub ratione uirtutis & uitii, laudis & uituperii, utilis & inutilis, honesti & turpis: & dicuntur passiones rationales seu uoluntariæ: quandoq; sequuntur apprehensionem mentalẽ, & respiciunt bonum & malum sub ratione iusti & iniusti, ueri & falsi, & tunc dicuntur passiones intellectuales, siue syndæresis. Subiectũ autem passionum animæ, est ipsa uis animæ concupitiua, & diuiditur in cõ cupiscibilem & irascibilem, & utraq; respicit bonũ & malũ, sed diuersimode Vis enim concupiscibilis quandoq; respicit bonum & malum absolute, & sic causatur amor seu libido, & econtrario odium: uel respicit bonum, ut absens, & sic causatur cupiditas: seu desideriũ & malum ut absens, sed ut imminens, & sic causatur horror, fuga & abominatio: uel respicit bonum & malũ ut presens & adeptum, & sic oritur hinc delectatio, lætitia, uoluptas: inde tristitia, angustia, dolor. Vis autem irascibilis respicit bonum & malum sub ratione difficultatis ad adipiscendũ siue obtinendũ, fugiendũ uel depellendum: & hoc quandoq; cum fidentia: & sic causatur, hinc quidẽ spes, inde uero audacia: quandoq; cũ diffidentia, & sic oritur desperatio, & metus, siue timor. Quãdoq; uis ipsa irascibilis surgit in uindictam, & hoc fit solum circa malum præteritum tanquam illatæ iniuriæ seu læsionis, & causatur ira. Et sic reperimus undecim passiones in ipso animo, quæ sunt, amor, odium, desiderium, horror, lætitia, dolor, spes, desperatio, audacia, timor, ira.

Quomodo passiones animi mutant corpus propriũ permutãdo accidentia, & mouendo spiritum. Cap. LXIII.

PAssionum autem animæ quando sensualem apprehensionem sequuntur, uim regitiuam habet phantasia, seu uirtus imaginatiua. Hæc enim de sua potentia iuxta passionum diuersitatem primo diuersimode alterat & transmutat corpus proprium transmutatione sensibili, mutando accidentia in corpore, & mouendo spiritum sursum uel deorsum, ad extra uel ad intra, & diuersas qualitates producendo in membris: Sic in gaudio spiritus expelluntur, in timore retrahuntur, in uerecundia mouentur ad cerebrum: Sic in gaudio dilatatur cor ad extra paulatim, in tristitia constringitur paulatim ad intra. Simili modo in ira uel timore, sed subito. Rursus ira uel cupiditas uindictæ producit calorem, rubedinem, amarum saporem, & alui fluxum. Timor inducit frigus, cordis

trepidationem,uocis defectum,atq; pallorem. Triſtitia ſudorem,& albedinem cæruleam. Miſericordia etiam quæ triſtitia quædam eſt, ſæpe miſerãtis corpus male afficit, ut alterius corpus uidetur affectũ. Palam quoq; eſt inter amantes aliquos, tam fortem eſſe ligaturam amoris, ut quod patitur unus eorum,patiatur & alter. Anxietas etiam inducit ſiccitatem,& nigredinem: quantos etiam calores cupido amoris concitat, in hepate & in pulſu, noſcunt medici,eo iudicio nomen amatæ in paſſione heroica deprehendentes. Sic Nauſiſtratus cognouit Antiochum amore Stratonicę captum. Manifeſtum præterea eſt paſſiones eiuſmodi quando uehementiſſimæ ſunt, poſſe mortem inferre:& hoc apud uulgus palam eſt,nimia lætitia,triſtitia, amore,odio,interdum mori homines,ſæpe etiam morbo leuari.Sic legim⁹ Sophoclem & Dionyſium Siciliæ tyrannum, utrunq; accepto tragicæ uictorię nuntio,ſubito mortuos.Sic mater uiſo filio è Cannenſi pręlio redeũte,repente obiit. Quid etiã triſtitia poſſit, omnibus notum eſt. Scimus etiã canes nimia triſtitia de morte dominorum ſuorum ſæpe mortuos fuiſſe. Nonnunquam etiam ex huiuſmodi paſſionibus morbi diuturni ſequuntur,& quandoq; curantur. Sic ex alto deſpicientes aliqui præ timore nimio contremiſcunt,caligãt,infirmantur,quandoq; ſenſus amittunt. Sic ſingultus,febres,morbi comitiales quandoq; ſequuntur, quandoq; uero recedũt, quandoq; mirabiles quidam effectus proueniunt,ut in Cręſi filio, quem genitrix mutum ediderat, metus uehemens auiditaſq; uocem excuſſit, quam natura diu negauerat.Sic repentino quodam caſu affectũ,ſæpe uita, ſenſus, motus,ſubito membra deſerunt,ac ſæpe ſtatim reuertuntur. Quantum etiam coniuncta magnanimi audaciæ,uehemens ira faciat,ipſe oſtendit magnus Alexander,qui in India prælio circunuentus,lumẽ & ignem ex ſe profundere uiſus eſt. Theodorici pater ignis ſcintillas ex toto corpore profudiſſe legitur, ita, ut ſcintillantes flammæ hinc inde etiam cum ſono proſilirent. Atq; horum ſimilia nonnunquam etiam in beluis apparẽt,ſicut de Tiberii equo,quem ore flammigeraſſe proditum eſt.

Animi paſſiones mortẽ nõnunquam inferunt.

Quomodo paſſiones animi immutant corpus per modum imitationis à ſimilitudine.Item de transformatione ac translatione hominum,& quas uires uis imaginatiua non ſolum in corpus,ſed etiam in animam obtineat. Cap. LXIIII.

PAſſiones ſupradictæ quandoq; alterant corpus per modũ imitationis,propter uirtutem quam habet ſimilitudo rei ad transmutandum, quam uehemens mouet imaginatio, ſicut in ſtupore & congelatione dentium ex uiſu uel auditu aliquo, uel quia uidemus uel imaginamur alium comedere res acres:ſic uidẽs aliũ oſcitare etiam oſcitat,& aliqui cum audiũt acida nominare,lingua aceſcit:moleſtia etiam tetri alicuius ſpectaculi guſtum inficit,& prouocat nauſeam: quidam ſanguinis humani aſpectu ſyncopantur: nõnulli cum alicui amas-

cibū afferri uident, ſentiūt in ore ſaliuā amarā. Et narrat Gulielmus Pariſiē ſis ſe uidiſſe hominē, q̄ ſolo aſpectu medicinæ mouebatur quoties opus erat motu expurgatiōis: cū tñ nec ſubſtātia medicinæ, nec ſapor nec odor ipſius ad ipſum peruenirēt: ſed ſola ſimilitudo apprehenſa. Hac ratiōe ſomniātes ſe ardere, uel eſſe in igne, quādoq; cruciātur intolerabiliter, tanq̄ ſi uere arderent, cū tñ ueritas & ſubſtantia ignis apud eos non eſt, ſed ſola ſimilitudo per imaginationem apprehenſa. Nonnunq̄ etiā ipſa humana corpora transformantē trāsfiguranturq̄;, & trāſportantur, ſæpe quidem in ſomniis, nonnunq̄ etiā in uigilia. Sic Cypꝰ qui poſtea electus eſt rex Italiæ, dū tauroꝝ pugnā uictoriāq̄; uehementius admirās meditatur, in illa cura obdormiens noctē, mane corniger repertus eſt, nō aliūde q̄ uirtute uegetatiua uehementi imaginatiōe ſtimulata, corniferos humores in caput eleuante, & cornua producente. Vehemēs enim cogitatio, dum ſpecies uehementer mouet, in illis rei cogitatæ figuram depingit, quam illi in ſanguine effingunt, ille nutritis à ſe imprimit membris, cum propriis, tum aliquando etiam alienis: ſicut imaginatio prægnantis in fœtū imprimit rei deſideratæ notā, & imaginatio morſi à cane rabido, in urinam imprimit imagines canū. Sic multi ſubito cane ſcūt: alius è puero, unius noctis ſomnio, in uirum perfectum excreuit. Huc multi etiam Dagoberti regis cicatrices, & Franciſci ſtigmata referre uolūt, dum ille correptionem uehementer timet, alter Chriſti uulnera uehementius contēplatur. Sic multi etiam tranſportantur de loco ad locum tranſeūtes flumina, & ignes, & loca inacceſſa: quando uidelicet uehemētis alicuiꝰ cō cupiſcentię, aut timoris, uel audaciæ ſpecies ſpiritibus impreſſæ, uaporibus permixtæ mouēt organū tactus in ſua origine, unà cū phantaſia, quæ motꝰ localis principiū eſt. Vnde cōcitantur mēbra & organa motus ad motū, mouēturq̄; ſine errore ad locū imaginatū, nō quidē ex uiſu, ſed ex phantaſia interiore. Tanta eſt uis animæ in corpus, ut quorſum ipſa imaginat & ſomniat, ipſum corpus ſimul attollat atq; traducat. Legimus alia pleraq; exēpla quibus uis animæ in corpus cū admiratione explicat, quale illud ſcribit Auicenna de quodam, q̄ cū uellet, corpus ſuū paraly ſi oblędebat. Narrat de Gallo Vibio, cui hoc accidit uni, ut in inſaniā nō caſu incideret, ſed iudicio pueniret: nā dū inſanos imitat, dū ingenii lenociniū furorē putat, quā adſimulabat inſaniā, ad uerā redegit. Et Auguſt. refert quoſdā qui aures pro arbitrio mouerēt, & q̄ immoto capite uerticē totā deponerēt ad frontē, reuocarēt q̄; cū uellent: & aliū quendā ſolitū ſudare ubi uellet. Notū quoq; eſt aliquos flere cū uolūt, & ubertim lachrymas profundere: quoſdā etiā reptos, qui eorū q̄ deglutiſſent, uaria paulatim tāquā de ſacculo, quod placuiſſet, proferrēt. Et hodie adhuc uidemus plures, qui auium, pecorū, canū hominumq̄; quorunq̄; uoces ſic imitantur exprimuntq̄;, ut diſcerni omnino nō poſſint. Iā uero & fœminas in mares mutatas fuiſſe, multis exemplis narrat Plinius: ſimilia & ſuo tēpore accidiſſe teſtatur Pontanus, de quadā muliercula Caie

Mira imaginationis uis.

tana,& altera quadam Aemilia,quę cum utraq; nupta,post plures annos in uiros mutatæ sunt. Quantū autem ipsa imaginatio possit in animā, nemo ignorat: est enim substantiæ animæ uicinior quā sensus, quare etiam plus agit in animam quàm sensus:sic mulier per introductas certis magicis artificiis fortes imaginationes,somnia,suggestiones,sæpissime ligātur in amorem alicuius arctissimū.Sic perhibent Medeam ex solo somnio exarsisse in amorem Iasonis.Sic anima nonnunquàm per uehementem imaginationē uel speculationem à corpore omnino abstrahitur,quemadmodum Celsus narrat de quodā presbytero, qui quoties collibuisset auferebat se à sensibus & iacebat similis mortuo,ut cum pungeretur & ureretur, non sentiret ullū dolorem,iacebatq; immotus & sine anhelitu:hominū tñ uoces, si altius inclamassent, tanquàm ex longinquo se audisse postea referebat. Verum de his abstractionibus latius in posterioribus disseremus.

Quomodo passiones animi etiam operantur extra se in corpus alienum. Caput LXV.

PAssiones animæ quæ phantasiam sequuntur, quando uehemētissimę sunt,non solum possunt immutare corpus proprium, uerumetiā possunt transcendere ad operādum in corpus alienum,ita,quòd admirabiles quędam impressiones inde producantur in elementis & rebus extrinsecis, atq; etiam morbos quosdam animi siue corporis,sic possent auferre uel inferre: Nam passiones animæ sunt potissima causa temperamenti corporis proprii. Sic anima fortiter eleuata & uehementi imaginatione accensa,immittit sanitatem uel ægritudinem,nō solum in corpore proprio, sed etiam in corporibus alienis.Sic putat Auicēna,quòd ad imaginationē alicuius cadat camelus.Sic qui morsus à cane rabido in rabiem incidit,apparent in urina eius figuræ canum. Sic prægnātis mulieris cupiditas in corpus alienum agit, quādo inficit fœtum in aluo,rei desideratæ nota.Sic multæ monstrosæ generationes prodeūt ex mōstrosis prægnātiū imaginatiōibus,ceu qualē refert Marcus Damascenus apud Petrā sanctā oppidū in Pisanis confinibus sitū. Carolo Boëmiæ regi & Imperatori oblatam puellā, toto corpore feræ instar hirsutā & uillosam, quā mater religioso quodam horrore, in imaginem diui Ioannis Baptistę quę ad lectulum erat,dum cōciperet affecta,talem postea progenerauit. Atq; id nō solū in hominibus,sed etiā in brutis animātibus fieri spectamus.Sic legimus Iacobū patriarchā,uirgis in aquā proiectis,discoloratę oues Laban. Sic pauonū aliarūq; uolucrū cubātiū imaginarię uires, pēnis colorē imprimūt:unde albos producimus pauones,cubātiū habitacula albis linteis circūpendētes. Iamq; his exēplis patet,quomodo phātasiæ affectus,ubi uehemētius se intenderint,non modo corpus propriū,sed & alienū afficiūt. Sic etiā malefi corū nocendi cupiditas,fixis obtutibus q̄ pernicios̄issime homines fascinat. Assentiūt istis Auicēna,Aristoteles,Algazel & Galenus. Manifestum enim

Pauones albi quō producantur.

est,corpus à uapore alterius corporis morbidi facillime infici,quod in peste & lepra palam uidemus. Rursus in uaporibus oculorum tanta uis est, quod possunt proximum fascinare atq; inficere, sicut regulus, & catabepla aspectu suo homines interimunt: & fœminæ quædam in Scythia,apud Illyricos & Triballos quem irate aspexerant,interimebant. Nemo ergo miretur corpus atq; animam unius,ab animo alterius posse similiter affici, cum sit animus longe potentior,fortior, feruentior, motuq́; ualentior,quã uapores ex corporibus exhalantes,nec etiam desunt media,per quæ operetur: neq; præterea minus subiicitur corpus alieno animo,quàm alieno corpori. Hoc modo ferunt hominem,solo affectu atq; habitu agere in alterum: Ideoq; præcipiunt philosophi,consortium malorum atq; infœlicium hominum procul fugiendum, horum siquidem anima noxiorum plena radiorum,calamitosa contagione propinquos inficit: contrà, bonorum ac fœlicium consortia, præcipiunt appetẽda,quoniam sua prodinquitate multum nobis prosunt. Sicut enim odor ex asa fœtida, uel musco: sic ex malo mali, & ex bono boni, aliquid prosilit in proximum,ac diu quandoq; perseuerat infusum. Nunc uero si passiones supradictæ tantam uim habent in phantasia,certe maiorẽ habent in ratione,quatenus iã ratio ipsa,phantasia est excellentior. Multo deniq; maiorem in mente,hæc enim quando ad beneficium aliquod,tota animi intentione erga superos defigitur,sępe corpus tam proprium q̃ alienum, circa quod est affecta,diuino aliquo munere afficit. Hoc modo legimus ab Apollonio, Pythagora, Empedocle, Philolao multisq; prophetis, & etiam nostræ religionis sanctis,miracula facta fuisse. De his latius patebit inferius, ubi de religione differemus.

Ratio excellentior phãtasia.

Quod passiones animi plurimum iuuantur ab opportunitate cœlesti: & quàm necessaria sit in omni opere, ipsa animi constantia. Caput LXVI.

PAssiones animi à cœlo plurimum adiuuantur & adiuuant, potentissimæq; euadunt,quatenus cum cœlo consentiunt uel naturali quodam pacto,uel uoluntaria electione seu libero arbitrio. Nam, ut inquit Ptolemæus, qui elegit id quod melius est, nihil differre uidetur ab eo,qui habet hoc ex natura. Conducit ergo maxime in quouis opere ad beneficia cœli suscipienda, si cogitationibus, affectibus, imaginationibus, electionibus, deliberationibus, contemplationibus & similibus,nos quoq; cœlo consonos præstiterimus. Passiones enim eiusmodi spiritũ nostrũ ad similitudinẽ suam uehemẽter agitant,ac subito nos nostraq́; superis exponũt eiusmodi passiones significãtibus: tũ etiã ob dignitatẽ & propinquitatẽ suã cũ superioribus multo magis atq; amplius cœlestia capiũt,quã res quæuis materiales. Potest enim animus noster p imaginationem uel rationẽ quadã imitatione,ita alicui stellæ cõformari,ut subito eiusdẽ stellę muneribus impleat,tanquam sui influxus proprium receptaculum

Mens uero contemplatrix quatenus se ab omni sensu,imaginatione,natura deliberatione seuocat,& ad separata se reuocat,nisi quatenus Saturno se expo nit,præsentis indagationis non existit. Multa enim mens nostra per fidem operatur,quæ est firma adhæsio,fixa intentio,& uehemens applicatio operãtis aut susciptientis,in quacunq; re ad ipsum cooperantem & dantem uim ad opus,quod facere intendimus,adeo,ut fiat quodãmodo in nobis idolum uirtutis susciptiẽdæ,& rei in nobis uel à nobis faciẽdę. Debemus igitur in quouis opere & reꝝ applicatione uehemẽter affectare,imaginari,sperare firmissime q; credere,id enim plurimũ erit adiumento. Et uerificatum est apud medicos, firmã credulitatẽ,spẽ indubiã,& amorẽ erga medicũ,& medicinã,ad sanitatẽ plurimũ cõferre,etiã aliquãdo uel plus q̃ medicinã. Nam cũ hoc quod operatur medicinæ uirtus & efficax uis,opatur etiã medici fortis animus,potens immutare qualitates in corpore ęgroti,maxime quando ille medico adhibẽs fidẽ eo ipso sese disponit ad medẽtis & medicinę uirtutẽ susciendam. Ideoq; oportet in magia operantem esse cõstanti credulitate, confidentẽ,& de consecutiõe effectus nullatenus dubitare,nec animo hæsitare. Nam sicut firma & pertinax credulitas mirabilia operatur, etiam nonnunq̃ in operibus falsis,sic diffidẽtia atq; hæsitatio uirtutẽ animi operantis,quæ inter utrũq; extremũ mediũ est,dissipat atq; frangit,unde cõtingit optatum à superioribus influxum frustrari atq; deperdi, qui sine animi nostri stabili ac solida uirtute rebus & operibus nostris coniungi atq; uniri minime potest.

Quomodo animus humanus potest coniũgi cum cœlestium animis & intelligentiis,atq; simul cum illis mirabiles quasdam uirtutes rebus inferioribus imprimere. Cap. LXVII.

Dicunt Philosophi,maxime Arabes, animũ humanũ quãdo per suas passiones & effectus ad opus aliquod attentissimus fuerit, cõiungi ipsum cũ stellaꝝ animis,etiã cum intelligẽtiis,& ita quoq; coniunctũ causam esse ut mirabilis quædam uirtus operibus ac rebus nostris infundatur,cũ quia est in eo reꝝ omniũ apprehensio & potestas, tũ quia omnes res habẽt naturalẽ obedientiã ad ipsum,& de necessitate efficaciã,& mouẽt ad id quod desiderat animus forti desiderio. Et secundum hoc uerificatur artificiũ characterũ, imaginũ,incantationum & sermonum quorundã & plurimorũ aliorum experimentorũ mirabilium ad omnẽ rem quam animus affectat. Hoc modo quicquid dictat animus uehemẽter amantis,efficaciam habet ad amorem,& quicquid dictat animus fortissime odientis,habet efficaciam nocendi & destruendi. Similiter & in cæteris quæ adfectat animus forti desiderio. Omnia enim quæ tunc agit & dictat ex characteribus, figuris,uerbis, sermonibus, gestibus & eiusmodi,omnia sunt adiuuantia appetitum animę,& acquirunt mirabiles quasdam uirtutes,tũ ab anima operantis in illa hora quando ipsam appetitus eiusmodi maxime inuadit,tum ab opportunitate & influxu cœlesti animum tunc taliter mouente

Animus enim noſter quando fertur in aliquē magnum exceſſum alicuius paſſionis uel uirtutis, arripit ſæpiſſime ex ſeipſo horam uel opportunitatē fortiorem, meliorem & magis conuenientem. Quod etiam Thomas Aquinas tertio libro cōtra Gentiles fatetur. Sic mirandę multę uirtutes ad mirabiles quaſdam operationes cauſantur, & ſequuntur, per grādes affectiones in rebus illis quas dictat tunc anima in illa hora ad illas. Sed ſcias eiuſmodi res nihil, uel ſaltem parum niſi authori eas conferre, atq; illi qui iam inclinatur ad illas ac ſi iam eſſet author illarum: & hic eſt modus per quem inuenit efficacia ipſarum. Et eſt generalis regula in iſtis, quòd omnis animus qui eſt magis excellens in ſuo deſiderio & affectu, ipſe efficit ſibi res huiu ſmodi magis aptas, efficaces, ad id quod appetit. Oportet igitur quēcunq; uolentē operari in magia, ſcire & cognoſcere ſuę ipſius animę proprietatem, uirtutē, menſuram ordinem & gradum in potentia ipſius uniuerſi. *Regula generalis.*

Quomodo animus noſter poteſt permutare & ligare res inferiores, ad id quod deſiderat. Caput LXVIII.

NEſt etiam hominum animis uirtus quędam immutandi, attrahendi, impediendi & ligandi res & homines ad id quod deſiderat, & omnes res obediunt illi, quando fertur in magnum exceſſum alcuius paſſionis uel uirtutis in tantum, ut ſuperet eos quos ligat. Superius enim ligat quod inferius eſt, & ad ſe conuertit, & inferius eadem ratione ad ſuperius conuertitur, uel aliter afficitur aut agitatur. Hac ratione res quæ ſuperiorem alicuius ſtellæ obtinēt gradum, ligant uel attrahunt, uel impediunt res, quæ tenent inferiorem, prout inter ſe conueniunt uel diſconueniunt. Hinc timetur gallus à leone, quoniam præſentia ſolaris uirtutis conuenit gallo magis q̄ leoni: ſic magnes trahit ferrum, quia in ordine cœleſtis urſæ ſuperiorem obtinet gradum: ſic adamas impedit magnetē, quia in ordine Martio ſibi eſt ſuperior. Simili modo homo aliquis cum per ſui animi affectiones, tum etiam per rerum naturaliū ritas adhibitiones cœleſtibus dotibus opportune expoſitus, ſi in uirtute ſolari fortior euaſerit, ligat & trahit inferiorem in admirationem & obedientiam: in ordine lunari ad ſeruitutem uel infirmitatem: in Saturnali ad quietem uel triſtitiam: in Iouio ad uenerationem exhibendam: in Martio ad timorem uel diſcordiam: in Venereo ad amorem uel lætitiam: in Mercuriali ad perſuaſionem & obſequium & ſimilia. Radix uero eiuſmodi ligatiōis ipſa eſt affectio animę uehemens & exterminata, cum concurſu ordinis cœleſtis. Diſſolutiones autē uel impeditiones huiuſmodi ligationis fiūt per contrarium affectum, & illū excelentiorem & fortiorem: nam ſicut maior animi exceſſus ligat, ita etiam ſoluit & impedit. Deniq; ubi times Venerem, oppone Saturnum: ubi Saturnum times aut Martē, Venerem oppone uel Iouē: hos enim inimicos & maxime contrarios inuicem ferunt eſſe aſtrologi. Hoc intellige, affectus diuerſos & contrarios in iſtis inferioribus cauſantes: nam in cœlo quidem ubi ni *Ligationis radix.*

hil deficit, ubi amore cũcta regũtur, odiũ seu inimicitia esse minime potest.

De sermone, atq; uirtutibus uerborũ. Cap. LXIX.

Stenso itaq; nunc in animi affectibus magnam residere uirtutem, sciendum insuper est, non minorem inesse uerbis rerumq; nominibus, maximam præterea in sermonibus & orationibus complexis. Quibus potissimum à brutis differimus & rationales dicti sumus, non à ratione quæ secundum animam accipitur, quam capacem affectuum appellant, quam Galenus dicit etiam bruta animaliano biscum habere communem, licet alia magis, alia minus: sed rationales dicimur à ratione quæ iuxta uocem in uerbis & sermone intelligitur, quæ uocatur ratio enunciatiua, qua parte cæteris animantibus maxime antecellimus: nam λόγος Græcis & rationem & sermonem & uerbum sonat. Est autem uerbum duplex, internum uidelicet & prolatum: internum uerbum est conceptus mentis & motus animæ qui in cogitatiua potẽtia sine uoce fit: quem admodum dum in somniis nobis loqui & disputare uidemur, & in uigilia etiam silẽtes sæpe totam aliquam percurrimus orationem. Verbum autem prolatum quandam in uoce & locutionis proprietate actum habet: & cum anhelitu hominis, oris apertione & sermone linguę profertur: in quo parẽs natura corpoream uocem & sermonem, menti & intellectui copulauit, enũciatiuam & conceptuum intellectus nostri interpretem illam faciens ad audientes, de quo nobis hic dicendum est. Sunt itaque uerba aptissimum medium inter loquentem & audientem deferentia secum non tantum conceptum, sed & uirtutem loquentis energia quadam transfundentes in audientes, sed etiam alia quædam corpora & res inanimatas. Illa autem uerba præ cæteris maioris efficaciæ sunt, quæ res maiores, puta intellectuales, cœlestes, & transnaturales, cũ expressius, tũ mysteriosius repræsentant: quæq; à digniore lingua, & sanctiori dignitate instituta sunt, hæc enim ueluti signa quædam & repræsentationes, seu sacramenta rerum cœlestium & supernaturalium uim obtinent, cum ex uirtute rerum explicatarum quarum uehicula sunt, tum ex ui insita illis à uirtute instituentis & proferentis.

Quæ uerba maioris sint efficaciæ.

De uirtute propriorum nominum. Cap. LXX.

Propria rerum nomina magicis operationibus plurimum necessaria testantur fermè omnes: Nam quum uis rerum naturalis procedit primo ab obiectis ad sensus, deinde ab his ad imaginationem, ab hac deniq; ad mentem, in qua concipitur quidem primo, deinde per uoces & uerba exprimitur. Dicũt iccirco Platonici in hac ipsa uoce, siue uerbo, siue noĩe iã suis articulis formato ipsam uim rei sub significatiõis forma quasi uitã aliquã latere: primo ab ipsa mẽte quasi p semina rerũ conceptã, porro p uoces siue uerba quasi partũ æditã, postremo etiã scriptis seruatã. Hinc dicũt Magi propria rerũ noĩa esse quoslã rerũ radios ubiq; semper præsentes, rerũq; uim seruãtes, quatenus essentia rei signatæ in

ipſis dominaē & diſcernit, atq; res per illa tāq̄ p proprias & uiuas imagines agnoſcuntur. Sicut enim ex cœlorum influxibus & elementis cum uirtutibus planetarū ſummus opifex producit diuerſas ſpecies & res particulares: ſic ſe cūdū earūdē influxuū & influentiū proprietates propria reb⁹ nomina reſultāt & impoſita ſunt ab eo, qui numerat multitudinē ſtellarū omnibus eis nomina uocans, de quibus nominibus alibi dicit Chriſtus: nomina ueſtra ſcripta ſunt in cœlis. Hos itaq; cœleſtiū influxus rerūq; ſingularū proprietates cognoſcēs protoplaſtes, noīa rebus ſecundū earū quiditates impoſuit ſicut ſcriptū eſt in Geneſi: quia adduxit deus cūcta quæ creauerat corā Adā ut nominaret illa: & ſicut ipſe uocauit rē, hoc eſt nomē illius, quę quidē noīa profecto admirandas in ſe rerum ſignificatas continent uires. Omnis itaq; uox ſignificatiua primo ſignificat per influxū harmonię cœleſtis, ſecundario per impoſitionem hominis, licet frequentius aliter & aliter per hanc atq; per illam: quando aūt in aliqua uoce ſiue nomine concurrūt utręq; ſignificatiōes, q̄ ab harmonia, & quę ab hominibus impoſitę ſunt, tūc geminata uirtute, naturali uidelicet & uolūtaria, nomē illud ad agendū redditur efficaciſſimum quoties debitis locis & tēporibus & ſolēnitate cū intētione exacta in materiā diſpoſitā, & à natura ſua ab illo patibilē fuerit prolatū. Sic legim⁹ Apud Philoſtratū, quod cū Romæ puella quæpā nuptiarū die mortua Apollonio oblata eſſet, cōtacta uirgine nomē eius accurate inq̄ſuit, quo cognito aliquod occultū pronūciaſſe, quo puella reuixerit. Erat etiā Romanis in ſacrorū ritu obſeruatio, ut cū urbē aliquā obſiderēt, ei⁹ propriū nomen, nomenq; illi⁹ numinis in cuius tutela eſſet urbs illa, diligenter exquirerēt: quibus cognitis carmine quodā tūc eius urbis tutelares deos euocarent, urbēq; ipſā habitantesq; deuouerēt, atq; ſic tandē abſentib⁹ diuis deuincerēt, ſicut canit Vergili⁹:

Exceſſere omnes, adytis ariſq; relictis,
Dii quibus imperium hoc ſteterat.

Carmē uero quo euocabantur numina hoſtesq; deuouebātur cū oppugnatiōe ciuitas cingeretur, qui noſſe uelit apd Liuiū & Macrobiū requirat: ſed & plura illorum narrat Serenus Samonicus in libris recōditorum.

Proprianomina rerum radijquidā ſunt.

De ſermonibus complexis, & carminibus, incantamentorumq; uirtutibus & aſtrictionibus. Cap. LXXI.

VLtra uerborū atq; nominū uirtutes alia quoq; maior uirtus reperitur in orationibus cōplexis à ueritate in eis cōtenta, q̄ maximam uim imprimēdi, immutādi, ligādi & ſtabiliēdi habet, adeo ut exagitata magis ſplendeat, impugnata magis firmetur & conſolidetur: q̄ ueritatis uirtus non eſt in uerbis ſimplicibus, ſed in enūciationibus, quibus aliquid affirmatur aut negatur, cuiuſmodi ſunt carmina, incantamenta, imprecationes, deprecatiōes, orationes, inuocatiōes, obteſtationes adiurationes, exorciſmata & huiuſmodi. In cōponendis itaq; carminibus & orōibus pro attrahēda ſtellę aut numinis alicuius uirtute, oportet diligēter

considerare quas in se quælibet stella continet uirtutes, effectus & operationes, atq; hæc carminibus inserere laudando, extollendo, ampliando, exornãdo, quæ solet stella huiusmodi afferre & influere, deprimendo & improbando quæ solet destruere & impedire, supplicando & obtestando pro eo quod cupimus adipisci, accusando & detestando id quod uolumus destrui & impediri, atq; ea ratione orationem carminis componere ornatam, elegãtem, ac per articulos certis competentibusq; numeris & proportionibus debite distinctam. Iubent præterea magi inuocandum & precandum per nomina eiusdem stellæ siue numinis, quibus tale carmen attinet, & per sua mirabilia siue miracula, per cursus suos & uias suas in sphæra sua, per lumen suum, per nobilitatem regni sui, per gratiam & claritatem quę in eo est, per fortes & mirabiles uirtutes suas, & per horum similia. Quemadmodum apud Apuleium Psyche precatur Cererem: Rogo te, inquiens, per frugiferam tuam dexterã constanter deprecor per lætiferas messium ceremonias, per tacita secreta cistarum, per famulorum tuorum draconum pinnata curricula, & glebæ Siculæ sulcamina, & currum rapacem, & terram tenacem, & illuminatarũ Proserpinę nuptiarum demeacula, & luminosarum filiæ inuentionum remeacula, & cætera quæ silentio tegit Eleusis, Attice sacrarium. Pręterea cum multiiugis stellarum nominibus, iubent nos etiam inuocare per nomina intelligentiarum ipsis stellis præsidentium, de quibus suo loco dicemus latius. Qui autem ampliora horũ exempla cupit, hymnos Orphei scrutetur, quibus nihil in magia naturali est efficacius, si illis debita harmonia cum omni attentione, cæteraq; circunstantiæ quas norunt sapientes, adhibitæ fuerint. Sed ad propositum nostrum reuertamur. Eiusmodi itaq; carmina apte atq; rite ad stellarũ normã cõposita, intellectu sensuq; plenissima, uehementi affectu opportune pronuntiata, tũm secundum eorum articulorũ numerum & proportionem, atq; secundum formam ex articulis resultantem unà, atq; per imaginationis impetum, uim maximam conspirant in incantante, atque subinde traiiciunt in rem incantatam ad illam ligandam aut dirigendam, quorsum affectus sermonesq; incantantis intenduntur. Instrumentũ uero ipsum incantantium, est spiritus quidam purissimus harmonicus, calens, spirans, uiuiens, motum, affectum, significatũ secum ferens, suis articulis compositus, præditus sensu, ratione deniq; conceptus: per huius itaq; spiritus qualitatem, per cœlestem eius similitudinem, præter ea quæ dicta sunt, etiam ex opportunitate tẽporis excellentissimas cœlitus concipiũt carmina uirtutes, multo quidẽ sublimiores & efficaciores, q̃ spiritus & uapores ex uiua uegetabili, ex herbis, radicibus, gũmis, aromatibus, suffitibus, & his similibus exhalantes. Atq; ideo solent Magi incantantes res simul afflare, & uerba carminis inhalare, seu uirtutem ipso spiritu inspirare, ut sic tota animæ uirtus dirigatur in rem incantatam ad suscipiendam dictam uirtutem dispositam. Atq; hic est notandum, quòd omnis oratio, & scriptura, & uerba,

Spiritus incantantiũ in strumentum

ſicut per conſuetos ſuos numeros & proportiones atq; formam conſuetos inducũt motus, ita etiam præter ſolitum ordinem & retrograde prolata aut ſcripta ad inſolitos mouent effectus.

De incantamentorum mirabili potentia. Cap. LXXII.

INcantationum itaq; ſiue carminum tantam ferunt eſſe potentiam, ut penè omnem naturam poſſe ſubuertere credantur, quẽ admodũ inquit Apuleius: Magico ſuſurramine amnes agiles reuerti, mare pigrum colligari, uẽtos unanimes expirari, ſolem inhiberi, lunam deſpumari, ſtellas euelli, diem tolli, noctem teneri. & de eiſdem canit Lucanus:

Ceſſauere uices rerum, dilataq; longa
Hæſit nocte dies, legi non paruit æther.
Torpuit, & præceps audito carmine mundus. & paulo ante:
Carmen Theſſalidum dura in præcordia fluxit,
Non ſatis adductus amor. & alibi:
Mens hauſti nulla ſanie polluta ueneni
Excantata perit. Item Vergilius in Damone:
Carmina uel cœlo poſſunt deducere lunam.
Carminibus Circe ſocios mutauit Vlyſſis.
Frigidus in pratis cantando rumpitur anguis, &:
Atq; ſatas alió uidi traducere meſſes.

Et Ouidius in, Sine titulo, inquit:

Carmine læſa Ceres ſterilem uaneſcit in herbam,
Deficiunt læſi carmine fontis aquæ.
Ilicibus glandes cantataq; uitibus uua
Decidit & nullo poma mouente fluunt.

Quæ ſi uera non eſſent, non tam arcte ſtatuta pœna legibus ſancitum eſſet contra eos qui fruges excantaſſent. Et Tibullus de quadam incantatrice ait:

Hanc ego de cœlo ducentem ſydera uidi,
Fluminis hæc rapidi carmine uertit iter.
Hæc cantu findiq; ſolum, manesq; ſepulchris
Elicit, & tepido deuocat oſſa rogo.
Cum libet hæc triſti depellit nubila cœlo,
Cum libet æſtiuo conuocat orbe niues.

De quibus omnibus uenefica illa ſe multum iactare uidetur apud Ouidium cum ait:

Cum uolui ripis ipſis mirantibus amnes
In fontes redire ſuos, concuſſaq; ſiſto,
Stantia concutio cantu frena, nubila pello,
Nubilaq; induco, uentos abigoq; uocoq;,
Vipereas rumpo uerbis & carmine fauces,

Viuaq; saxa sua conuulsaq; robora terra,
Et syluas moueo, iubeoq; tremiscere montes,
Et mugire solum, manesq; exire sepulchris,
Te quoq; luna traho.

Omnes præterea poëtæ canunt, & philosophi non negãt, posse carminibus miranda multa effici: ut pelli segetes, cogi fulmina uel impetrari, curari morbos & eiusmodi. Nam & Cato in re rustica cõtra bestiarum morbos quibusdam utebatur cantionibus, quæ adhuc in scriptis eius extant. Solomonem quoq; eiusmodi incãtationes calluisse, Iosephus testatur. Narrat quoq; Celsus Africanus iuxta Aegyptiorum doctrinam, humanũ corpus iuxta signorum zodiaci, facierum, numerum, per totidem scilicet triginta sex dæmones curari, quorum singuli propriam partem suscipiunt atq; tuentur, quorũ nomina patria uoce appellant, quibus inuocatis incantamẽtis suis uitiatas corporis partes sanitati restituunt.

DE uirtute scripturæ, & de imprecationibus & inscriptionibus faciendis. Cap. LXXIII.

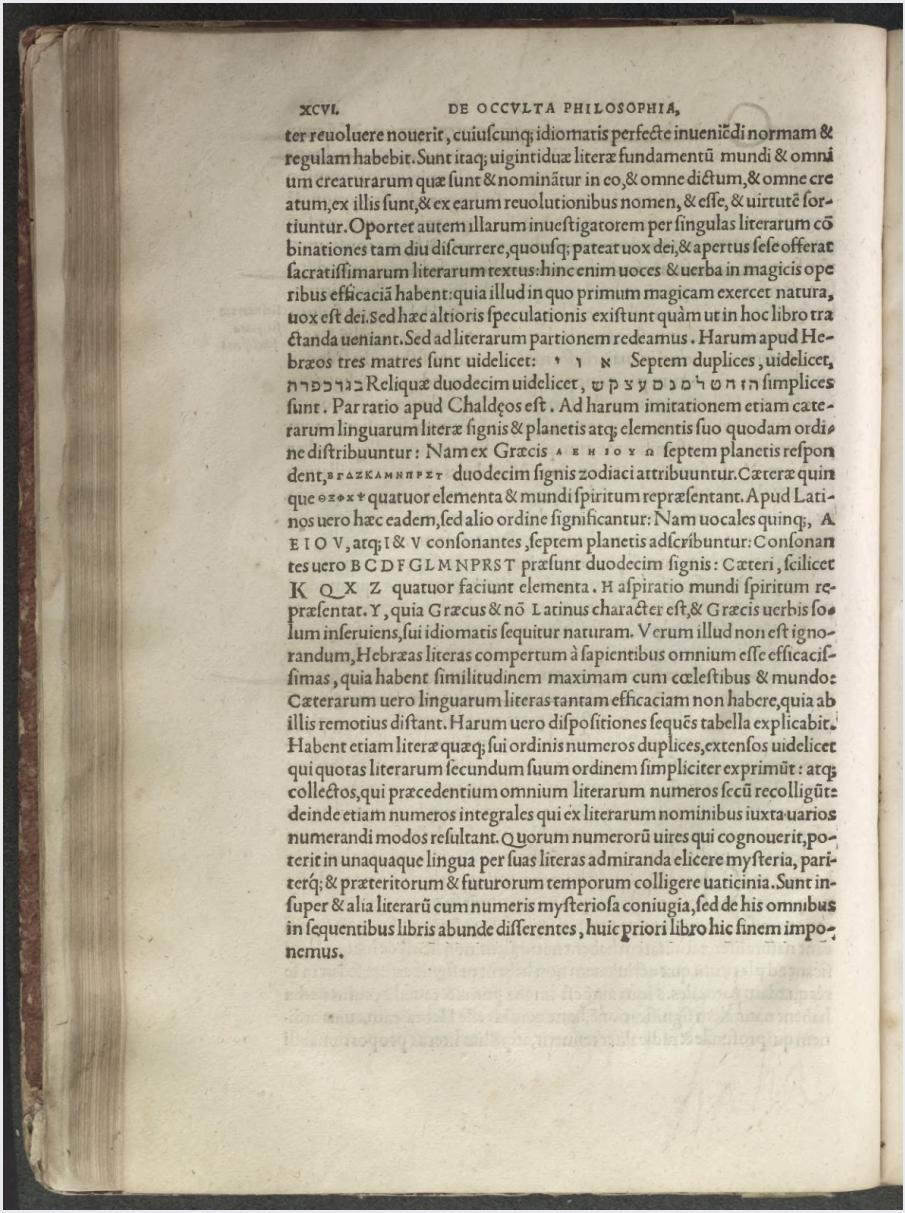
OFficium uerborum atq; sermonis est interiora mentis enũciare ac de penetralibus cogitationum secreta depromere, uoluntatemq; pandere loquentis. Scriptura autem ipsa ultima mentis expressio est, sermonis uocisq; numerus, collectio, status, finis, continentia & iteratio faciens habitum, qui unius uocis actu non perficitur. Et quicquid in mente, in uoce, in uerbo, in oratione, in sermone est, totum hoc, & omne etiam in scriptura est. Et sicut nihil quod mente concipitur, uoce non exprimitur: sic nihil quod exprimitur non etiam scribitur. Atq; ic circo iubent magi in quouis opere faciendas imprecationes & inscriptiões, quibus operãs suũ exprimat affectũ: ut si herbã colligat uel lapillũ, proferat ad quẽ usum id faciat: si fabricet imaginẽ, dicat & inscribat ad quẽ effectũ ea fiat, quas quidẽ imprecatiões & inscriptiões etiã Albertus in speculo suo nõ improbat: sine quibus opera nostra nõ deducerent in effectũ: siquidẽ dispositio non causat effectum, sed actus dispositiõis. Inuenimus quoq; idem præceptorũ genus antiquis in usu fuisse, quod uel ipse testat Vergilius ubi canit:

Terna tibi hęc primum triplici diuersa colore
Licia circundo, terq; hæc altaria circum
Effigiem duco. & paulo post:
Necte tribus nodis ternos Amarylli colores,
Necte Amarylli modo, & Veneris, dic, uincula necto. & ibidem:
Limus ut hic durescit, & hęc ut cæra liquescit
Vno eodemq; igni, sic nostro Daphnis amore.

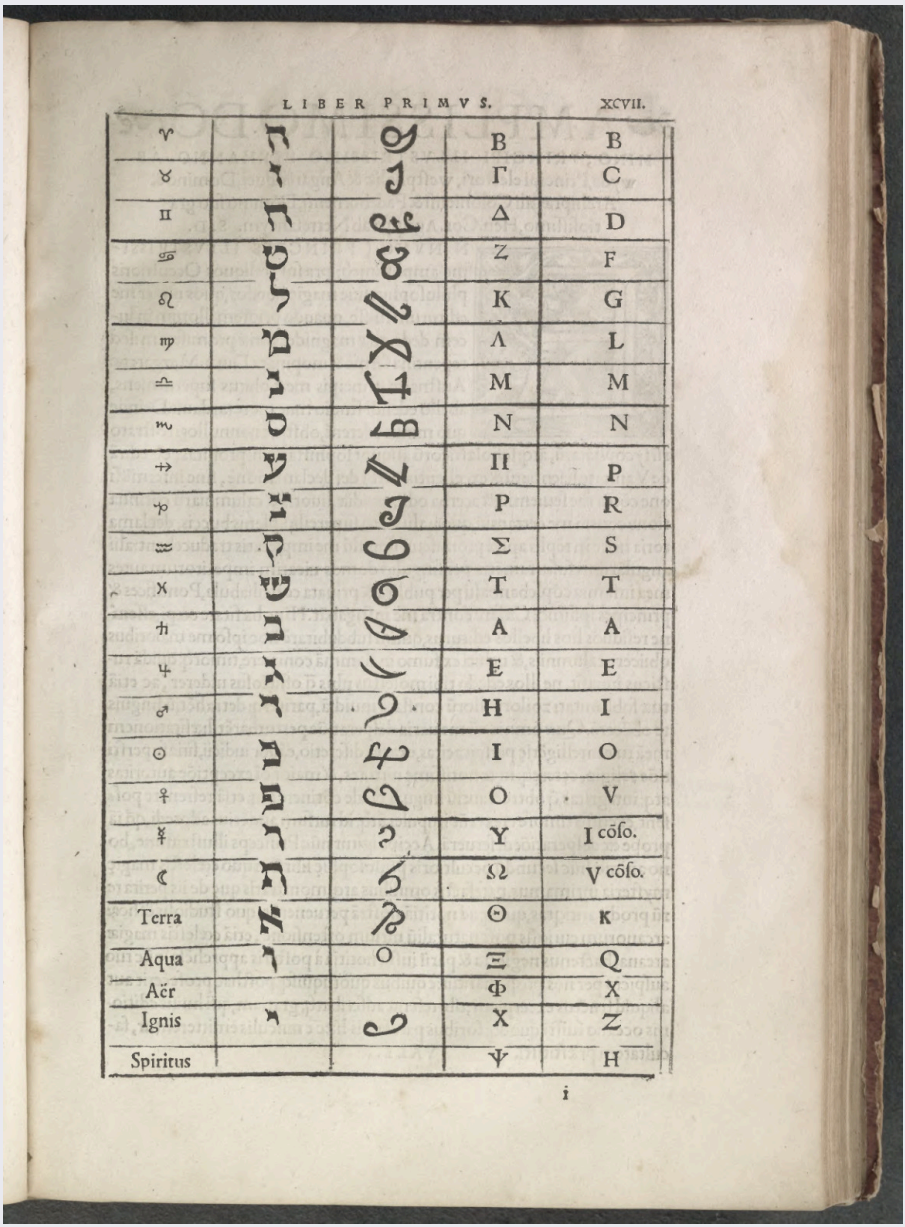
DE proportione, correspondẽtia, reductione literarum ad signa cœlestia & planetas secundum uarias linguas cum tabella hoc indicante. Caput LXXIIII.

DEdit deus homini mentem atq; ſermonem, quæ (ut ait Mercurius Triſmegiſtus) eiuſdē uirtutis, potētię, atq; immortalitatis præmium cenſentur. Sermonem uero hominum ipſe omnipotens deus ſua prouidētia in diuerſas linguas diuiſit: quæ quidē linguę iuxta ſuam diuerſitatem etiam diuerſos ac proprios receperunt ſcripturæ characteres, ſuo quodam certo ordine, numero & figura conſtantes, non fortuito, nec caſu, nec fragili hominum arbitrio, ſed diuinitus ſic diſpoſitos atq; formatos, quo cū cœleſtibus atq; ipſis diuinis corporibus uirtutibusq; cōſentiant. Præ omnibus uero linguarum notis Hebręorum ſcriptura omnium ſacratiſſima eſt in figuris characterum, punctis uocaliū & apicibus accentuum: ueluti in materia, forma & ſpiritu conſiſtens. In ſede dei, quod cœlum eſt, ſiderum poſitione primum exarata, ad quorum figuram, ut teſtantur Hebræorum magiſtri, ſunt formatæ ipſæ literæ myſteriorum cœleſtium pleniſſime cum per eorum figuram & formam ſignificata, tum per numeros in illis ſignificatos, tum per earūdem uariam colligantię harmoniam. Vnde ſecretiores Hebræorum Mecubales ex literarum illarum figura & characterū formis earūdemq; ſignatura, ſimplicitate, compoſitione, ſeparatione, tortuoſitate, directione, defectu, abundantia, maioritate, minoritate, coronatione, apertura, clauſura, ordine, tranſmutatione, colligantia, reuolutione literarum & punctorum & apicum, ac ſupputatione numerorum per literas ſignificatorum omnia explicare promittūt, quomodo à prima cauſa profecta ſunt, & rurſus in eandem reducibilia. Trifariam prętera partiūtur Hebręi alphabeti ſui literas, uidelicet in duodecim ſimplices, ſeptem duplices, & tres matres: quas tanquam characteres rerum ſignificare dicunt duodecim ſigna, ſeptem planetas, & tria elementa, uidelicet ignem, aquam, terram: nam aërem non elementum, ſed uelut elemētorum glutinū & ſpiritum habent. His etiam pūcta & apices coordinant. Sicut itaq; ex planetarum & ſignorum aſpectibus ſimul cum elemētis opifice ſpiritu & ueritate omnia producta ſunt & producūtur, ita ex his literarum characteribus & punctis illa producta ſignificantibus conſtituuntur rerum omnium nomina, ueluti ſacramenta quædam & uehicula rerum explicatarum, illarum eſſentiam & uires ubiq; ſecum ferentes. Horū profunda ſenſa & ſacramenta in characteribus illis illorumq; figuris, numeris, ſitu, ordine & reuolutiōe inhærent, ut Origenes iccirco exiſtimet ea nomina in aliud idioma traducta propriam uim minime retinere: quia non retineāt ſuam naturalem ſignificationem: ſola enim nomina primaria quæ ſunt recte impoſita, quia ſignificant naturaliter, actiuitatem habent naturalem: non ſic eſt de his quę ſignificant ad placitum, quæ actiuitatem non habent ut ſignificatiua, ſed ut in ſe res quædam naturales. Si qua autē eſt lingua ptima & cauſalis, cuius uerba habent naturalem ſignificationē, hanc conſtat eſſe Hebraicam, cuius ordinem qui profunde & radicaliter tenuerit, atq; illius literas proportionabili

Hebræorum ſcriptura ſanctiſſima

ter reuoluere nouerit, cuiuſcunq; idiomatis perfecte inueniẽdi normam & regulam habebit. Sunt itaq; uigintiduæ literæ fundamentũ mundi & omnium creaturarum quæ ſunt & nominãtur in eo, & omne dictum, & omne creatum, ex illis ſunt, & ex earum reuolutionibus nomen, & eſſe, & uirtutẽ ſortiuntur. Oportet autem illarum inueſtigatorem per ſingulas literarum cõbinationes tam diu diſcurrere, quouſq; pateat uox dei, & apertus ſeſe offerat ſacratiſſimarum literarum textus: hinc enim uoces & uerba in magicis operibus efficaciã habent: quia illud in quo primum magicam exercet natura, uox eſt dei. Sed hæc altioris ſpeculationis exiſtunt quàm ut in hoc libro tractanda ueniant. Sed ad literarum partionem redeamus. Harum apud Hebræos tres matres ſunt uidelicet: א ו י Septem duplices, uidelicet, בגדכפרת Reliquæ duodecim uidelicet, הזחטלמנסעצקש ſimplices ſunt. Par ratio apud Chaldęos eſt. Ad harum imitationem etiam cæterarum linguarum literæ ſignis & planetis atq; elementis ſuo quodam ordine diſtribuuntur: Nam ex Græcis Α Ε Η Ι Ο Υ Ω ſeptem planetis reſpondent, Β Γ Δ Ζ Κ Λ Μ Ν Π Ρ Σ Τ duodecim ſignis zodiaci attribuuntur. Cæteræ quinque Θ Φ Χ Ψ quatuor elementa & mundi ſpiritum repræſentant. Apud Latinos uero hæc eadem, ſed alio ordine ſignificantur: Nam uocales quinq;, A E I O V, atq; I & V conſonantes, ſeptem planetis adſcribuntur: Conſonantes uero B C D F G L M N P R S T præſunt duodecim ſignis: Cæteri, ſcilicet K Q X Z quatuor faciunt elementa. H aſpiratio mundi ſpiritum repræſentat. Y, quia Græcus & nõ Latinus character eſt, & Græcis uerbis ſolum inſeruiens, ſui idiomatis ſequitur naturam. Verum illud non eſt ignorandum, Hebræas literas compertum à ſapientibus omnium eſſe efficaciſſimas, quia habent ſimilitudinem maximam cum cœleſtibus & mundo: Cæterarum uero linguarum literas tantam efficaciam non habere, quia ab illis remotius diſtant. Harum uero diſpoſitiones ſequẽs tabella explicabit. Habent etiam literæ quæq; ſui ordinis numeros duplices, extenſos uidelicet qui quotas literarum ſecundum ſuum ordinem ſimpliciter exprimũt: atq; collectos, qui præcedentium omnium literarum numeros ſecũ recolligũt: deinde etiam numeros integrales qui ex literarum nominibus iuxta uarios numerandi modos reſultant. Quorum numerorũ uires qui cognouerit, poterit in unaquaque lingua per ſuas literas admiranda elicere myſteria, pariterq; & præteritorum & futurorum temporum colligere uaticinia. Sunt inſuper & alia literarũ cum numeris myſterioſa coniugia, ſed de his omnibus in ſequentibus libris abunde differentes, huic priori libro hic finem imponemus.

LIBER PRIMVS. XCVII.

♈			Β	B
♉			Γ	C
♊			Δ	D
♋			Ζ	F
♌			Κ	G
♍			Λ	L
♎			Μ	M
♏			Ν	N
♐			Π	P
♑			Ρ	R
♒			Σ	S
♓			Τ	T
☿			Α	A
☽			Ε	E
♂			Η	I
☉			Ι	O
♀			Ο	V
♃			Υ	I cõſo.
☾			Ω	V cõſo.
Terra			Θ	K
Aqua		○	Ξ	Q
Aër			Φ	X
Ignis	א		Χ	Z
Spiritus			Ψ	H

i